

Александр Шабанов

НАСЛЕДНИКИ. СКАЛА В ОКЕАНЕ

Тверь
2022

УДК
ББК 84(2)6
Ш

Глава 1 Земля Длинного Облака

Шабанов А.Ю.

Наследники. Скала в океане. Роман. Тверь.: Изд-во «Триада», 2022. – 400 с.: ил.

События приключенческого романа Александра Шабанова «Наследники. Скала в океане» разворачиваются в 1972 году, когда в Европе и Новом Свете набирало силу очередное (уже пятое по счёту!) кельтское Возрождение и многие христиане через волшебный кристалл ирландских традиций с надеждой смотрели в будущее своих стран.

ISBN

© А.Ю. Шабанов, автор, 2022
© Т.Е. Косач, иллюстрации, 2022
© И.Ю. Бодалёва, оригинал-макет, 2022

Ранний сентябрь в Тасмановом море завершает доброе новозеландское лето. На другой стороне Земли осень уже начала отмерять свои дни холодными дождями, а здесь как раз самое солнечное и мягкое время. Когда морская яхта входит в залив Милфорд Саунд, океанские бризы сердито обжигают лицо путешественника, но чем дальше корабль забирается между высоких зелёных скал, тем прохладнее и влажнее становится воздух. Запахи выброшенных на прибрежные камни водорослей, фантастических соцветий раулий, орхидей, ярко-красных бутонов дерева похутукава сгущаются, перемешиваются, и даже лёгкий ветерок на вкус чудится солоновато-терпким.

Сергей Наркисович Кайрин, сероглазый, светловолосый, среднего роста, крепкого сложения мужчина, которому недавно исполнилось сорок шесть, стоял на палубе большой морской яхты. Трое суток назад она покинула порт Сиднея и теперь благополучно входила в продолговатую подкову Милфорда.

Он был одет в джинсовую куртку, синюю с отложным воротником рубашку, льняные чёрные брюки и высокие, военного образца, ботинки. Заплечный английский рюкзак стоял у ног путешественника. Журналист австралийской газеты русских эмигрантов «Единение» ровно и глубоко вдыхал ароматы Земли Длинного Облака. Так называют свою страну маори, её коренные обитатели. Когда судно неспешно скользило по нежно-голубой глади залива, Кайрина поразил открывшийся между светло-сиреневых облаков вид на огромные, поросшие дождевыми лесами горы, вершины которых мерцали льдом и как будто раз-

дваивались под косыми солнечными стрелами. Облака набегали одно на другое, играя оттенками, и казалось, что льдистые пики начинают подсвечиваться изнутри, меняя ровный матовый свет утра на влажный глянец полудня. Величественная остроугольная вершина Митры рельефно отражалась в долгой, широкой дорожке залива, и глаз поражали кремовые дельфины, выпрыгивающие вверх, словно из ледяного нутра опрокинутого в Милфорд Саунд снежного пика. На каменных платформах, поднимавшихся подле береговых скал, Сергей Наркисович разглядел семейные пары огромных влажно лоснящихся тюленей с весело копошащимся потомством. Один крохотный островок, цвета густо потемневшей бронзы, занял выводок беспокойных пингвинов. Большие белобрюхие птицы поворотами чёрных голов проводили скользившую мимо яхту...

В минуты штиля легко удаётся наблюдать за меняющимся пейзажем, вспоминать сюжеты, никоим образом с ним не связанные. Кайрин давно заметил, как явственно среди размеренных дней путешествий воссоздаются картины прошлого, сколь причудливо, словно на полувздохе, они вырастают, обрываются, меняют цвет, приносят забытые запахи и послевкусия.

Он родился 14 марта 1926 года в Южной Финляндии. В ту весну его родители, Наркис Гаврилович и Мария Яковлевна, учителя петербургской гимназии, с ним и трёхлетней дочерью Тасей бежали из Советской России. Отец, узнав о загруженном под ватерлинию пароходе с русскими эмигрантами, часть из которых были философами, его кумирами, решил, что от нового террора нужно немедленно спасаться. Семья собрала малые пожитки и в болотистом районе местечка Париккала удачно перешла границу. Так начались скитания.

Из раннего детства Кайрин отчётливее всего помнил дороги да долгие пересадки на станциях, вокзалах, железнодорожных платформах Прибалтики и Европы. За-

паху мазута, костров перемешивались с цветочными летними, прелыми осенними ароматами привокзальных садов и убранных полей. Стук колёс, лязг цепляемых вагонов, резкие или протяжные свистки паровозов, вкус подсахаренного кипятка, яблок, слив, печёного хлеба не покрывались патиной впечатлений других, более поздних, лет. Особую часть в воспоминаниях занимали горы чемоданов. Составленные нелепыми пирамидами, уложенные на тележки носильщиков, передвигающиеся будто сами по себе, они колыхались в нарочитой угрозе рухнуть и придавить маленького человека.

Паровозы издавали резкие, призывные звуки, прятаться от которых не хотелось, а наоборот – при каждом новом свистке мальчик вытягивал шею, жадно оглядывался по сторонам, надеясь стать первым свидетелем перемен, последующих за пронзительным сигналом. На вокзалах он никогда не скучал. Наблюдал перронную суету, встречался взглядами с пассажирами проходящих составов. Одни с любопытством путешественника, готового уделить несколько секунд новому впечатлению, глядели на него из окон вагонов сверху вниз. Другие, которых всегда оказывалось куда больше, смотрели словно сквозь ребёнка, приветливо махавшего им рукой. Нескладный, в тёмно-сером линиялом пальто, чужих перешитых форменных военных брюках, стоптанных башмаках, чёрном берете, между нагромождениями баулов, ящиков и коробок, он казался им мимолётным фрагментом пейзажа, который нужно срочно покинуть.

На дымных перегонках можно было дождаться небольших гостинцев. Их приносили взрослые. Специально ничего никто не искал. Но когда отец отправлялся к дощатым навесам станционного рынка за папиросами или мать с сестрой в поисках различных мелочей спешили в крохотную скобяную лавку, появлялась щемящая надежда на получение подарка. Сюрпризом мог стать пирожок с повидлом, связка баранок, цветные карандаши или несколько, будто изнутри распираемых алой яростью, хрустких яблок.

Память лучше всего сохранила странное чувство движения разворачивающейся, набирающей скорости жизни, в которую был захвачен он сам и вся семья. Правильно ли всё происходило, целесообразно, со смыслом, по плану или случайно, – мальчику было неизвестно. В круговерти событий он радостно встречал каждый новый город, знакомился, не успевая подружиться, легко расставался и не ломал голову над сложными вопросами взрослых соседей по вокзальному перрону. Он путешествовал. Не перемещался из одного места в другое, а жил в путешествии. И когда уже в Сиднее отец сказал: «Теперь мы точно дома», ему показалось, что случилось нечто ужасное. Словно дороги,

придававшие смысл существованию, сошлись в единую точку, застыли перед невидимым тупиком. И теперь или придётся возвращаться обратно, двигать вспять, что казалось невообразимым, или замереть, ожидая урагана, мощной приливной волны, которая всё окончательно изменит. Но обошлось.

В Австралию Кайрины приплыли на пароходе. Еще в Токио мальчик заболел бронхитом и всю дорогу пролежал в маленькой душной каюте. Его знобило, бросало в липкий жар и сильно укачивало. Плавание он не запомнил, но было радостно выздоравливать, вдыхать запахи новой страны, разглядывать яркие звёзды неба южного полушария.

Потом были школа, сиднейский университет, недолгая спортивная карьера легкоатлета, два года промысла в австралийских крокодильих болотах, неудачный брак, пять лет учёбы в послевоенной Европе, год жизни на склонах Аннапурны в непальском монастыре, репортёрская работа для русских газет Южной Америки и наконец возвращение обратно в Сидней, под крышу «Единения».

Именно сюда, на редакционный стол, под самое Рождество 1971 года положили праздничную открытку, в которой крупным почерком сообщалось: «Любезный господин Кайрин, у меня есть для Вас послание. По соображениям безопасности отправить в Сидней его не рискну. Заберите, как только представится случай. Найти посылку можно так: дом в заливе Милфорд Саунд. Ориентиры: платан у входа в коттедж с голубыми воротами и рыжей черепичной крышей. На причале спросите, где живёт Келсмен. Там меня каждый зевака знает. В случае отсутствия служащих просто идите в сторону посёлка. Счастливого Рождества. Шон О'Хини». Обратный адрес указывал на Южный остров Новой Зеландии.

Нет ничего более захватывающего, чем получение послания из мест, чьё очарование обусловлено их фантастической затерянностью, легендарной славой и при-

тягивает магией мифов чужого наследия. А если это больше, чем письмо, скажем, бандероль или посылка, то интерес к содержимому вырастает во сто крат. И тогда адресат не находит себе места, не даёт покоя всем, кто хоть как-то связан с таинственной корреспонденцией, пока она не будет доставлена и вскрыта.

Хорошее слово для посылки – «вскрыта». Вероятно, так поступали древние гаруспики*. На жертвенных камнях они лихо рассекали надвое тело невинной птицы, чтобы цепким и жадным взглядом нырнуть в её карминовые горячие внутренности. Меняющийся цвет, форма и железистый запах остатков крови должны были странным мудрецам приоткрыть будущее человека, семьи или судьбы целого народа.

Письмо в бутылке, шкатулка с бумагами под половицей старого дома, капсула с рукописью романа, закопанная в прибалтийском саду, а то вдруг дневники, припрятанные в профессорском кабинете, – послания ничего не подозревающим адресатам. Но тщательно завёрнутая в непальскую рисовую бумагу тетрадь, которую затем плотно уложили на дно металлической коробки из-под сладостей и накрыли куском синего фетра; жестянка с надписью по-русски, сделанной от руки на её ребристой крышке, – поистине загадочная находка. Особенно если дело происходит в новозеландском местечке Милфорд Саунд. Добраться сюда можно только кораблём, лёгким гидропланом или петлями дорог Южного острова. В любом случае для начала адресат послания должен оказаться у берегов Новой Зеландии. Такое странное условие получения корреспонденции – вам её не отправляют, а сообщают о месте нахождения, прагматично рассудив: будет нужно – приедут.

Тетрадь – и есть послание для Кайрина. Но пока она лежит в коробке, которую не станут носить, как ковчег Завета или корзины Трипитаки, и которая лишь доспехи, панцирь, убежище, скрина, сохранившая копию древнего текста. Когда-то в ней лежали шотландские сладко-солёные конфеты. Их принято дарить детям на Рождество или в день первого причастия. Лакомство съели, а в пустую жестянку поместили историю, что, однажды начавшись, не собирается завершаться. Она одна из тех, которым суждено прорасти среди треволнений мира, забывшего про их существование.

В лёгком манёвре, выбрасывая из-под кормы белопенную дорожку, яхта, словно гимнаст, удачно совершивший головокружительный

* Гаруспик – жрец, гадавший по внутренностям жертвенных животных.

прыжок, вошла в бухту. Протравленные жгучим солнцем и разморённые корабельной усталостью матросы бросили канаты швартовых. Кайрин простился с капитаном, подхватил свою дорожную поклажу и, легко оттолкнувшись от сходней, спрыгнул на дощатый пирс. Никого из местных обитателей в этот полуденный час Сергей Наркисович не встретил. Быстро осмотревшись и определив направление, журналист зашагал по дороге, ведущей к дальним крышам посёлка. Миновав скелет проторенного ветрами и выхлестанного ливнями пакгауза, он свернул на плотно утоптанную тропинку, убегающую к южной оконечности залива, в сторону высоких зелёных скал. Проход между каменными теснинами напомнил ему отверзшееся пространство панциря огромной улитки, покинувшей своё убежище. Письмо указывало на коттедж с крышей, покрытой рыжей черепицей, воротами голубого цвета и огромным платаном у самого входа.

«Не слишком внятное описание, – размышлял Кайрин, – впрочем, для этих мест цвет крыши вполне может оказаться более надёжным ориентиром, чем скособоченный дорожный указатель».

Тропинка уже петляла с упрямством непальского шерпы. Журналист не спеша поднимался и даже в такт шагам начал сочинять стишок. Получалось приблизительно следующее: «В домике рыжего цвета живут развесёлые люди. / Не любят они марципаны, но любят зелёный сыр. / Им по сердцу дальние страны, волынки и барабаны, / Особенно если под вечер их всех созывают на пир».

Этому занятию его научил один старый валлийский следопыт. Пешком этот поток бардов обошёл не только родной Уэльс, но и весь западный Хайленд. Длинный и худой, всегда с всклокоченным снопом седых, как лианы переплетённых волос, бродяга наставлял: «Хочешь быстрее добраться в нужное место – придумай скороговорку, считалку, простенькую песенку. Помести её в ритм своего движения и не заметишь,

как окажешься в пункте назначения. Рифмы особой важности не имеют, смысл сойдёт и приблизительный. Главное, чтобы ноги, руки, голова – все вместе двигались к цели. Тогда идётся легче. Если не замечаешь мелочи путешествия, не запоминаешь маршрут и нет рядом спутника, то придумывай стишки. Очень помогает». Сам валлиец складывал лимерики. На родном у него получалось споро и весело. «Для русского языка более подходят считалки», – решил Кайрин.

Он должен был подняться к домам, где жили смотрители ветхого пирса и прочих незатейливых причальных построек Милфорда. Коренных маори в этих краях никогда не бывало. Кто захочет селиться среди огромных, навечно промокших от сгрудившихся облаков, измороси тёплых туманов и ливневых потоков скал? В такие места можно нырять в непромокаемых макинтошах шотландских горцев. Тоскующие по всему необычному, любители найти осколки идеального, взвешенного приплывали сюда на чёрно-дымящих кораблицах, как в первые дни творения мира. Приводнялись в брюхатых, насекомообразных гидропланах. Заходили под хлопающими парусами прогулочных яхт. Но долго не задерживались. С магией, родившейся в мире древнего порядка, мало кто уживается.

Крыша рыжей черепицы показалась внезапно. Порыв ветра с залива ворвался в сплетения ветвей платана; яркое солнце, разметав ломотья влажных полутеней, пробило занавесу листвы, и путешественник понял: он у цели.

К воротам дома был приделан своеобразный молоточек, ухватив за полированную ручку которого, нужно было стукнуть по притороченной тут же рядом густо-позеленевшей медной пластине. Кайрин решительно ударил. Звук получился громкий, резкий, как если бы начали звонить в старую рынду и оборвали бой сразу на первой склянке. Спустя минут пять из недр невидимого из-за деревьев и разросшихся клумб с рододендронами коттеджа вышел его обитатель. Бубня что-то невнятное, он повозился с внутренним засовом калитки и открыл боковую дверь. Перед журналистом стоял человек не просто высокого роста, а какой-то великан. О таких говорят: «Он высится среди толпы».

Впоследствии, если возникала необходимость описать внешность своего друга, Сергей Наркисович говорил: «Представьте, что вы стоите на пристани и в прощальном приветствии машете пассажирам отходя-

щего теплохода. Они сгрудились на палубе так, что по мере удаления судна человеческие фигуры сливаются в единую массу, но один из них, самый рослый, на две головы возвышается над всеми. Это и будет мой компаньон – ирландец Келсмен».

Но то позднее. В минуту самой же первой встречи Кайрин с интересом разглядывал потомка легендарных О'Хини, бежавших от костлявой пригоршни Великого голода к берегам Новой Зеландии. Тогда, в середине XIX столетия, жестокий мор опустошил города и обглодал даже остовы белых ирландских хуторов и деревень.

Сергею Наркисовичу казалось удивительным сочетание скандинавского роста с темной копной волос скорее испанца, чем потомка кельтов. На хозяине дома были надеты жёлтая, некогда модная, рубашка и широкие тёмно-серые брюки.

– Доброе утро! – журналист протянул великану руку. – Меня зовут Сергей Кайрин, можно Серж и на «ты», и я ищу Шона О'Хини.

– Приветствую! – ирландец радушно улыбался, сотрясая ладонь гостя. – Перед тобой тот самый Шон, и поскольку предки нашей семьи родом из Келлса, я предпочитаю именоваться Келсменом, человеком

из Келлса. Так проще, хотя Шон короче. Но знаешь, много всяких Шонов бродит по миру. Некоторые совершенно забыли свои корни, а ирландец всюду ирландец, пока помнит родной дом. У нас на острове больше волшебных стульев, чем во всей бывшей Британской империи. Ты, Серж, русский и понимаешь, о чём речь. Все ваши – большие патриоты. Проходи!

– Возможно, – несколько оторопевший от словоохотливости Шона-Келсмена, уклончиво ответил Кайрин, – а красиво здесь в Милфорд Саунде. Такие запахи!

Из множества ароматов, наполнявших густой тёплым воздух, он пытался вычленить наиболее знакомые. Но ни пальмы иикау, ни деревья каури ничего подходящего в памяти не воскрешали.

– Я люблю, если вдоволь света, зелени и воды, – не умолкал О'Хини, – настоящая жизнь – это когда тихо, солнечно и радостно. Зайдём в дом. Тебя принесло Бог знает откуда, а я даже чаю не успел предложить.

Они поднялись по крутым ступеням недавно подновлённого коттеджа и вошли на открытую веранду, где стоял высокий круглый стол в компании пяти лёгких плетёных стульев. Ирландец принёс чашки, в старинном фарфоровом чайнике заварил две столовые ложки травы, которую с гордостью назвал «Граф высокогорья». Спустя несколько минут, пока Кайрин с любопытством разглядывал жилище нового приятеля, на подставке посередине обеденного стола разместилась сковорода, наполненная картофельными оладьями боксти, появилась тарелка с белым овечьим сыром, выросла вазочка тёмно-жёлтого мёда манука, корзинка с ломтями содового хлеба и деревянная плошка с крупными плодами киви.

– Угощайся, – Келсмен разлил душистый напиток, придвинул гостю сковородку, а сам, решительно разломив хлеб, положил на него ломтик

сыра, обильно полив сэндвич мёдом. Затем откусил и неторопливо прожевал. Сделав большой глоток чая, он поднялся и, широко обводя рукой с зажатым в кулаке лакомством панораму залива, продолжил:

– Здесь много речушек, бесчисленное количество ручьёв, мелких ручейков и две полноводные реки: Кледдо и Артур. Название им дали валлийцы. Те самые, что открыли Милфорд. Кледдо так названа в честь одноименной реки из Пембрукшира, на западе Уэльса, в переводе с кельтского буквально означает «меч воина». А вторая, как не сложно догадаться, имеет отношение к самому лучшему герою тех мест: Артуру – вечному королю Старого Света. Про здешние водопады я готов рассказывать бесконечно. Их сотни, если не тысячи. Некоторые даже не успевают сбрасывать все свои воды в залив. Есть такие, которые вообще бьют вверх. Водопадам положено падать, но ветер иногда у самой кромки обрыва подкарауливает водяной столб и швыряет его к небу с такой чудовищной силой, что только оторопь берёт. Из шкафа моей школьной памяти выпадает библейская цитата: «Море увидело Израиль, покидающий Египет, и отступило, Иордан же потёк вспять». Мы на приходе наизусть учили псалмы. Кое-что так в голове и застряло.

– А водопады, которые я видел на подходе к Милфорду, у них кельтская или библейская история? – стараясь не казаться ироничным, поинтересовался Сергей Наркисович.

– Нет, здесь как раз всё просто, – Шон благодушно улыбался, – пробуй боксти – сам жарил. Наши оладьи лучше полить яблочным повидлом или мёдом, впрочем, они и так недурны. Ты видел гигантов. Первый – это водопад Стирлинга. Назван в память о вице-адмирале Фредерике Генри Стирлинге. Бравый был вояка, воевал в Крыму, командовал Австралийской эскадрилей, которая присматривала за всеми южными морскими путями от Антарктиды до Африки. Второй – водопад Леди Боуэн. В прошлом веке жил такой новозеландский губернатор Джордж Боуэн, родом из Ирландии. Донеголец, протестант. Не знаю всей его истории, но водопад назвали в честь его пятой супруги Диамантины. Представляешь, у парня пятая жена! Никак губернатор не мог угомониться, – выразительно округлил глаза и смешно надул щёки Келсмен.

– Бывает, – усмехнулся в ответ Кайрин, – средневековая Россия знала царя Ивана, большого любителя супружеских дел.

– Ах, да, – О’Хини подливал чай, – ты же русский. Вам не привыкать ко всяким странностям. Леди Боуэн слыла очень красивой женщиной. Водопаду называться в её честь вполне подходит. Да ты ешь, пока всё горячее.

Кайрин послушно положил в тарелку пять картофельных оладий и под одобряющее поддакивание ирландца водрузил на них сначала ложку повидла, а после два катышка слегка засахарившегося мёда. Тщательно распределил янтарную кашу яблочного джема на двух румяных овалах. Третий, с медовой начинкой, был свёрнут в трубочку и осторожно отправлен Сергеем Наркисовичем в рот. От удовольствия Кайрин даже зажмурился. Он любил странные гастрономические сочетания, нюансы вкуса, неожиданно трепещущие на языке и способные внезапно менять даже самое дурное настроение. Глоток горячего чая добавил мягкую горчинку неизвестных трав и ромовую терпкость. Спросить о рецепте напитка журналист не успел. С раздражённым покрякиванием в дальний угол веранды не приземлилась, а как-то звучно хлопнулась большая птица с пустой консервной банкой в лапах. Она внимательно посмотрела на людей.

– Какой огромный попугай! Из местных вождей? – предположил обескураженный внезапным вторжением Кайрин. – Такое впечатление, что он прикидывает, сколько боксти мы сейчас прикончим. Зачем ему мусорная железка?

– Знакомься: это Бран, – ирландец улыбнулся и помахал визитёру, – назойливый здешний приятель. Попугай из племени кеа. Очень общительная натура. С повадками бармена, вечно недовольного скупыми посетителями. Бран предпочитает стучать каменным клювом во всё, более-менее напоминающее еду. Он вороват, таскает чужое, но умеет слушать мою болтовню, не задавая глупых вопросов, что особенно ценно в местечке, где триста дней в году хлещет ливень, а в остальное время с лиан на голову струятся нескончаемые потоки воды. Тебе, кстати, повезло. Уже вторые сутки припекает солнце. Говорят, что капитан Кук, который огибал Южный остров, перепугавшись стены крошечного ливня, не сунулся вглубь залива. Ребята из Уэльса к дождям привычные, в Милфорд зашли. Я имею в виду капитанов Джона Гроно и Джона Лорт Стоукса. Первый оказался в здешних водах где-то в 1812-м, а второй лет через сорок. Оба Джона валлийцы. И, кажется, китобой Гроно назвал эти места в честь своего родного Милфорд Хейвена в Пембрукшире. Там как раз Кледдо и протекает. Забавно. Можно представить, что мшистый Уэльс вознёсся на небеса, а затем плавно опустился в Новую Зеландию. Кстати, тебе наверняка попадались семьи пингвинов. Они любят греться в отрогах скал, на больших плоских валунах, около самой горловины залива. Так вот пингвин – птица кельтская. В том смысле, что его название происходит от древнего уэльского слова, обозначающего «большая гагара с чёрной головой». Среди матросов Кука были шот-

ландцы и валлийцы. Кто-то из членов команды первым увидел этих существ и так удачно их обозвал.

– Но этот попугай точно местный, – Кайрин зачерпнул из корзинки с хлебом большой светло-коричневый ломоть и бросил птице, внимательно наблюдавшей за незнакомцем. Никакого впечатления на пернатого гостя подачка не произвела. Попугай не шелохнулся.

– У Брана великолепные мозги, но скверный характер и особая логика отношений с людьми, – сказал ирландец, – добиваться своего громким скандалом и шантажом эти птицы, вероятно, научились от нас. А содовый хлеб ему не нравится. Яблоко сойдёт. Больше всего они любят долбить по крыше автомобиля или копать в чужих вещах. Если попробовать их отогнать, кеа орут так, словно грабители накинлись на их имущество.

Оливково-серый Бран внимательно прислушивался к голосу О’Хини. Его тяжёлый, огромный клюв как будто раскачивал и пригибал к настилу веранды глянцевою голову, а подбрюшные перья цвета кардинальской мантии нагло топорщились из-под маленьких крыльев птицы.

– Кеа – плохие летуны, – доверительно продолжал Шон, – на их роде проклятье. Такое временем не стереть. Они потомки легендарного Пиопиотахи, «одинокого пиопио», которого некоторые по ошибке считают дроздом.

– На дрозда Бран не похож, – Сергей Наркисович отставил опустошённую тарелку боксти и продолжил потягивать «Графа высокогорья», – кому в голову пришло проклясть безобидного попугая?

– Богам Великой Гавайки, если такие когда-то существовали, – голос Келсмена стал глуше, словно в его гортанный кельтский речитатив бросили пригоршню муки, – впрочем, попугай сам виноват. Кому нравится предатель? Не враг, которого даже если боишься, то не теряешь бдительности, а свой добрый друг. Это из местных легенд о Мауи. Слышал про наших героев?

– Что-то краем уха. По-моему, полинезийская или таитянская история. Расскажи, пока есть время.

– Я очень коротко. Самую суть.

Было видно, что Келсмен обрадовался. Сдвинул тарелки на край стола, зычно откашлялся. Кеа по имени Бран, приветствуя двухметрового оратора, трижды ударил по пустой банке и заворчал.

– Этот Мауи был настоящим суперменом, – начал ирландец, – разве что не летал. Его родители оказались смертными и рано уплыли в Небесную Гавайку. Хотя, по другим данным, ребёнок вышел на свет Божий из морской раковины или даже менгира. Как бы то ни было, мальчишку воспитывали лесные духи. Кормили его волшебными фруктами, купали в подземных источниках, заваривали целебные травы вроде моего «Графа» и учили всему таинственному с упором на практическое применение знаний. Когда Мауи вырос, то выбрался под солнце и начал активно участвовать во всех делах мироздания. Он мог приказать светилу растянуть время обычных суток, из бездн океана специальной удочкой вылавливал острова. Расселял на них людей. Чтобы народы не умерли с голодухи, принёс им огонь, кокосы, научил всяким полезным ремёслам, гигиене, подарил курицу, поросят и подружил с собакой. Сражался наш герой со всякими монстрами, причём побеждал не столько силой, сколько хитростью и смекалкой. Такой полинезийский Геракл. И сердце у Мауи было добрым, сострадательным. Он видел, как люди умирают, и решил добыть им бессмертие, секрет которого хранила одна старая отвратительная богиня – Хозяйка моря. Мауи вместе со своим другом, птичкой пиопио, отправился к этой бесноватой. По одной версии, они прибыли именно сюда, в Милфорд. По другой – на Таити. Задача оказалась рискованной. Нужно было пробраться в глотку к старухе и где-то в глубинах её внутренностей отыскать элемент бессмертия. Они с пиопио и другими птахами нашли богиню спящей. Рот у Хозяйки моря был огромный и настезь распахнутый. Мауи решительно в него и нырнул. Все птицы от ужаса замерли, а пиопио разобрал дурацкий смех. Не со злости, конечно, смеялся – скорее от страха. Нервический такой хохоток бывает. Богиня внезапно проснулась, лязгнула зубами, слотнула лёгкую добычу. Так герой наш пропал, а птица навек загоревала и осталась здесь в заливе оплакивать свой грех, совсем как монах-отшельник. По подобным историям нужно мультфильмы снимать. Очень красиво и поучительно.

– Когда-нибудь снимут, – Кайрин внимательно рассматривал Брана. – Твой приятель-попугай вполне мог рассмеяться в самый неподходящий момент. Вид у него соответствующий.

– Да, – ирландец согласился, – кеа иногда называют «лесными клоунами». А вообще, мы здесь живём, обвыклись, но очарование Милфорда не перестаёт меня покорять. Пряные, особенно летом, в нашем январе запахи и вода: та, что бежит гор, – живая, а другая, в заливе – кораническая.

– Какая, прости? – Кайрин подумал, что ослышался. – Ты назвал её «коранической» или мне показалось?

– Нисколько, – собеседник задумчиво посмотрел на мерцающую за ветвями деревьев чашу залива и продолжил: – Воды здесь подобные тем, что описывал пророк ислама по имени Магомед, или Мухаммед. Не уверен, что его, как в Иерусалим, сюда доставило волшебное существо Бурак, но многое похоже на правду.

– Никогда не думал, – Кайрин осторожно подбирает слова, – о возможном появлении основателя Ислама в этих краях. Но не удивлюсь, если в твоих предположениях проблёскивает здравый смысл.

– Не знаю, что там в них проблёскивает, суди сам. Здесь в Милфордском заливе, как и у пророка, вода разделена на две части. Одна сладкая, пресная. Другая горькая, то есть солёная. Они решительно не смешиваются. Сладкая вверху, горькая ниже. Коран пророка об этом пусть вскользь, но сообщает.

– Невероятно! – Кайрин не скрывал всё более возрастающий интерес. – Я слышал, что где-то в районе Красного моря бывают схожие странности.

– Хочешь, сядем в лодку, пройдем немного по заливу, и ты сам убедишься: верхний слой воды будет сладковато-пресный, а под ним океанская соленая водичка.

– Любопытно. Но какое-то рациональное объяснение этому наверняка существует?

– При желании можно многое истолковать. Я читал, что английские умники даже изгнание змей из Ирландии святым Патриком объяснили климатическими катаклизмами и особыми свойствами освящённого мха. Но здесь, уверяю, не обошлось без вмешательства таинственных сил. Хотя, говорят, дело в обилии тропических дождей, которых выпадает в этих краях столько, что пресная вода как одеяло просто ложится поверх океанической.

– А рыбы? Им-то наверняка всё равно.

– Тут я затрудняюсь ответить, – протяжно вздохнул Келсмен. – Не проверял. Ловим верхних и нижних. Морские звёзды пресную воду не любят и все жмутся ко дну. А вот морские уточки, наоборот, всплывают к поверхности. Поймаешь и – сразу в суп. Чудесное лакомство. Теперь о Патрике. У меня есть идея: святой бывал здесь раньше Мухаммеда.

Кайрин пытливно пригляделся к ирландцу. Этот верзила, который поначалу показался ему грубоватым и не особенно сообразительным, продолжал удивлять лёгкостью сближения понятий, требовавших, как предполагал Сергей Наркисович, широты взглядов, внутренней свободы и некоторой безалаберности.

– С чего такая уверенность?

– Представь себе, – с напористостью первооткрывателя, испытывающего бинокль небывалой оптики, затараторил Шон, – змей в Ирландии нет, потому как наш святой их выгнал. Нет этих тварей и в Новой Зеландии, которая была предназначена для переселения ирландцев. Так? Теперь смотри дальше. Рядом с Зелёным Островом расположена Англия, в которой ядовитых и шипящих существ предостаточно, и настоящему кельту там неуютно. А здесь, не слишком уж и далеко от Земли Длинного Облака, находится Австралия, просто кишущая змеями. Всё совпадает. Меня учил дед: если молишься, то количество совпадений и чудесных случайностей растёт непрерывно. Перестаёшь молиться – всё разваливается: ни совпадений, ни знаков свыше. Причём Патрик изгнал пресмыкающихся лично. У Господа он просил по другому поводу, о вещах куда более существенных.

– У святого, если ничего не путаю, было три просьбы к Всевышнему? – уточнил Кайрин.

– Точно, три. Может, и больше, но про эти знает любой ирландец. Он молил о прощении каждого кельта, который искренне покается в своих грехах, ещё о том, чтобы мы никогда не попали под власть язычников, святотатцев или варваров, и про то, чтоб за семь лет до Судного дня весь остров сокрыли воды Великого потопа. Ни много ни мало! Первые две понятны, я здесь совершенно с Патриком солидарен, но вот третья, как говорится, покоя не даёт. Зачем столько хорошего народа топить почём зря? Ведь если ангелы возвестят нам про грядущий гнев Божий, мы поспеем погрузиться в лодки и дружно отплывём к островам святых в Океане. Я в детстве разучивал «Крик Оленья». Это такой гимн, который будто бы сам Патрик написал. Может, так дело и обстояло, но в стихах всё весело, светло и так по-ирландски несколько бесшабашно: «Я иду в этот день с Богом, со Святой Троицей, хэй-хэй! – Келсмен почти запел. – Христос надо мной, впереди меня, справа и слева... хэй-хэй». – И далее в этом духе. С подобным настроением уходить на дно Атлантики совершенно не пристало. Мы, конечно, мало что помним, а если и не забыли, то не всё понимаем из давних сохранившихся традиций. К примеру, когда я вижу рядом с фермерским домом перевернутую лодку, то думаю: «А вдруг она не по лености хозяина здесь лежит, а как осторожный намёк на возможное бегство в потопный день?» Видишь, я хоть и живу здесь, но душа достигнута Ирландией.

– Понятно, – Кайрин решил свернуть с наметившейся темы кельтского спасения и вернуться к «водам кораническим». – Так учение пророка в руки тебе попало случайно или это часть штудирования религий?

– Скажешь тоже! – Келсмен смущённо улыбался. – Какие там штуки... Для меня религия – область приблизительных знаний. Как рисунки, сделанные китайской тушью. Держишь такие, пристально вглядываешься, всё кажется детально, отчётливо и тонко изображено, а сам чувствуешь условность и предположительность. Коран давно лежал на полке. Я всё никак не мог собраться и почитать. Только перелистывал. Текст набран плотно, мелковат, а рисунков нет, один орнамент. А тут вдруг по радио журналист начал рассказывать про Исламскую конференцию, о халифате, хадже и прочих вещах. Стало интересно. Решил изучить. На всякий случай. Но об этом после. То, ради чего ты приплыл, находится в семидесяти милях отсюда. Давай закончим наш завтрак, я сяду за руль авто, и к вечеру, надеюсь, доберёмся до старого семейного гнезда. Местечко называется Те-Анау-Даунс. Пока в пятьдесят третьем не построили тоннель Хомера, мы жили там. Пять лет назад я поселился в Милфорде и теперь работаю на пристани.

Через полчаса новые друзья уже мчались по хорошо укатанной грунтовке на стареньком пыльном джипе. Минуя скалистые отроги гор, ущелья, откуда слышен был шум водопадов, непроглядные завер-

ти и искорками мелькавшие заросшие лесные озерца, они довольно долго ехали в западном направлении.

Небо расширялось в голубую высоту, когда их автомобиль свернул с дороги и по еле заметной колее через колючие заросли продрался к песчаному пляжу. Солнце уже высоко застыло над океаном. Нужно было передохнуть. Сергей Наркисович перемахнул через борт машины. Ему показалось, будто набегающие на белый песок волны какой-то особой длины. Тёмно-зелёного цвета, почти лишённые оборок морской пены, они не шли, как бывает, внахлест одна за другой, но поднимались из глубин широким фронтом, обрушивались на вогнутые отмели и, громко шелестя, отползали обратно.

Прикрыв лоб козырьком ладони, Кайрин пытался поднять глаза к солнцу. Ему припомнилась фраза Ларошфуко: «Нельзя смотреть на смерть и солнце открытым взглядом». Пояснений не было, хотя всегда хотелось разгадать, в чём должна была проявляться схожесть ощущений: мерцание смерти и сияние солнца. Здесь, в Новой Зеландии, свет солнца был каким-то особенно резким. Южные широты, влажное и тёплое дыхание океана, ледники на горных пиках земли маори только преломляли, но в отличие, скажем, от Уэльса или Шотландии, не скрадывали, а наоборот, усиливали его яркость. Солнце не обжигало, как в Африке или Палестине, оно «ярилось». Сергей Наркисович припомнил это старое русское слово, улыбнулся и начал осматриваться вокруг.

Пляж показался пустым, но, приглядевшись, шагах в трёхстах среди песчаных дюн он различил нечто темно-серого цвета. Возвращаться за биноклем в автомобиль, где остался подремать ирландец, журналист не стал, решил не спеша пройтись. Сбросил тяжёлые ботинки, до колен засучил брюки, поглубже нахлобучил походную круглую выцветшую шляпу и медленно побрёл в сторону замеченного объекта.

Он шёл, и ноги приятно погружались в тёплый мокрый песок. Если метра на полтора отступал от кромки набегавшей воды, то стопы обжигало, и тогда между заливной волной и раскаляющейся дорожкой ему приходилось прокладывать промежуточный маршрут. Через пять минут стало ещё жарче. Он снял рубашку. Океан словно ждал от гостя таких действий, и внезапно поднятая ветром взвесь солёных брызг с головы до ног обдала путешественника.

Кайрин замер, глубоко вдохнул и почувствовал, как отступает ночная усталость. Ещё раз попробовал посмотреть на солнце, но ничего не получалось. Свет был нестерпим. Переведя взгляд на цель своей прогулки, он изумился. Показалось – сама картинка пляжа плывёт или то, что поначалу мерещилось серым бесформенным нагроможде-

нием, ожило. Приблизившись ещё шагов на сто, журналист разглядел огромного тюленя. Лоснящийся темным восковым отливом великан выбрался на берег погреться и теперь не может вернуться обратно.

– Надо же, – обратился к животному Сергей Наркисович – ты тоже ищешь тепла и покоя, но нам обоим нужна свобода. Возможность нырять и право возвращаться, куда захочет душа. Потерпи, скоро нахлынет сильная волна и тебя подхватит океан. У него так всегда. Надо только подождать.

Глава 2 Завещание Друзей Божьих

Джип Келсмена натужно рычал на подъёмах грунтовки, дробно подпрыгивая в ямах внезапных виражей и пологих спусков. От океана дорога долго петляла между перелесками камахи, затем поднялась на склон холма, нырнула к заросшему по рваным краям палевыми пучками тэссоки каньону и наконец, прорвавшись сквозь высокие заросли цветущих кустов мануки, вывела новых друзей на тисовую аллею, упирающуюся в дом О'Хини.

Кроны давно высаженного и теперь невероятно разросшегося валлийского тиса упруго переплелись, образуя над нетронутой колеёй причудливый свод. Солнце под этим живым потолком слепо силилось рассеять сумрак, и казалось, что автомобиль въехал в часы сиреневого вечера, счастливо пропустив горячие наплывы утасяющего дня. Высокие, но словно скрючившиеся ко второй половине жизни, бельшмидии со всех сторон наступали на двойной тисовый редут. Лианы, трава, мхи стелились по земле, напозлали на мозаично покрытые цветами красной раты стволы деревьев, скручивались в собственной вязи, придавая картине фантастический оттенок. Аллея будто сдерживала незаметно подкраившийся к дому вековой лес.

– Смотри, – гордо сказал Келсмен, – перед нами живая изгородь, охраняющая бастион фейри и лепреконов.

Он заглушил двигатель, распахнул дверцу и, выбравшись из тесного автомобиля, продолжил:

– Когда прадед переехал сюда из Данидина, то прихватил с собой не только ящик инструментов, но мешок всяких семян и саженцы Ста-

рого Света. Предки хотели, чтобы вокруг было как можно больше знаков прежнего мира. Тис растёт медленно, да только здесь неожиданно прижился и вон как вымахал.

– Сплошные дебри, как говорят в России, – Сергей Наркисович с интересом осматривался вокруг.

– Что это значит? – Шон вынул из багажника рюкзак гостя и свой потёртый, на одной кожаной ляжке, дорожный мешок.

– Непроходимое место, – ответил журналист.

– И много у вас таких?

– Половина страны. Но это неважно. Ко всему привыкаешь. Расскажи, как здесь жили твои родичи? Чем занимались?

– Разное бывало, – прищурился Келсмен, словно пытаясь сквозь тисовый орнамент разглядеть отпечатки давних событий. – Мои предки уехали из Ирландии, но в Керри оставалось ещё много О’Хини, с которыми исправно переписывались прабабки. От них к нам доходили разные истории. Почта для ирландца, как церковь: всегда ждём чуда или беды. Прадед, Фергал О’Хини, был портным. Настоящим ирландским закройщиком. Мог пошить костюм, платье, куртку, штаны, заштопать парус. И разводил восхитительные рододендроны – лучше моих будут. Но я его почти не помню. Когда Бог прибрал старика, дед меня с братом привел в его комнату, показал на сложенные в углу вещи и печально так сказал: «Внуки, наш достопочтенный пращур после себя оставил только фетровую шляпу, инструменты и немного портняжного материала. А вы, чую, по его стопам не пойдёте. Поэтому в назидание повторю любимую присказку нашего Фергала: «Смерть похожа на закройщика. Только не ты к ней на примерку приходишь, а она к тебе. Когда ей приспичит... Любит своё дело совершать глубокой ночью, пока ничего не подозревающий клиент спит. Заявится и на глазок снимет размеры. Потом затаится в укромном месте. Не видно её, не слышно. Человек живёт дальше, но костюм или платье без устали шьётся». Такой был мудрец.

А вот дед, Киллиан О’Хини, искатель приключений, мастер на всякие выдумки, после Пасхального восстания¹ шестнадцатого года уплыл на родину, о которой больше слышал легенды и сказки, чем знал правду. Пытался там обосноваться, путешествовал по стране, плавал на Араны, поднимался к Внешним Гебридам, пас овец на Льюисе, но в конце концов вернулся обратно, сюда в Крайстчёрч. Как многие из старых ирландцев, старик искренне верил, что цель их освобождённой и гордой земли – сделать мир по-настоящему христианским. Уютным, справедливым и прекрасным. Без богатых и бедных, без войн и катаклизмов. Остров святых мог стать отблеском рая.

Любил повторять: «Ирландия счастлива! Её мечты – сердце мира». Красиво?

– Очень. Я бы сказал поэтично, – согласился журналист. – Но почему Киллиан решил вручить пакет именно мне?

– Дело обстоит несколько иначе. Зайдём в дом, – Келсмен пропустил Кайрина вперёд. – Дед завещал передать коробку «кому-нибудь из русских Кайриных» – его слова. Мой папаня, Лиам, человек добрый, но рассеянный, закинул посылку на антресоли и вспомнил о ней лишь за год до своей кончины. Показал мне, где лежит жестянка с посланием, и сказал: «При случае разыщи этих русских парней, только сам в Россию не суйся». Я всё откладывал, не торопился, пока вдруг не увидел твоё имя в австралийской газете. Кто-то на пристани Милфорда оставил пачку деловых бумаг и несколько номеров Sydney Morning Herald. «Бог, – пришло мне в голову, – отправил весточку птичкой совпадений». Представляешь, как бывает безо всякого волшебства?

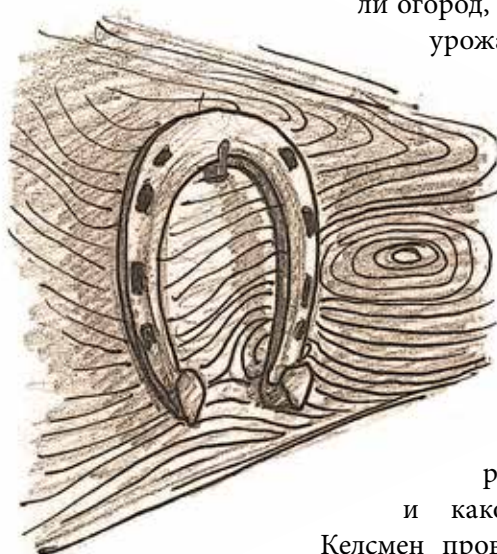
– Пытаюсь, – Сергей Наркисович кивнул, – так что было в газете?

– Ничего особенного. Всякая политика, спорт, реклама. Но в разделе новостей прочитал: «Русский репортёр Кайрин исследует крокодилы болота» или что-то в подобном духе. Сразу понял, что ты из тех сумасшедших, чьи родственники могли водить дружбу с моим дедом, а послание, вероятно, тебе. Решил отыскать. Теперь мы в Те-Анау-Даунс. Добро пожаловать!

Они прошли до конца всю аллею и ступили на давно не кошенную лужайку. Кайрин остановился и внимательно осмотрелся. Перед ним, словно из зелёной расступившейся во все стороны гигантской клумбы, вырос двухэтажный дом. Ярко-жёлтые хорды песчаных тропинок соединяли окружность участка, отсекая цветочные кусты от аккуратных альпийских горок, кустистых зарослей крыжовника и плотной цепи яблонь. Родовое гнездо О’Хини впечатляло. Казалось, строители хотели возвести маленькую крепость, в которой надёжность сочеталась с изяществом и практичностью. Окна первого этажа поднимались высоко от земли, были вытянуты и закрывались наружными жалюзи. Двускатную крышу покрывал свежий сосновый гонт, стены недавно обновили светло-коричневой краской, а полоска фундамента белела молочным изгибом.

– Чудесный дом, люблю такие убежища! – воскликнул Сергей Наркисович.

– Проходи, Серж, – довольный похвалой ирландец открыл замок, толкнул массивную дверь, над которой красовалась большая выкрашенная серебрянкой подкова, – милости прошу! Первый этаж соорудили в прошлом веке. Дед построил второй. Бабушка и мать разводили

ли огород, ухаживали за садом. У нас всегда свой урожай яблок, груш и даже персиков. А вот отец рыбачил. Он любил семью, и тихий кров всегда был полон его весёлой душой. Царство ему Небесное. Мама ещё жива. Она у моей младшей сестры на Северном острове в Веллингтоне. Очень мудрая, красивая женщина. Обожает романы Диккенса, пасьянс и чай со сливками. На Рождество и в День Патрика стараюсь к ней выбираться.

Невеликий снаружи, дом поразил Кайрина внутренним простором и какой-то продуманной обустроенностью.

Келсмен провёл нового приятеля через большую, тщательно обставленную антикварной мебелью гостиную в уютный, с библиотекой и низким камином, кабинет. По пути они миновали коридор, упирившийся в кухню, и резные филёнчатые двери, за которыми, как предположил Сергей Наркисович, располагалась спальня или детская комната. Ковровое покрытие, словно кожа на старом барабане, плотно обтягивало половицы, в углах стояли вазы, на стенах в массивных рамах висели картины, а по стёклам расположенных рядами фотографий прыгали пятна солнечных лучей. Пахло прелой травой, старинными книгами и сухим подвалом. Перед тем как войти в слабо освещённый крадущимися сумерками кабинет, Кайрин остановился. Над дверным проёмом висела ещё одна подкова. От предыдущего символа удачи её отличало только положение рожков. У первой они были подняты вверх, что по английской традиции выражало желание хозяев дома наполнить своё жилище (а в целом – жизнь), словно серебряную чашу, благими дарами судьбы, изобилием и достатком. Но обитатель этой комнаты решил, используя металлический отпечаток конской стопы как охранительный амулет, оружие против демонов и агентов подземного мира, опустить концы подковы вниз. Так поступали, об этом ему было известно, в Ирландии и России. «Судя по всему, – решил журналист, – О’Хини были людьми предусмотрительными и, когда дело касалось сугубо домашних ритуалов, легко меняли варианты традиций».

Они вошли в комнату, где тени, проникшие из сада, начали рассаживаться по углам, устраиваться на каминной полке и высоком шкафу. Возле единственного окна стоял огромный дубовый письменный

стол. «Как его только сюда затащили?» – подумал Сергей Наркисович. На стене, обитой плотным светло-зелёным штофом, предки О’Хини разместили портрет мужчины, под которым на ажурной кованой ножке стоял круглый китайский столик; периметр комнаты загромождали массивные стулья, два кресла и узкий диванчик. «Вероятно, глава семьи», – силясь разглядеть холст, предположил Кайрин. Но уточнить не успел, потому что ирландец осторожно открыл стеклянную дверцу книжного хранилища и, предлагая нырнуть взглядом в сумрачное пространство, заговорщицки прошептал:

– Вот оно. Послание. Я перепрятал его сюда. Бери свёрток.

Кайрин осторожно извлёк то, ради чего ему пришлось совершить долгий путь, развернул кусок парусиновой ткани, из которой выглянула жестяная коробка, и поставил загадочное сокровище на стол.

Затем под настороженным взглядом Шона отогнул язычок замочка и решительно поднял крышку. Тетрадь, словно долгие годы только и ждала, когда её откроют, легла в ему в руки.

– Темновато здесь, – Келсмен засуетился, – плохо видно. Может, принести свечи, или давай я разожгу камин?

– А что, электричества нет в доме? – Кайрин перенёс к окну одноногий китайский столик, подвинул один из стульев и расположился так, чтобы уходящий внешний свет падал на тетрадку.

– Будешь сейчас читать или добавить огня? – ирландец выжидающе остановился.

– Пока всё видно. Станет темно, затеплим свечи или что тут есть у тебя.

Журналист чувствовал не просто беспокойство, но отчётливую тревогу, как будто ему сейчас предстояло броситься в стремнину горной реки. Минуту, в предвкушении открытия дожидавшейся его тайны, он бережно разглаживал первую страницу простой пожелтевшей тетради. С детства Кайрин надеялся найти нечто чрезвычайно важное, забытое, потерянное людьми.

– Садись, Келсмен. Попробуем разобраться с этим манускриптом, – Сергей Наркисович, словно собирался заняться тяжёлой работой,

хрустнул костяшками пальцев, а ирландец переставил стул ближе к окну и замер, превратившись в слух.

Кайрин начал читать:

«Завещание кулдеев братства Часовни святого мученика Блат-мака, пролившего свою кровь за Христа на вечном острове Ио, и преподобного отца нашего Колум Килле, которого шотландцы зовут Колумбой, – Сергей Наркисович на секунду, как ныряльщик, пока только взглядом пробуящий раздвинуть воды вспененной заверти, остановился, глотнул воздух и прочел дальше: – Во имя Святой Троицы. Аминь. В 5199 году от Сотворения Мира, через 1957 лет после Всемирного потопа, 2015 лет от рождения праотца Авраама, 1519 лет после пророка Моисея и выхода народа Божьего из Египта, в 1032 году по свершении помазания Царя Давида, спустя 65 недель, согласно пророчеству Даниила, после 194 олимпиады, на 42 год правления Октавиана Августа от Пречистой Девы в Вифлееме Иудейском родился Иисус Христос, Сын Вечного Отца, ради нас и нашего спасения. Святой апостол Аристовул принёс свет Его Благой вести на забытые во мраке острова в 60 году от дней воплощения нашего Мессии. Просветитель Патрик возжёт светильник веры в земле Эйре в 486 году, а Голубь Церкви, святой Колум Килле, почивший о Господе в 597 году, распространил Слово Спасения по всему северо-западу обитаемой Вселенной. Мы, Друзья Бога, жили, хранили заветы верности Господу, святой Церкви и благочестивым людям...»

Тишину, воцарившуюся в комнате, можно было бы назвать сверхъестественной, если не обращать внимания на разрушающий немоту вечера, тонкий, режущий слух скрип петлей чердачной форточки. Келсмен недоуменно смотрел на русского журналиста, который, в свою очередь, растерянно уставился в портрет предка нового приятеля. Древний родственник О'Хини взирал на гостей сурово.

– Для такого документа, как Завещание, начало очень неожиданное, – произнес Кайрин, – сразу настраивает на серьёзность.

– Настраивает? – Шон хотел улыбнуться. – Я уже дважды успел почувствовать себя виноватым школьником. Из тех, которые не только задание не готовят, но и умудряются оставить сумку с тетрадями дома.

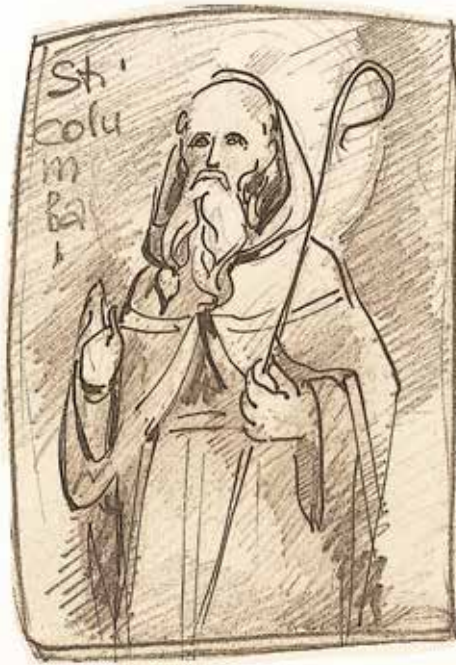
– В нашем случае ничего не забыли. Пока читал, – Сергей Наркисович перевернул страницу к началу первого абзаца, – я вдруг услышал, как будто где-то рядом поют мессу Пуччини. А в очаге, почудилось, вспыхнет огонь.

– Маловероятно, – ирландец бросил взгляд на чёрную амбразуру камина, – пламя само по себе не загорится. Но вот шаровая молния вполне может закатить. Мы однажды с отцом со страха чуть не онемели. Сидим, а она как залетит – вся такая красивая и жутковатая. Не шелохнулись, пока не исчезла.

– Ладно, – Кайрин вздохнул, – будем надеяться, что молнии, особенно шаровые, сегодня заняты на других материках. Идём дальше. Он продолжил:

«...Скажу теперь, 5 декабря 1067 года от Воплощения Господа Иисуса Христа. Мы, малый остаток верных Господу слуг, скрепя сердце, плача душой, собрав последние силы, но не поддавшись дьявольским искушениям, покидаем остров Малл. Год назад к нам в обитель прибыл человек по имени Дунстан Землемер. Ему довелось видеть, как Харольда, короля англов, пронзил копьем на поле Гастингса нечестивый нормандец. Этот Дунстан с места сражения спешно бежал, добрался до Инвернесса, по рекам и озёрам спустился к западному побережью. В Обане погрузился на корабль и 5 декабря 1066 года от Рождества Спасителя сошёл на берег Ио.

Так скотты называют остров Иону преподобного Колумбы.

В часовне святого Орана несчастный беглец, которого мы приняли, простоял на коленях, горько плача, сорок дней. Он оставался бы там и на ночь, но братья боялись холодной смерти ослабевшего странника и уводили его в тёплые комнаты. Дунстан Землемер скорбел о последнем короле англов. Ему было известно пророчество, касающееся Ио, но мы не предполагали, что гибель Харольда имеет отношение к грядущему запустению. Как мы ошибались!

Ныне пора нам отправляться дальним путём. Те люди, которые однажды вернутся в разоренный монастырь, пройдя под гулками сводами древнего аббатства, отвалят камень престола

и найдут этот манускрипт, должны знать следующее: когда наш отец Колумба ещё был жив, к нему пришёл его духовный друг и наставник святой Брендан Мореплаватель. Он, уже избороздивший все северные и западные моря, возвращался домой в Ирландию, но сошёл на берег Ио для братских объятий и благословения. На острове Тири святые основали две братские общины – Долину Кораблей Колумбы и Новый Клонферт Брендана...»

– Подожди! - Келсмен горячо перебил Кайрина. – Что такое Новый Клонферт? Я знаю только про один в графстве Голуэй!

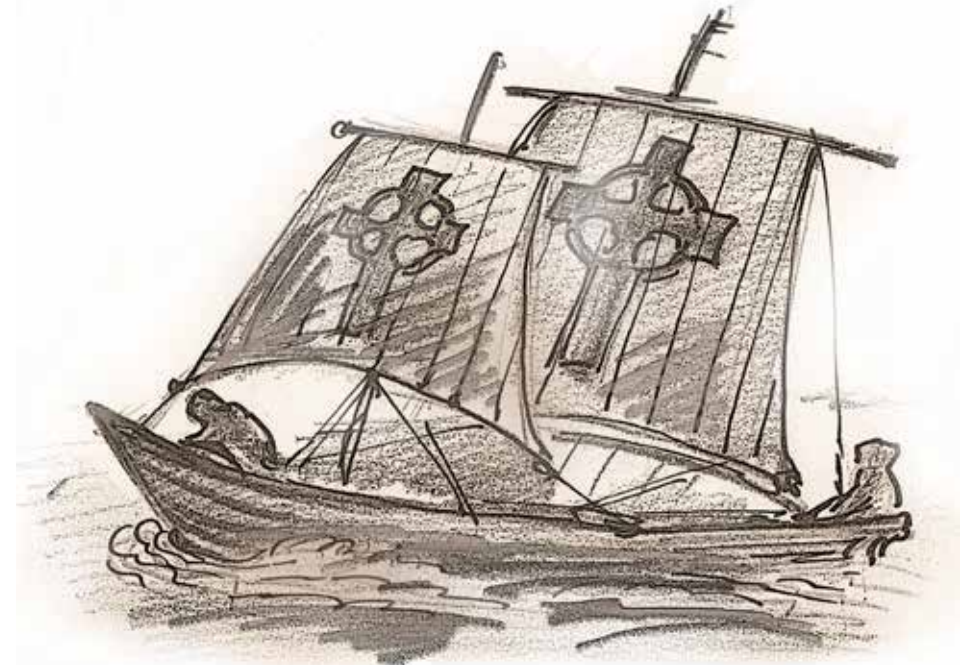
– Значит, был ещё один, в Шотландии, – нерешительно ответил Кайрин, – вообще, не перебивай. Здесь читать и читать.

«...Три дня они молились в храме, после чего сели в коракл, отплыли в океан, и там преподобный Брендан рассказал Колумбе о Скале на южной оконечности ирландского острова, где силы ада со времён Патрика накрепко скованы Архангелом Михаилом. Он поведал, что, когда Патрик изгонял змей и языческих демонов, почти всё зло покинуло Ирландию, приняв Христа как своего Спасителя. Оно ушло на запад в сторону Островов блаженства святых. “Так устроен мир Божий, – говорил Мореплаватель: именно в западных областях Океана находятся и земля,

уготованная праведникам, и вход в преисподнюю. А Скала – последний форпост, сдерживающий возвращение врагов на зелёный берег Эйре”.

Наши братья должны помнить!

Спустя 12 лет, когда наш святой игумен уже жил в небесных обителях Отца, 9 июня, готовясь ко дню его памяти, монахи ставили подводные ловушки на крабов в Белой бухте. По обычаю они пели псалмы и Последование часов. На молитве девятого Часа брат Блатмак увидел идущего к ним по водам Христа. В трепете он воскликнул: “Грядёт Господь!” Монахи замерли, а когда Спаситель приблизился к ним на расстояние тридцати двух шагов, преклонили колена. Владыка Мира сказал, и все слышали: “Когда холод и сумрак накроют ваш остров, плывите на юг, к Скале, которая по ту сторону от родины вашего настоятеля. Высадитесь на земле без берега и спасёте свои души”. Все в смирении молчали, но кое-кто из иноков усомнился: “Разве может быть земля без берегов?” Тогда Христос, видя маловерие их сердец, произнёс: “Остров, о котором Я говорю, – древняя Скала. Она была от сотворения Мира. К ней приставал ковчег Ноя в первый год Потопа. Издревле в обличии гнездящихся морских птиц на ней обитают безгрешные души умерших младенцев. Там устройте башню наблюдения за границами вашего предела. Пускай это бу-

дет келья на одного монаха, оратория для молитв, мессы и ночных бдений». Сказал и исчез. Спустя 102 года мы в точности всё исполнили...»

– Святая Дева! – громко вздохнул ирландец, – младенцы в птичьём обличии, Ноев ковчег. Не перестаю удивляться. Наши легенды – самые поразительные. Что там далее?

Журналист продолжил:

«...Наши братья должны помнить!

О северных миссиях посланников общин запада. Все лодки и корабли, которые отходили от берегов Оркни, Мэна, Шетланда и Внешних Гебрид, управлялись опытными мореходами, и кулдеи-матросы досконально знали своё дело. Ветры и снежные шторма не сбивали с пути наши сердца, не мутили разум. Мы поднимали паруса, сажались на вёсла ради просвещения язычников, душами которых играл дьявол. Мрак и сень идолов расстилалась тогда над озером Неве, духи бродили подле Хольмгарда и Плескова. Мы отправились в те края, находя в странствии возможность принести свою жизнь в жертву ради Христа Спасителя.

На коракл много поклажи не умещается, и мы брали только самое необходимое и простое: инструменты для резьбы по камню, складные деревянные иконостасы, оловянные сосуды, чтобы совершать мессу и, главное, книги. Слова Живого Бога, писания святых отцов – вот наши драгоценные жемчужины веры...»

– Знаешь, Серж, – ирландец поднялся, – я, пожалуй, приготовлю нам чай. Покрепче. Это недолго. Здесь в шкафу должна стоять бутылка чёрного ямайского рома. Не уверен, как тебе, а я просто вынужден подключить дополнительные резервы мозга. Горячий сладкий чай с ложкой рома поправят ситуацию. Честно говоря, мне уже сложно следить за развитием сюжета. Причём здесь остров Мэн? Где этот Плесков?

– Хорошо, давай прервёмся, – Кайрин отложил тетрадку, – заваривай свой чай, только не переусердствуй с ромом. В «Графе высокогорья» его было в самый раз.

Келсмен, отыскав заветную бутылку, сходил на кухню и приготовил свой осо-

бый напиток. Через десять минут он вернулся с подносом, на котором разместились две большие глиняные чашки, заварочный чайник и тарелка с подсохшими крекерами.

– Угощайся, – Шон налил Кайрину половину чашки, – если голову не снесёт, добавлю ещё. Еды в доме больше нет. Зря я из Милфорда не прихватил хлеб с мёдом.

Сергей Наркисович осторожно отхлебнул, распознав, что ямайской добавки оказалось несколько больше, чем чайная или даже столовая ложка, громко кашлянул и решил вернуться к документу:

«...Мы должны сохранить память о славном барде из Глендалоха по имени Аэнгус. Этот достопочтенный муж сложил множество прекрасных и таинственных баллад. Обитель святого Кевина, меж двух озёр, в горах Уиклоу, названная им “Римом Западного мира”, много столетий была приютом наших братьев. Мудрость и откровения поэта-монаха и прорицателя Аэнгуса не единожды придут к нам на помощь. А чего стоит сам Глендалох! Небесные силы уже в 800-м году его славили как «кладбище Западного мира». Нам никогда не забыть, что этот город-монастырь был символом града Божьего, а Дом святого Кевина – местом сбора кулдеев, отправляющихся на континент. Наши предшественники знали: древнейшее Житие Кевина из Великого Австрийского Легендария было написано ирландцами в Регенсбурге. Под сводом Шотландского портала монастыря святого Якова около 1112 года...»

– Серж, – осторожно спросил Келсмен, – а ведь этот Регенсбург где-то в Германии? Нам придётся отправиться и туда?

– Вероятно, – Кайрин растерянно пожал плечами, – пока я только пытаюсь совместить все эти необычные маршруты. Читаем дальше:

«...Наши братья должны помнить! Имена самых смелых кулдеев: Сергия и Кентигерна, последнего иногда называют Германом.

Первый, ведомый Духом Святым, пристал к острову в волнуящемся озере Лландога, имени языческого бога Ваала. Ему, Сергию, там повстречался жрец этого бога, которого звали Мунго. Слова любви, проповедь о Христе, Первосвященнике Мира, обратила Мунго к вере. Он принял святое крещение, наречённый Кентигерном в честь святого покровителя шотландских кулдеев. Вместе они основали на этом острове монастырь, в котором можно будет укрыться, когда придут дни гонений, перед Днём Суда.

Наши братья должны помнить! О делах еще двоих кулдеев, проповедовавших на северо-западе.

Первый: Антоний Римлянин, который на камне приплыл в Хольмгард и устроил там великую обитель. Антоний правил своим каменным кораблём подобно святым Каранногу и Ронану.

Второго звали Конан из Неверна. Он вырыл пещеру на острове в волнуемом озере, жил в ней, созерцая чудеса Творения и молясь за весь Мир. Остров назвали в его честь – Конанвек, но именуют Коневец. Антония люди помнят до сих пор, а помнить Конана должны мы...»

«Стоп! – сказал себе Кайрин, пока ирландец встал и отправился на кухню с пустым подносом. – Если речь зашла об Антонии Римлянине и Коневецком монастыре, то, без сомнения, Завещание редактировалось и дополнялось кулдеями». Сергей Наркисович однажды прочел небольшое исследование про этот загадочный полумонашеский орден средневековой Ирландии, но детали документа как-то стерлись. Кайрин продолжал рассуждать: «Те самые свободные кулдеи ушли из Ионы-Ио за 150 лет до того, как Антоний – европеец, человек, говоривший на римском (то есть латинском) языке, прибыл в Новгород. Кто может скрываться под этим именем Антония, кого маскирует вся эта, приготовленная как многослойный пирог, религиозная символика? Возможно, монах-беженец, проповедник, отщепенец или посланник таинственного ордена, не связанного ни с Римом, ни с Константинополем. Хотя на Коневце пока ничего существенного не найдено. Да и кто станет искать на советской военной базе? Значит, подлинник рукописи успел много постранствовать. Сути дела это не меняет, но следует осторожно относиться к тетрадке». Дальнейшее чтение только подтвердило его опасения.

Келсмен вернулся. Голос Сергея Наркисовича слегка осип, но журналист продолжил:

«...Мы не должны забыть и о наших братьях, переселившихся в город святого Андрея, апостола Шотландии. Бог заповедовал тринадцати мужам основать общину при ковчеге с мощами Просветителя горцев. У этих кулдеев, говорят, имелись жёны, но мы не станем судить их за такой обычай. Множественность священных установлений проистекает от милосердия и мудрости нашего Отца.

Нам нельзя стирать из памяти имена братьев Уэльса, о которых писал блаженный Геральд Камбрийский. Они жили на Бардси, острове “двадцати тысяч святых мужей”, в подвиге поста и молитвы. Могила вечного короля Артура тогда была под их надёжной защитой...»

– Точно! Припоминаю! – Кайрин обрадовался подтверждению своих впечатлений от давней статьи. – Валлийские и шотландские кулдеи существовали гораздо дольше ирландских, но что там происходило, никому не известно. В любом случае тот, кто переписывал тетрадь, обращался к источникам XII и XIII столетий. И переписчику очень хотелось сохранить все реальные и романтические истории. У места погребения Артура в Уэльсе не менее пяти адресов, а после кромвельского разорения Сент-Эндрюса из-под камней и головешек бывшего собора можно извлечь любые легенды. Тоска по прошлому рождает трогательные сказания. Вот, взгляни, – сказал он Келсмену, – любопытно!

На следующей странице тем же уверенным почерком была сделана запись: *Рассказ безымянного брата:*

«Мы видели (и святой Киран из Клонмакнойза не позволит произнести никому из нас слова лжи), как к южному берегу Ирландии ежедневно приходит человек. Едва касаясь перистых хлопьев белой волны океана, он направляется от западной оконечности Бретони, но не ступает на землю англов, а сразу поднимается к скалам святого острова. Каждый раз этот чудесный пилигрим получает с неба особый свиток, развернув который, читает и проповедует ирландцам Евангелие истинного Бога. В те часы земля затихает, живые твари перестают бросаться друг на друга, люди оставляют свои дела, птицы начинают говорить человеческими голосами, а на листочках деревьев выступают капли крови.

В давние времена, прежде чем ступить на ирландский берег, таинственный посланник приходил в Неверн, священное место Уэльса. Но после того как валлийцы пали под мечом

ми саксов, а их король Артур был сокрыт на Авалоне, пилигрим стал отправляться сразу к нам. Тот, чей разум гложут сомнения и подозрительность, волен прискакать в Неверн, отыскать в приходском дворе подле высокого креста дерево, из ствола которого всегда сочится кровь. В Неверне он станет преданным, если сердце его не покрылось копотью ненависти...»

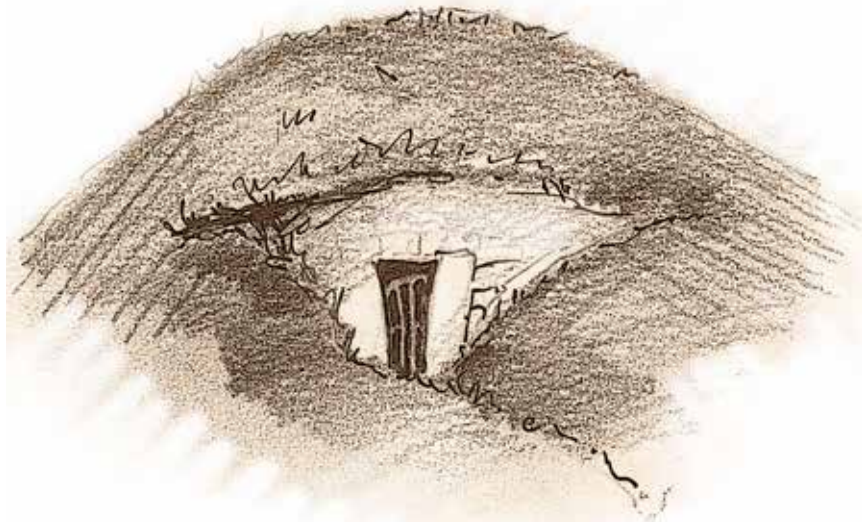
– Да-а, проблема, – задумчиво протянул Кайрин, – чем дальше, тем сложнее установить жанр этого документа. О содержании я и говорить не возьмусь.

– Ты не спеши с выводами, – встревожился О’Хини. – Конечно, любое завещание должно располагать больше к здравомыслию, чем к мистике, но у нас, ирландцев, есть врождённая способность соединять волшебство с абсолютно материальным. А в каждой обыденной вещи или ситуации мы готовы различить знаки мистического свойства.

– Прости, Шон, что ты имеешь в виду? – Кайрин выжидательно смотрел на приятеля-великана.

– К примеру, – Келсмен обрадовался возможности порассуждать, – на холме Тары есть пещера. Ее дверь из металлических прутьев – всё, что отделяет тебя от приключения. Когда ты стоишь перед ней, то в какой-то момент может показаться, что там далее не только своды жилища эпохи неолита, а проход в чертоги сидов. Нужно только решить, что ты хочешь сейчас увидеть.

– Может и не показаться, дело такое, двоякое, – Кайрин ещё раз пробежал глазами абзац, – если не умиляться историей про ангела и кровотокащие деревья, то особой мистики не вижу. Любопытно другое:

зачем авторы Завещания так упорно и последовательно бросают на один и тот же шест, как в детской игре цветные кольца, противоречивые факты, имена и даты? К чему столько исторических сближений и неожиданных пересечений? Если речь идёт о единстве европейского северо-запада, его незримых общих корнях и некогда пышной кроне, то зачем вспоминать олимпийские игры?

– На чемпионате по быстро приготовленным вопросам тебе точно вручат лавровый венок, – предположил ирландец, – может быть, ещё почитаем?

– Ну что же, давай продолжим:

«...К вечеру, когда дождь с запада накрывает долины нашей страны, чудесный проповедник возвращает свиток на небо и удаляется обратно. Мы ничего не знаем про него, кроме того, что открыто. И довольно с нас этого знания: он – кулдей! Из наших старших братьев, вернувших Богу долг жизни своим служением Ему. Тот, кто не верит мне, монахам Скеллига, аскетам Ионы, мученикам Бангора и летописцам Лисмора, пускай откроет Книгу Четырёх Наставников на параграфе 811 года, прочтёт и устыдится своему малодушию. Если и этого окажется недостаточно, то такому слепцу в пору отыскать Анналы Инишфаллена, где графа 974 года подтверждает истинность предания. Таков неизменный ирландский закон: “Бывшее единожды правдою, никогда не может стать ложью!”»

– Вот и всё, – Сергей Наркисович бережно отодвинул тетрадь, сделал большой глоток чая. – Завещание мы прочитали. С ним разбираться и разбираться, а вот далее ещё более сложная головоломка. Ты, Шон, в рисунках понимаешь?

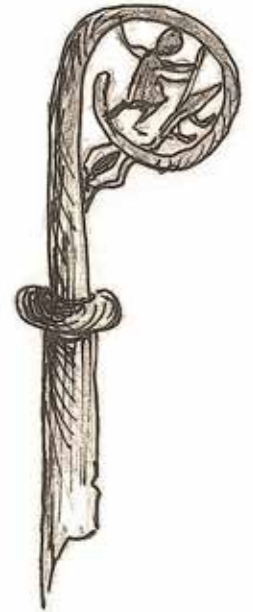
– Каких именно? – Келсмен переводил взгляд с тетрадки на Кайрина, не догадываясь, о чём идёт речь.

– Здесь, – Кайрин показал на рукопись, – много всяких изображений. Пока ты возился с чайником, я заглянул дальше. Ума не приложу, с какой стати хронист решил их сюда включить. Посмотри.

Он развернул открытую тетрадь к ирландцу, и Шон к большому удивлению увидел рисунки пяти колоколов, разного вида и размера.

Журналист стал объяснять:

– Два первых имеют вытянутую трапециевидную форму, их можно было держать и переносить за приделанный сверху обод. В них ударяли, созывая братию в тревожный час приближения врагов или

на общие богослужения в храме аббатства, специально обученные монахи. Другие два можно считать ручными билами. Они помогали будить клириков, оповещать об обеденном часе. А последний не колокол, а скорее колокольчик, из обихода епископа или аббата. Изящное музыкальное приспособление крепилось обычно к посоху, украшало священническое облачение.

О том, что ирландцы любили колокола, Сергей Наркисович знал. Кто кого научил колокольному звону: греки кельтов или наоборот – учёные спорили давно. Но сейчас друзей интересовали вопросы: какое отношение колокола имеют к Завещанию кулдеев и почему под каждым из них помещается массивный жезл с загнутым в виде свернувшейся змеи навершием? Посохи, тяжёлые трости аббатов и епископов использовались не только как средства опоры больного, раненого человека. Хромоты могло не быть вообще. Таким жезлом святой человек имел право благословить кающегося грешника и послать грозное проклятие врагу Церкви.

– Посохи, Шон, – продолжил Кайрин, – имеют большое значение. Однажды ангел вручил похожий посох святому Патрику. И это была

не какая-то там трость, изготовленная в ангельском мире для апостола Ирландии, но тот самый легендарный посох Христа, в руках с которым Спаситель исходил всю Галилею. Без него Патрик ни за что не смог бы изгнать с зелёных берегов всех ядовитых змей. Посохи хранили в особых реликвариях, украшенных золотом и драгоценными камнями. Викинги охотились за этими тщательно оберегаемыми скринами. Сам посох они выбрасывали, оставляя себе только украшения. Отполированные ладонями своих таинственных владельцев, эти деревянные жезлы хранили множество тайн. Посох Патрика находился в его резиденции Арма. Со всего острова и даже с континента паломники приходили поклониться святыне. Но в XVI столетии, оказавшийся уже в Дублине, посох святого сгорел. Солдаты Кромвеля бросили его в костёр карательной операции.

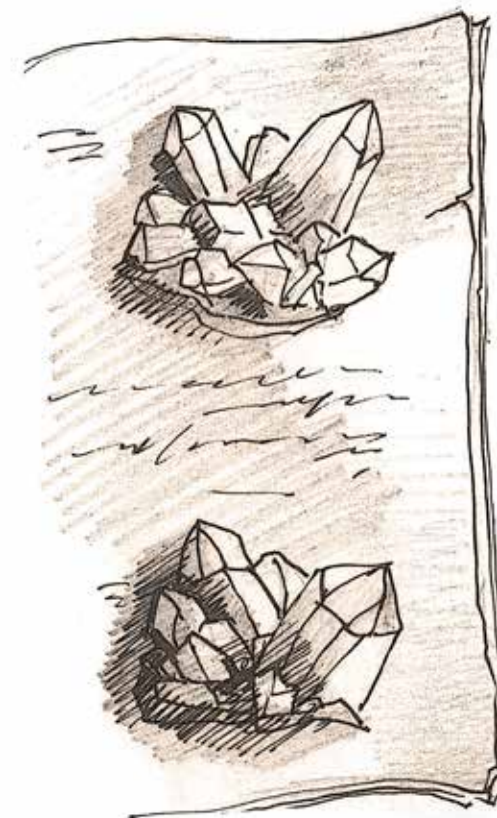
– Изверги, – мрачно заключил Келсмен, – бывает некоторым людям религия голову сносит. Но на время. А вот тем, кто с религией борется, сама эта борьба сносит её безвозвратно. Кромвель был верующим, но стал бесноватым. Только к нашему делу это не имеет отношения. Теперь поясни, что за штуковины нарисованы на следующей странице? Я немного забежал вперёд.

– Судя по всему, – Сергей Наркисович в замешательстве рассматривал изображение пяти следующих предметов, напоминающих необработанные камни, – перед тобой легендарные кельтские кварцы. Видишь, вытянутая форма и неровности, подчеркнутые тенями штриховки, всё указывает на них. В Ирландии и Шотландии кристаллы кварца почитались с древности. Большие, малые, тщательно отшлифованные и совсем не обработанные – они были целым состоянием. С их помощью проводились целительные ритуалы над немощными людьми, больными быками и коровами. Каждый лекарь был немного медиумом. Солнечный свет, преломлявшийся на кварцевом сколе, имел магическую и терапевтическую силу. Чудесные камни находили в гробницах эпохи неолита, где, как считали кельты, обитают древние духи. Их заворачивали в кожаные чехлы, приносили друидам, хранили в особых тайниках. Но использовать кварц в постройке дома или сарая считалось плохой затеей. Очарованные волшебным камнем, в дела могли вмешаться ши, которые сродни падшим ангелам. Пока живут среди людей, надеются вернуться на небеса и веры в прощение не теряют.

– Да-да, я знаю, – задумчиво кивал Келсмен, – это духи или ангелы, которые оказались не столь хороши, чтобы спастись, но и не настолько ужасны, чтобы погибнуть. Они застряли между мирами. А чтобы дом стоял долго, у нас принято под фундамент закапывать птицу или класть серебряную монету.

Друзья долго молча смотрели сначала на рисунок, потом друг на друга. Келсмен поднялся. Подошёл к столу.

– Серж, ты прочитал первые четыре страницы, и я уже порядком запутался.

Обрати внимание, – ирландец осторожно начал листать рукопись дальше, – здесь начинаются географические карты и таблицы. Нет ничего интереснее карт и схем. Все они указывают на сокровища или клады в могильниках. Так ведь?

– Иногда указывают. Но чаще просто морочат голову доверчивым романтикам.

– Нашли романтиков! – Келсмен улыбался. – Шон О’Хини с русским эмигрантом, кельт и славянин, – вот самые реалистичные люди в Европе. Давай разберёмся, что к чему, расшифруем это послание и составим план действий... Забавно, – Келсмен внимательно рассматривал пустую жестянку, переворачивая

её, простукивая дно, проверяя надёжность петель, прикрепляющих крышку.

– Что именно? – теперь Сергей Наркисович решил уточнить соответствие количества тетрадных листов нумерации, которая, судя по цвету чернил, была нанесена позднее и рукой другого человека.

– То, что мы именно сегодня прочитали этот документ. Ни год спустя, ни три месяца назад, а в этот день и час.

– Шон, твой пафос меня пугает. В чём особенность вечера обычного вторника на самом далёком острове в океане, кроме разве фантастической удалённости этой земли? – Кайрин перелистал тетрадь и к ещё большему удивлению понял, что между восьмой и десятой страницами отсутствует лист.

– Вечер как вечер. Тепло и ливень пока не грянул, – Келсмен отложил жестянку. – Я думаю, вот странность какая: люди по Луне ходят, скоро по двести лет станут жить, а здесь будто рыболовецкий трал из прошлого бросили и тянут нас в средневековый мир, к всеми позабытому наследию.

– Наследие – дело хорошее, – Кайрин ещё раз проверил порядок страниц, – но в этом нашем манускрипте или лист очень аккуратно выдрали, или один забыли пометить. Вот, посмотри, – он подвинул ирландцу тетрадь, – нет девятого. И вообще странно, кто так нумерует? Только лицевую сторону. Вероятно, оригинал был без оборотной нумерации.

– Вижу, – мельком бросил взгляд О’Хини, – я когда книжки по мировой истории читал, то чувствовал, как прошлое дышит мне в затылок, шепчет на ухо нечто особо сокровенное. Но тут иначе всё. Словно ветер окно взломал и ударил в лицо. Книгу, бывает, закроешь, и в голове сумятица из дат, имён, названий, а здесь всё ясно и понятно.

– Мне совершенно ничего не понятно, – Кайрин ждал дальнейших пояснений товарища, – куда дует этот ветер или сквозняк, бродящий по дому?

– У тебя должны появиться идеи. Причём, совсем скоро.

– С чего ты так решил?

– Да с того, – ирландец рассудительно стал загибать пальцы на правой руке, – во-первых, именно вашу семью мой дед выбрал в качестве адресата посылки. И во-вторых, ты, как Лоуренс Аравийский, лёгок на подъём и умеешь, подобно многим русским, пренебрегать здравым смыслом ради безумных целей.

– Если это комплимент, – Кайрин улыбался, – то, пожалуй, самый витиеватый. Тем не менее спасибо. Я только так и не могу сообразить, о чём, собственно, идёт речь в тетрадке и почему мы должны отправиться на поиски вещей, которые столетия никому вообще не были нужны? Может быть, не стоит ворошить прах прошлого?

– Серж! – ирландец начинал заметно волноваться. – Не стоит впадать в философские обобщения и мрачную поэзию: «прах прошлого». Смешно, честное слово. Руины – ещё куда ни шло. Здесь всё довольно ясно прописано. Требуется забраться на высокую скалу, спуститься к её основанию, рассеять какой-то «мрак ниже уровня моря», найти священные предметы и благополучно выбраться наружу. Кстати, о Скале Михаила есть много историй. Хочешь, расскажу?

– Куда без твоих историй? Давай, посвети меня ещё в одну.

«Бывают же такие сближения, – вспомнил Сергей Наркисович, – у меня в Австралии живёт приятель. Старичок, который в юности бегал по московским дворам, собирая слухи для гремевшего на всю столицу писателя Гиляровского. Он не мог при встрече не рассказать анекдот, быль или выдумку. Встречал и провожал словами: “А вот была ещё история”. Один в один с ирландцем».

Кайрин пересел в глубокое кресло. На одно колено положил тетрадку с Завещанием, на другое шотландскую жестянку. Шон О’Хини, сложив крестообразно на груди свои огромные руки, стоял спиной к уже погасшему окну и вдохновенно смотрел куда-то вверх портрета седого предка.

– Дело было в тридцатых годах, – начал Келсмен, – две юные леди со своими ухажерами, еще американец – искатель приключений. Картограф дублинской конторы. Католический викарий из Корка и семинарист университета Мэйнута решили добраться до Скеллиг-Майкла и наняли лодку с шестью гребцами. Кроме как из Портмаги, а это деревня на южном побережье Керри, туда никак не доплыть. В древности, говорят, до Скалы ходили судёнышки от Баллинскеллигса, но местное

аббатство к концу XVI века заглохло, а рыбакам есть чем заняться, кроме экскурсий.

Погода стояла ветреная, солнечная, и лодка пошла бойко. Каждый путешественник имел свой план. Картографу нужно было проверить какие-то схемы, американец хотел забраться на скалы, семинарист рассчитывал на встречу со зрителями маяков. Он собирался их расспросить о местных легендах. Викарий надумал отслужить литию на монастырском кладбище, а молодым парочкам нужно было просто весело провести время.

Первый час плавания пролетел прекрасно. Барышни щебетали с юношами, студент дремал, картограф, даже при малой качке страдавший морской болезнью, сидел, крепко прижав саквояж к груди. Американец не выпускал из рук бинокль, направленный в сторону Скеллигов, а священник меланхолично перебирал Розарий* святой Деве. Иногда, правда, он поднимал голову и внимательно, словно предчувствуя неладное, вглядывался в открытый океан. Вдруг ветер окреп и вскоре, когда судно забралось далеко от берега, стал окончательно штормовым.

Нанятые гребцы, а все они были местные мускулистые и жилистые рыбаки, старались изо всех сил, но океан шутить не любит. С запада на их корабль надвигалось облако. Тёмно-синее, большое и плотное, по мере приближения оно только росло, становясь чёрным и угрожающим. Когда облако встало перед самой кормой, рыбаки бросили вёсла. Ужас поселился в их сердцах и сковал движения. В глубине этого морока все путешественники различили силуэт женщины и услышали исходящий оттуда голос.

Каждый после подтвердил случившееся под присягой и на исповеди.

«Я пришла к вам, ибо нет мне покоя в море», – прозвучало из облака. – «Кто или что ты? – священник (а он оказался самым смелым) опустился на колени и, пока все остальные лежали ничком на дне посуды, вёл разговор. – Почему не имеешь покоя?» – «Я убила человека», – прогремел призрак. – «Но это не причина твоего проклятия», – ответил викарий. – «Я убила двоих», – произнёс голос из облака. – «Но и не здесь сокрыта тайна твоих страданий, – твёрдо сказал священник. – «Ты прав. Я убила некрещёного младенца, отцом которого был католический епископ». – «Вот где корень проклятия и мучений!» – воскликнул тогда пастырь.

* Розарий – традиционные католические чётки, а также молитва, читаемая по этим чёткам.

Потом он открыл свой каноник и Евангелие, принялся что-то читать. Облако рассеялось, океанские волны утихли, но гребцы наотрез отказались продолжать плавание к Скеллигу. Все вернулись обратно в Портмаги.

– Представляю себе, сколько было разговоров в пабах на берегу и сколько выпили в тот вечер, – внимательно слушавший историю, Кайрин улыбался. – Любите вы, ирландцы, щедро замешивать рагу из мистических историй в самой обычной ситуации. Поплыли люди отдохнуть, а навстречу им призрак. Разве такое бывает?

– Всякое бывает, – Келсмен осторожно взял тетрадку с посланием кулдеев, перевернул несколько уже окончательно ослепших в полумраке страниц. – Те, кто составили Завещание, знали и видели больше нашего, но решили доверить свои тайны нам. Потому что любому святому, кроме небесного посланника, всегда нужен человек. Если об ангеле не рассказать, то он расстроится и навсегда улетит.

– Очень может быть, – согласился Сергей Наркисович, – но пока в полёт придётся отправиться нам самим.

Глава 3 Сестра Брига

Паром на Северный остров отходил рано утром. Нужно было спешить. По ещё тёмным и ещё промытым ночным ливнем улицам Пиктона автомобиль новых друзей мчался к пристани. С залива Королевы Шарлотты в город пробирался свежий ветер. Трепал сохнувшие флаги, раскручивал жестяные флюгеры.

Гулкие пустые кварталы жилых домов, фабричные, серых расцветок, нагромождения, будки у железнодорожных переездов, немые витрины ещё спящих магазинов мелькали за окнами авто, и в тусклом сумраке этого часа путешественники толком ничего разглядеть не успевали. Келсмен уверенно вёл джип. Кайрин тихонечко напевал: «На улице дождь сильный поливает, по улице той ангел мой гуляет, спрячь меня, прошу, мне тепло с тобою, или мне не жить с милой-дорогою...» И далее, в той же подобранной тональности, неспешно, но уже по-французски, он промурлыкивал три следующих куплета, пока не возвращался к русскому началу песни: «На улице дождь сильный поливает...»

Так, решительно разметаая тёмно-синие лужи, слегка притормаживая на мерцающих мокрым асфальтом поворотах, они въехали на площадь перед небольшим портом, соединявшим два острова Новой Зеландии. Автомобильная стоянка оказалась уже под завязку забита транспортом, и джип Шона пришлось загнать на пустырь между переулками в пяти минутах ходьбы от морского вокзала. Кайрин купил билеты, отправил Келсмена на паром, а сам решил зайти в почтовое отделение порта.

«Нужно отправить телеграммы О'Нейлам в Дингл² и на всякий случай Майклу Маклеоду в Конг, - размышлял он. - Не представляю, когда мы доберёмся до Ирландии! А если придётся лететь куда-то ещё, неделя окончательно рассыплется. Пусть ждут. В крайнем случае, Майклу до Ардферта³ часа три неспешной дороги, а О'Нейлы доберутся за два. Но... - на этой мысли журналист даже замедлил шаг, остановился. - Самое важное, чтобы телеграмму в Сиднее получила сестра Брига; без неё вся затея с поисками посохов, колоколов и прочего наследия кулдеев под большим вопросом. Ирландская монахиня, пускай даже такая необычная, - пока единственное звено, связывающее их с кельтскими древностями и той Церковью, откуда родом Друзья Божьи», - подумал он о давней своей знакомой Элизабет Стоукс, живо представив её воодушевление и деликатный скепсис.

Элизабет была из того невеликого числа девушек, которые, прекрасно зная о своей внешней привлекательности, к этому, казалось бы, преимуществу, относятся равнодушно. Её густые рыжие волосы всегда были опрятно уложены в причёску, словно над ними ежедневно колдовал не менее часа опытный парикмахер. Голубые глаза Стоукс (что в сочетании с огненным цветом головы - вопиющая прелесть) могли просверлить пристальным взглядом собеседника, если Бетти, как её называли дома, всерьёз интересовалась разговором. На веснушчатом носике она носила круглые с большими стёклами в тонкой оправе очки, которые постоянно грозили соскользнуть и вовремя поправлялись молниеносным движением импульсивной хозяйки. Элизабет была чуть ниже среднего роста. Но запасы физической силы предков, занятия национальным спортом камоги⁴, свежее дыхание

океана, обдувавшее малахитовое побережье Фенита, мёд, картофель, козий сыр и овечье молоко как основа родительской кухни – всё способствовало умножению крепости её души и выносливости тела.

О духовном Бетти заботилась не в меньшей степени. И это только помогало ей, оставив далеко позади смиренно бредущих паломников, самой первой взбираться на гору святого Патрика или на вёсельной лодке, лавируя между тревожных волн, заходить в бухту Брендана. Ко всему прочему будущая монахиня любила ставить синайские, как она говорила, «опыты»: по три дня ничего не ела, бегала босиком и, подстелив лишь простынку, спала на струганных досках.

Элизабет было около двадцати трёх, когда, к недоумению родителей и подруг, она начала заниматься религиозными поисками. Ей нравилось всё таинственное, чудесное. У девушки вызывали восхищение уже одни только слова: «обряд», «инициация», «ритуал», «мистерия». Часами она разглядывала репродукции Босха и Луи ле Броки⁵, в специальную тетрадку тонким каллиграфическим бисером переписывала длинные поэмы Элиота, баллады Томаса Мура, пробовала изучать санскрит и греческий. Потеряв голову от романов Достоевского, она некоторое время с успехом корпела над русским, мечтая прочесть в подлиннике «пророчества, а не криминальные истории загадочного автора». Так она говорила, имея в виду дневники и письма Фёдора Михайловича.

Ещё Бетти обожала порассуждать на тему йоги, медитаций, техники пранаямы в Южной Индии, наследия исихастов, друидов и причин гибели цивилизации на острове Пасхи. Старенький родительский патефон крутил ей пластинки с операми Верди и Вагнера. Дважды Стоукс отправлялась под низкие своды Чистилища святого Патрика⁶, ночевала на голом полу пещеры, простужалась; поднималась на вершины легендарных ирландских гор; перелезала через фермерские заборы, чтобы спуститься в тоннель святилища Наут⁷ долины Бойна. Два семестра посещала лекции в католическом Мэйнуте, год проучилась в Тринити-колледже Дублина. Но и покинув дом, Элизабет никого из родни не забыла. Она регулярно писала в Фенит: раз в месяц отцу, дважды матери, на праздники даже братья получали цветные открытки.

Много чего ещё предпринималось Бетти, пока однажды в голову ей не пришло твёрдое решение: «Стану монахиней, проживу ради просветления или что там в результате получится». Впрочем, поворотным пунктом для всех последующих событий будущая сестра Брига считала случайную встречу в аэропорту Салоники, где она познакомилась с афонским иноком – отцом Василидом.

В миру его звали Василий Сергеевич Тышлев. Он был человеком отчаянной смелости. После Второй мировой войны Тышлев работал фельдшером в Великом Новгороде. Заболел раком, уехал, как сам думал, «помирать» в Псково-Печерский монастырь, но встретился там со старцем, который, проникшись сочувствием, написал записку своему брату, подвизавшемуся на Афонской горе. Так, мол, и так, было в послании, податель сего – хороший человек, помощи, если сможешь. Невероятным способом на рыболовецкой шхуне бесстрашный Василий Сергеевич переплыл Чёрное море, добрался до Турции, а уже оттуда подался к грекам и на Афон. Записка своё дело сделала. Её адресат, иеромонах Матфей, принял Тышлева. Сначала тайно поселил его в одном маленьком скиту, а позднее уже среди братии обители Ватопед⁸. Постриг лично в Иверском монастыре⁹. Отец Василид много молился, работал в огороде, пил воду из родника при келии святого Силуана¹⁰, лечился травами, крошечными порциями ел с хлебом свежее оливковое масло, обошёл все афонские храмы, о родине не грустил. Болельщик так и замерла.

Несмотря на святогорские обычаи, инок коротко ровнял бороду, а его густые седые волосы были всегда тщательно расчёсаны и собраны в небольшой пучок. Неизвестно, был ли Тышлев святым, но терпением обладал ангельским. Простой в беседах, внимательный при общении, без многозначительных выпучиваний глаз, с мягким голосом и внятной речью отец Василид имел дар благословенной тихости и деликатного убеждения.

Элизабет ждала своего рейса на Париж. Василид встречал сербского друга-священника из Рима. Монах с ирландкой познакомились, расположились в маленьком кафе аэровокзала и, словно старые друзья после долгой разлуки, проговорили три неполных часа.

– Бог, – напористо рассуждала Стоукс, – вообще один. Один на всех и для каждого свой собственный. Вот, скажем, Шива у кашмирцев танцует, и наш мир держится этим танцем. А ещё нравятся мне всякие суфийские и особенно дзен-буддистские идеи.

– Какие, к примеру? – вежливо уточнил отец Василид.

– Про особенности природы Будды. И Высшее сознание, в котором все мы находимся, – уверенно объявила Элизабет.

– Любопытно. Знаете, я очень рад нашей нечаянной встрече, – уклончиво замечал монах. – И, надеюсь, она в нашем с вами сознании более чем реальна. Думаю, что всё безумно сложно и одновременно просто: история – как мировая, так и любая национальная, если угодно, провинциальная, развивается по Божественному плану, надёжно от нас сокрытому. Мы упорно, но чаще всего совершенно тщетно,

пытаемся понять его, распутать хитросплетения событий, что нас захлестнули. Но это увлекательное занятие, которое усложняется необходимостью разбираться в Его плане на нашу собственную жизнь. Мы ломаем голову над своим собственным предназначением, и наши поиски данное обстоятельство только запутывает.

– Несомненно, – Элизабет несколько смутилась. Седой, серьёзного вида собеседник, похоже, подшучивал над всеми идеями, так горячо полюбившимися ей в последнее время. – Я, знаете, – Стоукс не сдавалась, – стремлюсь к вполне простым и понятным целям, прошу у Бога перемен! Но изменений нет, или они несущественны. А бывает, что они наступают уже, когда всё перегорело, время ушло и я разочарована. Умные люди говорили: «Хочешь изменить мир – поменяйся сама, и тогда жизнь вокруг тебя непременно станет иной». Я, честно, пробовала. Уйму часов потратила на самые различные практики, читала экзотических и неимоверно заумных авторов, но результат всегда был один: мои духовные перемены никак не влияли на внешний порядок, сторонние обстоятельства игнорировали метаморфозы сердца и ума. Им, как на небесного слона, было просто наплевать на обновлённый внутренний мир.

Тот новый опыт, что я получала, изменял моё отношение к настаивающей меня реальности. Что бы я ни делала: молилась, медитировала, сажала капусту, собирала ягоды, читала Канта, учила языки, – всё мне давало надежду и убеждало, что я уже немного другая, но жизнь словно застыла. И тогда появлялась мысль о том, что внешнее может совершить удар такой силы, что я просто не смогу его вынести. И к чему столько было трудов и метаний? Никто не смог объяснить мне логики законов этого мира. Может быть, и нет никакой логики? Иногда чувствую себя Алисой из взрослой сказки англиканского дьякона: заблудилась, запуталась, и выхода нет, потому что наше сознание бродит в поисках смысла, свободы и скрывающегося Абсолюта. Я права?

– В общих, в самых общих чертах, – монах осторожно подыскивал слова, – мне, кстати, нравится общаться с человеком, который уже просто размышляет о Боге, сознании, обновлении. Ваши рассуждения, даже независимо от их результатов, ценны сами по себе. Множество людей и не пробуют ни о чём похожем думать. А вы так легко соединяете вещи, идеи, никакого синтеза не требующие, ему особо не поддающиеся.

– Да как же так? – Элизабет кипятилась. – Мои идеи вполне подходят друг другу. Одна логично вырастает из предыдущей. Это чрезвычайно любопытно и очень важно!

– В вашем сознании они сочетаются. А так сами преспокойно по себе существуют. словно хлеб с маслом в кухонном шкафу, пока кто-нибудь не решит их объединить в бутерброд.

– Подождите, – девушка засуетилась, – вы так интересно говорите. Я должна это записать. Только достану карандаш с блокнотом.

– Ни в коем случае, остановитесь! – Василид остановил ее жестом, – прошу, успокойтесь. Вы ничего и никому не должны! Можете, именно можете, записать, запомнить. Но на будущее, советую, старайтесь избавиться от дурной привычки хранить что-либо «для памяти». Как учил Ницше: «Память – сомнительный и ненадёжный помощник».

– Если ничего не запоминать, то и вспомнить будет нечего, – возразила Элизабет. – Жизнь состоит из историй. Вот, к примеру, сейчас происходит наша с вами история. Неожиданное знакомство. Зачем о ней забывать?

– Не переживайте. Всё самое важное всегда сохраняется.

– С чего это? Человеческая память – часто дырявый кувшин.

– Просто вижу, как вам нравится жить. Знаете, в чём загадка настоящих святых? Они, не поверите, живы. Формально умерли, но на самом деле существуют, буквально на расстоянии одного выдоха.

– И как в этом убедиться? – девушка с ещё большим интересом слушала странного собеседника.

– Попробуйте почитать Августина или Златоуста. Отрывки писем, автобиографической прозы и почувствуете: они стоят за плечом, как говорится, «дышат в затылок».

– Я изучала многих мистиков, но так и не поняла, зачем столько написано про то, о чём никто толком ничего не знает. Из личного опыта, по крайней мере, не может что-то внятное сообщить.

– Я думаю, – отец Василид посерьёзней, лицо его словно осунулось, – наши религиозные, даже те, которые мы маскируем под религиозно-научные, как бы научные исследования, связаны с желанием преодолеть смерть. Не мысль о ней, ужас перед неизбежностью, но её саму. Мы смертны, и с этим нужно что-то делать.

Стоукс решительно подвинула плетёный стул. Нагнулась ближе и положила ладонь на запястье монаха.

– Я никуда не улечу, пока вы не объясните мне, в чём тут дело, – сказала Элизабет.

Иноксу стало понятно, что слово своё она сдержит.

– Хорошо, – отец Василид терпеливо кивнул. – Вот вы изучаете одну практику, другую, некий набор идей, сумму представлений, касающихся Сотворения мира, загробной жизни, бессмертия или переселения душ; исследуете различные наслоения смыслов, точки зрения древних авторов, людей, которые уже ломали голову над похожими вопросами. Они уже сами стали прошлым. Вам, чтобы хоть на время обрести относительный покой, необходимо разобраться в одной из десятков, если не сотен, концепций. А большинство людей прекрасно довольствуется единожды найденным, потому как всю жизнь метаться в хороводе чужих идей захочется далеко не каждому.

В конце концов вы останавливаетесь на одном варианте стратегии победы над смертью. Выбрав между тхеравадой, шиваизмом или христианством, ваш разум предлагает сердцу или сознанию, называйте как хотите, наиболее симпатичный, приемлемый в данную секунду вариант будущего того неминуемого завтра, которое наступит после завершения здешнего существования. Ко всему прочему, всё вами изученное и собранное не вполне ваше. Оно принадлежит предыдущим поколениям, которым мы поверили и даже доверили своё посмертное бытие. Их представления о возмездии, плате за преступления, о многообразии форм зла, абсолютности или относительности добра – всё это или превратит душу в нерушимый бастион психического здоровья, или сделает вас неврастеником.

– Знаю, – Стоукс, внимательно слушавшая священника, встала, посмотрела в огромное окно аэровокзала. – Когда я размышляю о смерти, а это часто случается в самый неподходящий момент, то мысли мелькают самые противоречивые. К примеру, мне кажется, что вот наступит она прямо сейчас, в эту минуту, я бы сильно удивилась. Не успела запаниковать. Такое бесстрашие может показаться безумием. Но умирать мне точно не хочется, а геройство – лишь недоверие к неизбежности смерти. Большие сомнения и по поводу её силы, и моей личной обречённости. Я хочу быть свидетельницей собственной кончины, отсле-

живать медленный переход в новую плоскость бытия. Не важно, как оно будет называться. Стать случайной жертвой нет никакого желания. И ещё я всегда знала, что всё упирается в личность Христа, в трудности наших с Ним отношений.

– Конечно, – ответил Василид, – так часто происходит. Со знаком плюс или минус мы выбираем Его. А Он давно все знаки расставил. Нам даны плюсы, точнее кресты. Большие и невеликие. Он выбрал нас.

«И меня? – подумала в тот момент Элизабет Стоукс. – Я-то Ему зачем? Полно добрых простых людей на свете. Станет Господь разбираться в моей запутанной голове? Он, конечно, всё может, но слишком это нелогично и странно, даже для Бога».

Через год она отправилась на каникулы домой в Ирландию и там приняла монашество. Стала сестрой Бригой. А с Кайриным они познакомились под Рождество 1970 года в Австралии. В самый Сочельник, на благотворительном вечере Сиднейского кафедрального собора Пресвятой Девы. Сестра Брига сидела за столом рядом с коробкой для пожертвований и читала книгу. Проходивший мимо Кайрин различил на обложке томика имя автора: Хосемария. Подсел и спросил: «Простите за любопытство, это сочинения Эскривы?» Не отвлекаясь

от чтения, молодая монахиня ответила: «Да, падре Эскривы. Он яркий проповедник. Из современных. Пишет в духе Рильке. Только прозой».

Сергей Наркисович не стал уточнять причину таких странных, как ему тогда показалось, параллелей, а предложил новой знакомой выпить с ним по чашечке кофе и рассказать о сути праздничного вечера. Кайрин готовил репортаж для «Единения», и ему был необходим кто-то из организаторов. Все важные администраторы были заняты, так что на скорую руку он решил собрать нужную информацию у простых участников рождественского приёма. В тот вечер они проговорили недолго, а потом встретились уже на русское Рождество. Съездили в залив Лурлайн, побродили по улочкам старого квартала Рокс. На святках журналист показал Бриге окрестности австралийской столицы: Форт Денисон и Королевский ботанический сад. Познакомил с общиной соотечественников. Несколько раз они засиживались в небольших кафе и кондитерских, где тихо шелестела вечерняя мелодия, а в воздухе висели запахи корицы, ванили и обжаренных кофейных зёрен. Сестра заказывала себе большую чашку крепкого чая, сетуя на то, что «хочется кофе, который столь же вреден, сколь и уникален».

Машинально она макала в свой чай любое твёрдое, даже не слишком для этого подходящее, лакомство. Сухарик, долька овсяного печенья, ломтик сыра, часть бисквита, круассан могли быть отправлены в крепкий буро-молочный напиток. Если она пила, как сама говорила, «русский чай» (то есть с лимоном), её манипуляции над чашкой выглядели следующим образом: ложечкой монахиня извлекала поплавок жёлтого плода, бережно, стараясь не уронить, поднимала его над блюдцем, обмакивала в чай уже приготовленный для всей этой церемонии продукт, вынимала и откусывала пропитанный ароматной жидкостью кусочек, затем отправляла лимон на прежнее место и, уже сделав большой глоток, продолжала беседу. Еще при той первой встрече в Сиднее Кайрин с восхищением наблюдал, как Брига, не замечая удивлённые взгляды завсегдатаев кафе, где они беседовали после знакомства, целиком съела плитку шоколада. Кусочки шоколада отламывались, погружались в чашку и моментально исчезали во рту. При этом прерывать свой монолог монахиня не собиралась.

Сестра, если не размышляла, не молилась, не писала что-нибудь очень срочное, то вела разговоры. Они были частью её кредо, а не привычкой и уж тем более не женской слабостью. Брига считала: «Коль скоро Бог сотворил Мир словом, буквально «наговорил» его, «высказал», в том числе и человека, то люди должны в подражание своему Отцу не застывать в ледяной немоте, а говорить». Подкрепляя свою точку зрения, она замечала: «Только человек может обращаться к жи-

вотным, муравьям, деревьям, браниться с дождём, снегом или приветствовать солнце. Ему дана возможность беседовать с миром. Преступно молчать с себе подобными». Кайрин довольно быстро понял и то, что монахиня не болтлива, а действительно искренне и живо интересуется всяким повстречавшимся новым человеком. Выясняя причину её любопытства, он услышал в ответ: «Думаю, каждый из нас, людей, - послание. Не вообще, а именно от одного к другому. Не то чтобы оригинальное, но точно неповторимое. Его можно прочитать или расслышать. Но для этого необходимо и самой говорить. Твоему голосу ответят, и ты непременно поймёшь само послание».

Теперь Кайрин спешил отыскать сестру и поделиться находкой, которая, по его ещё осторожному, но всё более крепнущему убеждению, могла приоткрыть завесу тайны над некоторыми давними событиями европейской истории. Телеграмма полетела в Сидней, но, кроме ирландской монахини и Шона О'Хини, прогуливающегося по верхней палубе парома, ему был нужен ещё один надёжный спутник. Сергей Наркисович вспомнил про Ивана Остроглазова: «Вот ещё кому необходимо написать».

Глава 4 Острый

Иван Алексеевич Остроглазов родился ледяным утром 5 марта 1948 года в хабаровской городской больнице. Его родители, Алексей Романович и Варвара Даниловна, произведшие на свет ещё двоих детей, старших брата Петра и сестру Нину, спустя год после рождения Ивана сорвались с обжитого места и переехали в Невельск. Незамерзающий город-порт на юго-западном побережье Сахалина, бывший японский посёлок Хонто*. Алексей Романович устроился на недавно открытую судостроительную верфь, а Варвара Даниловна нанялась в городскую библиотеку. Эти два обстоятельства жизни родителей позже сыграли важную роль в судьбе Остроглазова.

Советская власть в Невельске худо-бедно существовала, но довоенное прошлое японского городка оставалось реальностью неистребимой. Сюда, уже при десяти тысячном населении, каверзах суровой и капризной погоды отчаянно стремился попасть самый разный народ. Пограничный режим никого не смущал и не останавливал. Во-первых, до Японии было рукой подать. И, несмотря на военные кордоны, патрули и береговую охрану, нелегальная торговля, контрабанда и просто возможность ввязаться в прибыльные авантюры неудержимо притягивали уцелевших на великой войне искателей свободы и особо предприимчивых людей. Во-вторых, относительно тёплая для тех широт зима, когда в Бискайский залив даже штормовым январём про-

мысловики отправляются за рыбой, вдохновляла сезонных работяг добираться до заветного Сахалина. Работы хватало всем.

Промозглый тихоокеанский ветер гонял по городским улицам мусор, силился на флагштоке райкома партии порвать красное знамя, свистел в скелетах ржавых баркасов около верфи, где работал Остроглазов-старший, и бил форточками окон деревянного барака, в котором обосновалась их дружная семья. Юный Ваня ходил в школу. В мальчишеских военных играх он охотился за японскими шпионами, без устали гонял мяч на пустыре, ловил рыбу в каменистой реке Казачке¹¹. С особым волнением ожидал июльских дней, когда от немой толчеи проходных косяков бледно-серой кеты и горбуши, рвущихся из океана к местам нерестилищ, вода в реке яростно закипала. Домой он возвращался с большой добычей. Больше всего Иван любил выезжать с отцом и братом на лежбище огромных, с виду неповоротливых, а на деле опасных морских котиков-сивучей. Молниеносные выпады молодых самцов, густое басистое рычание их глоток вызывало у подростка восторг и одобрение: «Так должны звучать голоса победителей!» Брат Пётр научил его играть на гитаре, петь и дал первые уроки самурайской драки.

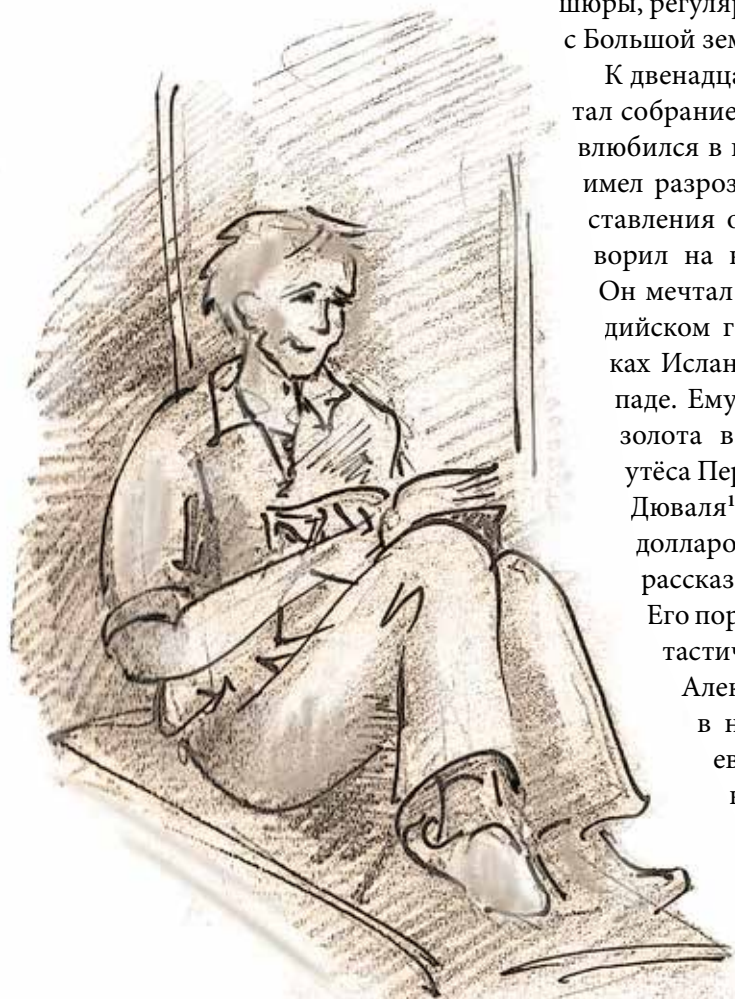
* Хонто - японское название Невельска.

Но самым важным в жизни Острога (так, сократив фамилию, прозвала паренька невеликая шантрапа) была сильная любовь-дружба, связавшая их с матерью.

Во всех своих детях Варвара Даниловна души не чаяла, но Ваня был особо дорог, потому как и вынашивала тяжело, и роды были долгими. Сыну она много читала, напевала, старалась подарить свою страсть к иностранным языкам. Сама женщина владела немецким, а случайно попадавшие в Невельск английские книжки прилежно переводила со словарём. В библиотеке, где Варваре Даниловне удалось устроиться сначала на должность уборщицы, а потом стать даже заведующей, хранились многочисленные, ещё довоенные, издания «Всемирной литературы» Горького, собрания русских классиков, подшивки журналов «Следопыт», «Вокруг света» и разного рода научно-популярные брошюры, регулярно доставляемые почтой с Большой земли.

К двенадцати годам Острый прочитал собрание сочинений Жюль Верна, влюбился в героев Фенимора Купера, имел разрозненные, но живые представления о географии, немного говорил на немецком и английском. Он мечтал о дальних тропиках, индийском городе Варанаси¹², ледниках Исландии и Ниагарском водопаде. Ему хотелось намыть мешок золота в Клондайке, среди скал утёса Персе¹³ найти клад капитана Дюваля¹⁴ или выиграть миллион долларов в казино, про которое рассказывали японские рыбаки. Его поразили два советских фантастических романа: «Аэлита» Алексея Толстого и «Прыжок в ничто» Александра Беляева. Оба описывали приключения в далёком космосе...

Однажды Иван задержался у матери на работе. Он любил с Варварой Данилов-

ной разбирать посылки с Большой земли. Раз в месяц в бледно-зелёных брезентовых мешках к крыльцу библиотеки привозили новинки подписных изданий, свежие газеты, журналы и книги. Водитель, часто выполнявший обязанности экспедитора, суетливо сгружал корреспонденцию, требовал от библиотекаря скорой росписи в накладных и, поспешно запрыгнув в кабину рычащей полуторки, уезжал. Мешки с книжными новинками заносили уже библиотекари. Острый горячо участвовал в распаковке, старался первым разложить цветные журналы и вдохнуть аромат незнакомых книг, резко пахнущих типографской краской. Его одёргивали, призывали: «Неуёмный, успокойся в конце концов, подожди, пока поступления не проверят по ведомостям и накладным». В один из таких дней Варвара Даниловна необходимой сверкой поручила заняться своей заместительнице, а сама, усадив сына за читательский стол, нежно сказала: «Ванечка, не спеши. Сейчас ещё только полдень, ты успеешь покопаться в журналах. У тебя есть время. Очень важно понимать, зачем оно нам даётся и что мы должны в нём сделать. Ты сможешь изменить в мире то, что тебе не нравится, только за счёт перемены скорости течения своего личного времени. Время, если им управлять, способно исправить не только жизнь, но и тебя самого. Понимаешь?»

Иван не особенно понимал, но грудной бархатный голос матери имел магическую силу. И всё, что она говорила, откладывалось в его памяти, теплилось огоньком, всегда готовым вспыхнуть в сознании.

Склонность к авантюрам, окрашенная романтикой скитаний и фантазиями о лёгком заработке, привела юного Ивана в полуподпольную рыболовецкую артель. Он устроился матросом и разнорабочим в команду судёнышка, еженедельно выходившего на рыбный промысел. Родители переживали, но урезонить сына не удавалось, да и деньги, что он приносил из рейса, всегда были кстати.

В январе 1965 года Сахалин потрясла трагедия. Сразу четыре траулера: «Севск», «Нахичевань», «Себеж» и «Бокситогорск» на рискованном промысловом рейсе обледенели. Сгинули в шторме. Тогда погибло сто шесть рыбаков, и если бы не Анатолий Охрименко (единственный спасшийся матрос), ни друзья, ни родственники несчастных моряков никогда не узнали бы всей страшной правды кораблекрушений в море Беренга. Близкие погибших требовали расследования и поисков. Глухая молва долго бродила по Сахалину. И когда подвыпивший гармонист на свадьбе или похоронах заводил: «На горе, на горе нам чёрный туман, а море – не море – сплошной ураган, кто с жизнью расстался, кто стонет от ран...», его слушатели тяжело вздыхали, беспомощно переглядывались.

Острому шёл девятнадцатый год, и он отчасти понимал, каким образом устроен мир, из которого ему время от времени хотелось бежать в непроходимые джунгли Амазонки или на затерянные среди вспененных волн океана зелёные острова.

Сентябрьским утром 1967-го Иван поднялся на палубу малого траулера и с командой рыбаков ушел в сторону Татарского пролива. Их было десять человек, они собирались ловить северную треску и азиатского стрелозубого палтуса. Отходившим в море промысловикам с высокого берега весело подмаргивал огонёк маяка Лопатина и свистела дальняя сирена судозавода. На вторые сутки разыгрался дикий шторм, посудина потеряла управление, радиопередатчик сломался, двигатель предательски заглох. И уже на восьмой день их, совершенно измотанных, промерзших, страдавших от жажды и голода, обнаружила канадская береговая охрана. Рыбаков доставили в городок Виктория, предложили остаться в Канаде, просить политического убежища, обещали деньги взамен на сотрудничество и выступление с рассказами о тяжёлой жизни и преследовании несогласных. Промысловики отказались. Было решено их депортировать, но что-то пошло не так. Пропали необходимые документы, затянулась дипломатическая волокита с переговорами. Скучая в ожидании возвращения, Остроглазов изучал городок, карту местности, где находилась база охраны, а уже потом, сообразив, что совсем рядом граница с Американскими Штатами, решил не спешить в далёкий Невельск.

Иван не собирался эмигрировать, бросать родных или предавать Родину. Он хотел путешествовать и разглядеть своё место в огромном мире. Острый сказал себе: «Пора, давай Ваня! У тебя появилось время, о котором говорила мать, и ты оказался там, где всё можно изменить, но времени немного, а места бывают и получше. Двигай».

Переждав с неделю, Остроглазов отправился на юг. Минуя редкие контрольно-пропускные пункты, обходя патрули, он удачно переправился в Штаты. В странствиях и поисках началась новая жизнь.

Шесть месяцев путешественник промыкался в Америке. Нелегально работал грузчиком в магазине, уборщиком на стройке. После долгих формальных проволочек получил паспорт и при первой возможности улетел в Европу. «Хочется поближе к дому», – объяснял он себе такое решение. Помаялся на германских шахтах Северного Рейна, скопил денег, недолго жил в Берлине, а летом 1969 года приплыл на золотые прииски в Западную Австралию. Золотодобыча тогда заметно оживала, австралийские власти прекратили слежку за промысловиками, и можно было рассчитывать на скорый заработок. Иван вступил в артель мрачноватых золотоискателей. Весёлый нрав

новичка пришёлся по душе работягам, и Остроглазов быстро превратился во всеобщего любимца. Ему доверяли вести переговоры с администрацией прииска, заботиться о сохранности общинной кассы. И ещё десятки мелких, но важных поручений быстро переключалось на плечи русского парня.

Виновником знакомства Ивана с Кайриным стал призывно заговоривший в то легендарное столетие космос. Остроглазов гордился великим соотечественником, почти ровесником, космонавтом Юрием Гагариным. Ещё в Невельске из местной газеты он вырезал его фото, тяжёлым утюгом тщательно разгладил бумажный портрет и при помощи четырёх канцелярских кнопок повесил над кроватью. Гагарин улыбался, а Острый, вдохновлённый самой возможностью побега к далёким планетам, весело подмигивал в ответ.

Более того, Иван был абсолютно уверен, и никакие советские статьи или радиопередачи не могли эту уверенность поколебать: в кратком героическом полёте первый космонавт повстречался с тайным стражем жизни Вселенной. Стражу было поручено охранять Землю от внешних врагов, вовремя упреждать земные катаклизмы и присматривать за разработкой новых видов оружия. Называть такого хранителя Разумом, законом причинности, Богом или как-то ещё Острому казалось делом второстепенным. Главное: встреча произошла; она навечно запечатлелась в гагаринской улыбке. Первому капитану Земли запретили рассказывать о произошедшем. Но когда молчать Гагарин не захотел, ему подстроили авиакатастрофу. Хладнокровно устранили самого главного свидетеля истории XX века.

Конечно, Остроглазов мечтал лично отправиться в космос, причём не просто облететь Землю, а вырваться на межгалактические просторы, к Марсу и Венере, о которых рассказывали Толстой и Беляев. Оказавшись в Штатах, Иван узнал о парадоксе Ферми, вы зубрил уравнение Дрейка, и его любимым занятием стали горячие разговоры на тему: «Где все? Куда попрятались разумные обитатели других цивилизаций?» Рурские шахтёры и берлинские рабочие особого инте-

реса к рассуждениям Ивана не проявляли, а вот австралийские золотоискатели, наоборот, их всячески поощряли. Больше всего им нравилась идея улететь на ракете к Марсу. По словам рассказчика, золото там лежало буквально под ногами: «Только собирай и отправляй на торги в Сидней».

К неописуемой радости Ивана космические широты не молчали. 28 сентября того же 1969 года на Австралию, как раз недалеко от приисков Среднего Запада, пролился метеоритный дождь. Около городка Мурчисон¹⁵, штат Виктория («Опять Виктория! Победа!» – припомнив название канадского городка, восхитился совпадению Острый), рухнул стокилограммовый метеорит, при пикировании нещадно разворотивший крышу деревянного дома. Об этом событии сообщили все мировые радиостанции, написали агентства. И Остроглазов, поскольку визит внеземного гостя произошёл буквально под боком, прямо с приисков примчался в Мурчисон. Собственными глазами он хотел увидеть воронку кратера рухнувшего болида. Ему, человеку убеждённому, что под падением небесных объектов часто скрывается факт приземления или даже взлёта межпланетных кораблей, не терпелось лично разобраться с происшествием. Первым, кого он встретил в городке, оказался Кайрин.

Сергея Наркисовича отправили туда для репортажа к субботнему выпуску газеты. У него образовалась почти неделя,

но писать оказалось особенно не о чем. Изрядно намучившись в горячем пыльном воздухе равнин за три дня, Кайрин коротал часы под крышей местной забегаловки. Там-то он и увидел, точнее, услышал, Остроглазова. Иван по-английски заказал себе «Четыре креста», решительно отхлебнул из бокала глоток пива, а после, уже по-русски, пробубнил самому себе: «Опять напиток кенгуру».

– Тебе не нравится здешний эль? – спросил Кайрин у незнакомца.

– Не особо, – широкоплечий, голубоглазый, невысокого роста, в потрепанной ковбойке и потерявших всякую расцветку джинсах, услышав в австралийской глухомани родную речь, молодой человек даже не удивился, – среднее пиво. Радость, что холодное. «Форестер» гораздо приятнее.

Затем с лёгкой насмешливостью в голосе спросил:

– А ты вообще кто? Гражданин советский или русский?

– Русский, но не советский, – тогда вопрос юноши, оказавшегося, как и он сам, в Мурчисоне, Кайрину показался довольно странным, – я репортёр Сергей Кайрин. Из Сиднея.

– Приехал по заданию инопланетян искать? – Остроглазов деловито потягивал пиво. – Здесь их нет. Уже проверил. Огненный булжжик врезался в сарай местного аборигена, лишил старика кровати, посуды, обеда, радиолы, но навсегда прославил городишко. Кстати, меня зовут Иваном. Остроглазовым. Фамилия такая. Редкая.

– Очень приятно, – Сергей Наркисович с интересом разглядывал нового знакомого. – В чём же тут слава? И почему ты решил, что редакцию интересуют пришельцы?

– Любому зайцу понятно, – Иван отставил недопитый бокал, – сейчас все только и делают, что охотятся за инопланетным разумом. Своих мозгов хватило на мировые войны и пластиковые пакеты. Скоро весь океан будет ими запружен, как австралийское болото крокодилами. Хорошо, что советские лётчики прорвались в космос. Ну и американцы прилунились недавно. Такими темпами скоро полетим на Марс! Наши небесные кураторы наблюдают. Однажды пришлют сюда помощь, противоядие от человеческого безумия, а пока только напоминают: мы тут, рядом, всё видим. Мурчисон попадёт в справочники только благодаря метеориту. Другой причины там оказаться у городишки нет.

– Зайцы у тебя – вполне образованные приматы, – Кайрин улыбался, – чем планируешь заниматься, пока небесный десант не вернулся на землю?

– Отправлюсь завтра обратно на прииски. Поработаю до декабря, а там видно будет.

– Приезжай на Рождество в Сидней, – паренёк всё больше нравился Сергею Наркисовичу. – У нас хорошая община, отметим праздники, познакомлю с русскими переселенцами. Обрастёшь связями. Пригодится.

– Я не против, – Остроглазов обрадовался, – приеду. Мне, честно говоря, иногда бывает немного тоскливо. Русскому человеку, даже иммигранту, хочется понуть в родную жилетку. Для такого дела и белоэмигрант вполне сгодится. Может быть, найду себе невесту. А ты, кстати, женат?

– Был. Но давно и не слишком удачно.

– Что-то неприятное произошло? – Иван, в чьи добродетели тактичность входила в последнюю очередь, ждал ответа.

– Как сказать, – замялся журналист, – просто разошлись. Без выяснения отношений и долгих разбирательств. София, так звали жену, уехала к себе в Палермо, а я отправился в Германию.

– Всё, следовательно, само собой закончилось? Никто не погиб от меча конкистадора, и злых идолов войны вы не расставили на своих берегах? – Острый пытался шутить.

– Приблизительно так, – Кайрин кивнул, – идолов никто не вкапывал, а по-хорошему согласились: будущего нет, и никто не может принять решение.

– Она виновата! – Итальянки всегда тщеславны и заносчивы.

– Никто не виноват. Я устал от скорости её перемещений по жизни, взбалмошности и эгоизма.

– Так она тоже от чего-нибудь устала.

– Вполне могла. От моей замкнутости или ревности. Кстати, София только жила на Сицилии. Она сложная смесь еврейских и сербских кровей.

– Ого! Думаю, смесь даже не сложная, а взрывоопасная. Хотя и при таком раскладе никто не мешает договориться и жить в мире.

– Это только кажется, что люди способны договариваться. На самом деле – только мелкие уступки, небольшие победы и мизерные приобретения.

– Ты, Кайрин, плохо старался – всегда остаётся шанс на настоящий мир. По крайней мере, если сохранилось уважение. Мои старики друг друга уважали.

– Я любил.

– Или думал, что любишь.

– А какая разница? Если даже и думал, так думал именно о любви.

– Тогда тебе не хватило терпения. За женщину нужно или сражаться, или ждать, когда откроется второе дыхание на этой гонке.

– Вот гнаться никуда и не хотелось. Жили урывками и разошлись потихоньку. Слово ручей в половодье бежал себе да засох. А сражаться за всё приходится, но хороша ли такая жизнь?

– Почему нет? Победил и живи триумфатором.

– Не в моём случае. София была особенная, ускользящая. Если дней на десять расставались, а после встречались, то нужно было как будто с самого начала всё возобновлять. А детей Бог не дал.

– В таком раскладе тоже свой смысл есть, – Иван, приметив, как медленно мрачнеет собеседник, решил свернуть разговор, – но ты не переживай. Всё устроится. Будем дружить. Приеду, если позвал.

Кайрин согласился. Они простились. Иван стал навещать в Сидней. Ему нравилась библиотека нового друга. В ней хранились изданные за границей книги русских писателей, чьи фамилии Остроуму были неизвестны. Он пришёл в совершеннейший восторг, прочитав стихи Георгия Иванова: «Сияет солнце, вьётся знамя, / И те же вечные слова: / “Ребята, не Москва ль за нами?” / – Нет, много больше, чем Москва!» Как зачарованный часовой, Остроглазов их декламировал и, не оставляя в покое Кайрина, рассуждал:

– Серж, а ведь Иванов – гениальный поэт, не хуже Есенина. За нами действительно больше, чем Москва. За каждым русским человеком в сотни раз. Огромный мир. Чужой и злобный, если его бояться и ненавидеть. Необычайно красивый и многоликий, если с ним подружиться. А Москва... что она для нас? Столица неизвестного государства в государстве. Я, к примеру, уважаю Австрию и Германию. Хотя язык тамошних граждан очень утомительный.

Кайрин с Остроглазовым могли вести долгие и подробные разговоры, обсуждая разные темы: от политики, экономики, искусства до особенностей крокодильей охоты на западных болотах Австралии. Им нравилось вникать во всяческие мелкие, на первый взгляд неважные детали вопроса, но какой бы предмет ни становился поводом горячих споров, они не ссорились, дорожа нежданно обретенной дружбой. Выслушав очередное категоричное суждение юного товарища, Кайрин терпеливо откашливался и говорил: «Твоё мнение имеет полное право на существование, но лично я считаю иначе». Это «иначе» Сергея Наркисовича подразумевало под собой совершенно противоположную точку зрения. Изо всех сил Иван старался не перебивать друга и подчёркнуто вежливо отвечал: «Вот оно, значит, по-вашему, всё как устроено. Сразу и не поспоришь». Спорить Остроглазов и не собирался. Его убеждённость в собственной правоте могли поколебать только железные доказательства или аргументы, парадоксальные в своей фантастичности.

Кайрин размышлял о причинах взаимной симпатии. Ему казалось, что с Иваном они словно два матроса, сошедшие на берег в незнакомом порту. Их старый баркас внезапно ушёл в море, и теперь морякам только и осталось, что ждать другого корабля или строить свой собственный. Они оба имели противоречивые представления о реальной России, но любили её, как можно любить героический миф, поэтическое предание или экзотическую древность. Советское отечество казалось Остроглазову огромной, застывшей между трёх океанов черепахой. А его родной Сахалин - отколовшимся в виде Невельска куском панциря-карапакса с шипом. Черепаха равнодушно забыла про злополучный осколок и еле шевелила на одном месте кожистыми лапами. Позже, оказавшись за границей, Иван как-то рассматривал на берлинской городской выставке огромный глобус. И около громады, занимавшей четверть пространства Северного полушария, с большим трудом отыскал родной остров. Прикидывая, где бы ему хотелось ещё побывать, он долго вращал макет Земли, и когда в очередной раз советская черепаха угрожающе подплывала к самым глазам, сила его вращений увеличивалась. Хотелось поскорее миновать знакомые контуры.

Кайрин же наблюдал за далёкой родиной с тревогой и любопытством. Она представлялась ему одновременно запутанным текстом, математической головоломкой, бессмысленной шарадой и чудовищной машиной.

7 сентября 1972 года Остроглазов получил телеграмму: «Прилетаю Сидней. Есть важное дело. Необходимо встретиться. Завтра 16-00. Редакция “Единение”. Кайрин». Точно такую же телеграмму в тот день получила сестра Брига.

Ознакомиться с окрестностями и достопримечательностями Окленда Сергей Наркисович и Шон О’Хини не успели. Поздно вечером они остановились в придорожном мотеле. Около парковки на флагштоках весело развевались полотнища: синее с вытянутым алым продольным крестом Британии; голубое с косым Андреевским перекрестием Шотландии; рядом с ними, вместившее в себя композицию «Юнион Джека» со звёздами Южного креста, - новозеландское и особенно бойко бившееся на ветру валлийское. На нём, в стыке зелёного и белого поля, пурпурный дракон Уэльса предупреждающе поднимал мощную когтистую лапу.

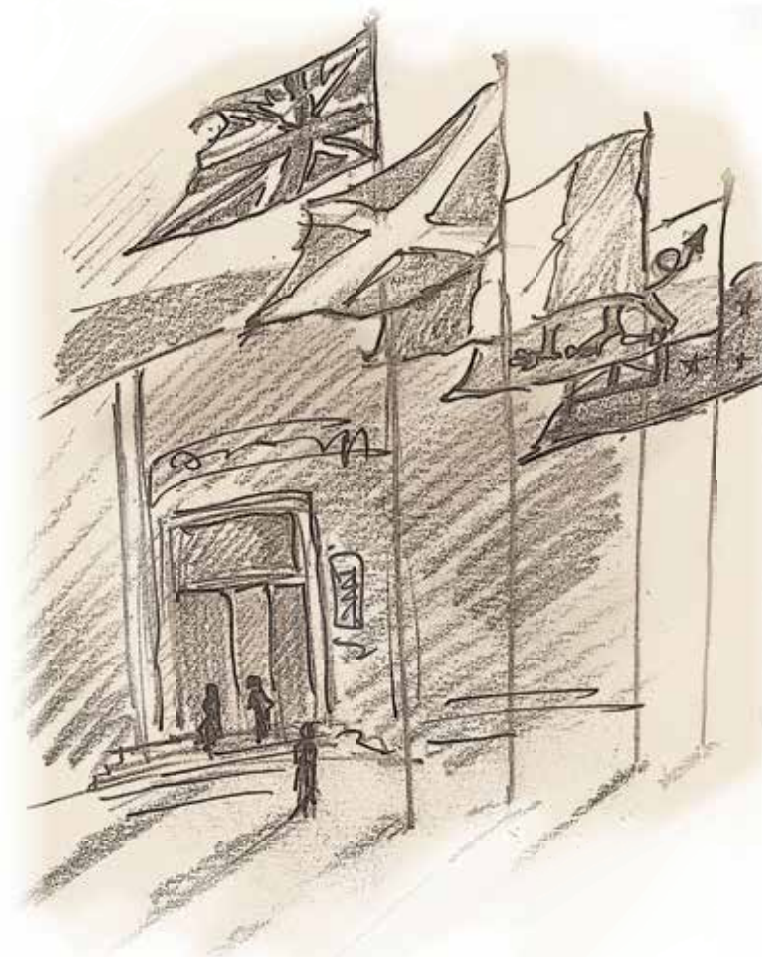
– Ну, вот, – оценил вид из окна номера Келсмен, – почти все в сборе. Наши, как обычно, где-то загуляли.

– Ты про ирландцев? – уточнил Кайрин.

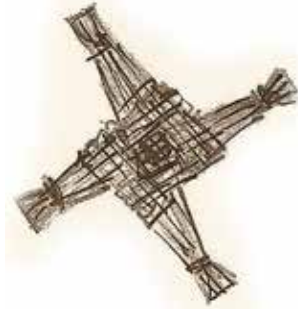
– Именно, – Шон снисходительно хмыкнул, – пока не вывесили республиканский флаг.

– Успеют ещё. К утру поднимут...

Самолёт в Сидней вылетал на следующий день. Утром друзья вызвали такси. После завтрака, перед самым выездом, выглянули в окно и остались довольны: между валлийским и шотландским флагами трепетал ирландский стяг.

Глава 5 Сидней

Тёплым вечером пятницы 8 сентября 1972 года в кафе напротив дома, где располагалась редакция газеты «Единение», собрались участники необычного предприятия – экспедиции в поисках исторического наследия людей, чьи имена почти исчезли и обычному человеку малоинтересны. За распахнутыми окнами кофейни шумела улица делового Сиднея, гулко гроыхали колеса старых трамваев, беспорядочно сигналили автомобили. Хлопанье дверей, звонкие голоса прохожих, весёлые мелодии, вылетающие из соседнего бара, – всё беспечно колыхалось, дружно смешивалось и увлекало в решительный водоворот жизни горожан, закончивших рабочую неделю.

В дальнем зале уютного заведения, где стены, обитые тяжёлым сиреневым драпом, приглушали звуки внешней кутерьмы, вокруг двух придвинутых друг к другу столиков разместились четвёрка странных посетителей. Впрочем, «странный» она могла показаться какому-нибудь европейскому официанту, задай он себе вопрос, что связывает людей столь различных даже внешне. Но в австралийской колонии Её величества королевы Елизаветы потомки переселенцев со всего света под маской небрежного равнодушия научились скрывать многое, особенно любопытство. Бармен, грек по национальности – грузный, темноволосый, в поношенном кителе, застиранной белой сорочке и стоптанных серых туфлях, неторопливо принёс гостям меню. Кайрин заказал всем дюжину ламингтонов с шоколадным сиропом и кофе; сестре Бриге рюмку травяного ликёра («разболелась голова» – пожаловалась монахиня) и три шарика ванильного мороженого для Остроглазова («зверски проголодался» – заявил Иван).

Задача перед Сергеем Наркисовичем стояла непростая. Он, уже успевший неплохо узнать каждого, теперь собирался представить гостей друг другу. Когда свободные, сильные и независимые люди для общего дела собираются вместе, трудно предсказать, какие проблемы навалятся на организатора мероприятия.

Перебрав заранее несколько возможных вариантов разговора, ничего оригинального Кайрин не придумал и потому решил начать с самого простого – знакомства. После того как, обменявшись сдержанными и немногословными приветствиями, будущие компаньоны расселись за сооружённым общим столом, Сергей Наркисович торжественно произнёс:

– Добрый вечер, друзья! Я очень рад всех вас видеть. Позвольте представить, – здесь он кивнул в сторону Келсмена, – мой спутник, новозеландский фермер ирландских кровей Шон О’Хини.

– Кельтских, – Шон привстал и вежливо поклонился, – поправлю тебя, Серж, – древних кельтских кровей. Но я сейчас не столько фермер, хотя мои дед с отцом занимались огородными делами, сколько распорядитель в маленьком порту на Южном острове Земли Длинного Облака, как называют Новую Зеландию её коренные обитатели – маори. Мои драгоценные родители и тем более достопочтенные дед с ба-

бушкой бойко говорили на ирландском наречии, но я, увы, понимаю совсем немного.

Наш род имеет отношение к приходу города Келлс, графство Мит. Так назван ещё один город, недалеко от Килкенни, но предки О'Хини жили именно на земле Ленстер. А книга из Келлса¹⁶, если вы, конечно, знаете, о чём я говорю, – наследие этого края.

– Я догадываюсь, – монахиня с любопытством смотрела на разговорчивого потомка О'Хини, – сама люблю Келлское аббатство. И хотя знаменитая Книга давно лежит в Дублине, раз в год стараюсь наведываться в городок твоих прадедов, к высоким крестам и музею монастыря. Там, кстати, недурная местная выпечка. Всегда свежий бармбрэк. Это такой вид кекса, если кто не слышал.

– Знакомьтесь, – воспользовавшись завязавшейся беседой, продолжил Кайрин, – перед вами сестра Брига, практикующий богослов, исследователь в мире религиозных идей и твоя, Келсмен, соплеменница.

– Исследователь в мире заблуждений и кулинарных рецептов, – как бы невзначай пробормотал Остроглазов.

– Любая идея может превратиться в заблуждение, если настаивать на её непогрешимости, – Брига бросила на Ивана короткий взгляд. – Мы все религиозные Одиссеи, скитающиеся в поисках своей родины, небесной Итаки.

– Не скажи, сестра, – парировал Иван, – мои похождения вполне меркантильны и безо всяких мистических выкрутасов. Циклопов и злых ведьм встречал предостаточно. Только отмахивался. Мечтаю

найти такой остров, где жизнь будет достойной, безбедной и никому до меня не останется интереса.

– Ага, вот и следующий участник нашей компании, – Кайрин энергично кивнул в сторону Острога, – мой давний друг и в некотором смысле соотечественник. Русский флибустьер, золотоискатель, любитель стихов и космических приключений Иван Остроглазов.

– Ты, как ваш Гагарин, наверно, хочешь облететь Землю? – деликатно поинтересовался Келсмен. – Не страшно?

– Пока не собирался, – ответил Острый, – да и какой смысл крутиться вокруг «шарика»? По мне гораздо веселее рвануть к созвездию Гончих Псов или ещё дальше. Там наверняка не только странные обитатели, но и мир, устроенный по другим физическим законам.

– Друзья мои! – словно в расшумевшемся классе строгий учитель, прогремел Сергей Наркисович. – Пока никто никуда не улетел, давайте сосредоточимся на предмете нашей сегодняшней встречи. Вот, собственно, и он.

С этими словами Кайрин извлёк из рюкзака заветную тетрадку. Поместил её на середину стола так, чтобы она была видна только участникам будущей экспедиции. Ловя на себе пытливые взгляды друзей, многозначительно помолчал. После чего, верно почувствовав, как их любопытство перерастает в азарт, изложил свои соображения, касающиеся содержания рукописи. Ему понадобилось двадцать минут для краткого обзора истории ирландских политических, военных и церковных перипетий. Ещё пять ушло на рассказ о том, кто такие Сели Де, то есть кулдеи.

– Друзья Божьи, кулдеи – особое сообщество мужчин и женщин разных сословий и кланов, жители дальних ирландских провинций, островов, выходцы с шотландского высокогорья и хозяева старинных замков. Это были такие аристократы духа, отличавшиеся смирением перед своим Небесным Сувереном и большой дружеской любовью к Нему. Бог призвал всех стать Его друзьями, но мало кто понял этот призыв. Христос никому не говорил: «Ты – мой раб». Апостолы считали себя Его учениками и не всегда доверяли словам Учителя. Им, как и во всякой дружеской компании взрослых мужчин, было свойственно спорить с наставником, переругиваться между собой, ревновать и капризничать. Но в их отношениях с Иисусом главным оставалась личная преданность и любовь к Другу, который умеет ходить по воде, щедро кормить народ и воскрешать мёртвых. Ирландские кулдеи пытались восстановить забытые традиции той давней раннехристианской эпохи, изнутри реформировать дряхлеющую Церковь. Они считали, что вполне достаточно одного Господина – Друга, поднявшегося

на Небо, и нет смысла подчинять своё сердце господам земным, пускай даже сидящим в Риме. Вечный город был для ирландцев важен не папой в митре, а собранием святых мощей, принадлежащих кулдеям давних столетий. Они, предъявлявшие высокие нравственные требования к самим себе, были терпимы ко всем остальным. Главное, считали Друзья Господа, чтобы человек не отрицал Бога как источник жизни и всего доброго на земле. Кулдеи не были строгими аскетами, но определенных правил придерживались. До начала гонений на кельтские общины многие из них жили в монастырях или неподалёку от них.

Пока Сергей Наркисович говорил, Иван и сестра Брига поочередно изучали манускрипт. Монахиня бережно переворачивала страницу за страницей, внимательно разглядывала рисунки и шурилась над мелкими подписями к некоторым из них. Острый быстро листал тетрадь, недоумевающе хмыкал, кашлял и по-русски бормотал: «Много тени на плетени, а дарёному коню ноги в рот не положить», после чего водрузил её на центр стола, насупился, спросил:

– Что же они, бедолаги, в тех в монастырях ели?

– Ели? – Сергей Наркисович на секунду задумался, – в основном хлеб. С множеством всяких травяных добавок. Варили овсянку. Любили мёд, сладкие и солёные овощи, рыбу, моллюсков, водоросли, солонину, масло. Запивали молоком, сывороткой, пивом. Вино было редкостью. Его завозили из Испании. Много ели яблок.

– Славный был перекус, – Иван скептически хмыкнул, – не очень разнообразный, но если нельзя расслабляться, то вполне сойдёт. Штаны не упадут.

Брига, отложив тетрадку, одну за другой задумчиво складывала из бумажной салфетки белые фигурки журавликов, кораблики, японские шлемы кабуто и молчала.

Келсмен внимательно наблюдал за новыми друзьями. Шон знал, что его соплеменники, разъехавшиеся по всему миру, травят весёлые байки и уже создали образ драчуна и простака ирландца, склонного к жалостливым песням да громким скандалам. Но никто со времён короля Георга в пабах и трактирах от Сиднея до Бостона, никто не видит их тоски и печали. Никому не приходит в голову, сколько ирландских тайн припрятано для спасения, застывшего на самом краю мира. Он искренне гордился этой семейной реликвией, своей родиной и её предназначением. Ему очень хотелось, чтобы друзья Кайрина поверили этому манускрипту.

– Теперь самое важное, – Сергей Наркисович раскрыл тетрадку, откашлялся, понизил голос и нараспев начал читать, скорее даже декламировал:

– Завещание кулдеев, братства Часовни святого мученика Блатмака...

Читал Кайрин долго, в некоторых местах замирал, стараясь поймать вдруг возникшую, но пытающуюся спешно улизнуть собственную мысль или впечатление от неё. Несколько раз ему удавалось бросить короткий взгляд на спутников. Ближе к финалу, когда речь зашла об ангелах, чудесных птицах и дереве, истекающем кровью, он услышал глухое ворчание Остроглазова, но отвлекаться не стал. Дочитал, многозначительно вздохнул и бережно закрыл манускрипт. Шум австралийского города не стихал, но казалось, что высоты его обертонов неумолимо скрадываются и, уже не в силах раскрошить воцарившуюся в сиреневой комнате тишину, рассыпаются на отдельные звуки.

– Чрезвычайно любопытно, Серж, просто невероятно! – первой произнесла Брига. – Ничего более странного мне не встречалось. Кто бы ни были авторы этого текста, их история требует пристального внимания. Одного только не пойму, зачем вам нужна моя помощь? Путешествовать в обществе дамы, тем более монахини, это как крестная процессия под проливным дождём: идти тяжело и остановиться нелегко. Полететь в Ирландию или куда-то там ещё не сложно, но ни связей, ни снаряжения, ни, кстати, лишних денег у меня нет.

– Это не проблема! – горячо воскликнул Келсмен. – Абсолютно решаемый вопрос. Наследство рода О'Хини – твёрдый гарант и надёжный тыл. Нам с мистером Кайриным нужны спутники, не столько разбигающиеся в средневековых преданиях и мистических пророчествах, сколько разумные и смелые друзья.

– Редкое сочетание, – монахиня улыбалась. – Мудрость чаще удерживает от безрассудства, которое по ошибке считают смелостью. Но и храбрецы в мыслителях не часто замечены.

– Как скажешь, сестра, – потомок О'Хини не спорил. – У меня нет чётков, которые прибавляют ума. Я верю в мудрость святых и прадедов, добравшихся к самым дальним берегам. Зачем-то они сохранили и привезли с собой эту реликвию. Небо всегда им давало верные подсказки.

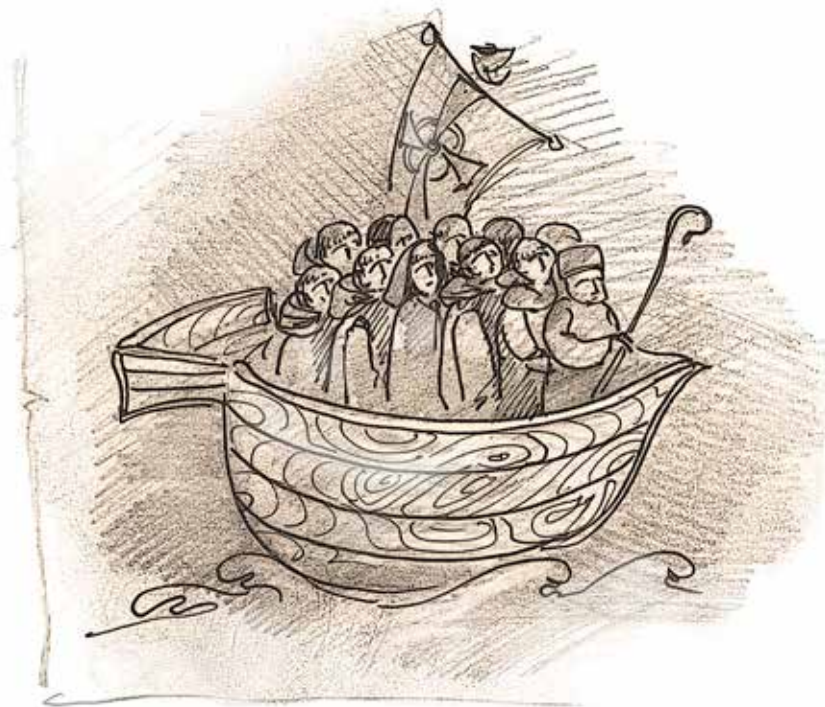
– Вот моим ничего не давало, – вмешался Остроглазов, – сидели у себя на Сахалине и ни о чём, кроме хорошей погоды, крупного улова да японской мануфактуры, не мечтали. Разве что мать умела предугадывать события. А тетрадка у тебя, Серж, довольно странная. Суть дела не ясна. Хотя, если у ирландцев, что само по себе чудесно, нашлись на приключения деньги, то я готов. Мы, так понимаю, возьмёмся за поиски всяких сокровищ и драгоценностей ваших кулдеев? Здешнее лето начинается, но работы пока не видно. Так что летим, плывём, ныряем. Кормить ведь будут?

В этот момент, словно расслышав последнюю фразу Ивана, бармен принёс кофе, мороженое и ликёр. Аккуратно расставив чашки, кофейник, сахарницу, перед Острым водрузив запотевшую креманку с тремя разноцветными шариками мороженого, Бриге придвинув рюмку с травяной настойкой, он бросил равнодушный взгляд на заветную тетрадку и удалился.

– Иван Алексеевич, – подчёркнуто строго сказал Кайрин, – никто окладах или бриллиантовых копиях речи не заводил. Убедись лично.

Сергей Наркисович открыл рукопись на странице, где был нарисован крошечный парусник, выходящий из подковообразной бухты. На палубе кораблика были изображены двенадцать человек. Их фигуры, укутанные в плащи с капюшонами, располагались вдоль правого борта. За спиной у каждого висел дорожный мешок. Самый высокий путешественник опирался на посох. Если предположить, что художник запечатлел монахов, отправляющихся в плавание, то его можно было принять за капитана или аббата.

– Вот, смотрите, – тупым концом карандаша Кайрин обвёл кораблик, – пилигримы уходят в океан. В их заплечных мешках лежит нечто важное, но не обязательно драгоценное. Автор рукописи сохранил не только фигурки путешественников, но намекнул, что они не с пустыми руками покидают бухту.

Или далее, – журналист перевернул страницу, – видите, башня. Высокая и без двери. Арка, ведущая внутрь, расположена гораздо выше человеческого роста. Лестница, которая лежит под этим то ли входом, то ли огромным окном, лишена двух нижних ступеней. Чтобы попасть в башню, придётся не только поставить лесенку, но и как-то на неё взобраться. Редкий смельчак без посторонней помощи ползет туда.

– Откуда ты знаешь? – Остроглазов внимательно разглядывал рисунок.

– Сделал приблизительный замер, – терпеливо разъяснял Кайрин, – пропорции лесенки таковы, что даже, возьми мы и приставь её к башне, – нижние массивные перекладины окажутся вровень с входом.

– Тогда зачем она вообще? – сестра Брига медленно потягивала травяной ликёр. – Предположим, это символ восхождения человека на небо или образ его ученичества. Насколько мне помнится, в наших кельтских башнях устраивали хранилища рукописей и библиотеки. Вряд ли там, наверху, был реликварий с драгоценностями. Я видела такие сооружения только в Ирландии. Башни Глендалоха, Клонмакнойза, Каслдермота и самая грандиозная в Килмакду.

– Библиотека в башне? Ну ты скажешь! – Иван увлечённо поглощал мороженое. – Делать людям нечего, как только книжки на верхотуру поднимать. Зачем такие сложности? Если, конечно, там не фолианты в золотых окладах и серебряных чехлах.

– Ирландцы хранили свои манускрипты в ковчегах из кожи, дерева и бронзы, – пояснил Кайрин, – но их ценность от этого не исчезает. Книги стоили дороже целого стада коров с телегами ячменя в придачу. У кельтов была выработана особая тактика: они возводили высокую круглую башню и вырывали под ней глубокий подземный ход. Вершина таким образом обращалась к Небу, а ступени, ведущие вниз, открывали путь к спасению от меча и стрел врага, осадившего

эту цитадель. Кстати, две башни сохранились в Шотландии и одна на острове Мэн.

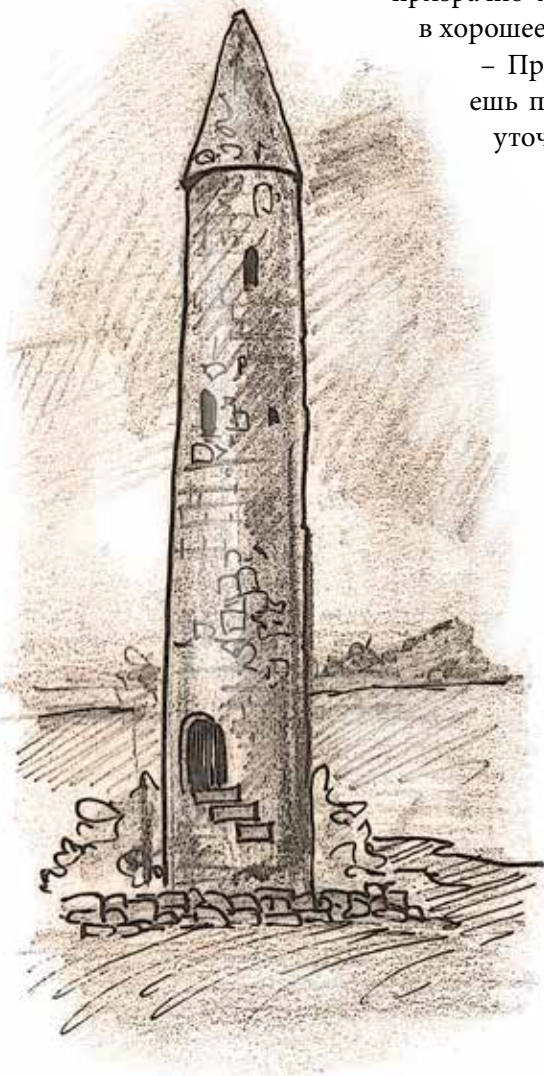
– Самые знаменитые всё равно в Ирландии, – вмешался взволнованный Келсмен, – и там, под холмами, на которых эти башни возвели, до сих пор живут сиды – хранители наших древних богатств. Они умеют искренне любить и честно ненавидеть, отчего и срок их жизни куда продолжительней нашей, человеческой. Сиды – надёжные друзья. Если только их не злить.

– Мистер Шон, а можно подробнее, – покончив с последним шариком мороженого, ближе придвинулся Остроглазов. – Наследие, о котором идёт речь, оно абстрактно, призрачно или вполне стодится для вложения в хорошее дело?

– Прости, Иван, а что ты подразумеваешь под «хорошим делом»? – осторожно уточнил Кайрин.

– К примеру, – мечтательно зажмурился Острый, – неподалёку от Большого Барьерного рифа, скажем, на острове Лизард, на вырученные деньги я построил бы кемпинг и базу для любителей подводных погружений. Учил бы взрослых и детей нырять на глубины, в гости к обитателям мира, которым до нас с вами нет никакого дела. Что может быть лучше? Разве только космический вояж. Кстати, – одним глотком Остроглазов выпил свой кофе, – а ваши куддеи тоже носили килт?

– Почему «тоже»? – Шон О'Хини с удивлением смотрел на юношу. – Друзья Божьи, прежде всего, разумные ирландцы. Не могу представить себе кельта, который откажется от тёплых штанов и натянет на себя цветастую юбку. Это не особенно красиво, да и снизу в наших широтах поддувает будь здоров.

– Шотландские горцы, как помнится, считают себя кельтской нацией, – заметил Иван, – им привычное дело – носиться по вересковым полям. Не замерзают. К тому же проще сшить юбку, чем портки. На всю семью по лекалам накроют тканей, подгонят фасон, подберут размер, и готово. Каждый шотландец в своём нарядном килте. На склоне горы его издали видно. А если заведёт свою волынку, то на пять миль слышно.

– Про кельтские килты, тартаны на ткани – особые клетки, различающие кланы Высокогорья, – совершенная выдумка, – монахиня допила ликёр и рассуждала, аккуратно макая в кофе ламингтон. – Помяните моё слово, мы ещё много раз столкнёмся с дикой народной мифологией и средневековыми суевериями. Церковь так долго пыталась воедино собрать свои представления, изложить стройное учение, что простолюдины, не дождавшись, принялись сочинять доступную их пониманию версию богословия, и дело сильно запуталось. Но в этой ситуации мне всё понятно. Натянуть килт на дальнего потомка ирландских переселенцев в Скоттию придумали англичане. В 1707 году, после заключения Унии и создания государства Великобритания, англосаксы подсунили горцам килты с беретами, а после вволю потешались над напыщенными вождями захоластных кланов, обвешанных всякой мишурой и тоскующих под волынки. Особенности расцветки тартанов, броши на перевязь плащей, ножик в длинном гольфе, фляжку с виски и прочую бутафорию они придумали позднее. Как малым детям нужно постепенно менять простые игрушки на более замысловатые развлечения, так для покорённых северных аборигенов англичане искусно сочиняли новые развлечения. Уверена, что святой Колумба с острова Иона и все те благочестивые мужи, о которых мы только что слышали, повстречав где-нибудь под Инвернессом кельта в килте, пришли бы в совершеннейший ужас. Размалёванный пикт не произвёл бы на них столь странного впечатления, как шотландец в юбке.

– Коварство британцев не знает границ, – шумно вздохнул Келсмен, – мы в Новой Зеландии едва научились с ними ладить. Когда создаёшь новый мир, поневоле пытаешься забыть старые обиды. Здесь чудесная земля, всё принадлежит всем. Только работай и не строй козни соседу.

– И не обижай местных жителей, – укоризненно добавил Кайрин. – Сколько индейцев маори приняли веру колонизаторов? Вы, переселенцы, своими приисками, табаком и дешёвым виски чуть их всех не угробили.

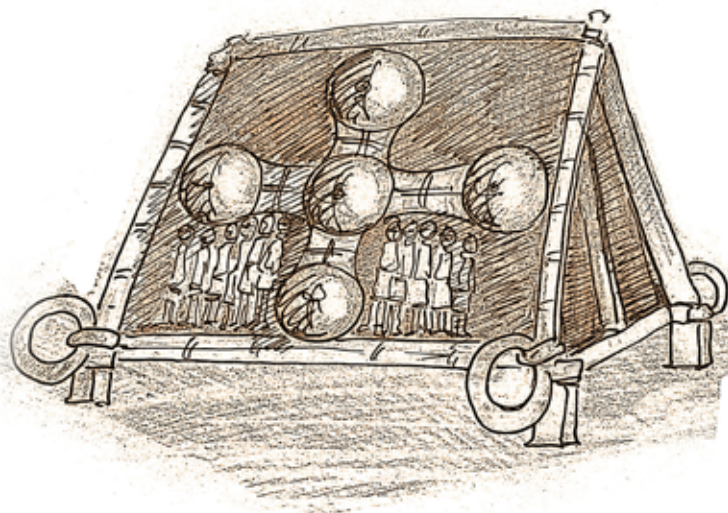
– Представьте себе картину, – развеселился Остроглазов, – добрые шотландцы натянули красный в синюю клетку килт на вождя племени маори. С копьём и в бусах великий воин раскрашен, как перед боем

со злыми духами. Стоит и слушает Bravo Scotland. Марш играет, а он, и без того загорелый, весь побагровел. Готов ринуться в битву с бледнолицыми англами.

– Ваня, уймись, – Сергей Наркисович вздохнул, – дело серьёзное. Сестра Брига права. Мы должны научиться различать границы между народными байками и реальными фактами. Нам придётся продираться сквозь неясные аллегории и полунамёки шифрованных текстов. Чаще всего религиозных, иногда не менее странных, чем эта рукопись.

– Ерунда, – Остроглазов похлопал по кожаному переплёту тетрадки, – Европа, Серж, – старая земля. Не старинная, а старая. Можно сказать, стариковская. Её ребусы и загадки – досуг пенсионеров. Но я готов повторить: если здесь скрыт код места тайника, отправляюсь в вашей компании.

– Вовсе Европа не старая, – монахиня вытянула тетрадку из-под тяжёлой руки Ивана, – ни она, ни тем более Ирландия старости не боятся. Мы никогда не засыплем мусором наши колодцы, не закопаем горные источники и лесные ключи. Конечно, может настать время, и они сами зарастут мхом, травой или скроются в непроходимой чаще, но это до срока. Всегда найдётся отряд скаутов, орден монашек или паломники, которые всё отыщут, расчистят и проложат новые тропинки. Всё это замечательно, но у кого из вас, джентльмены, есть хотя бы приблизительный план действий? С чего-то нужно начать. Возможно, имеет смысл показать манускрипт одному из профессоров-историков здесь, в Сиднее? Местный университет – лучший в этой части мира.

– Совершенно согласен, сестра, – Кайрин вышел из-за стола и, словно атлет, удачно поднявший вес, потянулся, расправил плечи, – местные медиевисты – народ серьёзный, авторитетный, но сейчас только начало сентября, так что ещё не все вернулись из отпусков. Пока мы сделаем фотокопии рукописи, созовём учёный совет, убедим специалистов исследовать тетрадку, пройдёт уйма времени. Нам самим уже сопутствует удача. Мы собрались, и это чрезвычайно важно. Много добрых дел не совершается только оттого, что люди не могут вовремя встретиться, поговорить и принять самое простое и важное решение. Как говорится: «Дорога под названием “потом” заводит в страну “никогда”».

– Так что будем делать? Какие у нас варианты? – спросил Остроглазов. – Я не очень люблю засиживаться в незнакомых барах, хотя здесь мне понравилось. Даже бармен, хотя и угрюмой наружности, но видно – человек незлобивый.

– Вариант один! – теперь во весь свой огромный рост поднялся Шон О’Хини. – Пора действовать. Редко на перекрёстке дорог ради забавы Бог собирает столь разных людей. У Него есть план, в который мы должны проникнуть.

– Да ладно тебе, – хмыкнул Остроглазов, – любому кенгуру понятно: «И создал человек Бога по образу и подобию своему». Я недавно был на Севере. В Дарвине. Есть такой город на берегу Тиморского залива. Австралийский Перл-Харбор. В 42-м его разбомбили японцы. Так вот там сохранились рисунки местных аборигенов. Плохо видны детали, но я разглядел, как крокодилы боги повелевают родом человеческим. Знай учёный Дарвин об этих рисунках, сильно бы удивился.

– Как ни странно, Ваня, – Кайрин почувствовал неясную тревогу, – но в этой истории могут появиться крокодилы, драконы и другие рептилии.

– В вашей тетрадке целый разворот занят рисунками колоколов, – выбираясь из-за стола, Остроглазов лениво выпрямился, – а кто скажет, как приличного размера и с хорошим аппетитом крокодил отнесётся к двум-трём ударам в такое бронзовое било? Перепугается или хладнокровно проглотит звонаря вместе с колокольчиком?

– Относительно крокодилов ничего сказать не могу, – монахиня задумчиво смотрела на уличную суету за окном, – но в VI веке на западном побережье жил ирландский святой по имени Мак-Крейша, приходившийся по линии матери двоюродным братом Брендану Мореплавателю. Так вот у него был особый колокол по имени Фин-файдех, то есть «плачущий колокол». С его помощью святой победил Бриох Сича, страшного монстра, который был размером с полуве-

ковой падуб. Под личиной огромного барсука он нападал на людей, разрушал их жилища, храмы и лакомился домашней скотиной несчастных селян. Никто ничего не мог поделать с чудовищем, пока не позвали святого. Бриох плевался пламенем, швырял огромные булыжники, но Мак-Крейша грозно ударил в свой Финфайдекс, и монстру из колокола прямо в его жуткую пасть ударил стук небесного огня. Можно сказать, что Бриох задымился и, злобно повизгивая, убрался на дно Лох Раха – глубокого местного озера. Там к самому грунту его прижал чудесно увеличенный капюшон монашеского плаща Мак-Крейши. До Судного

дня барсуку на поверхность не выбраться. А с колокола святого отлили несколько точных копий и развезли их по ирландским монастырям.

– На всякий случай? – Иван пристально смотрел на Бригу. – Сколько ещё монстров и вурдалаков бродит по вашему острову? На каждого нужен такой колокольчик, как сирена пожарной машине?

– О таких машинах мало знаю, – ответила Брига, – и, судя по всему, никто не скажет, что будем делать дальше? Если так, то предлагаю отправиться погулять в Гайд-парк. На свежем воздухе голову быстрее посетят ясные мысли.

Прогулка началась под зелёными сводами бенгальских фикусов. Обсуждая всякую всячину, друзья долго бродили по длинным густым аллеям, в тени пальм, между высоких платанов. Потом компания разделилась. Иван с Бригой двинулись по центральной аллее, а Кайрин с Келсменом свернули на петляющую между вечнозелёными араукариями боковую дорожку.

Сергей Наркисович хотел поговорить с ирландцем наедине.

– Шон, а нам точно хватит денег на путешествие? Я готов поискать средства среди русской диаспоры Сиднея, Брисбена или у друзей в Южной Америке, солидных филантропов. В Парагвае живёт мой приятель, православный священник Петров Иван Николаевич. Он георгиевский орденосец, бывший боевой офицер Белой армии. Служил у Колчака, штурмовал Екатеринбург. Как большинство эмигрантов, долго скитался по миру. Кем только не работал и кого только не встречал этот замечательный человек! Сейчас отец Иван в Парагвае, под Асунсьоном, настоятель храма Девы Марии, и к нему приезжает множество русских

эмигрантов. Они, конечно, не миллионеры, но под его гарантии в долг и без процентов денег мне дадут.

– Не переживай, – Келсмен, подхвативший широкой ладонью ветку араукарии, превратил её в своеобразный веер и усердно отмахивался этим приспособлением от мошкар, – мы справимся. Финансы под контролем. В старых сундуках много потайных шкатулок, и если что, наши дальние родственники в Шотландии всегда помогут.

– Какие-то О’Хины поселились на севере Британии? – Кайрин замедлил шаг, дождался спутника. – Что они там делают?

– Застряли после Пасхального восстания, – ворчливо ответил Келсмен, – ни туда ни сюда. На родину не вернулись и к нам не приехали. Где-то в районе озера Лох-Несс разводят овец. Дом у них в Форте Августина. Очень зажиточные, но, что по местным меркам редкость, щедрые люди. Я с ними в переписке. Если будет туго, не бросят. Но мы и сами дружим с покровителями горшочков, наполненных золотом.

– Ты о лепреконах? – улыбнулся Сергей Наркисович.

– Про них самых! – уверенно подтвердил Шон.

Тем временем около Фонтана Арчибальда Иван с Бригой слушали залихватские мелодии местных валлийцев. А когда уличные музыканты запели «Щёлкайте ножницами, щёлк-щёлк, сильней удар! Старая овца не спрячется в кустах!», Остроглазов с трудом сдержался от желания несколько метров протанцевать по широкому парапету фонтана. Он уже было забрался на каменный подиум, но звонкий голос монахини в последнюю секунду остановил Ивана:

– Мистер Остроглазов, не потеряйся! – крикнула Брига.

Острый ловко спрыгнул с парапета и, успев подхватить со скамейки забытый каким-то рассеянным австралийцем номер Sydney Morning Herald, поспешил за монахиней под арку, густо увитую фиолетовыми клематисами. Вечерний ветерок открыл газету на странице, посвящённой событиям в мире искусства. Из рекламной колонки на Ивана смотрел огромный большелобый череп, в правой глазнице которого блеснул стеклянный глаз, а глубокий провал левой глазницы затянула кружевная паутина. Фильм, на который приглашали австралийцев, назывался «Сказки из склепа». Автор заметки обещал зрителю полтора часа ядерной смеси из

мрачных завываний, эффектных ужасов и чёрных английских шуток.

– Погляди, сестра, – Иван бодро ткнул в открытую страницу, – пришло время ходячих покойников с голыми черепами. Кино! Время движения всякого антиквариата. Надо сказать Кайрину, что не одним нам пришло в голову начать охоту за древностями. Мумии и прочая нечисть сама дружно вылезает наружу. Одного не могу понять: чем так привлекательны жуткие фильмы?

– Во-первых, – монахиня внимательно разглядывала афишу на газетной полосе, – многие люди готовы принять минуты и даже часы страха в кинозале как противоядие перед испугом в обстоятельствах реальной жизни.

Ужаснувшись событиям мира вымышленного, они избавляются от излишков химических веществ, которые в их настоящем мире вызывают чрезмерную панику. Я имею в виду дофамин.

– Ага, – сочувственно закивал Остроглазов, – понимаю. Это как пообедать с запасом на неделю вперёд. До утра точно хватит. Дальше неизвестно, но сразу не оголодаешь.

– Приблизительно так, – согласилась Брига, – вторая причина симпатии к этим фильмам в возможности совместных переживаний. Когда с друзьями в темноте сеанса, едва дыша, сидишь и смотришь, то ощущаешь себя как на войне. Возникает чувство особого братства перед кошмарами, накатывающими с экрана. Ну а в некоторых сюжетах не только детские страшилки, но скрыт глубокий философский смысл.

Был такой ирландский писатель Брэм Стокер, – монахиня отдала Острому сложенную газету, – среди дублинцев он прославился жуткими историями и тем, что почти ничего не писал о своей родине. Жил Стокер в Лондоне, работал театральным директором у великого Ирвинга и вошёл в мировую литературу романом «Дракула». Если ты не читал, то наверняка слышал.

– О! «Дракула»! – Иван сунул газету под мышку. – Помню, я смотрел цветное английское кино с Питером Кушингом в роли весельчака, у которого время от времени с подбородка капала клюквенная кровь. Очень задиристое зрелище. Особенно когда в кинозале рядом с тобой три девицы визжат как резанные. Они по твоей теории должны быть очень дружны. Но книжки такой не попадалось. А что там? Смерть и особые ирландские десерты на обеде богатого господина с поехавшей головой?

– Ну нет! – Брига возмущённо фыркнула. – Ирландский десерт – это хорошо пропечённый, сдобренный изюмом и корицей кекс или сладкий гуди. У Стокера много всякой ерунды про вампиризм в Трансильвании, но он чутко уловил фантастическое умение смерти флиртовать с наивными людьми через своих многочисленных агентов. Я хорошо помню сцену, где Дракула встречает главного героя. При первом знакомстве Джонатан Харкер, так, кажется, его звали, ощущает ледяное рукопожатие мертвеца и цепенеет от слов графа: «Входите без страха и оставьте здесь часть вашего счастья». Почти что: «Отдайте душу как цену за убежище и ужин». Кстати, если верить Sydney Morning Herald, твой Кушинг какого-то злодея играет и здесь.

– Точно! – Иван перечитал рекламу и восхищённо воззрился на Бригу. – Я даже не заметил. Ну у монахинь и зоркость! Хотя мне ближе Чарли Чаплин и Гарольд Ллойд.

– Ещё у Стокера есть рассказ «Железная дева», – словно не расслышав восторгов Острога, продолжила Брига. – Это история, в которой обычная городская кошка необычным средневековым орудием пыток сурово мстит за своего котёнка наглому американцу. Трагедия происходит в Нюрнберге. Американский турист убивает несчастного котёнка и глумится над его матерью. За это суровым роком он приговорён к смерти, но оказывается как бы между двух, независимых друг от друга, видов воздаяния. Слово мрачные ангелы, две силы получили приказ на казнь одного и того же виновного, хотя действуют сами по себе. Ангел «Железной девы» – это посланник чьей-то давно отсроченной гибели, которая наконец-то должна свершиться, а ангел-мститель кошки карает за убийство котёнка. Воли их совпадают, и несчастный американец, пронзённый шипами пыточного орудия, гибнет, не в силах вырваться из чрева «Железной девы» и не в состоянии отвести взгляда от огненных глаз кошки.

– А к чему ты это вспомнила Дракулу? – осторожно спросил Иван. – Кто из нашей лихой компании напоминает тебе графа? Не иначе – новозеландский потомок О’Хини? Его предки вполне могли позариться на британские колонии. Сколотили бы армию вурдалаков – и вперёд.

Такой верзила вполне может возглавить целый корабль головорезов. Но шансов у них маловато. По крайней мере, до тех пор, пока первый ирландец не высадится на Луне и не воткнёт возле полосатого флага свой штандарт с зелёным трилистником. Вот тогда все воскликнут: «Ирландцы спасли мир!» Кстати, из космоса Ирландия сильно смахивает на медвежонка, поднявшегося на задние лапы. Я видел фотографии со спутника.

– Шон, Серж! – Остроглазов окликнул появившихся из-за поворота зелёной аллеи приятелей. – Вот вы где! А мы в Нюрнберг заглянем? Там, по словам Бриги, водятся кошки-убийцы. И ещё у меня для вас газета про оживших обитателей английского склепа. Может, и в Британию придётся сгонять?

– Про Нюрнберг пока ничего сказать не могу, но Германии нам не миновать, – ответил Кайрин. – Прогуляемся ещё немного.

Теперь они шли все вместе по широкой дорожке в сторону западных ворот парка. Тетрадка с ирландским шифром лежала в сумке Сергея Наркисовича. О ней никто не вспоминал, но рукопись торопила и призывала к действиям, как незримый настойчивый спутник. Друзья расстались около старинного Дома Парламента на улице Маккуори, когда уже последние переливы заката растворялись на влажном асфальте пустующих улиц, автомобильный шум стихал и только звонки поздних трамваев тревожили город. Келсмен с Иваном отправились в гостиницу, Брига к знакомой австралийской монахине, Сергей Наркисович домой.

Уже поздно вечером в уютной квартирке на Элизабет-стрит Кайрин достал особую записную книжку. У него ещё был совсем маленький, удобный для сиюминутных пометок блокнот. Книжке он доверял важную техническую информацию, туда же помещал свои соображения, а также всякие понравившиеся заголовки статей и политических докладов. Она была разделена на несколько частей. Первую он отвел под личные заметки. Вторая предназначалась для сохранения подробностей, касающихся географических названий, расписаний поездов, самолётов, перемены часовых поясов, характеристик новых моделей автомобилей, имён действующих политиков и прочей подобной информации. В третьем разделе он сохранял изречения известных авторов, поэтов и философов, которые после неоднократного обдумывания начинали казаться ему почти уже собственными.

«Бывают люди, рядом с которыми ощущаешь себя особенным образом, – рассуждал Сергей Наркисович, – начнёт такой человек проносить нечто значительное, а ты стоишь, слушаешь и чувствуешь, как умнеешь. Хочется самому говорить чеканно и весомо, подыски-

вать нужные слова. Нечто подобное иногда происходит с хорошими, пускай даже и чужими, текстами. Читаешь что-то необычное, сильное, и потом уже самому спотыкаться в речи, на письме делается неловко. Продумываешь каждую деталь, и если вдруг не растеряешься, то может созреть неплохой спич или статья».

Год назад в этом третьем разделе Кайрин поместил несколько важных конспектов. В Сиднее он купил две книги. Обе были о Великобритании и читались им попеременно. Утром он легко проглатывал двадцать страничек «Краткой истории Англии» Честертона, а вечером его захватывало куда более подробное и серьёзное чтение на эту же тему – «Рождение Британии» сэра Уинстона Черчилля. В этом случае дело доходило до сорока внимательно изученных страниц. Сергей Наркисович размышлял над той или иной парадоксальной идеей, спорил с Черчиллем, восхищался Честертоном. С ними было захватывающе интересно. Обоих авторов он прилежно конспектировал.

Но сейчас ему захотелось заглянуть в раздел «Кельтское наследие». Несколько лет Кайрин внимательно изучал и записывал всё, так или иначе связанное с историей средневековой Ирландии и Британии. На дальних северо-западных островах он обнаружил интеллектуальное и политическое оживление. Ему казалось, что незримо, но уверенно именно там просыпается послевоенная Европа, будущее которой пройдёт под знаком нового кельтского возрождения.

«Осталось, – по памяти он процитировал Йейтса, – припомнить вкус мёда и океанской пены, подмешанных к деяньям старины. Многие в мире скоро изменятся, и даже России не миновать этих метаморфоз. Пока любители древностей занимаются генеалогией и антиквариатом. Они, конечно, не революционеры, но им тоже необходим про-

ект будущего. Культурное возрождение неминуемо, и оно будет сопровождаться реформацией старых духовных представлений и развитием интереса ко всем главным теориям XX века от марксизма, фрейдизма до идей Толстого и Шардена, но теперь только на религиозной, филантропической основе».

Потом Сергей Наркисович перечитал кусочек из любимой проповеди Джона Донна: «Ни один человек не может быть островом так, чтобы ему хватало самого себя; каждый человек – это кусок материка, часть целого; если даже один ком земли будет смыт в море, Европа станет меньше, так же, как если бы смыт был мыс или поместье твоего друга или твое собственное; смерть каждого человека уменьшает меня, ибо я един с человечеством; и потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол, он звонит по тебе».

Задумчиво вздохнул: «Колокол, колокола и колокольчики... в нашей тетрадке их целая звонница». Внимательно перелистав кельтский раздел, Кайрин погрузился в изучение второй, практической, части записок.

Книжка должна была помочь в создании маршрута путешествия. Неспешно и кропотливо он рисовал схему перелётов, копировал названия и адреса гостиниц, составлял список имён и телефонов, в столбик складывал и умножал суммы дорожных расходов.

Редко проезжающие под окном автомобиля сигналили в эвкалиптовую темноту ночи случайным прохожим. Кайрин повернул ручку радиоприёмника, и сквозь скрывавшую мощный динамик тёмно-сиреневую ширму в его комнату прорвались голоса «Битлз». Сергей Наркисович узнал мелодию «Элеонор Ригби». Он услышал скрипки и гитары беспокойных бардов, обрывки церковных гимнов, речитативы одиноких пилигримов. Один из них рассказывал о священнике Мак-Кензи: проповедь старика никому не нужна, бедолага штопает носки, а девушка Элеонора, так и не дождавшись добрых перемен, умрёт в полной безвестности. Обо всём этом весело пели битлы.

«Ого, – на минуту он отвлекся от записей, – в песенке у пастыря шотландская фамилия. Он вполне мог быть дальним потомком кулдеев. Если мы на правильном пути, то Бог не поскупится на прямые намёки и подсказки».

Глава 6 Регенсбург

Утром следующего дня друзья собрались в крошечном кабинете репортёров «Единения».

– Мы летим в Германию, – решительно произнёс Кайрин. – Надеюсь, доберёмся до Мюнхена, а уже оттуда отправимся на Регенсбург. Нам надо именно туда, к излучине Дуная. В древний Ратисбон*.

– А как же мюнхенские пивные, свиная рулька, белые вайсшусты? – Остроглазов обиженно смотрел по сторонам. – Я, конечно, люблю всё немецкое, особенно баварскую стряпню, но в Регенсбурге точно нет чёрного пива и брандербургской утятини.

– Я обещаю тебе лучшие во всём Подунавье кнодели, регенсбургские колбаски с франконским хреном и картофельным салатом, – Кайрин радушно улыбался. – Не переживай, праздник тяжёлого германского обжорства на фоне величавых древностей состоится.

– Серж, прости, – вмешалась Брига, – если не путаю, то в Регенсбурге церковную кафедру основал святой Бонифаций?

– Который, вероятно, был кельтом! – присоединился к разговору Келсмен.

– С какой стати немец, носящий такое романтическое имя, имеет родство с твоими соплеменниками? – прищурилась Брига.

– С нашими, сестра, позволю тебе напомнить, нашими земляками! – убеждённо уточнил Шон. – Имеет, по той причине, что Ратисбон, будущий Регенсбург, как и всякий приличный европейский город, без кельтских воинов ни за что не выстоял бы. Дикие племена трети-

* Ратисбон – кельтское название Регенсбурга.

ровали Европу. А Бонифаций, как любой порядочный средневековый христианин, скорее всего, был родственно связан с кельтским народом. Или, на худой конец, в швабских лесах ему повезло принять ирландское крещение, а уже потом отправиться проповедовать к сородичам. Знаете, как выглядели миссионеры из Дерри и Келса?

Шон О'Хини водрузил на письменный стол потрёпанный дорожный мешок. Вытащил из его недр холщёвый ремень, опоясался им поверх широкой песочного цвета блузы; решительно тряхнул своей густой шевелюрой и уверенно произнёс:

– Ирландец никогда и никуда не выходил без удобных башмаков, крепкого посоха и надежного ремешка. Даже молодые пилигримы тщательно подгоняли амуницию, проверяли мельчайшие детали экипировки. В древности к поясам было принято привязывать головы убитых врагов, а христианские проповедники приторачивали книги и письменные принадлежности для дорожных записей. Издалека нетрудно было разглядеть, что идут не лихие люди, а учёные монахи. В Германию они добирались в таком виде. Так ведь, Серж?

– Совершенно точно, – ответил Кайрин, – а Регенсбург, как и всякий приличный город Европы, позволь, я воспользуюсь твоим определением, был захвачен римскими войсками. Произошло это после Рождества Христа, во второй половине первого столетия. Римляне обнесли тогда кельтское поселение стеной и разместили тысячный гарнизон пехотинцев. Их дозорные неусыпно следили за перемещениями местных варваров из Баварского леса по Регену* и Дунаю. В 160 году маркоманы – эти древние германцы, предки баварцев, прорывавшиеся в Италию, жестоко вырезали гарнизон. И только Марк Аврелий, автор «Пути воина» – книги, с которой я в юности не расставался, – навёл здесь порядок. Он возвёл мощную, с десятиметровой стеной, множеством башен и четырьмя высокими воротами, крепость. Называлась она Кастра Регина. Солдат там собралось предостаточно, провианта вдоволь, так что взять укрепление осадой или штурмом никаких шансов у варваров просто не оставалось. В 600 году здесь благоденствовали баварские герцоги, стребавшие большие налоги с торговли и промыслов, а в VIII веке Бог привёл сюда святого Бонифация. Однако сегодня нас больше интересует эпоха ирландской миссии на континенте, то есть история более ранняя.

– Это великое время! – оживилась монахиня. – Я люблю легендарные хроники, письма Колумбана¹⁷ к Римскому папе, тоже, кстати, Бонифацию, обожаю волшебные жития бродивших по европейским

* Реген – река в Баварии, левый приток Дуная.

чащам святых и особенно истории кельтских и англосаксонских женщин, ловко справлявшихся с большими монастырями и обезумевшими мужчинами. Автор вашего странного Завещания несколько раз упоминает святого Колумбу с острова Иона и его биографа Адомнана¹⁸. Так вот, кроме жития своего патрона, Адомнан написал ещё несколько важных текстов. В Ирландии и Европе об их существовании знают только специалисты. А когда-то они были образцом для подражания и спасали человеческие жизни. К примеру, «Закон Адомнана» VII столетия запрещал применять смертную казнь в отношении женщин, потому что женщина всегда совершает тот или иной поступок по указке сильного и жестокого мужчины. Необходимо было разобраться в причинах преступления и найти настоящего виновника. И вообще, нужно в Средних веках, как говорится, «с головой сидеть». Пока читаешь хроники и трактаты, всё более или менее запоминается, выстраивается система, но стоит только отвлечься, и августейшие титулы, даты, географические названия, прочие мелкие детали рассыпаются, словно прошлогодний горох по столу.

Кайрин задумался. Такое сравнение ему уже приходило в голову. Он всегда восхищался медиевистами, особенно европейскими, которые умели надёжно хранить в памяти сотни имён, годы великих и незначительных сражений, генеалогические хитросплетения, частности любовных приключений и церковных скандалов. Средневековые представлялось ему подвижной картиной Босха, на которой среди персонажей, занятых странными делами, бродят пилигримы с грузом заплечных мешков, хранящих книги, флейты, ковчеги со святыми мощами и ломти сушёной оленины.

– Согласен, сестра, – Сергею Наркисовичу нравилась тема разговора. – Время тогда было чрезвычайным! А к XI веку ирландские и шотландские проповедники наводнили Германию. Казалось, что земля дымилась под их ногами, и дым этот стелился к гаваням британских островов, откуда корабли уходили сюда, на континент. В Регенсбург добирались монахи, чью принадлежность к епархиям и орденам теперь установить практически невозможно. Учёные: филологи, географы, математики. Резчики по камню, ювелиры, каллиграфы. Среди них оказалось много Друзей Божьих – кулдеев. Некоторые оставались в городе, но дорога смельчаков уходила всё далее, на восток. Пора и нам в те края.

– Что ж! – ответил за всех Остроглазов. – Смотрим прямо на солнце, не подставляем спины штормам. Вперёд!

Из Сиднея в Мюнхен летели через Токио. Над Индийским океаном авиалайнер сначала мелко потряхивало. Дважды, широкофюзеляжный

«дуглас» падал в воздушные ямы, но три мотора новенькой десятки уверенно и сосредоточенно гудели. И уже при снижении над Ханедой* самолёт окончательно выровнялся, шасси плавно опустились, а мягкое шуршание посадочных колёс напомнило Кайрину звук приливных волн на горячем новозеландском пляже.

Два часа, пока шла дозаправка, пассажиры скучали в зале ожиданий. Потом взлёт авиалайнера, гул двигателей, под который журналист пытался задремать, Брига мгновенно уснула, а Келсмен с Остроглазовым болтали о всякой всячине. Летели всю ночь, рассвет приближался, и, когда лайнер уже заходил на посадку в аэропорт Мюнхена, солнечные стрелы восхода победно догнали путешественников. В терминале баварской столицы Сергей Наркисович арендовал новенький кофейного цвета «Опель-Универсал». Вместительный багажник путешественники плотно забили поклажей. Только Иван заунывился и, бормоча «знаю я этих немцев», потянул рюкзак с собой на заднее сидение автомобиля. Монахиня расположилась рядом с ним, Келсмен устроился впереди, за руль сел Кайрин.

Он любил германские дороги. Восхищало ровное, аккуратное полотно широких шоссе, чувствовал, как уверенно автомобиль стоит на скоростной трассе, как послушно входит в повороты и легко, словно под кузовом взлётная полоса, разгоняется на прямых участках. Но больше всего журналист ценил состояние особой сосредоточенности, появлявшееся как раз во время управления чутким авто. Сергею Наркисовичу нравилось находиться рядом с людьми, которые из деликатности и уважения не беспокоят, и ты делаешь своё дело, предоставив спутникам возможность шутить, болтать, и даже не отвечаешь на их вопросы. Когда друзья замолкали, у него начинался внутренний монолог.

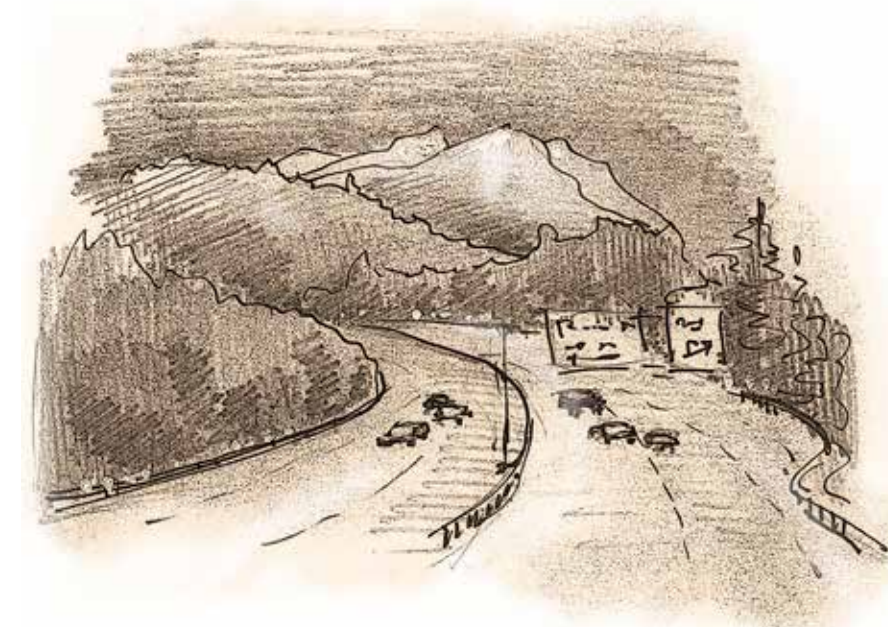
Выхватывая детали быстро меняющихся пейзажей, глаза цепко следили за дорогой. Яркие пятна деревень и городков, сквозь которые пролетал автомобиль, сменялись широкими редутами плотных лесов, а Кайрин составлял план разговора с профессором Дерридером в Регенсбурге. Там он надеялся получить разгадку зашифрованного послания кулдеев. И, вероятно, никто, кроме немецкого учёного, не мог помочь их предприятию.

Профессор Маркус Дерридер был известен среди академических кругов Дублина, Мюнхена и Окленда. Его лекции посещали студенты, аспиранты и вольные слушатели, восхищавшиеся как содержанием, так и самой формой профессорских монологов. Никогда нельзя было

* Ханеда – международный аэропорт Токио.

предугадать, на какой разворот сюжета вынесет профессорская фантазия, к каким неожиданным выводам он придёт. Аудитория замирала во время многозначительных пауз, предварявших новую головокружительную гипотезу, и покатывалась со смеха от ироничных лимериков или беззлобных эпитафий, адресованных его коллегам или оппонентам.

Учёные, подобные Дерридеру: смелые, обладающие поэтическим даром теоретики, неутомимые исследователи спорных тем и странных парадоксов, продвигают настоящую науку. Такой человек, считал Кайрин, как матрос из бочки, что привязана к мачте парусника. Вперёдсмотрящий, случайно приняв за землю густое скопление тумана, кричит: «Земля, земля!» Разбуженная команда выбегает на палубу. Их ждёт разочарование, а его – колкие упрёки и насмешки, потому что в этот раз дозорный ошибся. Но плавание продолжается, и однажды именно ему посчастливится разглядеть долгожданную сушу, сделать открытие. Маркус Дерридер никогда не принимал на веру то, что не мог исследовать, перепроверить сам. О тщательности его работ ходили легенды. Но тем сентябрьским днём Кайрина прежде всего интересовали результаты знаменитого исследования Шотландского портала, проведённого легендарным Ричардом Стробелем¹⁹, в котором участвовал и Дерридер.

Шотландский портал находился на земле храма святого Якова в Регенсбурге. Для европейских искусствоведов и медиевистов он был настоящей загадкой. Возведённый в XII веке ирландскими мастерами, портал прославился как шифрованное послание, своего рода кельтская головоломка. Ключи подбирались многими, но безрезультатно. Кайрин внимательно следил за всеми хоть как-то связанными с исследованием публикациями. Ему казалось, что полустёртые символы не только говорят о чём-то давно минувшем, но пытаются сообщить германцам важное предостережение. Сергей Наркисович предполагал, что в тайнописи на храмовой стене скрывается секретный и ещё никем не расшифрованный текст. Стробель и Дерридер отчасти его поняли, но важная часть послания до сих пор ждёт умелого криптографа.

«Итак, – рассуждал Кайрин, – в верхней левой части портала отчётливо видно рельефное изображение Христа и двенадцати апостолов. Ниже под ними фигуры обнимающихся людей. Объятия эти можно считать как приветственными, так и прощальными. Но что это: радость встречи или печаль грядущей разлуки? Как понять, если неразличимы лица героев? Центральная скульптура в нижнем левом квадрате – Богородица с Младенцем. С левой стороны под Богородицей изображен дракон, глотающий льва, а чуть правее – сирена, символ искушения. Правая сторона портала представляет собой ещё большую загадку. Кельтские монахи поместили туда фигуру вос-

седающего на массивном троне антихриста. Два отвратительных существа охраняют князя тьмы. Они – причудливая помесь человека с неизвестным животным. Портал, что было важно, создавали около 1070 года, когда Генрих II завоевывал Ирландию и нормандские солдаты жестоко преследовали кулдеев, отказавшихся подчиниться папе.

Но самую большую загадку, по мнению Стробеля и Дерридера, представляло собой изображение гидры, которую проглатывал огромный крокодил. То, что гидра речная, предположил именно Маркус. Он внимательно изучил все существовавшие копии средневековых bestiариев²⁰, проштудировал мифологические, алхимические и розенкрейцерские справочники. Ему пришлось забраться в учебники по биологии и трактаты о водной фауне нильской долины, ознакомиться с восточной иконографией и житиями древних святых. Дерридер отверг предположения оппонентов, которые считали, что гидра, поражённая Гераклом, связана с греческим мифом об обитательнице Лернейского болота. Профессор полагал, что кулдеи запечатлели гидру не из греческих топей, а из Нила. Они верили, что в XIII веке до Рождества Христова глинистая волна реки направила к дочери фараона корзину с будущим пророком Моисеем. Бог сохранил пророка, который потом уберёт Его народ от египетского рабства, и теперь, спустя почти тысячу лет, воля Господа направила ирландских проповедников в континентальные леса спасать впавших в язычество европейцев. Вдобавок ко всему Маркус предположил, что образ аллигатора с нильских берегов принесли в Ирландию египетские аскеты, бежавшие в VII столетии от исламских завоевателей через Испанию на Британские острова. А потом уже этот крокодил, как вариант библейского Левиафана, добрался до Европы».

При всей смелости, рискованности обобщений идею Дерридера приняли благосклонно. Кайрин поначалу ею даже восхищался. Но, поразмыслив, начал собирать в единую цепочку вопросы и ответы, требующие чётких разъяснений.

На фоне привычных библейских образов и метафор аллегория, в которой крокодил проглатывает гидру, казалась ему слишком экзотичной. Птицы, сонные овечки, полевые цветы, олень, рыбы, павлин, даже пеликан, из своей разорванной груди кормящий плотью птенцов, представлялись Сергею Наркисовичу образами более понятными, чем барельеф в Регенсбурге.

Уверенно и почти неслышно мчался на северо-восток приёмистый «опель». Кайрин мельком различал картины осенней Баварии и продолжал размышлять:

«Лежит себе на разогретом нильском берегу огромный крокодил. Существо не просто опасное, но и мистически жуткое. Под солнцем у него нет врагов. Не существует вообще никаких противников. Даже

если представить схватку крокодила со львом из-за, например, свежей добычи, то это частный случай драки вокруг обеденного стола, но не выяснение прав на главенство. У крокодила нет и соперников. Разве такая же, как он, но более крупная особь. У адских бездн не встретишь врагов, конкуренты отсутствуют, потому что ад есть абсолютная ненависть, возведённая в бесконечную степень. У него нет цели, а вот у крокодила свои занятия всегда найдутся. Монстр лежит подле мутной водички, греет ледяную кровь и время от времени открывает жуткую пасть. Не жара или зевота тому причина, но сугубо зубная гигиеническая необходимость. Это я знаю».

За два года промыслов среди болот Квинсленда Кайрин начал разбираться в крокодилах. Гребенчатые экземпляры из этого австралийского штата сильно смахивали на своих дальних нильских родственников. Сергей Наркисович изучил их повадки, запомнил гастрономические предпочтения. В самом начале промысловой эпопеи его охватывал бешеный сердечный галоп, напал липкий, зарождающийся глубоко в гортани и быстро растекающийся до самых кончиков пальцев ужас. Затем привычка быть у крокодилий ям настороже и навык – безошибочно различать в неподвижном светло-коричневом бревне смертоносный болид – помогал журналисту избегать встречи с потомками мстительных архозавров. Он наблюдал за миром этих существ и привык к птичьим колониям около коварных рептилий.

«Птицы, – припомнил журналист, – были в довольно тесном родстве с крокодилами. Только однажды научились петь, и, как бы сказал приверженец Достоевского, “красота птиц спасла мезозойскую эру”.

Так вот, – гипотезы только умножались, – иногда к распахнутым челюстям монстра прилетает крохотная, едва приметная птичка ржанка. Она бесстрашно запрыгивает в это разверстое пространство, чтобы извлечь из зубов рептилии застрявшие фрагменты утренней трапезы. Сделав своё дело и таким дерзким образом подкрепившись, ржанка упархивает прочь. Но пока её миссия не завершилась, из нильской глубины выныривает единственный враг крокодила – гидра. Предва-

рительно эта речная змея старательно обмазывается глиной, а после уверенно бросается в крокодилюю пасть и, подобно Христу, прорвавшись к адовым недрам, проникает глубоко в чрево монстра. Там, как Спаситель, разломавший адские двери, разбивший оковы пленников, она производит окончательное разрушение всех внутренностей рептилии. В итоге: преисподняя уничтожена, крокодил погиб. Убедительно, образно и может воодушевить умелого проповедника. Может быть, дело обстояло именно так, хотя некоторые орнитологи подвергли скептической оценке зубную роль ржанки».

Сергей Наркисович вздохнул. Мысли вернулись к насущным вопросам. Необходимо было сосредоточиться и для грядущей встречи с профессором Дерридером определить самое важное. Его интересовали некоторые принципиальные детали истории крокодила с Шотландского портала. Прежде всего – участь гидры.

Когда монстр, будучи изнутри разорван, погибает, что происходит с речной змеей? Уцелев, она возвращается обратно, в прохладную глубину Нила, или после триумфального выполнения столь опасной миссии её жизни приходит конец? Это первое, что собирался узнать Кайрин.

Второй вопрос казался ещё более сложным. Ему хотелось понять, почему на своей монументальной регенсбургской иконе кулдеи решили использовать именно этот аллегорический образ? То, что портал – своего рода икона, он, с тех пор как в австралийском научном журнале увидел фотографии церкви святого Якова, ни на секунду не сомневался. Сергей Наркисович знал про любовь кельтских монахов к высоким каменным крестам VII–XI столетий. Его восхищали объёмные изображения на подножиях и боковых плоскостях этих памятников ирландского христианства. Там встречались ветхозаветные и евангельские сюжеты, символы древней Церкви, изящные переплетения растительных орнаментов и даже змеи. Но крокодилов на высоких крестах не было.

«Правда, – осторожно предположил Кайрин, – во время варварских экспедиций Кромвеля множество крестов было уничтожено: сброшено в болота, расколото и утоплено в океане. На исчезнувших памятниках могли находиться изображения крупных рептилий. Важным казался ему и факт помещения сцены гибели нильского монстра непосредственно под восседающим на троне антихристом. Символически эти события могли происходить одновременно или последовательно. Антихрист воцаряется в мире, и это начало Судного дня, завершаемого уничтожением адской бездны. Крокодил не что иное, как средоточие зла и безбожия. В последней части космической трагедии отчаянно

смелая гидра проникает в его пасть и уничтожает монстра. Ирландские монахи представляют себя подвижниками, бросающимися в недра жестокой и маловерной Европы, в некотором роде разрушителями преисподней. Но это были далеко не все вопросы, которые нужно было задать профессору. Сергея Наркисовича волновали записи новозеландской тетради, он смутно улавливал связь между ними и открытиями Дерридера в Регенсбурге.

Наш герой бросил взгляд на сидящего рядом О'Хини. Келсмен спал. На заднем сидении тихо беседовали Остроглазов и Брига. Отвлёкшись от размышлений, он расслышал следующее:

– Мы, конечно, все очень разные, – говорила сестра Брига, – и в этой непохожести, которая может быть ядом или стать неожиданным лекарством, скрыт план Создателя. Из нашей разноликости Бог сложил мир. Натянул холст и отправил ангелов присматривать за картиной, которую мы беспечно вышиваем. Люди знают только лицевую сторону полотна, ангелы, помогающие им, видят даже изнанку. Господь обзревает всё целиком. Время от времени добавить тот или иной стежок, изъять лишний фрагмент, залатать прожжённый огнём кусок холста отправляется специально обученный ангел. Это его работа. Каким будет окончательный узор – не знает никто.

– Даже Заказчик картины? – уточнил Остроглазов.

– Заказчик предвидит, – твёрдо сказала монахиня, – но и, предвидя, Он взвешивает наши слова, планы, даже мечты.

– Скажешь тоже, мечты, – Иван рассеянно смотрел в окошко, – которые из них?

– Самые простые мечты и надежды, – монахиня говорила спокойно и убедительно, – к примеру, ты ведь хочешь вернуться на родину? Доплыть до своего острова? Вот туда однажды тебя и могут привести мечты. Нужно только не давать им рассыпаться. Сахалин тоже остров. Меньше Ирландии, но самый что ни на есть остров в океане. Я нашла его на карте сразу после нашего первого разговора.

Среди немногочисленных и небрежно собранных предметов багажа Брига хранила карманный атлас мира. Одним из проверенных видов медитации у монахини было кропотливое изучение затерянных частей света и представление, как бы она путешествовала по незнакомым краям.

– Иногда бывает, – помедлив, ответил Острый, – накатят воспоминания, и я отчётливо представляю, как схожу на сахалинский берег, еду в Невельск. Там на площади выпрыгиваю из кузова грузовика, осматриваюсь, приглядываюсь, но, к ужасу, ничего не узнаю. Иду по улице, а ко мне никто не подходит. Ни кивка, ни окрика, ни приветствия. Ми-

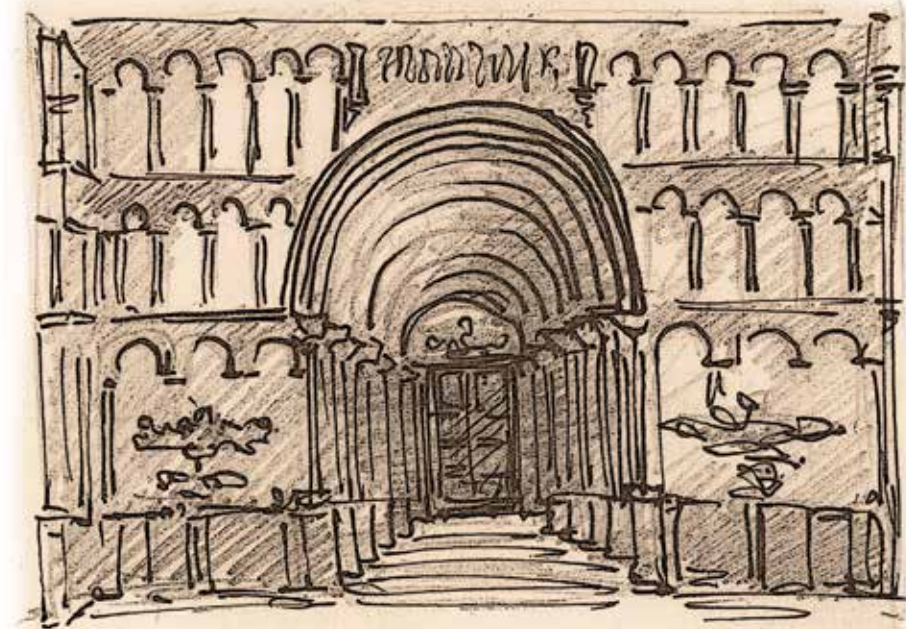
ную военный патруль. Прошли солдатики и даже документов не спросили. Только пёс, который ещё на площади увязался, бежит, не лает, словно своего признал, но подать голос боится.

– Кличка у него, вероятно, Аргус? – спросила Брига. – А ты чувствуешь себя как Одиссей, вернувшийся в Итаку?

– Чувствую я себя привидением в городе-призраке, – Остроглазов повернулся к монахине, – и самое противное – никак не могу припомнить дорогу, которая ведёт от площади к родительскому дому. У Аргуса, или как там этого пса звать, не спросишь, вот и получается сплошное маянье.

– Если научиться ежедневному разговору с Богом и с самим собою, – Брига вкрадчиво наставляла, – то многое постепенно проясняется, и начинаешь различать прежде неприметные детали.

– Это тебе, сестра, легко говорить: «Молись, читай, соблюдай». Ты – состоявшийся человек. А сколько таких, как я, бродяг перекаати-поле, шатающихся по жизни? В баре любой страны мира отыщется столик, за которым, уставившись в недопитый стакан, сидит странник, повидавший уже всё, что только можно, но ничего путного не встретивший. Ни к чему не прикипевший. Искал человек смысл жизни, а потерял себя самого.

– Его очень жалко, – сочувственно вздохнула Брига, – особенно грустно, если поиски смыслов растворились в содержимом стакана.

– Дело, конечно, не в баре, не в выпивке, – медлил с ответом Острый. – Вот, к примеру, заедет человек на сельскую заправку или выйдет на берег реки, а может быть, в лесу бродит, так задумается, замрет, и глаза его смотрят не вокруг, но как бы внутрь.

– У тебя такое случалось?

– Несколько раз. Отчётливее всего помню случай, связанный как раз с собакой. Я тогда только перебрался в Европу. Жил здесь, в Германии, но под Берлином, в маленькой каморке на Ванзее. У меня был пёс. Не Аргус, конечно, но очень красивый пегий лабрадор. Звали его Скай, в честь шотландского острова с такими, почти лунными, пейзажами. Глаза у Ская были как у настоящего лунатика – опрокинутые в себя самого. Он умел вежливо склонять голову на бок и глядел терпеливо и пристально, так смотрят люди, когда догадываются о чём-то сокровенном. А мы толком даже не знаем, кто такие наши домашние друзья. Есть ли у них страх смерти в том смысле, в котором его простой человек понимает. У Ская не было страха перед жизнью, перед будущим, и он, сам не понимая, этим меня сильно поддерживал.

Прихожу однажды в нашу с ним конуру, сажусь на пол в коридорчике. Пёс ложится рядом, смотрит своими нездешними зрачками, начинает ждать, когда я заговорю с ним. Самое трогательное – в его

особом дыхании. Мы дышим грудью, не очень явственно, а он дышал животом, всем нутром. И я ему, как другу и свидетелю моих мыканий, говорю: «Скай, ничего у меня не получается. Совсем ничегошеньки не складывается. Дела рассыпаются, надежды хлопают, как двери земляного подпола. Всё колыхается, еле держится, и никакие усилия ни к чему не приводят». Он молчит, только начал глубже сопеть, и мордой тычет мне в ладони. Я приобнял его ушастую голову, прижал и слышу, как Скай тихонечко поскуливает, почти

плачет. В тот день эта собачья жалость меня, считай, и спасла. Решил: «Если нашлось хоть одно живое существо, способное пожалеть, то не всё потеряно, надо продираться дальше. Как ровно колыхается вода в океане, так и чувства: от одного человека перетекают к другому и дальше ко всем в общем круговороте жизни. Не исчезают безвозвратно. Я поймал волну от Ская ко мне и успокоился.

– Очень поэтично! – с ещё большим интересом Брига смотрела на русского приятеля. Она даже представила, как по кромке воды бежит добрый пегий лабрадор. – Но всё же, Иван, должна быть мечта. Потаённая и красивая. Так ведь?

– Так, но особо делиться нечем, разве только фантастическими планами, о которых говорить даже неловко.

– Ты, как все русские, мечтаешь улететь на Марс, потому что на Луне уже побывали американцы? – предположила монахиня.

– Нет, в космос я вообще не хочу, – Остроглазов поёжился, – там ледяная жизнь или, скорее, ледяная нежить. Если удастся, то попробую как-нибудь доплыть до острова Тристан-да-Кунья. Высажусь на берег и отправлюсь в Эдинбург Семи Морей. Зайду в бар, закажу себе мраморного омара с бренди. Поживу годик, рыбу буду ловить, напишу книгу о своих приключениях в Америке. Потом вернусь на континент, продам подороже рукопись, может быть, по её мотивам снимут фильм. Главного героя сыграет Пол Ньюман. Заработаю денег и вот тогда на морской яхте приду в Невельск. Я запер Сахалин в своём сердце. Но когда-нибудь туда вернусь. Чем не мечта?

– Большой ты фантазёр, Иван. Откуда знаешь про Тристана-да-Кунью? Это же Бог знает где. Даже на Северных островах больше народу живёт.

– Прочитал однажды статью в скаутском журнале. Фотографий было много. Истории местных жителей, впечатления туристов, непонятно как там оказавшихся. Глушь, конечно, несусветная, но столько очарования в этой заброшенности. Короче говоря, запал мне в душу островок.

– Несколько лет назад, если не ошибаюсь, в тех местах извергался вулкан, – монахиня, припоминая, хмурила лоб. – Никто не погиб, но потрясло этот райский уголок порядочно.

– Иногда океанические вулканы, а там целый вулканище, просыпаются, – с нескрываемым восторгом ответил Острый. – Как жажнет в синее небо на километр фейерверк огненной магмы, так на Святой Елене, где сто лет назад умер Наполеон, потом неделю багровая заря с неба не сходит. А по морским меркам от Тристана он лежит совсем недалеко.

– В океане всё рядом, – ответила Брига и открыла давно уже приготовленную книжку, – почитаю пока.

Голоса пассажиров на заднем сиденье смолкли. Кайрин сбросил скорость. Дорожные знаки предупреждали о скором железнодорожном переезде. Плотная тёмно-зелёная стена елового леса разбивалась лучами высоко поднявшегося солнца. Ветка одноколейки делила деревню, через которую они проезжали, на две части. Слева от переезда виднелся шпиль католического храма. Вдоль полотна дороги были высажены невысокие пихты, а в палисадниках путешественники видели кусты шиповника, розы и чёрные баварские ивы.

«Впрочем, – Кайрин вернулся к прежним рассуждениям, – у крокодила всё же мог быть один достойный неприятель, – нильский бегемот».

В мюнхенской картинной галерее несколько лет назад Сергей Наркисович набрёл на полотно знаменитого голландца Питера Пауля Рубенса. Оно называлось «Охота на бегемота и крокодила». Рубенс написал немало картин, посвящённых охоте. Нильский пейзаж на ней угадывался по небольшому фрагменту на правой четверти полотна. В центре картины на переднем плане к зрителю почти вываливались восседавшие на огромных арабских жеребцах охотники. Изысканно одетые, с богатым вооружением, атлетически сложенные, двое в белых тюрбанах, третий рыжеголовый – они закалывали бегемота. Крокодил, кажется, был смертельно поражён несколько прежде, и под его огромной тушей умирал полуголый слуга молодцов. В руке несчастный человек сжимал короткий клинок. Глаза его наполнились ужасом и болью. Другой слуга лежал тут же рядом, лицом вниз. Судя по неподвижной фигуре, жизнь его в этой жуткой бойне внезапно оборвалась. Конечно, сделать вывод о вражде крокодила с бегемотом на основании лишь этого полотна было необдуманным предположением, но и пренебрегать такими мастерски прописанными деталями Кайрин не спешил.

«Вдруг, – подумал он, – в XVII веке о крокодилах европейцы знали особые истории, или Рубенсу рассказали нечто важное египетские охотники? Так выразительно у него получились эти монстры».

– Как вы думаете, – Кайрин обратился к друзьям, – что в XI или XII веке германцы могли знать о крокодилах?

Сестра Брига чуть слышно хмыкнула, проснувшийся Келсмен недоуменно повернулся в сторону русского друга, и только Остроглазов, не отвлекаясь от проплывающих за окном автомобиля пейзажей, предположил:

– В XI веке они кое-что знали. Но насколько тема крокодилов была более волнительной, чем тема бегемотов или кенгуру, сказать сложно. А тебе это зачем?

В общей сложности вся дорога от Мюнхена до Регенсбурга заняла пять часов. Можно было бы добраться и быстрее, но Кайрин решил заехать в Вольнцах, большую баварскую деревню, где торговали различной местной мануфактурой, сувенирами, и там удалось сытно и недорого перекусить. Иван получил обещанные вайсвурсты – белые мюнхенские колбаски. Келсмен с опаской попробовал свиную рульку швайнхаксе с картофельными кноделями и кислой капустой. Сестра Брига смело заказала два колечка бретцелей с сырным паштетом, а Сергей Наркисович ограничился вишнёвым штруделем и чашкой кофе. Поели и по добротному шоссе помчались дальше.

На улицы Регенсбурга автомобиль въехал при первых бликах вечерних сумерек. Профессор жил недалеко от центра города, в пятом доме Бисмарк-плац. Ещё в XVIII веке там находилась аптека святого Якова. К ее порогу вела прямая дорога из того самого ирландско-шотландского монастыря, о котором всю дорогу думал Кайрин.

Апостол Яков считался небесным патроном Регенсбурга, и знаков, подтверждающих почитание этого ученика Христова в городе, было предостаточно. Парикмахерскую, булочную, школу, больницу в честь Якова путешественники успели заметить, прежде чем им удалось припарковать автомобиль неподалёку от площади.

Перед самой встречей Сергей Наркисович решил позвонить Дерридеру. «Мало ли какие дела у профессора, – предположил он, – время вечернее, может быть, учёный рано ложится спать или принимает гостей, а тут мы толпой нагрянем». Кайрин вошёл в свежеекрашенную синим цветом телефонную будку, полистал потрепанный справочник телефонных номеров, нашёл нужный, набрал, переговорил с консьержем дома на Бисмарк-плац и, получив подтверждение назначенной аудиенции, вернулся к друзьям.

Они прошли через большие дубовые двери пятого дома, где их встретил и приветствовал пожилой привратник. Затем поднялись на третий этаж особняка, потолки и стены которого, казалось, навечно впитали в себя запахи лечебных трав, микстур, пихтового масла, чабреца и камфоры. Отыскали массивную тёмно-бордовую дверь, над которой висела табличка с именем профессора, и Келсмен решительно нажал кнопку входного звонка.

Спустя минуту дверь им открыл среднего роста, полнеющий, но еще подтянутый мужчина лет пятидесяти пяти. Седина уже плотно легла на его жёсткие, коротко стриженные чёрные волосы. Тяжёлый волевой подбородок, массивные скулы и крупный нос делали лицо профессора несколько грубоватым, но огонёк зеленовато-оливковых глаз и застенчивая улыбка первое впечатление смягчали. Кайрин сразу решил,

что Дерридер носит самое подходящее его внешности имя: ни Фрицем, ни Дольфом, ни, тем более, Гансом такой человек быть не может. Герр Маркус – точное попадание.

Глава 7 Вопросы профессора Дерридера

Широким жестом профессор пригласил гостей в просторный кабинет. С высокого потолка, по всему периметру обрамлённого строгой геометрической лепниной, на толстой цепи в виде раскрывшихся бутонов орхидеи спускалась старинная люстра. К стенам кабинета прижимались дубовые стеллажи, забитые золотыми и бронзовыми корешками дорогих фолиантов. Справа от огромного письменного стола в неглубокой нише стоял трехдверный, застеклённый непроницаемой матовой слюдой, массивный книжный шкаф. На нём хозяин кабинета поместил чучело крупного ворона. Один глаз иссиня-чёрной птицы смотрел на посетителей, второй плотно прикрывало морщинистое веко. По левую сторону от шкафа в компании двух кресел располагался низкий диванчик. Спинки у кресел были резные, подлокотники обтянуты бордовым бархатом, а массивные бронзовые ножки – в виде когтистых лап крупного зверя. Небрежно сложенный шотландский плед лежал на диванном подлокотнике, намекая на привычку хозяина дремать, не покидая своего убежища. Окна кабинета вполнину занавешивали шенилловые портьеры, и вечерние лучи уходящего солнца ровной трапецией падали на потемневший паркет.

– Прошу вас, располагайтесь, – торопливо заговорил Дерридер, – сейчас мы добавим света и соберём лёгкий ужин. Вы наверняка устали и не откажетесь от чашечки хорошего травяного чая с настойкой, или могу распорядиться приготовить какао? Что предпочтёт ваша дама в качестве аперитива? Есть ягодный шнапс, новый цветочный мёд и свежий сбор чабреца с ромашкой.

– Пиво не предлагают, – тихо пробормотал Остроглазов. Громко же произнёс:

– Наша сестра Брига любит всё сладкое и душистое! А мы – терпкое, крепкое и в широких бокалах.

Друзья вошли и устроились вокруг большого четырёхугольного письменного стола. Брига заняла место в углу диванчика. Сергей Наркисович сел напротив высокого деревянного стула, принадлежавшего хозяину кабинета. Келсмен с Остроглазовым расположились в креслах. Где-то в глубинах квартиры Дерридер давал указания о чае с настойками и печеньем, а ворон неподвижным взглядом следил за гостями профессора. Когда Маркус вернулся и занял своё место, часы пробили пять часов пополудни.

– Уважаемый герр профессор, – осторожно начал Кайрин, – мы приехали к вам с делом чрезвычайной важности, суть которого зашифрована между строк и в рисунках нашей тетради.

Из недр рюкзака он торжественно извлёк заветную рукопись, положил её напротив Дерридера и, откашлявшись, многозначительно продолжил:

– Этот манускрипт переписал и старательно скопировал различные изображения один из предков достопочтенного Шона из клана О’Хини – господина, который сидит в кресле по правую руку от вас.

Дерридер испытующе посмотрел на степенно поднявшегося во весь свой рост Келсмена, уважительно кивнул. Ирландец слегка поклонился и, тряхнув густой шевелюрой, сказал:

– Господин профессор, счастлив нашему знакомству. Мои смелые прадеды со своими верными жёнами, пережив чёрный 1847 год, сменив один прекрасный, но, увы, несчастливый остров на другой, не менее красивый, но более безопасный, добрались к новозеландским берегам и осели в Крайстчерче. Кто-то из них, имевший в своём роду священников или монахов с побережья графства Керри, прихватил на край света эту фамильную реликвию. Из столетия в столетие она бережно хранилась, а когда ветшала, то тщательно переписывалась наиболее

аккуратным и грамотным членом семьи. Держали тетрадку в особой коробке вместе со старинной Библией и деревянной флейтой, на которой, как уверяла моя прабабушка, играл сам Амергин. Мой отец в этой шифровке уже ничего не понимал. Ему посчастливилось видеть своего деда, который последним из О’Хини делал копию с древнего оригинала и часто повторял: «Не только в горшках ирландские клады, не все в них монеты золотые, а камни драгоценные. Главное кельтское сокровище – под храмовой горой, в солёном подземелье. Смелчак отправится за ним на птичьи скалы, к могиле египтян, к перевёрнутой лодке». Что это значит и куда снаряжать корабль, он не говорил. Вероятно, и сам толком не знал. Да и кто такие кулдеи, зачем это Завещание отцу, было от него не добиться. Старик молчал и только вздыхал.

– Храмовая гора, – вмешалась Брига, – священное место в Иерусалиме. Не пойму, причём здесь Ирландия? Может быть, кто-то из наших островитян сражался в первом Крестовом походе и стал очевидцем важных находок?

– Позвольте представить, – Сергей Наркисович повернулся к спутнице, – сестра Брига, католическая монахиня, богослов-аналитик.

– Чрезвычайно приятно, – Дерридер покинул свой стул, подошёл и протянул монахине руку, – позвольте выразить своё восхищение, Маркус-Себастиан. Искусствовед, кельтолог, археолог.

Осторожно, кончиками пальцев, Брига прикоснулась к ладони профессора. Кайрин деликатно выдержал паузу и вернулся к разговору:

– При первом знакомстве с тетрадью мне показалось, что переписчик имел перед собой несколько различных и неявно между собой связанных документов. Его задача

заклучалась в кропотливом копировании пёстрого собрания в единый текст. Но внимательнее присмотревшись к структуре рукописи, списку имён и подбору рисунков, я решил, что за кажущейся случайностью скрыто желание указать на тайник братства

кулдеев или их поздних преемников.

– Сергей Наркисович! – негромко, но требовательно воскликнул молчавший Иван. – Скажи ты немецкому товарищу про Завещание этих монахов. В нём самое главное!

Дерридер настороженно посмотрел в сторону Остроглазова.

– Ваня, сейчас профессор сам изучит документ, не торопи нас.

Теперь Дерридери был представлен Острый:

– Мой соотечественник Иван Остроглазов. Спортсмен и золотоискатель.

Дерридер только кивнул. Его стриженная голова уже склонилась над тетрадкой. Оливковые зрачки неторопливо брели по неровным строчкам, пристально разглядывали каждый рисунок. Маркус исследовал завитушки орнамента, цветы странной формы, узоры на каменных распятиях, спирали, украшавшие надгробные плиты, большие колокола, ручные колокольчики, изогнутые навершия епископских посохов, ковчеги для переноса и хранения мощей, лодки с поднятыми парусами, эскизы менгиров и кромлехов. Даже не пытаясь скрыть удивления, профессор что-то бормотал себе под нос, после чего громко охал и восклицал на немецком «Unglaublich!»*. Наконец произнёс:

– Герр Кайрин, вам приходилось что-то слышать о манускрипте Войничча?

– В самых общих чертах, – Сергей Наркисович недоумённо посмотрел на Дерридери, – а при чём здесь этот сомнительный иезуитский документ?

– Документ, вы правы, не слишком надёжный, но к ордену святого Игнатия отношение имеет лишь косвенное. Никогда братья не смогли бы создать столь изящную мистификацию ради любви к загадкам. Золота на подобном не заработаешь, а возни предостаточно. Орден однажды приобрёл или, скорее, присвоил себе этот артефакт, но когда стало туго с деньгами, монахи решили быстро и недорого странную рукопись продать доверчивому любителю древностей.

* Unglaublich! – «Невероятно!» (пер. с нем.).

– Обанкротившееся Общество Иисуса²¹ торгует раритетами? – удивление Кайрина увеличилось. – Никогда не поверю! Скорее случайность или чья-то досадная неосмотрительность.

– Именно «продуманная случайность», тактически отработанный ход, – профессор говорил всё более уверенно, – братья заложили мину отсроченного действия. Люди не особо умнеют, а ошибаются постоянно. Это только представляется, что количество информации развивает интеллект и гарантирует свободу выбора. Со времени открытия Мезинской стоянки²² мы живём в плену не нами придуманных, но нашей культурой бесконечно повторяемых мифов. Одним больше, одним меньше. Беды в том нет. А манускрипт Войничча – довольно поразительная придумка. По всей вероятности, начиная с XV столетия иезуиты тщательно скрывали рукопись. Считать манускрипт наследием Церкви не стоит, хотя многое в нём намекает на католические симпатии неизвестного автора. Как бы то ни было, но в 1912-м орден устроил антикварный аукцион. Там манускрипт и был продан человеку по фамилии Войнич.

– Так что в нём такого важного? – Сергею Наркисовичу казалось, что разговор сворачивает в ложное направление.

– Здесь несколько сюжетов, – словно припоминая очень давнее происшествие, профессор щурился в уже темнеющее окно. – В 65-м году меня познакомили с известным в Соединённых Штатах коллекционером и филантропом Гансом Краусом. В Мюнхен Краус прилетел на конференцию, посвящённую средневековым рукописям. Помнится, мы с ним сидели в пивной, и он неожиданно спросил: «Маркус, а ты не хотел бы взглянуть на некоторые картинки Войничча? Там определённо слышны кельтские мотивы. Твоя тема». Я, конечно, обрадовался. Но уточнил: «Где можно увидеть подлинник или хорошие копии манускрипта? Ваши американские криптографы ещё до Второй мировой войны его пытались расшифровать, но без особых результатов». Краус пообещал прислать мне копии тридцати, по его мнению, наиболее загадочных страниц документа. Оказалось, что за несколько лет до нашей этой баварской встречи Ганс выкупил иезуитский подлинник у ирландской писательницы-социалистки Этель Лилиан Войнич, вдовы Уилфреда Войничча. Она, если слышали, прославилась романом «Овод». Самого Войничча изначально звали Михаилом. Он был из русских бомбистов-народовольцев. Бежал с царской каторги. Женившись на Этель, дочери знаменитого математика Буля, Михаил, то есть Уилфред, остепенился, начал заниматься антиквариатом и живописью. Состояния, однако, не сколотил. После смерти мужа жить Этель стало не на что, и за сумасшедшие деньги она продала манускрипт супруга. Представьте себе, за эту почти трёхсотстранич-

ную рукопись Краус выложил двадцать пять тысяч долларов. Поначалу он пробовал самолично дешифровать текст, но никаким ключам и кодам рукопись не поддавалась. Язык неизвестный. Ни к санскритским, ни к изолированным, вроде баскского или шумерского, его не отнесёшь. Графика разработанная, но ни с одной из известных знаковых систем мира реальное сходство не прослеживается, алфавит умопомрачительной сложности, а сотни изображений окончательно запутывали самых профессиональных криптографов. Краус педантично, терпеливо и, увы, безрезультатно корпел над этим злосчастным кодексом. В конце концов отчаялся и подарил манускрипт библиотеке Бейнека в университете Йеля, где, кстати, хранится Библия, изданная Гутенбергом. Но в год нашей встречи у него ещё теплилась надежда раскусить секрет манускрипта и разобраться в его загадках. Копии тридцати страниц я получил, да толку от меня оказалось мало.

– Что же необычного было в этих рисунках? – спросил Кайрин. – Зачем потребовалась консультация кельтолога?

– Думаю... – профессор медлил с ответом. – Краус предполагал, что в основе языка манускрипта лежит одно из древних кельтских наречий, бесписьменный разговорный язык друидов, для которого кельтские монахи, и они, скорее всего, принадлежали к Друзьям Божьим, изобрели в IX веке особый алфавит. Шифр сохранялся довольно долго, пока им не воспользовались безымянные наследники кулдеев из числа иезуитов. Ганс рассчитывал с моей помощью найти ключи и к тексту, и к подбору рисунков. Одно дополняло другое, но никакой логической связи не прослеживалось.

– Так что столь секретного и важного в нём находилось? – уточнила Брига. – Описание экзотических растений, руководство для врачей, молитвы или тайные ирландские заговоры?

– Я не уверен, – Дерридер, словно услышав подсказку, перевёл взгляд на монахиню, – но есть большая вероятность того, что в рукописи отчёт о путешествиях ирландцев на Карибские острова или даже в Южную Америку. Цветы и прочая флора указывают в этом направлении. А ещё любопытно присутствие исключительно женских образов. Представляете, но среди более чем трёх сотен замысловатого вида растений, космологических карт и вычурных узоров вы на картинках не найдёте ни одного юноши или мужчины. Надо полагать, составитель манускрипта добрался до описанного в кельтских средневековых навигациях Острова женщин и там подробно зарисовал всё увиденное.

– То есть вы считаете, – не выдержал Келсмен, – что в иезуитском манускрипте описана страна блаженств на дальних западных островах?

– Ничего я подобного не утверждал, – профессор начинал сердиться. – Мне прислали абсолютно не поддающиеся расшифровке фрагменты текста. Я изучил их, и некоторые осторожные гипотезы у меня появились. Придёт время, надеюсь, изобретут криптографические машины, и все секреты получат своего интерпретатора. Как говорит Писание: «Завеса в храме разорвётся пополам, и камни расколются на части». Пока давайте вернёмся к вашей тетрадке. Воспользуюсь надёжным приспособлением старинных архивариусов.

Из верхнего ящика стола он извлёк большую в медном ободе линзу и принялся заново вглядываться в детали рисунков. Друзья терпеливо наблюдали. Пока выпученным оком старинной лупы взор Дерридера скользил над листами рукописи, дверь кабинета, чуть скрипнув, приоткрылась, и на передвижном чайном столике въехал обещанный профессором «лёгкий ужин». Всю эту хрупко дребезжащую конструкцию направляла высокая пожилая дама в приталенном тёмно-зелёном платье и бордовом льняном переднике. Не проронив ни слова, точно суровый шкипер совершающего сложный манёвр трёхмачтового корабля, строго посередине комнаты дама остановила столик и молча исчезла.

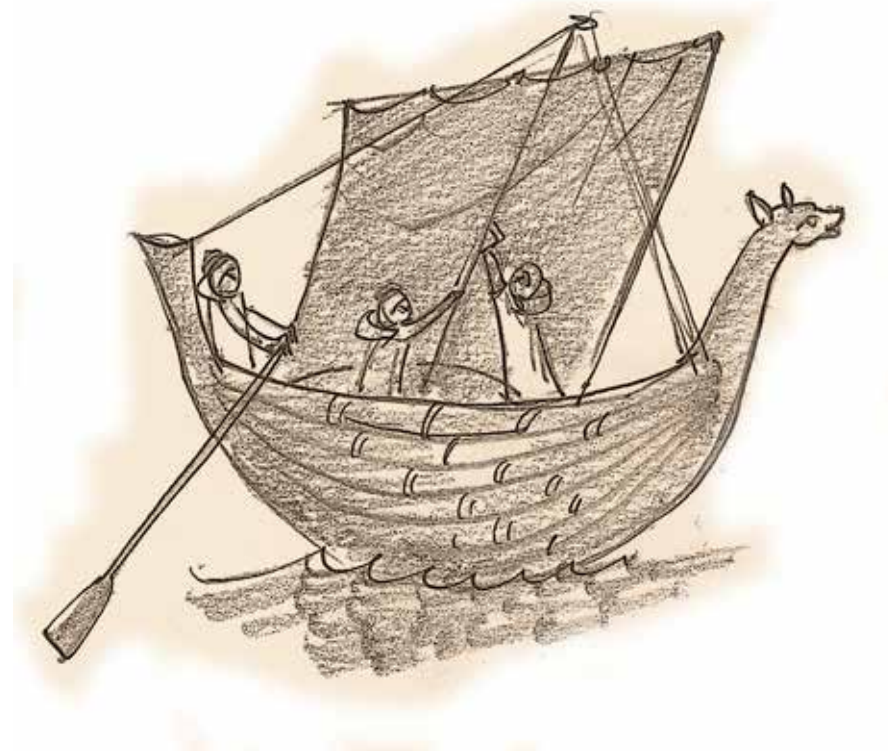
– Благодарю вас, Анна, – в сторону затворившейся двери пробормотал профессор. – Утощайтесь, господа.

Последнее было сказано гостям, с интересом разглядывающим необычное сооружение. На маленьком столике разместились составленные горкой чашки с рифлёными краями, пирамида разного диаметра перевёрнутых блюдец и блюдец, стеклянная ваза с мёдом, корзинка, наполненная печеньем и нюрнбергскими пряниками, узкогорлый фиолетовый графин, серебряная вазочка с блестящими чайными ложечками и серебряными щипчиками для сахара, дощечка, на которой лежали два ряда ломтиков серого хлеба, сахарница с кусочками рафинада, а также большой фарфоровый чайник, накрытый полотенцем. Друзья быстро разобрали приборы, разлили напиток, оказавшийся травяным чаем. Остроглазов решительно плескнул себе в чашку тягучей жидкости из графина. Брига выбрала печенье с пряником, Кайрин и Келсмен намазали мёдом по куску хлеба. Некоторое время все сосредоточенно и молча ели. Профессор не прерывал своей работы. Губы его неслышно шептали, лоб хмурился.

Когда тетрадь была отложена, Дерридер задумчиво осмотрелся и сказал:

– Вот такая штука. Чтобы разобраться со всем этим, необходимо вспомнить, что ирландцы, как, впрочем, все северо-западные народы, предпочитают легенды сказкам. Причин тому несколько. Легенды, и любой подросток это вам подтвердит, таинственны, романтичны,

порой жутковаты, а значит, тревожат воображение и щекочат нервы. К тому же они богаче на сюжеты, объёмнее, и в каждом таком повествовании сокрыты своего рода ростки новых будущих самостоятельных историй. Вспомните эпос о короле Артуре. Каждый рыцарь там получил шанс обзавестись личным сюжетом. В легендах куда меньше морализаторства и скучных отвлечённых поучений. Крутится мельница Сампо²³, ныряет в озеро лосось Финна, плывут на Острова блаженных корабли Маэлдуйна²⁴ – живёт мир, меняется его ткань, всё переплавляется, перетекает из одного в другое. Одна прекрасная история кончилась, но ничего чрезвычайного не произошло, начнётся другая. В легендах самое драгоценное то, что они про любовь, исполненную страданий, восторгов, разлуки и верности: герой погиб, о нём, конечно, плачут, но недолго, потому что верят в его чудесное возвращение. А вот в сказках – всё игра. И если горюют, то только о покойниках, которым нет возврата, а то тоскуют и сами умершие. В сказке нет горизонта, некуда идти за её героями, нечего ждать. Для меня жития святых прежде всего благочестивые сказки, а не благородные легенды. Исключение представляют только кельтские истории про чудесных подвижников. Документ, оказавшийся в вашем распоряжении, представляет собой парафраз нескольких легендарных историй и документальных

источников. Он не плод фольклорного вымысла. Мои соображения вам понятны?

– Да-а, – протянул Остроглазов, – красиво вы это, господин профессор, изложили. Сразу видно: мы сегодня в гостях у знатока настоящих легенд, а не любителя всяких подозрительных сказок.

– В гостях у друида или барда, – заметила Брига.

– Вы наш новый Амергин! – не дожидаясь профессорского ответа, заключил Кайрин. – Поэт в древности такой был. Гордость кельтской литературы. Его флейта... впрочем, про неё Шон уже вспоминал, а поэта вы знаете лучше нашего.

– Не надо комплиментов, – учёный был смущён, – я, как говорил Беранже, только «бедный чиж, люблю зелень сада и боюсь силков родной страны».

– Известное дело, – подхватил Остроглазов, – у каждой страны свои силки. А то бывают сети, даже невод. Каких только способов отлова людей не придумали мудрые господа. Чтоб им пусто было!

– Маркус, уточните, – почувствовав, что разговор может свернуть на другую тему, Кайрин строго посмотрел в сторону друга. – Вы уже дважды исследовали тетрадь. Можете поделиться с нами своими самыми первыми соображениями?

– Что же, – Дерридер поднялся, положил на стол большой лист ярко-жёлтой бумаги, – попробую:

– Вот вам Ирландия, – быстро и аккуратно он нарисовал контур острова, вполне напоминающий очертание страны, волнистой линией справа обозначил штормовое море Пролива Святого Георга, а штрихи, нанесённые в левой части наброска, подразумевали океанические просторы западной Атлантики. – Итак, мы на острове, в кольце мировых вод, – профессор ткнул карандашом в центр рисунка. – А если учесть неизменную дождливость погоды, то мы в сферическом куполе воды. Особенно очевидным это обстоятельство становится где-нибудь в Коннемаре или горах Уиклоу. Вода вокруг нас, над нами, под нашими ногами, слева, справа, за спинами и на милю впереди. Когда Патрик сочинял Лорику в честь Господа, благословляющего кельта, он тонко подметил особенности островной природы. Помните строчки: «Меня возвышает сила небес, сполох молнии, порыв ветра, пучина моря»? И далее всё в таком духе. Я готов утверждать: Бог Патрика – Бог дождя, автора всей ирландской погоды. И если изволите, вот мои давние тезисы на эту тему: «Когда Бог сотворил время, Он сотворил его много, хотя время нечем было измерить. Когда Бог творил Ирландию, Он сотворил её немного, но вполне достаточно для нескольких тысяч переселенцев, и тогда уже шёл дождь. А дождь был сотворён после времени, но до са-

мого острова. Новая стихия могла поглотить сотворённую Ирландию, чего Бог, конечно, не допустил, ибо, как подмечено выше, Бог Патрика – Бог дождя». Как говорит пословица: «В Ирландии дождь или идёт, или только прошёл, или сейчас пойдёт». И вот ещё что: для развития человечества было необходимо соблюдение «трёх ирландских условий выживания». Первое – умеренно прохладный климат, второе – регулярные дожди. Не ливни и грозы, а периодически моросящие дожди, – профессор многозначительно поднял вверх раскрытую ладонь правой руки, словно в её неглубокую чашу вот-вот начнёт капать влага. – И третье – незамерзающие водные пути. При соблюдении этих условий человек не настолько сильно зависит от природы. Он может заниматься земледелием, и его посевы не увянут от засухи, ибо

нет палящего солнца. Им не грозит ледяная смерть, ведь зимы мягкие и короткие. Рыбак там ловит рыбу, охотник добывает зверя. Никому не придется без дела лежать под финиковой пальмой. Значит, не появятся лентяи, только и умеющие понукать честными работягами. Если наши европейские предки вышли из Африки, то людьми они стали, только оказавшись на северо-западных островах. Я готов поклясться, что именно их наследники построили святилища на Оркнейском архипелаге, в ирландском Ньюгрейндже, британском Стоунхендже, и тёплые дожди кропотливо моросили над этой землёй, пока сюда не добрались кельты. Переселение произошло в VI веке до Рождества. И за несколько столетий бывшие континентальные воины превратились в убеждённых островитян и землепашцев. Создали свою культуру, стали народом. Климат тогда был мягче нынешнего и люди крепче. По морю островитянам доставляли вино, соль и специи. Однажды свободные и благородные путешественники в монашеских рясах поднялись на палубы неказистых кораблей, чтобы отправиться на континент проповедовать то, чему их научил святой Патрик, – христианство.

Дерридер замолчал. Со стороны могло показаться, будто через тысячи километров морской равнины профессор пытается различить древних колонистов Европы.

– До-о-ждь, – задумчиво протянул Остроглазов, – Чарли Чаплин любил ходить под дождём. Он говорил, что так никто не видит его слёз. А вашему Патрику приходилось плакать в Ирландии?

Профессор посмотрел на Ивана, но промолчал.

– Однажды я читал про мировоззрение островитянина, – воспользовавшись паузой, сказал Сергей Наркисович, – и, кажется, догадываюсь, почему ирландца, который решил покинуть родину, часто заносит на другой остров, а не только в прерии Дикого Запада. Продолжайте, профессор, у вас красиво получается.

– Да уж скажете тоже! – хмыкнул Маркус. – Куда только не заносит ирландца, где он не бросает якорь своего коракла! Но кое в чём вы правы. Если человек родился с чувством свободы, то любое расширяющееся пространство, территория, расплзающаяся на бесконечные мили, вроде вашей России, рано или поздно начинает тяготить. Простор парализует свободу. Не за что отвечать. Всё растеклось, потеряло хозяина.

– Вероятно, – Кайрин немного колебался. – Но знали бы вы, в каких столицах и крошечных городках мне только не встречались Падди*, работающие таксистами, барменами и полицейскими, в скольких

* Падди (англ. Paddy) – шутовское прозвище ирландцев. To come the paddy over – «надувать, одурачивать».

пабах я слышал весёлые и нетрезвые песни о Молли Маллоун и мальчишке Дэнни. Широкая география, скажу вам.

– Именно в городах! – профессор энергично кивнул и подвинул начатый рисунок. – Смотрите, – на импровизированной карте он начал выводить маленькие кружочки, – вот Дублин, опустимся южнее – пожалуйста, Уэспорт, западнее – Корк, теперь поднимаемся на север – пожалуйста, Голуэй, и отдельно город Йейтса – Слайго. Города! До Патрика их не было, и в Ирландии никому не приходило в голову строить нечто подобное. Зачем? Стены тоже ограничивают свободу, а чтобы проникнуть внутрь крепости, враг всегда найдёт лазейку. Не было самой идеи городов. Вместе с христианством её принёс Патрик. До святого проповедника Ирландии как отдельного, независимого государства толком и не существовало. Рели-

гия Патрика создала эту страну. Правда от патриковых лет до викингов прошло несколько столетий, прежде чем ваш Падди стал горожанином. Но так случилось по врождённой кельтской лености и неторопливости. Большинство ирландцев теперь живёт в городах. Но город в Ирландии почти всегда – как простачок из провинциальной семьи, счастливо выбившийся в люди. Дублин в расчёт не берите, поскольку ирландская столица – несчастный ребёнок, плод насилия. Чёрный пруд бродячих датчан. Я говорю сейчас о поселениях, наподобие Килларни или Келлса, то есть городках малых и уютных. Они, словно подростки, сбежавшие с отцовской фермы. Им, беглецам, страшно хочется обособиться, зажить вволю, придумать собственную культуру. В таком городе все обитатели стараются начать отсчёт своей родословной от века, как минимум, десятого. Поразительно, но их способ осмысления реальности прежний, фермерский. В большинстве своём – это здоровые, сильные люди. Почему был и остаётся так популярен джойсовский «Улисс»? По-

тому что он про другое. В романе деревенское, копошащееся в подсознании, мифологическое ужаснулось при встрече с каменными нагромождениями домов, тёмными тупиками и грязными комнатами. Свет открытых полей, океанский горизонт, тишина лесов и озёр кажется там уже нереальным, утерянным. Литературность приключений Блума в городском аду соблазнительна, впечатляюща. Свихнувшиеся герои ирландской «одиссеи» – это несчастные горожане Джойса. Мне симпатичней персонажи Каванаха и Шеймаса Хини. Оба поэта тоже однажды сбежали с хуторов, но ирландцы их поэм крепко стоят на земле своего острова. Солдаты республики, которые никогда не поднимут стакан за королеву. Помните, мы говорили про Йейтса? Их наставник. Старик как бы парил над историей Ирландии. Ему, импульсивному фíлиду²⁵, прошлое щедро открывало свои тайники, он мечтал о кельтской славе и горячо переживал за Эйре*.

– Йейтс, которого вы называете филидом, – великий писатель, – осторожно перебил профессора Кайрин. – После Свифта самый необычный ирландец.

– Уильяма Батлера Йейтса почитают как поэта, что совершенно справедливо, – Дерридер охотно согласился. – Ему и Нобелевскую премию за стихи вручили. Ваш Пастернак тоже поэт, но награду ему присудили за роман. Книжку я так и не осилил из-за этой вашей вечной русской двусмысленности, когда себя чувствуешь деревенщиной, пробирающейся между полунамеков автора и неврозов его героев. Недавно посмотрел фильм «Доктор Живаго». Хорошее кино, и Омар Шариф там великолепен.

– Пастернак – писатель советский, – осторожно возразил Кайрин.

– Не важно, – профессор примирительно кивал. – Пастернак – поэт русский, писал по-русски, пускай даже далёкие от коммунизма поэмы. А Уильям Батлер – прежде всего рассказчик, прозаик, поэт и в самом конце списка талантов драматург.

– Хорошо помню, как в детстве читал его сказки, – сказал Кайрин, – жутковатые, но поучительные истории. В них всегда было что-то печальное, мистическое и тревожное.

– Если вы, мой друг, о «Кельтских сумерках», то я совершенно согласен: великая книга. После джойсовских сумасшедших она была лекарством любому воспалённому сознанию. Будь моя воля, – Дерридер поправил бабочку на шее, – я распорядился бы в школах давать диктанты или писать изложения по «Сумеркам». В детстве Йейтсу пришлось перенести множество различных унижений.

* Эйра – одно из древних наименований Ирландии.

Уильям был субтильного телосложения и нервической организации души. С юности страдал по различным поводам и причинам. Но искренне хотел сделать из самого себя героя, такого выносливого воина XX века. На ирландских сквознях его дух крепчал и закалялся. По собственному признанию, с годами он становился только счастливее. Это было связано с большой внутренней душевной работой. Побеждая в себе то, из-за чего болело сердце, Йейтс только мужал. Хотя обычно у людей наоборот: они связывают детские годы с эпохой радости и безмятежности. Ещё он коллекционировал бабочек, мечтал стать волшебником или погибнуть в сражении на морском побережье. Восхищался моряками и часто спрашивал свою религиозную бабушку: «Силён ли Господь так же, как могучи моряки, сходящие со своих кораблей в порту Слайго?» Когда речь заходила о политике, Йейтс очень горячился. Стёкла его очков не просто пропускали яркий свет цепких глаз, но сами сверкали. В такие минуты старик мог срывать на фальцет и пронзительным голосом пересказывать странную историю про молодую женщину, которая, мечтая накормить голодных дублинских бедняков, невзначай продала душу дьяволу. То есть пошла в политику, стала заниматься всяческими неизбежными для этого дела махинациями и в конце концов полностью потеряла душевное равновесие. Даже перестала молиться.

– А бродяги эти что? – поинтересовался Острый. – Так и померли с голоду?

– Бродяги? – Дерридер пожал плечами. – Нет, конечно. В Дублине после Великого голода людей до смерти не доводили. Если человек не спивается, то его не оставят. Дело не в них. Йейтс существовал как воплощённая поэзия. А истинная поэзия – это обряд! Мистерия, ритуал поклонения Богу, даме, небесным красотам или подземным тайнам. Действо, совершаемое в трепете, экстазе, опьянении. Если вы читаете стихи и они настоящие, то во время бритья подбородка щетина встаёт дыбом. Не помню, чьи это примерно слова. Может быть, Грейвза или Хаусмана. Не важно. Другое поразительно: Йейтс, мечтавший стать ирландским Виктором Гюго, был при этом медиумом от поэзии. Знаете, чего он боялся в детстве? – профессор выбрался из-за стола и заходил по кабинету. – Боялся уехать далеко от дома, в Лондон, к примеру. Уехать и там, среди людей, не знающих ни одной из историй его семьи, не предполагающих существования его собственной тайны, внезапно умереть. Оден считал, что Ирландия свела Йейтса с ума. Это полная ерунда. До самого конца Уильям остался несломленным друидом христианского мира. Будете в Слайго – загляните к старику на могилу.

– Постараемся, – кивнул Кайрин.

– Вот только не очень понятно, – Остроглазов требовательно смотрел на перемещения Маркуса, – этот ваш поэт не смерти боялся, а того, что перекохнет на тот свет, никому не рассказав о своей дружбе с всякими лепреконами и духами, охраняющими старые мётлы в сарае его прабабки?

– Ладно, – профессор, пропустив замечание Ивана, остановился и пристально посмотрел на Сергея Наркисовича, – откройте секрет: вам-то к чему дались древние кельты?

– Я люблю кельтов, – Кайрин поднялся со своего места. – Меня восхищает эпоха легендарных скитаний этого народа по Европе. Столетия поисков новой земли. Тысячи пройденных миль до окончательного переселения, за край обитаемого мира на острова в Океане. Представляю ужас или священный восторг вождей и простолюдинов, когда под закатный вечер, бродя по равнине в районе нынешнего Уилтшира, скитальцы вышли к мрачным глыбам Стоунхенджа и застыли в тщетной попытке представить рост местных великанов, сложивших это святилище. Готов дорого заплатить за минутную возможность только понаблюдать, как светловолосые воины вытягивают кожаные лодки на берег Бойне в Ирландии, поднимаются по склону зелёного холма и после, воззрившись на сферические храмы – могильники Наута и Ньюгрейнджа, теряют дар речи. А бедные кельтские жрецы-друиды! Сколько им пришлось приготовить отваров омелы, бросить в огонь пахучих трав, чтобы неустанно окуривать дымом ночных костров мегалиты, кромлехи и отшлифованные камни со странными рисунками, прежде чем беспокойные соплеменники перестали интересоваться своими загадочными предшественниками... Я благоговеею перед историей кельтской Церкви. Как история любой Церкви, это рассказ о святых и героях веры. Её создали монахи, бедные селяне, сердобольные священники, суровые и аскетичные епископы, сумасшедшие проповедни-

ки, беглые принцы, вдохновенные богословы, каллиграфы-переписчики – мужчины и женщины, чьи имена не вошли ни в одну метрическую книгу, начисто стёрлись с могильных плит, но эхом звучат в древних ирландских анналах. Семь сотен лет они жили в ней, любили её молитвы, аббатства, храмы, лесные скиты и кельи на скалистых островах. Высокие каменные кресты охраняли видимые и незримые границы этого дальнего христианства. Европейские стихотворцы никогда бы не научились рифмовать свои поэмы, философы не прочли бы папирусы и пергаменты античных греков, трубадуры не воспели любовь одиноких сердец, и никто бы не загорелся пламенем рыцарства, исчезни кельтская Церковь под натиском викингов и норманнов. Ещё я думаю о столетиях Тьмы, нависшей над континентом. Париж и Лондон тогда лежали в руинах, Рим не знал, поднимется ли над ним солнце. Варварские орды Алариха²⁶ на всех перекрёстках бывшей Священной империи поднимали густую пыль и заливали кровью камни мостовых. Церковь Запада содрогалась от рёва вестготов и германцев, а на зелёных холмах Кэшела и Армы поднимались стены обитателей, из которых к Востоку неустанно струился свет Евангелия. Кельтская миссия спасла Европу. Три сотни лет пламя неугасимых факелов горело для англичан и европейцев. Я не уверен в справедливости утверждения, что на кельтском языке говорили первые жители Европы, но допускаю: именно древнекельтский был основой для происхождения греческого, этрусского, латинского, немецкого и даже рунической письменности скандинавов. Мне нравится идея происхождения кельтской народности от потомков Ноя, особенно в той её части, где высказывается предположение, согласно которому Гомер – сын Иафета – не кто иной, как легендарный родоначальник галльских родов. И прав великий Лейбниц, считавший кельтское наречие общим истоком для германских и галльских языков. Важно, что кельты средневековой Ирландии, как и большинство их современников на европейском континенте, были уверены: истинное знание вполне может выражаться при помощи символов, оставаться сокрытым под тем или иным знаком, эмблемой, таиться в клановом гербе, его следует разыскать между строк старой доброй поэмы, в письме или завещании. Вы, профессор, работали в команде Стробеля, который здесь, в Регенсбурге, расшифровывал Шотландский портал церкви святого Якова. Кому, как не вам, известна сложность и многослойность символического языка кельтских мастеров. Они возвели этот храм для ирландских бенедиктинцев раньше, чем Генрих II получил буллу от папы Адриана на уничтожение кельтской Церкви и преследования кулдеев. Другим Божьим пришлось идти сюда, к Баварскому Лесу²⁷, а в излучине Дуная возводить свои новые форпосты. Братья покидали

родные обители и отправлялись в Эрфурт, Вену, Вюрцбург, Нюрнберг, добирались до Швейцарии. Дорога через Немецкую марку²⁸ чудесным образом привела их даже в Киев. Там, ещё до монгольских набегов, они основали монастырь святой Девы Марии. Странное дело, иногда мерещится, что я отчётливо помню всё происходившее не только со мной, но с людьми, о которых я размышляю и чей опыт мне неожиданно открылся...

Со стороны могло показаться, что Сергей Наркисович – человек книжной романтической культуры, наследник русской эмиграции – и есть воплощение древнеирландского пилигрима, вслух читающего забытую поэму. Его монолог походил на пасхальную проповедь. Профессор смотрел то на гостя, то переводил взгляд и многозначительно кивал книжному стражу – немому ворону.

– Вот послушайте ещё, – Кайрин извлёк заветный кожаный блокнот, – у меня здесь история двух ирландских монахов. Их звали Фурса и Чед. Они бежали из Киева. Первый был искусным каллиграфом, второй строителем и каменотёсом. Сожжённый город иноки оставили и отправились домой в Ирландию. Дело происходило осенью 1242 года, когда кельтский монастырь Святой Марии, как практически все святыни русской столицы, был разорён войсками кочевников. Дорогу приходилось прокладывать вдоль торговых трактов, потому что они боялись сбиться с правильного направления, и голод неотвратимо преследовал несчастных. Сперва Чед и Фурса пошли через венгерские земли, к берегу озера Блатно²⁹, а затем, раздобыв там у собратьев-бенедиктинцев верительные грамоты, к пристаням Галлии. Они собирались погрузиться на корабль, отходящий к Изумрудному острову. Благополучно доплыть, высадиться на его восточном побережье и осторожно добраться в монастырь Баллинскеллиг. «Почему именно туда?» – неоднократно спрашивал я себя. Может быть, благодаря кулдейской почте монахи знали о положении дел в Шотландии, про разорение Ионы, о бедственных событиях на островах и в самой Ирландии? Осколки некогда великой Церкви заносило прахом перемен, и беглецы двигались на юго-запад графства Керри, в аббатство, кровно связанное со Скеллиг-Майклом, его традициями и тайнами. Баллинскеллиг – вот конечный пункт их странствий.

Профессор хотел было прервать Сергея Наркисовича. Слово школьник, собравшийся задать вопрос, он даже поднял руку. Но Кайрин, остановив Дерридера, продолжил:

– Прежде чем покинуть континент, Фурса и Чед решили завернуть в Регенсбург. Здесь начиналась кельтская миссия на Восток. Виргилий Зальцбургский и Мариан Мак Робарт, известный как Мариан

Скот из церкви Святого Петра, сотни отчаянных проповедников VIII и X веков, чьи имена, кроме Господа, уже никто и не помнит, начинали свои странствия ради Христа именно из монастыря Святого Якова. В 1154 году тут почил один из самых загадочных ирландцев Средневековья – Гонорий Августодунский. Его перу принадлежит *Imago mundi* – «Образ мира», трактат, имевший невероятную популярность в Европе. В книге «Совокупность всей истории» Гонорий даже напишет о Руси. Отсюда же, из монастыря Якова, позже отправятся другие монахи-миссионеры и обоснуют кельтские форпосты: Меммингене – 1178 год, Кельхайме – 1218-й. И на Констанцком озере³⁰ в Швейцарии. Регенбургское аббатство хранило самую странную легенду о Патрике и Архангеле Михаиле, изгонявших демонов-змей из Ирландии. Спящие короли, святые мощи великой целительной силы, ковчеги с реликвиями, колокола и ручные колокольчики, посохи, рукописные книги, на иллюминированных страницах которых ангелы кельтской Церкви и Пресвятая Дева соседствуют с причудливыми существами другого мира, тревожили воображение монахов, авторов Шотландского портала. Они привозили свои реликвии в Европу. Это было наследие исчезавшей под натиском грозной силы крепнущего Рима и равнодушной Византии традиции кельтского христиан-

ства. Скажу больше, здесь всё начиналось, сюда же и возвращалось, чтобы после отправиться дальше, на северо-запад. Если киевские христиане терпимо относились друг к другу, то причиной тому было отчасти и кельтское умение дружить с людьми. Потому что те, как и они сами, верят в спасительную кровь Христа. Детали обрядов мало интересовали ирландских монахов, поскольку жизнь в нескончаемом путешествии делает человека терпимее к мелочам. Когда не засиживаешься в одном месте, не закапываешься на глубину, хотя и не вздорной, но всегда ограниченной берегом моря или забором ритуала, реальности, то смиреннее и мудрее оцениваешь многообразие идей, нюансы привычек. Фурса с Чедом должны были оказаться в Регенсбурге не позднее ноября. Погода портилась, холодало и, вероятно, беженцы могли остаться в монастыре до весны следующего года. Я спрашиваю себя о возможной связи киевских монахов с осколками братства кулдеев и пока не нахожу ответов. Но и это ещё далеко не всё! В Житии блаженного Мариана Скота Регенбургского, того самого, что основал здесь монастырь, сообщается о путешествии в Киев монаха Маврикия. Этот предприимчивый аскет в 1115 году добрался ко двору Владимира Мономаха и каким-то таинственным образом убедил князя пожертвовать регенбургской братии драгоценной пушнины на сумму, равную двадцати килограммам серебра. Более того, Маврикий сумел благополучно доставить подарок великого князя в Германию, и на вырученные деньги монахи покрыли крышу собора святого Якова. Кто знает, может быть, расторопный инок тоже был из кулдеев? В любом случае перед дальней дорогой Чед и Фурса имели возможность не только подкрепить свои силы, но и стать почтальонами важных новостей.

Минут пять профессор молча смотрел в окно. Над домами заходило солнце. Свет его угасал, и в углах кабинета ложились плотные вечерние тени. Часы шептали минуту за минутой, в длинном гулком коридоре иногда слышались чьи-то шаги, но и они быстро затихали. Ученый повернул рычажок настольной лампы, тени разлетелись. Друзья терпеливо ждали, когда Дерридер заговорит. Брига достала блокнот, приготовила карандаш. Кайрин разглядывал письменный прибор на столе историка. Келсмен, примостившись на диване, казался, успел задремать, и только Остроглазов неотрывно наблюдал за всеми движениями и неповоротливой мимикой профессорского лица. Наконец Дерридер сказал:

– Замечательная речь, чрезвычайно интересно. Мы, немцы, как принято считать, люди педантичные и дотошные. Отчасти наблюдение верное, но не всегда справедливое. Нам свойственно скептически

относиться к различного рода фантазиям и обобщениям, хотя подозрительность – враг творчества. Важные детали мы иногда упускаем из виду, опрометчиво считая их случайным заимствованием или подделкой. Некоторые вещи нам непонятны и потому раздражают. Для изучения любой проблемы важно выбрать правильный угол зрения. Старый, надёжный германский метод. Скажите, что вам известно о Генрихе IV, германском короле, императоре Священной Римской империи, чьей второй женой была русская княжна Евпраксия, сестра Владимира Мономаха? Этот монарх враждовал с римским престолом. И если не благоволил, то, по крайней мере, доверял ирландцам, имевшим различные таланты. Они знали языки, умели оставаться в тени местной знати, хранить чужие секреты, владели навыками тайнописи, физически были очень выносливы, неприхотливы, не чувствовали себя изгоями или одиночными волками. Им вручали охранительные грамоты, а Генрих отправлял их в Польшу, Краков и Прагу. Оттуда уже прямая дорога на Новгород и в Ладогу. Но, это к слову.

Кайрин бросил тревожный взгляд на Бригу. «Ты что-нибудь понимаешь?» – прочитала монахиня в глазах Сергея Наркисовича.

– Минуточку, ваша светлость, минуточку, – словно возмущённый школьник затараторил Остроглазов, – можно не так туманно? Здесь, в тетрадке, все необходимые записи. Что в них особенного и германскому разуму непонятного? Причём здесь Ладога и Генрихи? Давайте по сути дела.

«Вот молодец! – Кайрин одобряюще смотрел на Остроглава. – Прямо в лоб спросил, без болтовни».

– Безусловно, любезный, – профессор чуть опешил от напора молодого гостя, – я вижу, что в рукописи скрыто некое послание. Вполне возможно, ключ к нему находится в Регенсбурге. Но пока даже не могу представить, с чего начать поиски.

– А факты, названия, имена, даты, – вмешалась Брига, – разве нет за ними настоящей истории и реальных людей?

– Есть. Вне всякого сомнения. Истории, легенды, персонажи, – профессор ещё раз начал перелистывать тетрадку, – много тут чего записали, нарисовали, но для понимания необходим ключ и продуманная тактика.

– Так поскорее давайте расшифруем, – заговорил Келсмен, – может быть, нужно проникнуть в архив или здешнее подземелье? Я-то всегда готов.

– Попробуем обойтись без взломов и подкопов, – учёный с возрастающим интересом разглядывал необычную четвёрку, – я должен определиться с главным вопросом, точнее, с некоторыми из них.

– А какие именно вы уже определили? – терпеливо спросил Кайрин.

– Во-первых, – профессор отогнул мизинец правой руки, – мы пока не знаем, кто, даже предположительно, может быть автором записанной здесь легенды о Патрике и Михаиле. Возможно, это некий кулдей из Ионы. Допустим. Во-вторых, – был отогнут большой палец, – непонятно, зачем в XIII столетии этот ирландец пришёл в Регенсбург? Где он жил прежде: на Скале, в Баллинскеллигсе, в Керри, на Дингле? Наконец, кто даст гарантию подлинности первоначального документа, который переписывал монах? – Профессор отогнул указательный палец.

– Но мы можем предположить, – Кайрин осторожно кашлянул, – что кулдей переводил с ирландского на латынь или старонемецкий, поскольку важные тексты братьями составлялись на родном гэльском языке.

– Да-да, я слышала, – оживилась Брига, – они для секретности так делали.

– Боялись англичан? – уточнил Остроглазов.

– Все нет, – Келсмен строго смотрел на товарища. – Никого они не боялись, но зачем рисковать?

– Я вижу, – перелистывая в очередной раз бледные страницы, произнёс Кайрин, – что автор за многочисленными полунамеками, метафорами и уклончивым многословием хочет спрятать нечто важное. И мне, как говорят в России, приходится «читать между строк».

– И как? Получается? – профессор иронично улыбался.

– Не очень. Иногда виден не столько текст, сколько вязь орнаментов смысла и нагромождение противоречивых фактов.

– Дорогой друг, – улыбка не сходила с профессорского лица, – ирландцы любят напускать туман и в без того сумереч-

ный лес. Но это не по причине любви к изящной словесности или мистике. Так складывалась их историческая судьба.

– Вы предполагаете существование некоей закономерности между реальными событиями и способом их изложения в литературе? – уточнил Кайрин.

– Несомненно. Судите сами, – профессор неожиданно нахмурился – набеги викингов, нашествие норманнов, английская деспотия, плюс, самое печальное, не прекращающаяся внутренняя грызня, которую даже такие великие люди, как Бриан Бору³¹, оказались не в силах остановить. Людей, надорванных голодом, эмиграцией, нищетой, – всё это привело к болезненной подозрительности.

– Здесь, в Германии, я вам скажу, тоже не слишком тепло, – вмешался в разговор Келсмен. Судя по звучавшей в голосе обиде, было ясно, что он готов спорить и дальше, но Кайрин прервал ирландца.

– Поясните нам, профессор, хотя бы одну фразу из этого документа.

– К вашим услугам. Прочтите или давайте я попробую сам.

– Давайте начну, – Кайрин развернул тетрадь в том месте, где лежала закладка из фиолетовой бумаги. Откашлялся и прочитал: «И мы, не тронув тела прах, ведь ангелы к нему приходят, возьмём лишь посох, чтобы плыть под звук небесных гимнов».

– Чрезвычайно интересно! – профессор неожиданно легко перегнулся через письменный стол и направил свет лампы на открытую страницу. – Позвольте взглянуть.

Медленно проводя указательным пальцем над словами, будто пытаясь проникнуть под графическое исподнее каждой буквы, он полушёпотом перечитал строку. Потом подвинул к себе рукопись, из стаканчика письменного набора достал карандаш, на лист бумаги переписал всю фразу целиком, а затем подчеркнул каждое слово двумя линиями.

«Так поступают школьники, когда занимаются грамматическим разбором», – припомнил Кайрин свои юношеские занятия.

Затем от каждого выделенного слова Дерридер начал проводить стрелки вниз. Через минуту изображение напоминало некое подобие развёрнутого веера, поскольку окончание строго отложенной линии имело завершение в виде значка, буквы или графического рисунка. На острие стрелки, отведённой от словосочетания «тела прах», было размещено изображение, напомнившее Кайрину ковчег для хранения святых мощей, который он видел на картинке путеводителя по дублинскому музею. Слову «посох» соответствовал значок, в котором угадывалась трость с загнутым навершием. «Небесные гимны» сопровождало приблизительное изображение двух ручных колокольчиков, известное многим любителям кельтских древностей по репродукциям коллек-

ции замка Кэшел. Глагол «плыть» получил схематичный рисунок, в котором можно было распознать парусную лодочку на пяти высоких линиях-волнах. Местоимение «мы» несколько разрушало общую стройность профессорской схемы: стрела от него опустилась ниже других, и на её острие поместился разделённый на четыре равные части квадрат.

– Такое ощущение, – заметил Кайрин, – что в окошечки этого квадрата следует вписать пару-тройку важных имён.

– Совершенно справедливое наблюдение, – ответил Маркус, – впрочем, не только имена. Будут ещё титулы, названия городов, аббатств, рек, озёр, заголовки различных трактатов.

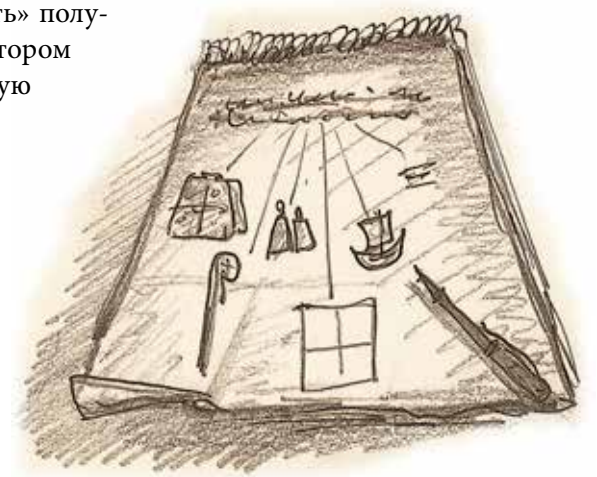
– Старинных сборников, пыльных раритетов, я полагаю? – с серьёзным видом уточнил Келсмен.

– Не совсем пыльных и не всегда древних, – засомневался профессор. – Судя по всему, тот, кто переписывал эти тексты, фрагменты паутины успел начисто смахнуть.

– Так что-то вам уже удалось понять? – настаивал Шон.

– Немного. Пока ясно следующее, – профессор подвинул тетрадь, опустился на стул и, внимательно осмотрев гостей, сказал:

– Перед нами средневековый ребус, автором которого, вероятно, был монах островного монастыря где-то на юго-западе Ирландии. Возможно, ему пришлось бежать на континент, в Европу. Он знал про давнюю кельтскую традицию сохранения мощей святых угодников, сторонники которой скептически относились к практике разделения костей на малые части и совсем не одобряли перенесения их с места на место. Зачем святых туда-сюда таскать? Кулдеи не видели в этом смысла. Я, впрочем, тоже не слишком хорошо его представляю. Восточные христиане Византии – вот любители вскрытий, перезахоронений и различных процессий с реликвиями. Для нас, немцев – лежи, где успокоилось сердце, пока труба Судного дня тебя не разбудит. Если, конечно, то будет именно труба. И Шотландский портал, как и манускрипт Войнич, вам здесь не поможет. Ответы придётся искать в других местах.

В кабинете опять стало тихо. За окном между застывших домов рассыпались огни вечернего города, с высоких осенних небес мигали льдинки первых звёзд. Тёплый ветер шуршал сухой листвой по мощёным улочкам Регенсбурга.

– Вы хотите сказать, профессор, – нарушив молчание, заговорил Келсмен, – что кельты обзавелись традицией дробить на части кости своих любимых святых и после с ковчегами, наполненными священными останками, путешествовать по острову? Так делали римские католики на континенте. К чему такая морока нашим?

– По кельтским представлениям, – Дерридер смотрел сквозь Шона на ворона, – святой обязательно должен воскреснуть в месте своего первого погребения. Так что носиться туда-сюда с ковчегами и реликвариями монахи не любили. Хотя иногда даже ирландцы мощи делили, перемещали их в другие графства, прятали в монастырях. Но чаще всего предпочитали ничего не трогать.

– Понятно, – Кайрин задумчиво разглядывал рисунок учёного. Стрелки напоминали ему тонкие летящие с неба на землю молнии, – мне чрезвычайно любопытно узнать, что бы сказал святой Патрик, сообщи ему кто-нибудь о том, какие жаркие споры возникнут вокруг места его упокоения?

– Да-да, совершенно, друг мой, с вами солидарен! – профессор оживлённо подхватил слова Сергея Наркисовича. – У Патрика, расскажи ему о событиях в Ирландии, голова бы кругом пошла. А всё дело в ангелах. Поверьте мне, именно в них!

– У Патрика был свой ангел, по имени Виктор, – уверенно сказала Брига, – он вывел святого из плена, сопровождал на континент, доставлял ему письма, привёл в Осер к епископу Герману и после посвящения в сан отправил святого обратно в Ирландию. С ним Патрик советовался, ему доверял свои планы. Только какое отношение всё это может иметь к мощам и реликвариям?

– Самое непосредственное, – Дерридер взял красный карандаш, жирно обвёл фразу «ангелы к нему приходят». Видите, ангелы прилетают к святому, чьи останки лежат в ковчеге, если он надёжно спрятан и никто из следопытов добраться до него не может. Только ангелы имеют такую привилегию. Древняя точка зрения на природу и обязанности хранителей святынь, оставленных людьми.

– Предположим, – Кайрин согласился, – но если отыщется именитый правитель, сановный церковник, член тайного ордена, человек, рискнувший забрать эту драгоценность, ангелы помешают ему?

– Понятия не имею, – профессор развёл руками. – Небесных посланников, особенно ирландских, не поймёшь. Сэр Вальтер Скотт говорил,

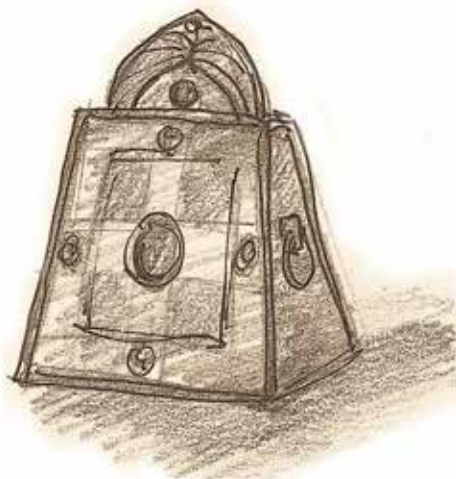
что ангелы Писания захватили воображение кельтов. Может быть, оно и так, но я не особенно силён в этом вопросе. Вообще, знаете, почему так привлекательны ангелы, да вместе с ними и демоны?

– Даже близко понятия не имеем. Нас всё больше по тригонометрии гоняли, – за всех бодро ответил Остроглазов, – откройте секрет.

– Всё очень просто, – иронию в реплике гостя Маркус проигнорировал. – Ангелы – свидетели не только другого Мира, но иных времён. У них есть неповторимый опыт жизни в прошлых столетиях, в забытых культурах и среди навсегда исчезнувших народов. Они видели различные ритуалы, и я уверен, некоторые из них придумали сами. Опыт веков, вот что интересно! Кстати, в ирландских житиях, в отличие от греческих или итальянских, практически нет людей, одержимых демонами. К примеру, святой Колумба из вашего Завещания строго разговаривал с бесами, не церемонился с дикими шотландскими монстрами. Он был суровым, но интеллигентным аббатом. Пасовать перед злыми духами порядочному человеку должно быть стыдно. А дать овладеть своей душой так и вообще конфуз недопустимый. Ещё в Ирландии было развито составление генеалогии святых. Не аристократов царственных кровей, а именно святых людей, среди которых могли оказаться и аристократы. Друзья Божьи занесены именно в эти списки. В Европе интересовались только родословной вельмож и знати. Их богатством, подвигами и махинациями, а континентальные святые были не более чем невольные участники интриг знати, свидетели заговоров и переворотов на папском престоле. Это, кстати, одна из причин того, что в нынешней науке Ирландия – как Золушка, навсегда потерявшая не только туфельку с изящной ножки, но и крышу над головой. Некоторые учёные уверены в том, что с V по XV век забытая всеми Ирландия скрывалась в дырявом сыром чулане, на самых задворках цивилизованного мира. Эти снобы измеряют кельтский вклад в культуру Европы мешками валлийских сказок и корзинами шотландских легенд. Бред, конечно, но что может быть привязчивее заблуждений, которые позволяют игнорировать очевидные вещи?

– Понятно. Убедили. С ангелами и мощами разобрались, но к чему здесь нарисованы колокола? – Иван ткнул пальцем в рисунок.

– Для кельтов – это священные предметы, – Дерридер направил свет лампы на указанное изображение. – В Европу они прибыли из Ирландии. Любой серьёзный кампанолог вам такой факт подтвердит. Изначально это были ручные колокольчики. Их мастерили из листового прокованного по боковым швам железа или отливали из бронзы. Чаще всего они получались прямоугольной формы, с округленными, сужаю-

щимися к ушку углами, которые могли выглядеть, как вытянутая петля. Язык подвешивался с внутренней стороны, ниже ушка. Самым известным считается колокол святого Патрика. У него был собственный ковчег. Его называют «Колокол желаний». На острове Скэтерри³², где кулдеи основали крупную общину ещё в VII столетии, мастера отлили из бронзы «Колокол святого Шенана». Говорят, он был украшен золотом и чёрным серебром. Редкая для кельтов роскошь. Самым же красивым считался колокол из шотландского Лох-Ливена. Вторая половина VIII века. Ирландские колокола даже умудрялись самостоятельно путешествовать. Гильда Премудрый, к примеру, решил подарить миниатюрный колокол святой Бригите. Сделали его в Уэльсе, а переправить оказалось не с кем. Гильда постелил на морские волны свой штопанный плащ, водрузил на него колокольчик, помолился, дунул, благословил, и накидка преподающего отца доставила подарок прямо в Ирландию.

– Так европейцы прохлопали всю эту историю с благовестом? – Острый сверлил профессора недоверчивым взглядом. – А русские христиане, со своими малиновыми звонами, тоже не в первых рядах любителей пошуметь?

– На Востоке колокола начали использовать в конце IX века, – с завидной преподавательской невозмутимостью продолжал Маркус. – Так, по просьбе императора Василия Македонянина венецианский дож Орсо для храма святой Софии в Констан-

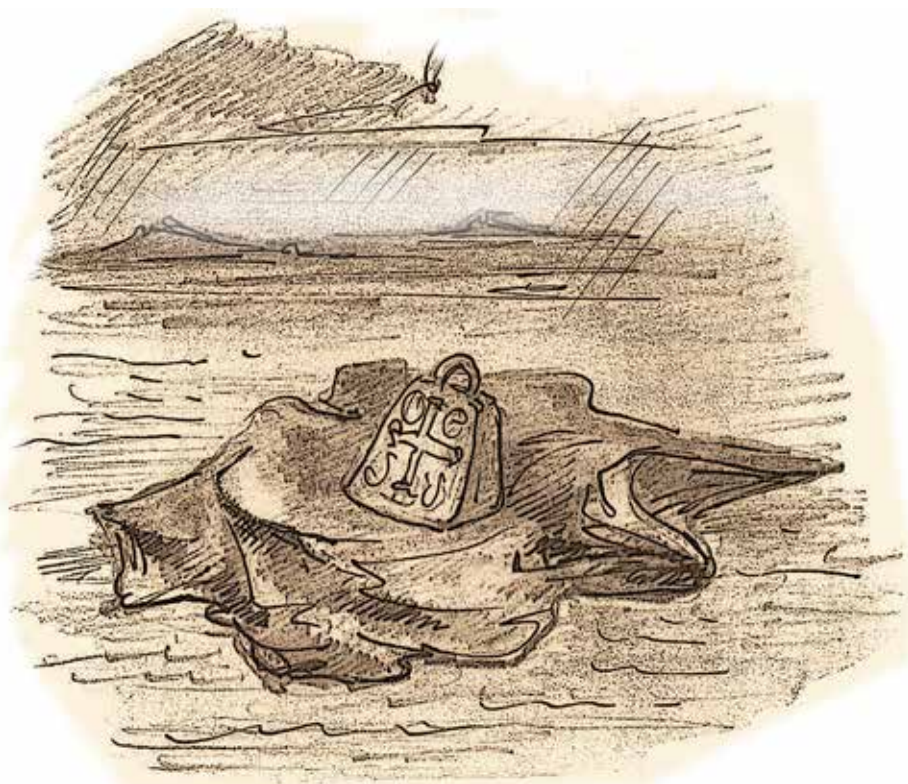
тинополе прислал двенадцать колоколов. Дело было около 886 года. А в Европе мастера Зальцбурга, Регенсбурга, Фульды и Санкт-Галлена колокольным ремеслом стали заниматься позднее. Маленькие и большие кампаны отливали уже с века XII. Но первыми в колокола ударили именно ирландцы.

– Посохи тоже ирландцы придумали? – Иван не унимался.

– Посохи бывают разные, – в широкой ладони профессор стиснул красный карандаш и ответил: – Некоторые великие личности навсегда остались с этими символами мудрости и смирения. Достаточно припомнить Лао Цзы в Китае, Басё в Японии, ирландского Оссиана или библейского пророка Моисея. В их руках любые струганные древки могли превращаться в оружие духовной власти. О посохах египетских божеств Сета и Ра, как и о крылатой трости Гермеса, я рассуждать не берусь, поскольку греческие боги мне понятны меньше христианских святых. Что ещё известно о посохах? Легендарный Самфий – посох, на который опирался Христос, когда проповедовал в Палестине. Его хранили в древних общинах, пока Архангел Михаил не решил вручить святыню Патрику. Когда креститель Ирландии соревновался с друидами короля Лоэгайре*, то от прикосновения этого посоха вспыхивали костры, сложенные на холме Темры³³. Потом святыня долго хранилась в Арме – церковной столице Острова. Но в XVI веке реформаторы устроили ей настоящее аутодафе: сожгли с помпой в Дублине. Был ещё знаменитый посох святого Мо Чуту из Лисмора. Иногда этого южно-ирландского кулдея называют Каратах. Святой умер около 637 года, а посох долго оставался главной реликвией Друзей Божьих, пока не сгинул. О нём почти забыли, но такие святыни способны возвращаться. В 814-м он нашёлся в замке Лисмора. Ещё можно вспомнить находки, сделанные викингами Харальда Прекрасноволосого во время заселения Исландии. Во второй половине IX века отряды конунга высадились на фьордах, покрытых льдом, и, проникнув вглубь страны, обнаружили некогда обжитые пещеры. Хозяева заблаговременно покинули свои кельи, но в спешке оставили книги, посохи и колокольчики. Викинги справедливо решили, что им досталось церковное имущество ирландских монахов. Да, правда, кто ещё из европейцев рискнул бы так далеко заплыть и полярными ночами молиться палестинскому Учителю, кроме отчаянных кельтов? Впрочем, господа, пора нам расходиться. Подходит время сна и сновидений, в которых иногда появляются нужные под- сказки. Продолжим завтра.

* Король Лоэгайре – верховный король Ирландии; умер в 462 г.

Друзья собрали вещи, откланялись и отправились в загородный мотель. Пожимая профессору руку, Сергей Наркисович договорился о времени утреннего визита. Вечер в мотеле прошёл спокойно. Посидели в уютном холле, запили холодные сэндвичи травяным чаем, и даже Остроглазов оставил затею «исследовать местные бары».

Глава 8 Ответы Маркуса

Утром профессор уже ждал друзей в кабинете. Судя по бледному лицу, взъерошенной копне волос, расстёгнутому вороту рубашки, в нагрудном кармане которой с минувшего вечера торчала вельветовая бабочка, а также кругам под воспалёнными глазами и невообразимому хаосу на столе, ночью Дерридер ни на минуту не прилёг. Сергей Наркисович поймал напряжённый взгляд учёного и ещё более укрепился в своих подозрениях: Маркус не только не отдыхал, но и тщательно обдумывал вечерний разговор.

– Я не смог уснуть! – горячо начал Маркус. – Ваш документ, возможно, талантливая мистификация, ирландский ребус. Или же перед нами замочная скважина, через которую можно рассмотреть тёмные детали некоторых политических и церковных коллизий. А тетрадка, – он бережно похлопал по манускрипту, – своего рода ключ к разгадке событий, произошедших 800 лет назад на северо-западе Европы. Но давайте по порядку.

Сначала я ломал голову над вполне логичными вопросами: кто и с какой целью составил это Завещание? Автор, вне всякого сомнения, был человеком недюжих литературных способностей, обладал обширным архивом знаний и, главное, принадлежал к тому узкому кругу ревностных христиан, для которых Церковь всегда больше, чем просто сообщество верующих, социальный институт или орден. Ваш текст вполне мог появиться во времена контрреформации XVII века. В те годы идея объединения монастырских общин и независимых приходов в свободную конфедерацию, как говорится, витала в воздухе. Ир-

ландцы, пережившие карательные рейды Кромвеля, могли записать Завещание кулдеев. Не сочинить, обращаю ваше внимание, а именно записать. На свежем воздухе или под парами выдержанного виски такое не придумаешь. Следовало разобрать древние анналы, скомпилировать фрагменты житий, перевести гэльские предания, сопоставить исторические детали, а после на английском языке изложить окончательный вариант наблюдений и размышлений. Не удивлюсь, если существовал ирландский текст, хотя вряд ли в нём отыщется что-то специфическое, кроме разночтений в именах и географических названиях. Первым в качестве возможного автора мне на ум пришёл святой души человек, архивист и писатель, вернувший ирландцам имена сотни забытых святых, архиепископ древней Армы Джеймс Ашер. Гениальный историк, Ашер был из богатых дублинских купцов, но исповедовал протестантизм и довольно скептически относился к связям кельтов раннего Средневековья с Римским престолом. Всю жизнь ему хотелось доказать себе и своей многочисленной пастве, что независимая от папы и Британии Англиканская церковь Ирландии – благословенная община, в недрах которой исторически и мистически осуществились все новозаветные идеи. По всей Европе он скупал раритетные рукописи. В погоне за очередной реликвией его ученики и единомышленники перекопали десятки континентальных библиотек. Как современных туристов приводят в трепет памятники и руины старых обитателей, так архиепископа вдохновляло древнеирландское наследие. Традиции Патрика, Брендана и Бригиты Ашер считал протестантскими, а история кулдеев увлекла его как антиримская, насыщенная романтикой и тайной. Для него кельтская Церковь была понятием строго этическим, а не историческим или национальным. Я много размышлял на эту тему, и в какой-то момент меня буквально осенило! Знаете, когда пристально разглядываешь пейзажи малых голландцев: Рёйсдала, Конинка или Аверкампа, то иногда находишь детали, придающие полотну новый смысл. Например, в зимнем гулянии конькобежцев Аверкампа вдруг замечаешь коренастого с мешком всякой всячины за спиной простолюдина и думаешь: «Как затесался сюда этот бедолага?.. А вдруг здесь художник изобразил самого себя, и всё это полотно вовсе не про снежное веселье, но про него самого – одинокого и с грузом банок и пилюлей несчастного аптекаря?» Так и в нашем случае. Хотя на историческом катке XVII столетия лёд уверенно резала протестантская партия Ашера, самым главным участником веселья оказывался человек, не обувший коньки. Гость на обочине. Им мог быть только Джеффри Китинг из Мурстауна. Я не шучу. В заплечном мешке Китинга лежит один из самых впечатляющих европейских трактатов Нового време-

ни «Основы знаний об Ирландии». Объявленный в розыск английскими властями, на все лады поносимый протестантами, этот ирландский поэт, католический монах-иезуит бредёт себе бочком вдоль берега застывшей реки и помалкивает. До него никому нет дела, а у бродяги бурлят мысли, рождаются всё новые восхитительные идеи. Через магический кристалл древней кельтской истории он различает образ будущей свободной Ирландии. Никаким повстанцем Джеффри, конечно, не был, но его называли «ирландским Геродотом». Он, как и его античный предтеча, записывал всё, что удавалось узнать, понять, но верить всему подряд не спешил.

– В чём же уникальность вашего Китинга? – поинтересовался Келсмен. Имя «ирландского Геродота» было ему незнакомо.

– Род Китингов, – охотно продолжил Дерридер, – восходил к древним англо-норманнским переселенцам в Ирландию. Как часто бывает, чужаки, если они не абсолютные варвары, впитывают культуру, религию и нравы обитателей покорённой страны. Спустя время вчерашние оккупанты становятся куда более горячими защитниками традиций завоёванных племен, чем сами местные жители. Со второй половины XII века на руинах древних монастырей англо-норманнские бароны принялись возводить родовые замки. В генеалогические узоры континентальных родов начали вплетать имена кельтских героев и святых. Знатные вельможи тратили деньги, сочиняли сюжеты, пытались поместить ирландские предания в основание собственных семейных историй. Новые храмы на острове они посвящали не римским, а местным, кельтским, подвижникам. С небольшими нюансами подобная практика «оживления» позднее повторится в Шотландии и Уэльсе.

– Вот молодцы, – тихо заметил Остроглазов, – приплыли, порубили всех в капусту, а потом говорят, что здесь так принято выращивать овощи. Надо было испанцам втереться в индейские родословные. Глядишь, и золото ацтеков уцелело бы.

– Не выспались, молодой человек? – Дерридер приветливо осмотрел растрёпанного Ивана. – Ацтеки здесь ни при чём. Испанцы и так получили, что хотели. Вернёмся к нашим делам. Итак, родители дали Джеффри прекрасное образование. Он учился на континенте в университетах, которые ещё в X веке основали ирландские миссионеры. Сначала это был Реймс, потом Бордо. Там Китинг написал несколько книг, стал доктором богословия и принял монашеский постриг в ордене святого Игнатия. Затем, если я не ошибаюсь, молодой священник-иезуит перебрался в Ирландию, где служил и проповедовал в самом что ни на есть кулдейском месте – епархии Лисмора. Ваше Завещание упоминает «летописцев Лисмора», то есть кулдеев святого Мо Чуту. Человеком Джеффри слыл горячим, принципиальным и фантастически начитанным. В какой-то момент жизнь Китинга круто переменилась. Причиной тому стал конфликт между ним и богатым землевладельцем. Сперва священник потребовал, чтобы месса на его приходе начиналась в назначенное время, а не в час, когда

соизволит прибыть семейство тамошнего лендлорда. Затем в проповедях неистовый монах принялся горячо обличать безнравственность и злодеяния местной знати. Кому такое понравится? Нашлись злопыхатели. На Китинга, словно он дикий волк, устроили облаву. Предание говорит, что поэт бежал в долину Глен Ахерло, графство Типперэри. На долгие годы прибежищем изгою сделались глубокие пещеры, тенистые леса и неприметные, покрытые соломой домики на берегах крошечных озёр. Там Джеффри написал уже упомянутый трактат «Основы знаний об Ирландии». Ему было 75, когда в 1664 году он отошёл в иной мир. Большая часть жизни была посвящена созданию этого интеллектуального гимна любимой родине. Говорят, что на приходском кладбище местечка Таббрид есть могила преподобного Джеффри. Если однажды ленивые на подъём ирландцы соберутся поставить Китингу памятник, то место его в тех краях.

– Так в чём открытие, сделанное Джеффри? – не выдержал Кайрин.
– Какое отношение его книга имеет к нашему вопросу?

– Понимаете, – Дерридер медленно подбирал слова, – у Китинга много оригинальных мыслей и парадоксальных теорий. Но главная идея в том, какой ему представлялась истинная историческая Ирландия. Погружаясь в гэльский язык, географию острова, легенды, народные и церковные мифы, Джеффри увидел свою страну как одну из древнейших и независимых колыбелей мира. Она предстала ему землёй великодушных и славных племён. Её жрецы хранили истинную мудрость, короли – чистоту сердец, а святые – преданность Вечному Богу. В «Основах» нет ничего про Друзей Божьих, потому что писать он начинал о столетиях послепотопных и довёл своё повествование до 1169 года, когда Генрих II высадился в Ирландии. Китинг рассказывал о ключевых эпохах, не вдавался в подробности церковных смут, но образы кулдеев напрашиваются сами собой. Друзья Божьи – единственные, кто следовал благородным идеям кельтского христианства.

– Помяните моё слово! – в этот раз голос Ивана прозвучал громко. – Завещание кулдеев – дело рук вашего Джеффри!

– С чего ты это взял? – оторопел Кайрин.

От неожиданной реплики Остроглазова замерли и Брига с Келсменом.

– Да как вы не понимаете?! – Острый говорил с интонацией упрямого спорщика. – Если талантливый человек долго прячется в лесах, сидит себе по мрачным и мокрым пещерам, то рано или поздно он научится смотреть на окружающий мир совсем иначе. Станет слышать то, что другие пропускают мимо ушей, замечать множество деталей, понимать скрытую механику природы. Исследователь в уютном кабинете

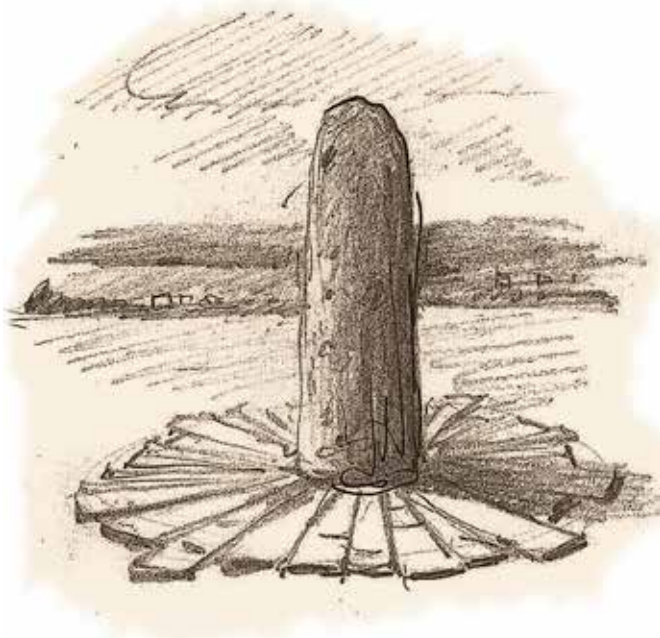
быстро теряет нюх, за лесом не видит деревьев. Я не намекаю на вас, профессор. Простите, если обидел, – он вежливо привстал, – но логика творчества и жизни настоящего учёного такова. Целыми днями ваш Джеффри корпел над таинственными рукописями, наслаждался пением лесных птиц, слышал завывания ирландских волков, крики ночных птиц. У него обострились не только обоняние и слух, но весь разум стал чутким, восприимчивым. Он превратился в медиума. Через год такого труда у любого поэта созреет трактат или поэма. Короче говоря, аскетичные условия так настроили преподобного, что ему открылись старые добрые тайны. Главное, как я понимаю, Китинг был человеком смелых гипотез?

– Чрезвычайно смелых, – профессор энергично кивал, – порой, даже дерзких. Джеффри утверждал реальность существования Туата Де Данан, то есть наследников племён богини Дану, верил в силу Ли Фаль – Камня Судьбы, на котором короновали кельтских королей. Саму же королевскую власть он понимал как выборную, основанную на народной поддержке и благородстве правителей.

– Человека с таким набором идей явно ценили, – не унимался Иван. – Потом поэт стал национальным героем, властителем дум. Точно говорю вам: Завещание – его изобретение.

– А если это всё же не Китинг? – спросила Брига. – Допустим, спустя одно или два столетия после кончины Джеффри другой монах-иезу-

ит раскопал архив и наткнулся на черновик текста, напоминающий исторический трактат, и сочинил Завещание. Талантливо подделал рукопись Китинга, добавил к изначальному варианту детали, известные только членам ордена или тайным покровителям братства. Я лишь предполагаю. Но чем только не побрезгуют духи, когда решат заморочить человеку голову? В случае церковных дел их изобретательность границ не знает. Одни «Лжеисидоровы декреталии»³⁴ чего стоят.

– Можно припомнить и «Константинов дар»³⁵, – согласился Дерридер, – но я не склонен углубляться в столь баснословную древность. За архаичными оборотами речи и патетикой Завещания слышны голоса более юных поколений. Старый кельт сидит на поросшем мхом и уже вполовину проглоченном землёй гранитном валуне, а молодой воин или монах только подвязывает новые сандалии. Идея возвращения древнего знания, поиск ключей к неразрешимым загадкам прошлого никогда не исчезали. Это словно океанские волны: накатывают и, вспенившись белыми бурунами, возвращаются обратно. На берегу среди мусора и обломков остаются малоприметные артефакты, случайные вещи, всяческая всячина, но дорогие жемчужины не каждый раз уносит вода отлива. Если нынешние металлоискатели усовершенствуют до размера обувной коробки, то любой археолог легко перелопатит побережья Керри и Англси. Уверен, ему попадутся наконечники римских копий времён восстания Боудикки или пряжки ремней солдат Кромвеля. Но в подземелья истории нам суждено спускаться самостоятельно.

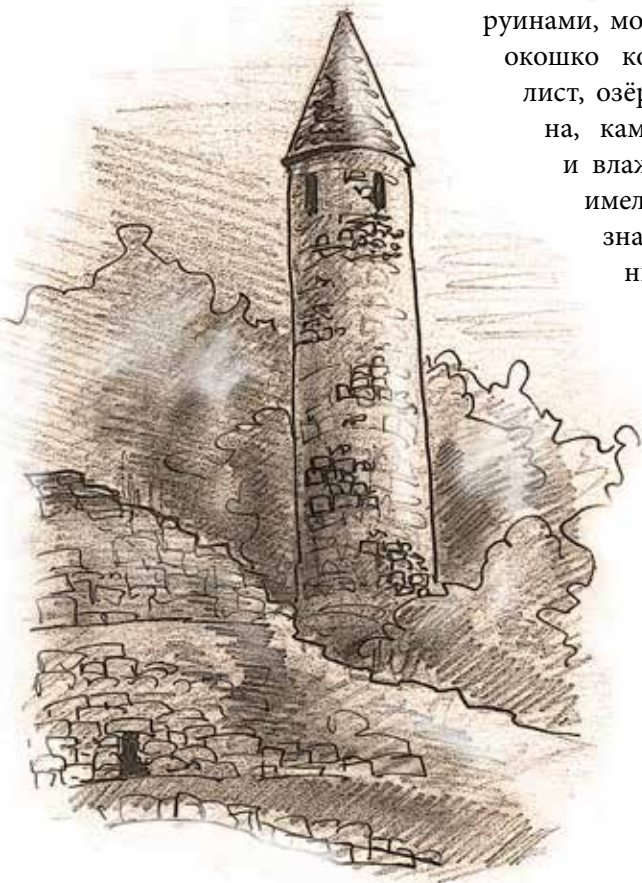
– А вас не удивляет, что у этого текста нет автора и его так витиевато озаглавили? – спросил Кайрин.

– Помилуйте, – профессор сложил на груди руки, – как можно удивить филолога, занимающегося средневековой литературой? Возьмите, к примеру, классические исландские саги или германский эпос. Я изучаю «Старшую Эдду» и «Песнь о Нибелунгах». От описываемых событий авторы средневековых текстов находятся так же далеко, как мы с вами от них самих. «Старшую Эдду» написал неизвестно кто, название своё она получила по непонятной причине. Принято считать, что к этому сочинению прямое отношение имеет Снорри Стурлусон, а именуется оно так ввиду того, что Эддой древние исландцы величали любую прабабушку. То есть выходит, сагу Снорри посвятил собственной прабабке? Согласитесь, версия довольно странная. С Нибелунгами ещё сложнее. Трудно объяснить, кто скрывается под этим обобщающим именем: голландцы, австрийцы или обитатели туманных гор? Герои обоих эпосов жили в VII и XI веках, хотя сами тексты окончательный вид приняли только в XVII и XVIII столетиях. Но эти частности никому не мешают исследовать язык, распутывать сюжеты и защищать докторские диссертации. Так что ваша тетрадка меня не смущает. Кстати, последователей Китинга, а их хватало, отсутствие древних рукописей не обескураживало. Они доверяли своей интуиции, таланту и усердию.

Прошло менее двухсот лет после кончины Джеффри. Ирландия пережила несколько восстаний. Пришли О'Коннер, фении³⁶, Парнелл.

Миновал Великий голод. К кельтскому наследию обращалось немало писателей, поэтов и художников как в Ирландии, так в шотландских и валлийских землях. Достаточно вспомнить Джона Стюарта Блэки, основавшего первую кельтологическую кафедру в Эдинбурге, Джона Фрэнсиса Кэмпбелла, собравшего огромную коллекцию поэм и песен Высокогорья. В те десятилетия родители Оскара Уайльда издавали фольклорные сборники, Дуглас Хайд выпускал «Литературную историю Ирландии», Уильям Шарп редактировал альманах «Языческое ревю», Джон Банд напечатал «Кельтская церковь в Уэльсе», а Йейтс вместе с Леди Грегори создали Ирландский театр. И это всего лишь малая толика из волшебного мешка фантастических проектов кельтского Ренессанса. Но не каждому человеку дано продираться через туманные метафоры поэтов, слушать баллады модных бардов или соперничать актёрской игре. А вот живопись, картины новых мастеров, пускай даже тиражируемые чёрно-белыми фотографиями и репринтными открытками, – великая сила. Для ирландских романтиков пейзаж с древними

руинами, монастырская башня, в узкое окошко которой взбирается остролист, озёра всаване утреннего тумана, каменный, поросший густым и влажным мхом высокий крест имели не просто эстетическое значение, но духовное утешение. Кельтское Возрождение началось задолго до Йейтса. «Чекой разорвавшейся гранаты» был человек по имени Джордж Петри. Он родился в 1790-м, когда поднялись «Объединённые ирландцы» Уолфа Тона. Поговаривали, что отец Петри, родом из шотландского Абердина, был тесно связан с повстанцами. Неодну сотню миль юный Джордж прошагал по родной стране. Мало того, он перебрался на соседний остров

и добрался до Уэльса. Бог дал ему большой музыкальный и переводческий талант. Петри собирал древние гэльские мелодии, записывал почти забытые песни, бродил между руин Глендалоха и Клонмакнойза. Предметом его бесконечного восхищения стали высокие круглые башни. Потом Джордж издал книгу, посвященную этим архитектурным шедеврам. Монография стала классикой. О башнях узнали в Европе. Задолго до энтузиастов кельтского Возрождения он начал делать описания и зарисовки мест, связанных с историей ранней ирландской Церкви. В сорок лет Петри был избран членом Королевской ирландской академии, а в 1831 году ему повезло добыть копию второй части «Анналов Четырёх мастеров». Долгое время она считалась утерянной. Для любого кельтолога этот текст бесценен, как для библиста фрагмент из свитка Торы. Где-то он разыскал выносное распятие XI века, которое называют «Крест из Конга». Можете полюбоваться им в дублинском Музее, а картины Джорджа выставлены в национальной галерее. Самой известной было полотно «Последние пилигримы в Клонмакнойзе». На ней – солнце, опускающееся в дальний океан, с вечерней дорожкой, в волнах Шаннона тусклые блики вокруг кельтских распятий, тень высокой башни и вдохновлённые всем этим величием паломники. Трогательная работа. Коллекция древностей, собранная Петри, приводила в совершеннейший восторг, а его интерес к наследию кулдеев не остывал на протяжении всей жизни. Для ирландцев Петри стал своего рода пророком. Работы Джорджа высоко ценили революционеры «Молодой Ирландии». Самый талантливый среди них поэт и писатель – Томас Дэвис – часто цитировал Джорджа и восхищался его открытиями. Но многое из наследия антиквара считается невозвратно утерянным. Пропали исследования, посвященные древним ирландским крепостям. Для нашей с вами истории любопытно следующее. В 1829-м Петри отправился на север Мюнстера. Шёл, так сказать, по следам Геральда Камбрийского, автора трактата «Топография Ибернии». Ваша тетрадка, кстати, называет Геральда «блаженным». После долгих поисков в графстве Типперэри на глухом озере он отыскал острова, описанные в XII столетии. Первый островок Геральд называет *Insula Viventium*, то есть «Остров Жизни».

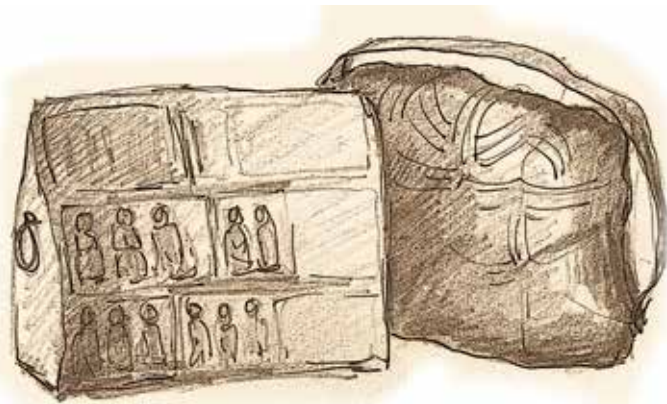
Это скалистый клочок земли в центре озера, и на нём сохранившиеся остатки церкви Друзей Божьих VIII века. Второй остров гораздо крупнее. Некогда там размещалось целое аббатство другого ордена. Геральд сообщал, что ни женщина, ни даже животное женского пола не могли туда попасть и остаться в живых. Смерть немедленно наступала любых смельчаков. Петри, очарованный пасторальным пейзажем, создал полотно, на котором между старых деревьев виднелись живописные развалины храма кулдеев. Древняя Ирландия сама искала художника, открывала ему свои потаённые сокровища.

– Я слышала, что на Афон нельзя приходить женщинам, – сказала Брига, – но о внезапной кончине пренебрегающих запретами никто не говорил.

– Восточные греки миролюбивей древних кельтов, – заметил Кайрин, – хотя обратите внимание: суровый запрет касался не общины кулдеев, а обитателей второго острова. А среди Друзей Божьих были монахини, простые женщины и высокородные дамы.

– Ладно, – профессор нервно постучал карандашом по крышке стола – нам сейчас не до греков с их дамами. Я повторяю, что Петри внимательно относился к ирландским артефактам и ему феноменально везло. Пойдём дальше. Не могу представить, каким образом, но в 1840 годах к Джорджу попал Бреаг Маодхог, реликварий, принадлежавший святому епископу Мэдоку. По форме – это домик для детских забав. В его основание помещена массивная доска, а деревянные стенки покрыты бронзовыми пластинами и конусом смыкаются в острый конёк крышки. Такая форма очень напоминает треугольные крыши Галларуса³⁷ на Дингле и Часовни Колумбы в городе дальних родственников господина Шона. Я имею в виду местечко Келлс графства Мит. Артефакт почти двадцать сантиметров высотой и девять шириной. На его

медных плоскостях искусно отлиты фигурки священников, аббатов и бородатых поэтов. Когда я впервые увидел Бреаг, то обрадовался привычке повсюду с собою носить сильное увеличительное стекло. До сих пор помню тот восторг и азарт, с которым рассматривал изображения этих клириков. Говорю

так, потому что под тончайшими изгибами их одежд, за орнаментом украшений, в переплетении рук, наклоне голов, причёсках и бородах улавливались ирландский абстракционизм и романская изысканность. На одной из панелей изображён задумчивый человек, философ или поэт. Другая стала приютом музыканта, перебирающего струны арфы. Рядом с арфистом сидит птица. Мне удалось разглядеть её когти и крылья. Если музыкант не кто иной, как царь Давид, то птица – Святой Дух. Ещё там можно различить фигуры апостолов с ветвями экзотических деревьев. Считают, что Бреаг изготовили в XI веке, приняв за образец реликварий VII или VIII столетий. Тогда, во время религиозных церемоний, вместе с колокольчиками и книгами монахи носили на груди приспособления в виде миниатюрных гробниц с частицами мощей. И хранили в них не только фрагменты священных останков. Кстати, Бреаг был покрыт золотом и серебром, то есть интересовал не только благочестивых христиан, но и разбойников. О существовании уникального артефакта узнали только в 1845 году, когда Петри выставил находку на всеобщее обозрение. Кто-то из искусствоведов пытался развернуть дискуссию относительно древности и ценности ковчега, но мало в том преуспел. Петри умер в 1866 году, и Бреаг купила Королевская ирландская академия. Тогда несравненная Маргарет Стоукс³⁸ подробно и описала артефакт.

– Я вообще-то тоже Стоукс, – кашлянув, сказала Брига, – может быть, Маргарет из числа наших дальних родственников? И причём здесь Бреаг?

– Всё возможно, – профессор бросил на монахиню короткий взгляд. – Мне показалось, что одна из картинок в вашей тетрадке воспроизводит чрезвычайно похожий ковчег. Я рассуждал: в Ирландии могли существовать святыни, подобные Бреагу. Меня осенило! Их должно быть двенадцать по числу апостолов Ирландии. Судите сами: святой Финниан Мовильский³⁹, «отец двенадцати апостолов». Так? Далее: «Ирландская литания святых пилигримов», написанная кулдеем Энгусом в середине IX столетия, говорит о двенадцати му-

жах, ушедших за море с Риоком, сыном Лоэга, и о двенадцати юношах с острова Кошки, одного из которых встретил Брендан Мореплаватель. И ещё он упоминал двенадцать отроков, отправившихся с Молайше на небо. Короче говоря, в скриньке из вашей тетрадки наверняка хранится что-то важное. Не обязательно мощи. Письма, завещания, карты.

– Двенадцать. Мистическое число, – пробормотал Остроглазов, – а я думал, что приключения происходят только вокруг двенадцати стульев. Там тоже история про спрятанные сокровища.

– Ключ к разгадке Брега связан с личностью того, в честь кого он был сделан, – словно в ожидании поддержки Дерридер посмотрел на освещенного оранжевыми переливами сентябрьского света ворона и продолжил: – Вчера мы с вами говорили о легендах, сохраняющих скрытые смыслы, о житиях святых, которые не столько сказки, сколь исторические документы, требующие расшифровки. Итак, что нам известно о Мэдоке? Иногда его называют Айданом Фернским, но я предпочитаю первое имя. Он жил в конце VI – начале VII века. Родился

в Ирландии. Учился в монастыре святого Финниана. Того самого «отца двенадцати ирландских апостолов». Некоторое время провёл в Уэльсе у святого Давида из Меневи. Причём валлийские анналы считают Мэдока одним из самых преданных учеников Давида. На родине он основал много монастырей, самый известный из которых находится в Фернсе, графство Уэксфорд. Епископа Мэдока, а он стал таковым, очень любили в Ирландии, Уэльсе и на Шотландском Высокогорье. Предполагают, что епископ приходился двоюродным братом святому Даллану Форгаллу – поэту, автору «Чудо Колумм Килле» – самому первому тексту о святом Колумбе. Житие Мэдока наполнено множеством красивых и невероятных чудес. Он плавал на камне; олень, преследуемый охотниками, по его молитве становился невидимым; разбитый кувшин, стоило только святому осенить черепки крестным знаменем, обретал прежнюю форму. Но из всех чудес мне понятнее то, что произошло в его обители. Туда нагрянули волки и съели телёнка коровы, которая много лет кормила братию отборным молоком. Корова затосковала, словно собираясь покинуть этот мир, перестала давать надои. Мэдок возложил руки на голову своего монастырского повара, сотворил молитву и отправил его в хлев. Неутешная кормилица обнюхала посланника праведного епископа, лизнула его и полюбила, как прежде обожала своего телёнка. Молоко опять обильно потекло в глиняные поддоны.

– Ирландцы боготворят своих коров, – Келмен собрался вставить слово. – Мы в Новой Зеландии тоже...

– Подождите, – Дерридер решительно остановил Шона, – рассказы – затея хорошая, но нас интересуют коллизии более значительного характера.

– Какие именно? – спросил Кайрин.

– Вот такие, – профессор вновь бросил взгляд на неподвижную птицу. – Святой Мэдок скончался на берегу озера Лох-Мелвин в Россинвере, провинции Коннахт, около 626 года. Там был один из его многочисленных монастырей. Часть мощей осталась в Россинвере, другую перенесли в Драмлейн, а третья оказалась в Фернсе. Ещё у святого были посох и ручной колокольчик. Посох находится в Дублине. А колокольчик в соборе Армы.

– Тогда всё сходится! – обрадованно воскликнул Остроглазов. – Нужно срочно найти похожий домик с фигурками, вскрыть его и ра-

зобраться с содержимым тайника. Там же тайник? Иначе к чему вся эта карусель с именами, костями и волшебными предметами.

– Успокойтесь, юноша, ничего ещё не совпадает, – профессор осадил Ивана. – Есть две проблемы и одно важное наблюдение.

– Начните с проблем, – осторожно сказала Брига, – в таких случаях у нас говорят: «Мы не отступаем – мы движемся в другом направлении».

– Да, я слышал эту поговорку, – улыбнулся Дерридер, – но вот вам проблема первая. Существует казус «святых ирландских однофамильцев». К примеру, ваша небесная патронесса Бригита Килдарская имеет не менее двенадцати святых тёзок, каждая из которых располагает своей родословной, местом рождения, а также историей почитания. Ирландцам известны четырнадцать Бренданов и сотня святых Колманов. Кроме природного пейзажа, существует и так называемый сакральный пейзаж. Когда ты изучаешь карту, где отмечены благодатные источники: колодцы, часовни, пещеры, камни буллауны, места крещения и могилы святых, то понимаешь – перед тобой священный ландшафт. Но обитатели этих широт почти всё забыли. В случае с реликвиями путаницы ещё больше. Есть риск неправильно прочесть имя, исказить географическое название, пропустить череду дат. Теперь второе. Предположительно, подчёркиваю, друзья мои, сугубо гипотетически, в Бреаге могла находиться копия Миссала Стоу. Из Средневековья к нам дошёл только один экземпляр этого образца ирландского богослужбника. Но кто рискнёт отрицать существование его родных братьев или сборников, составленных по тем же принципам?

– Подождите, профессор, – цветным ручейком переливающихся бусинок Брига выложила на стол чётки и внимательно посмотрела

на Дерридера, – если вы говорите про тот самый служебник, что выставлен в музее Королевской академии, то находка его копии может пролить свет на несколько загадок из истории кельтской Церкви, её литургических порядков и, что особенно любопытно, практик экзорцизма.

– Многих, сестра, очень многих, – Маркус охотно подхватил гипотезу Бриги, – и не только практик и загадок, но даже, позволю себе утверждать, тайн, касающихся как церкви, так и политики.

– Каким образом, – вмешался Остроглазов, – объясните мне кто-нибудь, как слова про Бога, песни, обращённые к отстранённой идее, могут влиять на политику и политиков, озабоченных деньгами и новым оружием?

– В Средневековье это было обычным делом, – пожал плечами Дерридер. – В те времена люди с трепетом выходили во двор своего дома встретить светлого ангела или изгнать беса. «Лицензированному специалисту», как бы мы сейчас сказали, они платили немалые деньги. А Миссал Стоу, хотя правильнее говорить Миссал Лорра, поскольку изготовили его в монастыре святого Руадхана в Лорре, графство Типперэри, или в центре проживания кулдеев – Таллагхте, своего рода разновидность духовных лат, нагрудник Патрика. Ирландские священники из братства Друзей Божьих такие книги постоянно держали под рукой. Мало ли когда придётся крестить младенца, соборовать больного, причастить умирающего или произнести заклинания.

– Что особенного было в этом сборнике? – спросил Келсмен. – Откуда он вообще взялся?

– Почему сразу «взялся»? – Дерридер подошёл к окну, приоткрыл одну створку и жадно вдохнул осенний ветерок, юркнув-

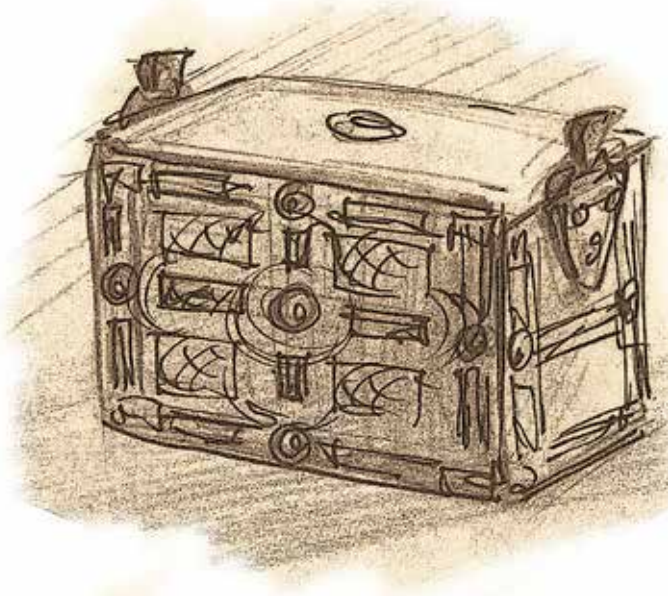
ший в кабинет. Попытался уложить растрёпанные волосы. Не сладив с шевелюрой, учёный повернулся к гостям.

– Миссал составлен из латинских молитв и заклинаний на гэльском языке. Очевидно, его автором был монах из Таллагхта, обители святого Маэлруайна – самой значительной общины кулдеев. Датируют Миссал VIII веком. Его история полна странностей и загадок. Около 1060 года из Дублина богослуженики доставили в монастырь Лорры. Им пользовались, совершая чин кельтской литургии и другие службы. В конце XIV века Миссал якобы перевезли на континент. Никакого смысла в перемещениях такого рода не вижу, но, похоже, о святыне забыли надолго. В XVIII веке она вдруг отыскивается, и не на европейских просторах, а в стене старинной башни развалин замка Лакин, от которого до Лорры рукой подать. Долгие годы Миссал хранился в специальном металлическом реликварии, по-гэльски «кумдахе». На медных и некогда вызолоченных и посеребренных пластинах древнего оклада были начертаны титулы аббатов нескольких старинных островных обителей и два королевских имени. Его изготовили накануне вторжения Генриха Плантагенета. То есть до начала гонений на кельтские общины. Эта злосчастная реформа не просто разрушила монастырскую структуру ирландской Церкви, запретила гэльские литургии и стёрла из народной памяти имена древних святых. Вместе с ней на остров пришли римские монашеские ордена, уставы и приходские правила. Новых католиков меньше всего интересовала древняя традиция Патрика. Кто-

то из кельтских клириков надёжно спрятал богослуженик и пустил слух о его исчезновении.

Маркус замолчал. Сентябрьский сквозняк робко перебирал шенилловые портьеры, пытался расшевелить рукописи, аккуратно сложенные на столе, играл впорхнувшим с улицы дубовым листочком.

– Знаешь, Шон, я тебя понимаю, – переведя взгляд с профессора на Келсмана, произнёс Остороглазов, – быть ирландцем почётно, но очень рискованно. За всю

жизнь я никогда не слышал столько историй про коробочки, ящички и сундучки, в которых, словно проглотив друг дружку, лежат ценные вещи, предметы особого значения и устройства для телепатической связи.

– Чем, по-твоему, рискует обычный ирландец? – опередив ответ Шона, полюбопытствовала Брига.

– Только одним, – не меняя серьёзного тона, ответил Иван. – Ирландец может потерять или не отыскать самое главное хранилище. Потратить уйму времени на выяснение сотни мелочей и никому не понятных деталей. А что, герр Маркус, часто происходят находки подобного рода?

– Время от времени случались. Все не припомнить, – Дерридер вновь задумчиво перелистывал тетрадку. – Если вас занесёт в валлийский Сент-Дейвидс, то у священников собора Святого Давида поинтересуйтесь местонахождением реликвария, обрётённого в 1894 году. Во время ремонта стены старого храма рабочие обнаружили деревянную шкатулку с костными останками, принадлежащими двум людям. Настоятель собора преподобный Уильям Вильсон утверждал, что миру явлены фрагменты мощей святого Колумбы Шотландского и византийского императора Юстиниана. Весь следующий год жители Уэльса собирались вокруг алтаря собора. Это было чудесной находкой. Под многими руинами Ирландии лежат не золотые клады, а сокровища иного свойства. От войск Кромвеля прятали святыни, пережившие и викингов, и норманнов.

– В очередной раз кельтские сумерки сгустились, – озадаченно произнёс Сергей Наркисович, – порауйте нас хорошим наблюдением. Вы обещали. (В голове у Кайрина мелькнула строфа: «Тот, кто настойчиво роет, древнюю тайну откроет».)

– Попробую, – профессор извлёк из кармана бабочку, прицепил её к вороту рубашки. – Загвоздка не только в тексте, но и в орнаменте, украшающем ковчег реликвий. Предположительно, в нём лежали различные ритуальные предметы, мощи святых, молитвенники, а вязь рисунка намекала на особенности всего здесь тщательно припрятанного. Вот посмотрите!

Молниеносно Дерридер достал из ящика стола ярко-жёлтый листок бумаги. Ещё ночью он на него скопировал фрагмент кельтского узора с реликвария, изображённого в тетрадке.

– Что мы видим? – карандаш профессора плавно двигался над рисунком. – Три закрученные на концах линии, словно спицы вращающегося колеса, выходят из центра и пытаются вырваться за пределы орнамента. Можно было посчитать этот набросок схематическим

изображением цветка, но в самих линиях чувствуется сила движения, вращение лопастей невидимого механизма, а не просто круговое расположение лепестков, напоминающих лилию.

– И это означает? – Сергей Наркисович пытался ухватить мысль профессора.

– Только одно, мой друг! – Дерридер запустил пятерню в растрёпанную шевелюру и остановил на Кайрине немигающий взгляд. В эту минуту он вполне мог сойти за друида, поймавшего луч света в день зимнего солнцестояния. – Перед нами не какие-то там кельтские завитушки.

Здесь указание на движение бегущей троицы, на крылья трёх ангелов или ноги троих мастеров, вращающих колесо времени, проповедников и храмостроителей. Перед нами, друг мой, не что иное, как Трискелион – символ самого странного из кельтских поселений – острова Мэн, знак итальянской Сицилии и неформальный герб древнегерманского Падерборна. Между VII и IX веками в этом городе причудливо переплелись судьбы ирландских миссионеров и святых Каролингской империи⁴⁰. Самое загадочное время! Сергей, вашей компании нужно в Падерборн. Я всё просчитал, послушайте.

Друзья приготовились к очередному повороту профессорского воображения.

– Итак, – продолжил Дерридер, – в 45-м году союзники разбомбили Падерборн. Не столь жестоко, как Кёльн или Дрезден, хотя городу всё равно сильно досталось. Много чудесных зданий погибло, а вот собор уцелел. Его 90-метровая колокольня уверенно возвышалась среди пепельных руин. Город быстро отстроили, в храме начались мессы, музей и библиотеку открыли уже через два года после окончания войны.

– Но какое отношение это имеет к нашему делу? – Кайрин ждал перехода рассказа от Новейшей истории к Средневековью.

– Терпение, мой друг, терпение.

Профессор подошёл к окну. Закрыв створку.

– Два ледяных ключа соединяются в подземельях собора. Река Падер берёт свое начало именно там. Карл Великий⁴¹ встречался с папой Львом Третьим недалеко от тех мест. Здесь было принято решение короновать Карла и восстановить великую Западную Римскую

империю. В 776-м на месте легендарной встречи построили крепость Карлбург, а через три года заложили собор в Падерборне. Каролинги всегда благоволили ирландцам. Но не это главное. Храм был освящён во имя Девы Марии. А также в честь святых Либория и Киллиана, к немцам никакого отношения не имеющим. Святой Либорий был галлом, миссионером, епископом Ле-Мана и погиб в самом конце IV века. Около 835 года, когда храм окончательно достроили, Людвиг Благочестивый передал в Падерборн мощи Либория. Щедрая жертва. А вот почему святой Киллиан считается покровителем собора, до нашей вчерашней с вами встречи я никак не мог понять. Киллиан – ирландец, настоящий кельт из графства Каван. Пилигрим, в VII веке добравшийся до континента. С ним в Баварию прибыло ещё одиннадцать учеников. Как Колумбан и Фурса, он проповедовал и был связан с другими кельтскими миссиями. В священный сан его рукоположили в Ирландии, а епископский жезл вручил в Риме сам папа Конон. Потом Киллиана отправили во Франконию, и там он принял мученическую смерть. Если не ошибаюсь, святой обличил великосветскую даму в незаконном сожителстве с братом погибшего мужа. Редкий для кельтов случай: принять мученичество за нравственные убеждения.

Таким образом, Европа Карла начинается не в Риме, а в Падерборне. У её истоков материковые галлы и островные кельты. Там, в соборе, возможно, и сохранились самые важные реликвии. Кстати, ещё один Мариан Скот. Не тот, что основал наш регенсбургский монастырь и про которого вчера шла речь, а другой – ирландец по имени Маэл Бригте, автор великой «Хроники Мариана Скота», специально отправившийся в Падерборн для поклонения останкам некоего затворника, тоже ирландца и хрониста Патерна. И нашего Мариана Скота рукополагали в пресвитеры у гробницы святого Киллиана. Всё происходило в середине XI столетия. Не слишком ли много совпадений? Как вам моя гипотеза?

Профессор победно смотрел на гостей. Кайрин понимал, что Дерридер из той удивительной категории людей, которые умеют создать

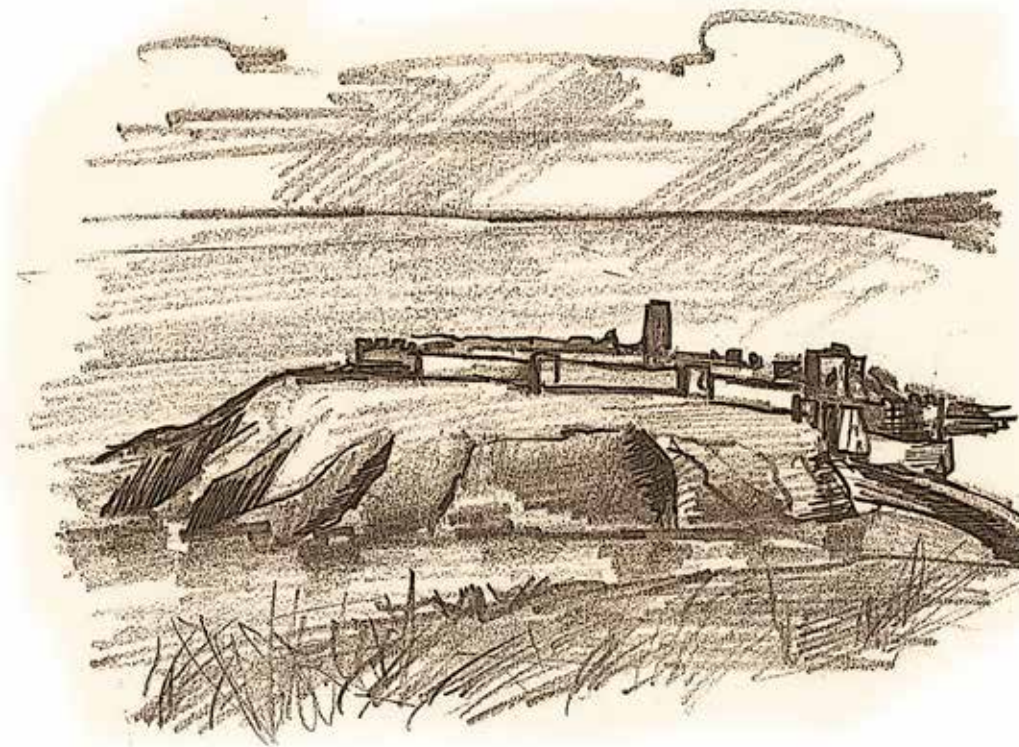

блестящую мифологию, свой парадоксальный восхитительный мир и, не подозревая об истоках вдохновения, попадают в самую цель.

– Убедительно, герр профессор, – начал Сергей Наркисович, – меня удивляет несколько неожиданный вывод про Карла и его империю. То, что германцы почитали кельтских проповедников, согласен. Неясным остаётся вопрос, касающийся мощей Киллиана. Святой был убит и похоронен вместе с двумя другими ирландцами, если не ошибаюсь, в южно-баварском Вюрцбурге?

– Именно там, – Маркус охотно кивнул, – реликвии хранились в городском соборе. Но частицу мощей или целый фрагмент могли доставить в Падерборн.

– Зачем? – Кайрин почти взмолился. – Объясните нам, ради всех здравомыслящих святых, какая цель перемещений больших и малых реликвий, частиц, фрагментов, предметов, употреблявшихся для сугубо хозяйственных и гигиенических нужд, в храмы других городов? Какая необходимость за тысячи миль переправлять реликварии туда, где и нога их героев никогда не ступала? Почему решили ими торго-

вать, кто благословил грабить столицы соседних империй под видом освобождения предметов сомнительного происхождения?

– Если вы с друзьями ищете смысл в религиозных ритуалах, – профессор вздохнул, – то лучше следует спросить кого-нибудь из архиепископии. Я давно пришёл к мысли, что у любого ритуала есть свой огромный плюс: не мы его придумали, а посему и не нам мучиться над его дешифровкой. Очевидно, мощи Киллиана разделили, а после частично перенесли в Падерборн. Если моя версия справедлива, то именно в городском соборе вашей компании может улыбнуться удача. Отыщите Заячье окно. Попробуйте попасть в библиотеку и подземное хранилище. Викарием там сейчас преподобный Клаус. Милый баварец. Правда, как все нюрнбержцы, упрямый, с мозгом строителя и чертёжника. Да, вот вам ещё телефон господина Фаррела, – Маркус протянул листок бумаги, на котором был аккуратно выведен номер. – Это мой приятель по переписке. Он ирландец. Сведущий археолог-медиевист. Живёт где-то на западном побережье острова. Будут сложности, найдите его. Так что, Сергей, дерзайте! Как говорили наши друзья кельты: «Чтоб ворона сила с тобой и мудрость змеи была, пускай не лишит тебя Бог зоркого глаза орла!»

Покидая кабинет, Кайрин пожал руку профессору и кивнул безмолвному обитателю книжного шкафа. Глаз ворона чуть сверкнул отражённым солнечным зайчиком.

– Будьте здоровы, герр Маркус, – слегка поклонилась Брига, – я под большим впечатлением от наших встреч. Напоследок спрошу: был шанс у Молодой Ирландии? Или восстание поэтов всегда обречено на поражение?

– Поэты, моя дорогая сестра, всегда правы. А политическая победа – вещь относительная. То, что начали Томас Дэвис и Чарльз Даффи, через 60 лет на Пасхальном восстании подхватят Патрик Пирс и Томас Макдона. Им тоже не повезёт, но у истории свои представления о памяти. Наследие Молодой Ирландии не сгнуло. Как говорил Йейтс: «Старое сердце стучит и стучит».

Шон О’Хини кивнул Маркусу и молча проследовал за монахиней. Последним выходил Остроглазов. Перед тем как перешагнуть порог и притворить за собой дверь, Иван обернулся.

– Прошу прощения, док, у меня один вопросик.

– Слушаю, дружище, – осторожно сказал профессор.

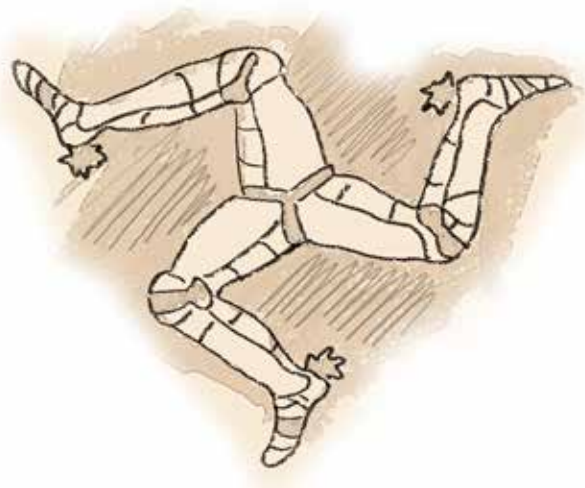
– Почему из всех историй про этого Мэдока вам понравилась именно о корове и поваре, ставшем для нее телёнком? Плавать на камнях и магическим жестом восстанавливать разбитые горшки куда как эффективнее и пользы больше.

– Дело в том, что истории, в которых неживая материя волшебным образом преобразуется и меняет свои свойства, хороши для простаков, умеющих жалеть своих ближних. Сердца таких людей – словно растопленный воск. Сверхъестественное только укрепляет их веру. Для джентльменов рассудочных и скептических лучше узнавать о чудесах сострадательного сердца. Как из ртути сделать золото, они разберутся, а со своей душой ещё придётся повозиться. Я понятно ответил?

– Вполне. Хотя каменные лодки занимают меня больше телячьих чудес.

Закрывая дверь, Остроглазов помахал рукой:

– Auf Wiedersehen, господин Дерридер! Может быть, ещё встретимся!

Глава 9 Падерборн

В Падерборн друзья добирались почти сутки. Дождь, зарядивший ещё в Регенсбурге, то усиливался, то, истощив запасы осенней мороси, бесшумно прекращался. Автомобиль бежал ровно, уверенно, и мерный шелест влажно блестящих шин смешивался со звуками бархатного ненастья, предоставляя путешественникам постоянную тему для разговоров.

– Накликали вы нелётную погоду своими ирландскими поэмами, – проворчал Остроглазов.

– Как сказать, – рассудительно ответил Келсмен. – Тёплый дождик лучше ваших метелей. Сырость, в отличие от снега и льда, куда как полезней. В ней заводятся необходимые в пищевой цепочке всяческие бактерии и жучки. А на русских льдинах даже живучие микробы отдают концы.

– Шон, – монахиня рассмеялась, – твоя цепочка довольно проста: хороший шницель, картошка, морковный суп, бокал холодного пива и никаких насекомых в обеденном меню.

– Зря ты, сестра, – Келсмен упрямылся, – коль скоро в мире всё сотворено так разумно, то и мельчайшие живые существа имеют своё предназначение.

– Вот умрёте, – ёрничал Остроглазов, – будет у вас чудесный шанс лично встретиться с представителями подземной фауны, которые аппетитно разделяются с вашими оболочками.

– Ну уж нет, – возразил ирландец, – я завещал себя кремировать, а прах развеять над Милфорд Саундом. Когда это захватывающее дей-

ствие произойдёт, мои молекулы вольются во всемирный океан, а уже оттуда им прямая дорога к истокам мироздания. В тех дальних блаженных краях Бог найдёт меня для воскрешения. Такой план.

– Бред это, а не план, – возмутилась Брига, – сказано же: плоть к плоти, кость к кости, прах к праху, а ты сочиняешь про молекулы. Кто будет петь литии* на твоей могиле?

– Ничего это не бред, – не отступал Келсмен. – Когда в Библии говорили про кости, об океане никто толком не знал. Пророки Ветхого Завета даже на берегу Атлантики не бывали. Окажись Моисей на мшистых обрывах Мохер, Писание говорило бы языком штормов, а не песчаных бурь. Я абсолютно уверен, что из самых глубин космоса по сотворённой Земле Господь шарахнул огромным ледяным метеоритом. Глыба окаменевшей воды врезалась в мёртвую планету, и воронка фантастических размеров, известная нам как дно Тихого океана, тому прямое доказательство. Именно тогда жизнь запустила своё колесо.

– Гениально, Шон, просто неподражаемо, – Остроглазов хлопнул товарища по плечу. – Навсегда запомню твою идею. Теперь, как только мне придётся шлёпать по лужам или нырять в австралийские озёра, непременно произнесу: «Приветствую тебя, великий осколок ледяного небесного гостя! Я благодаря другу из клана О'Хини счастлив оказаться в объятиях небесного плана!»

– Да! У Бога был именно такой план, – ирландец не понял иронии друга. – Среди миллиона вариантов этот оказался наиболее простым. Разве не так, сестра?

Келсмен с надеждой посмотрел на монахиню, но та, уже потеряв нить разговора, принялась про себя рассуждать, что в самой сущности любой гипотезы появления жизни есть такие нюансы терминов и оттенки понятий, продраяться через которые под силу людям исключительно духовным.

Ехали не спеша. Кайрину, вполуха слушавшему болтовню друзей, припомнился эпизод из «Мабиногиона»⁴², где на пире у короля Маэлгуна юный Талиесин воссоздаёт череду своих перерождений: «Я стоял при Кресте распятого Сына, – пел поэт, – был в ковчеге Ноя, смотрел, как погибали Содом с Гоморрой, возводили великий Рим, рушилась Троя, вместе с Богом я склонялся над яслями в пещере...»

«Сколько же придумали люди способов описать события, понять смысл времени и поворотов его течения, – рассуждал про себя Сергей Наркисович. – Самое странное: вот мы есть, а потом просто исчезаем. Сначала, конечно, умираем, но после словно растворяемся в воз-

* Лития – одно из православных богослужений.

духе. Прячемся в океанских молекулах Келсмена. Кто бы объяснил, что происходит именно сейчас на баварской дороге?»

Вся эта история с тетрадкой, перелётами, встречами и разговорами на самые неожиданные темы журналисту нравилась, хотя иногда казалась экранизацией его собственной жизни, где он, скорее, статист, каскадёр или технический помощник главного режиссёра. Фильм, несомненно, про него, но главную роль играет кто-то другой.

– Говорят же, что всё к лучшему, – словно продолжая прерванный диалог, сказала Брига. – Бог иногда устраивает действительно лучшие времена, но чаще ничего хорошего не происходит. Смысл поговорки меняется, и я слышу в ней уже другое утверждение: всё будет лучшим, потому что неизбежно изменится. То есть в самих переменах скрыто необходимое благо. Причём, обратите внимание, ожидаются не просто хорошие новости, а события чрезвычайного порядка. Парадокс в том, что это благо может не состояться, споткнуться о непредвиденные обстоятельства, и тогда все тонкие ниточки дорог, воздушные и глубинные пути разомкнутся, не вынырнут на долгожданный перекрёсток, мгновенно исчезнут. Мы даже не отыщем следов. Бог наблюдает, не вмешивается и до определённого срока ничего не предпринимает. Но в день нового потопа с острова Земля никому не скрыться.

– Сестра, – Остроглазов еле сдерживался, – никак не могу понять твои католические идеи: Судный день, небесные трубы, огненная буря. Слишком сумбурно, нелогично и мрачно будущее, о котором говорят все кому не лень, разве оно не может сложиться одной радостной картиной? Весёлая и мирная жизнь для всех приличных граждан. Найдётся в твоей изящной гипотезе для неё укромный уголок?

– Не сомневайся, – монахиня говорила уверенно. – Будущее будет, жизнь продолжится, и это, пожалуй, всё, на что мы можем рассчитывать. И хотя ткань нынешнего времени изменчива, в неё вплетаются неожиданные узоры, следует ждать лучшего, ибо худшее уже было или вскоре случится.

– Но нам там жить, – Иван продолжал сердиться. – Тогда пускай оно будет лучше, чем у прежних поколений!

– Конечно, – согласилась Брига, – самое простое – это сказать, чтобы желаемое было таким, и никак иначе. К примеру: «Пусть Кайрин найдёт все описанные в тетрадке артефакты, и тогда наши общие усилия помогут разобраться со всем европейским прошлым. Понять, с какого момента всё пошло не так». Но предпочтительнее заявить: «Пускай, пока мы не добрались до новой точки нашего безумного маршрута, появится хорошая закусочная». Серж, не молчи. Германия – не остров, и здесь должны кормить на заправках. Я родилась на острове. У нас

говорят: «Бог делится разными вещами: кому богатство, кому разум, а для кого довольно сытного обеда».

– Острова бывают разные, – ответил Сергей Наркисович, – дело даже не в климате и растительности. У островов есть своя магия. Иногда только подлетаешь к такому осколку древнего материка, смотришь в иллюминатор и уже чувствуешь: твой он или нет. У меня такая история вышла с Сицилией. Аэроплан садился в Палермо и заходил на посадочную полосу у самого моря. Вдали гора, прожжённые солнцем холмы, белые дороги, карликовые оливы, поднимается горячее море, над неопрятным городом зависло облако пыли. Я ещё не вышел из салона, а уже стойкое ощущение: остров-чужак. Другое дело, когда самолёт садился в Дублине, Глазго или на Крите. Даже Шотландия предстаёт огромным островом. Таким отдельным архипелагом, словно от Ферта до Сигидунума император Адриан не насыпал сто двадцать километров пятиметрового вала, а прорыл глубокий канал. Но если летишь в Лондон и приземляешься в Хитроу, то никакого мистического предвкушения не остаётся: дороги строгие, поля ровные, городки аккуратные. Когда Британия подземкой свяжет себя с Европой, ты, утром перехватив круассан в Париже, возможно, вообще не заметишь, как перемахнул с континента на остров, и неспешно пообедаешь тресковым супом на Трафальгарской площади. Банальная командировка. Никакой романтики.

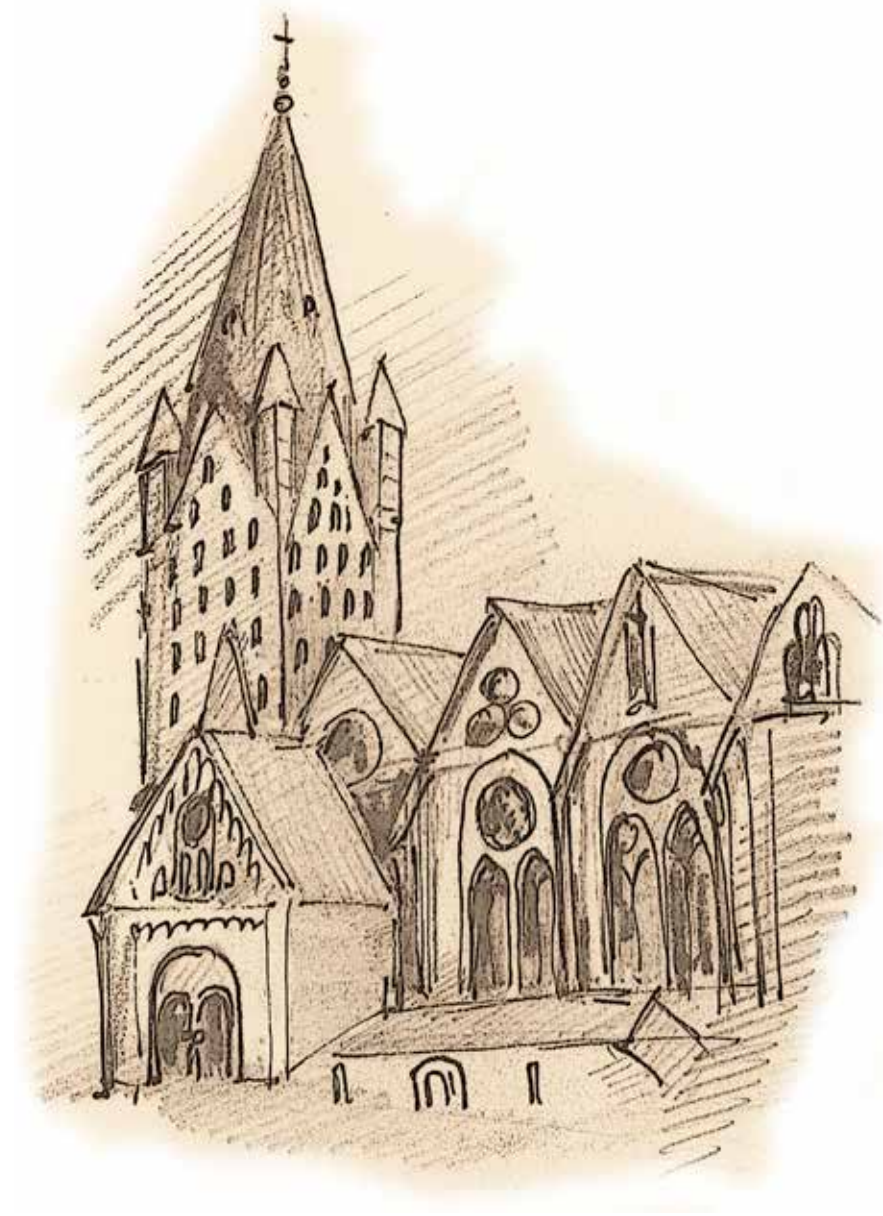
– Скажешь тоже, – Келсмен возмущённо хмыкнул, – кто станет копать под Ла-Маншем? Да и кому приспичит мотаться в Англию за тарелкой трескового бульона?

– Европа меняется. Америке тесно в своих границах, – уверенно ответил Кайрин. – Азия и Китай скоро двинут на Запад. За ними последует Африка. Будущее России в руках людей, мечтающих о собственном мироустройстве. Ничего не поделаешь. Нам ещё придётся стать свидетелями войн и технологических катастроф. А тоннель точно прокопают. Скоро приедем в город. Там и перекусим.

Падерборн оказался городком уютным, с чистенькими мощёными площадями и старинными узкими улочками, затейливо разбегающимися в разные стороны. Автомобиль друзья оставили неподалёку от ратуши. Решили пройтись. На перекрёстках пахло свежей выпечкой, трубочным табаком, выделанной кожей и лесной земляникой. Библиотека, про которую рассказал Маркус, находилась в соборе. До него шли долго, потому что вызвавшийся быть проводником Остроглазов норвил, как он сам считал, «проложить обходные тропы». В результате путешественники несколько раз упирались в тупики глухих дворику и возвращались обратно. Соборный шпиль служил маяком, но за вы-

сокими стенами каменных домов его игла то появлялась, то внезапно исчезала. Наконец добрались.

В притворе храма сидел человек. Могло показаться, что это напьяливший на себя широкий, с чужого плеча плащ и нелепый головной убор подросток. Ноги обитателя церкви не касались пола, руки он торжественно скрестил на груди, а стриженный затылок украшало нечто среднее между турецкой феской и итальянской биреттой. Выглядел он несколько самоуверенно и нелепо.

– Не будете ли вы так любезны, – вежливо обратился к незнакомцу Кайрин, – я с друзьями разыскиваю преподобного Клауса. Где сейчас можно увидеть господина викария?

– Нигде нельзя, – пробормотал соскочивший со скамейки карлик, казавшийся прежде подростком. – Его преподобие вызвали в Мюнхен, и до Михайлова дня он будет занят чрезвычайно важными исследованиями в самой королевской библиотеке. Теперь путешественники могли подробно рассмотреть этого мужчину с редкой седой бородкой, огромным, напоминавшим загнутый совиный клюв, носом, большими оттопыренными ушами и чёрными, подозрительно смотревшими из-под низкого лба глазами.

– Если вы договаривались о встрече с герром Клаусом, мне бы определённо дали поручение, – голос человечка наполнился нотками капризной сварливости, – но особых инструкций на сегодня не по-

ступало. Следовательно, вас не ждали. Такой наш закон: нет поручений, нет темы для разговора, а кто и чего хочет, меня совершенно не касается.

– Надо же, вылитый Крошка Цахес, – очень тихо заметила Брига.

– Монахиням разрешают читать Гофмана? – полушёпотом уточнил Остроглазов.

– Не запрещают, – Брига равнодушно пропустила остроту, – Гофман – отец немецкой готики. А готика, хотя в Ирландии прижиться ей не удалось, – наше немое кино. Когда его чёрно-белые герои начинают мне снится, то чувствую себя отвратительно.

– Более простого ответа я и не ожидал, – Иван деланно вздохнул. – Ангелы говорят нечеловеческими голосами, с ними общаются смелые монахини, и двери в сновидени-

ях срываются с петель. Это обескураживает, и мы навсегда остаёмся в священном недоумении. Гофман виноват во всём.

Продолжать дискуссию Брига не стала. Кайрин продолжал о чём-то расспрашивать привратника. Шон недоверчиво разглядывал незнакомца. Ни монахиня, ни Келсмен не знали по-немецки ни единого слова, но чтобы понять, что им здесь не рады, вполне хватало модуляций голоса неприветливого карлика.

– Архивариус в отъезде, – Сергей Наркисович беспомощно развел руками. – А этот господин подцепил вирус вестфальского зазнайства, так что толку будет мало.

– Прости, любезный, – обратился к Цахесу на звонком немецком Остроглазов (Ивану понравилось прозвище). – О нашем визите в силу его особой секретности и конфиденциальности достопочтенный Клаус мог ничего и не сообщить тебе. Но его друг, профессор из Регенсбурга, Маркус Дерридер был на сто процентов уверен, что нам важно оказаться именно здесь и твоё начальство будет несказанно счастливо нашему появлению.

– Полнейшая чушь! – пристально разглядывая компанию, карлик ловко обошёл друзей и встал в проём, отгораживающий соборный притвор от галереи. Галерея вела к дверям библиотеки. – Ваш Дерридер здесь никто! Храм открыт; молитесь, сколько вздумается, но на порог архивов я вас не пущу.

– Вот беда, какой упёртый экземпляр, – расстроился Келсмен, – а, кстати, кто расскажет мне про настоящего господина Цахеса? Я ничего не припоминаю.

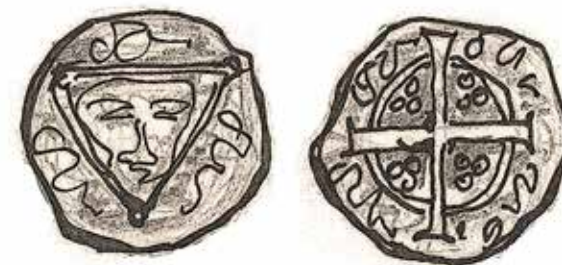
– Был такой меркантильный, мизерабельный злодей, – деловито пояснил Остроглазов. Как ваши ирландские лепрекконы, только человеческого рода. Тупиковая ветвь германских сапиенсов.

– Тогда, – оживился Келсмен, – давайте его двойнику предложим денег. Вмиг станет сговорчивее. К примеру, донегольские сиды очень любят золотые монеты.

– Наши лепрекконы золото берут целыми горшками, а этому, – засомневалась Брига, – наверное, подавай немецкие марки. Иначе не примет. Серж, какие есть идеи?

– Пойдёмте в храм, не станем скандалить, – Кайрин решительно направился в глубину поднимающихся ровной чередой анфилад собора.

Неприветливый человек в удаляющиеся спины путе-

шественников продолжал бубнить что-то сердитое. С правой стороны у входа, около нефа, друзья остановились. Миновать огромное, вытянутое романское окно было просто невозможно.

– Вот это да! – воскликнул Остроглазов. – Вы только взгляните наверх! Что там делают зайцы?

Картина поражала: в стрельчатом витражном окне высоко над головами зрителей были изображены три скачущих по кругу зайца, крестообразно расположенные друг к другу. Создавалось впечатление, что перед вами замедлилось вращение невидимого колеса и странный механизм вот-вот запустит движение трискелиона. Солнечные лучи едва пробивали плотное витражное стекло, отчего вырезанные из светло-коричневого песчаника зайцы казались мускулистыми, объёмными. Их задние лапы опирались на внутреннюю сторону круга, и возникало ощущение, словно они отдыхают, но вскоре начнут разгоняться, и тогда с самых небес под своды собора устремятся потоки свежего воздуха. Длинные и тонкие передние заячьи лапки напоминали молитвенно сложенные руки, но сильные грудина и лопатки намекали наблюдателю: заяц умеет молиться на полном скаку.

– Кто мне скажет, почему на троих у зайцев всего три уха и зачем вообще вся эта карусель в католическом храме? – требовательно спросила Брига. – Нам точно сюда?

– Зайке холодно сидеть, надо лапочки погреть. Зайке холодно стоять, надо зайке поскакать, – по-русски весело отчеканил Остроглазов.

Келсмен с монахиней, не понимая языка, только переглянулись. Кайрин извлек из рюкзака фотоаппарат и сделал несколько снимков витража.

– Мы, друзья, прибыли куда надо, – произнёс Сергей Наркисович, – но дело не в зайцах, а в значении, которое несколько столетий назад приобрёл этот символ.

– Если не секрет, кто автор заячьих знаков? – монахиня уже делала карандашный набросок в блокноте. – Кстати, вы уверены, что перед нами не кролики?

– Настоящие зайцы, – заверил сестру Келсмен, – как на картинке у Дюрера. Только на этих поменьше шерсти.

– Не понимаю, – Остроглазов заскучал, – почему именно зайцы, а не косули или собаки? Три волкодава, кусающих друг друга за хвост, – очень впечатляющее полотно.

– В другой раз будут тебе и волки, – Кайрин, не отрываясь, смотрел на витраж. – Сегодня нам нужно попасть в церковный реликварий. А путь туда по прихоти странного человечка, похоже, окончательно закрыт.

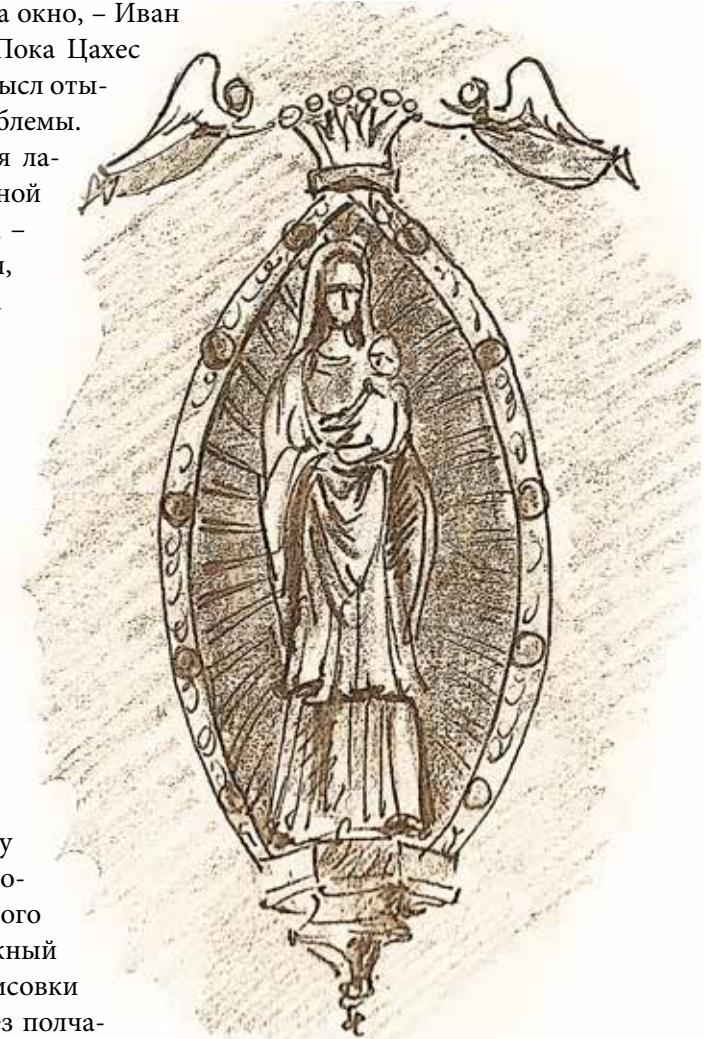
– Тогда хватит пялиться на окно, – Иван решительно развернулся. – Пока Цахес не вызвал полицию, имеет смысл отыскать надёжный обход проблемы. В любом лабиринте найдётся лазейка или лестница для срочной эвакуации. У меня есть идея, – он заговорщицки оглянулся, подмигнул Бриге: – Вы пока погуляйте по храму. Разных-хайте что и как, а я попробую угостить нашего маленького друга эликсиром из своей фляжки. Помнишь, сестра, Гофман писал о всяческих эликсирах?

Острый вернулся в притвор. Кайрин, Брига и Шон прошли под высокие своды древней церкви. Сергей Наркисович начал тщательный осмотр соборных лепнины и витражей. Келсмен отправился к пределу Девы Марии, а сестра расположилась напротив центрального алтаря. Она достала дорожный блокнот и начала делать зарисовки сумеречного интерьера. Через полчаса к ней присоединился Остроглазов.

– Недурно получается, – заглянув в блокнот, бросил Иван. – Изящные линии. Я тоже хотел научиться рисовать, но мои таланты более перпендикулярного характера.

– То есть? – монахиня не отрывала взгляда от высокого, словно парившего над мраморным престолом, распятия. – Впервые слышу, что таланты различаются по геометрическим параметрам.

– Ещё как различаются, – он задрал голову вверх. – В мечтательном полёте художники наблюдают за подвижными картинами и навсегда застывшими предметами мира. Их дарования параллельны земле. А вот архитектор или строитель свои идеи воплощает в построенных

домах и башнях. Они оба создают новую реальность. Не менее талантливый булочник печёт хлеб, тортики, кексы – произведения вертикального и в придачу съедобного свойства.

– В чём тогда твой перпендикулярный талант? – Брига уже трудилась над эскизом большой алой лампы.

– Сложно сказать, – Остроглазов задумался. – Однажды, когда я служил в австралийской пожарной команде, мне начало казаться, что я вижу, как живёт огонь, догадываюсь о направлении его дыхания и по искрам скручивающихся языков пламени могу понять, каким образом сдерживать стихию. Различаешь огонёк свечки? – Иван кивнул в сторону предела святой Девы. – Он еле теплится, кажется робким и никчёмным, но попадись на его пути щепотка сухого сена, кусок шёлкового платка, хвоя старых рождественских ёлок, иная лёгкая пища, принеси сквознячок сюда лишнюю порцию кислорода, пламя тотчас вспыхнет и рванёт к деревянным балкам потолка. Церковные клирики и простые зеваки страшно перепугаются, забегают и впадут в истерику, а я спокоен, ибо знаю, что делать. В пекле и хаосе различаю стратегию огня. Могу спланировать контратаку или разумное бегство. Может быть, в этом один из моих талантов?

– Фантазировать ты точно большой мастер, – монахиня с тревогой посмотрела на потолок. – А если, не приведи Бог, и правда польхнёт пожар? Перекрытия здесь с века XIV не менялись. Вспыхнет и сгорит за секунду.

– Сестра, как не совестно! – с добродушным укором ответил Острый. – Главный страховый агент всех храмов Германии должен гарантировать им полную безопасность. А ещё есть неспящие святые. Ты можешь себе представить объятый пламенем Собор Парижской Богоматери, где хранятся терновый венец Христа и рубашка Святого Людовика?

– Не могу и не собираюсь забивать себе голову всякой психоделической околесицей, – фыркнула Брига. – Скажи ещё, что в Дублине скоро мечеть построят или папа на пенсию уйдёт. Бред полнейший. От тебя, кстати, пахнет чем-то сладким и терпким. Или только кажется? Где ты, между прочим, пропадал?

– Так струится аромат настоящего пиратского рома, – загадочно кашлянул Иван. – Мне пришлось погрузить нашего маленького приятеля в тайны дегустации экзотических напитков. Теперь разум Цахеса ласкают карибские бризы.

Брига сердилась на болтавшего чепуху Острога, досадовала на куда-то исчезнувшего Кайрина и почти возмущалась, заметив, что разместившийся напротив алтаря Святой Девы Келсмен блаженно уснул

прямо на скамейке. Ей хотелось действий, перемен, а тут опять заминка – викарий в отъезде.

– Куда это годится, – ворчала монахиня, – уехать и оставить книги без надзора? Всё равно, что в аптеке побросать склянки с лекарствами. Там нужен глаз да глаз. Разобьют пузырьки, перепутают рецепты больным и пилюли выздоравливающим. За книжками должен быть постоянный присмотр.

Обвинять друзей в бездействии Брига не собиралась, и дремавший Шон даже показался ей пилигримом, набирающимся сил для нового броска. Но знакомое чувство беспокойства при вынужденной задержке заставило монахиню отправиться к Сергею Наркисовичу, как только тот появился в поле её зрения.

– Что мы ищем? – спросила Брига.

– Подсказки, намёк, огонёк удачи, – ответил изучавший крестильную каменную чашу Кайрин. – В случаях с ирландскими артефактами элемент везения чрезвычайно важен.

– Понимаю, – Брига оглянулась. – Вчера Дерридер рассказывал о том, как нашли Миссал. А я помню историю о посохе того самого святого кулдея по имени Мо Чуту из Завещания. В середине VII века в Лисморе он построил монастырь. Оттуда движение Друзей Божьих распространялось по всему ирландскому югу. К XI веку на месте аббатства вырос город, где основали кафедру епископа. Наблюдать за результатами римских реформ в Лисмор приезжал сам Генрих II Плантагенет. После Кромвеля монастырь совсем заглох, а резиденцию епископа его новые хозяева, герцоги Девонширские, переделали в мрачноватый замок. В 1814 году шестой из этого английского рода Джордж Кавендиш, прозванный Герцог-холостяк, решил провести ремонтные работы. Представь себе, Серж, во время разборки старой перегородки в коридоре рабочие нашли

прекрасно сохранившийся посох XII столетия, принадлежавший епископу Найлу, и уникальную рукопись, которая теперь известна как Книга Лисмора. К изумлению антикваров, посеребрённый, с фрагментами эмалированных украшений и тонкой вязью кельтских орнаментов посох из Лисмора оказался своеобразным футляром для более древней святыни. Внутри его полого тела, как в драгоценном ковчеге, хранилась дубовая трость святого Мо Чуту. Та самая, от одного лишь прикосновения к которой исцелялись душевнобольные и бежали бесы, – святыня Лисмора. Сейчас посох с тростью внутри выставлен в Дублине, а Книгу увезли на берега Темзы.

– Конечно, я слышал и о посохе, и про Книгу, – Кайрин остановился около витража с Иоанном Крестителем. – Рукопись Лисмора датируют XV веком, но посох гораздо старше. Интересно, кто и зачем их прятал?

– Без сомнения, накануне очередной вылазки карателей Кромвеля католические монахи проделали эту операцию, – твёрдо сказала Брига. – В Ирландии много смельчаков, но священники всегда оставались отчаянными храбрецами.

Здесь их беседа прервалась, потому что выше органных труб в пыльных завитках лепнины Сергей Наркисович приметил какую-то странную деталь и приготовился к фотосъёмке. Брига щурилась на неразличимую находку журналиста, но толком разобрать ничего не могла.

Невозможно угадать, как долго в огромном соборе могли продолжаться поиски заветной дороги в хранилище, если бы взгляд Ивана, слоняющегося по периметру храма, не замер на неприметной служебной двери. Дверца находилась напротив главного алтаря. Над аркой дверного проёма висела крошечная фарфоровая плакетка. В центре на сиреновом поле он разглядел объёмное тиснение трискелиона: зайчи фигуры сливались как спицы в безумно крутящемся колесе.

– Нам сюда, – громко позвал друзей Острый, – смотрите, прямо передо мной кроличья нора.

– Что ты расшумелся, Иван? – первым к двери подошёл Келсмен. – Какие здесь норы?

– Вот, видишь, – довольный Остроглазов показывал находку, – тот самый знак, что и на витражном окне: три сумасшедших зайца. Мы в детстве играли в казаки-разбойники, там требовалось найти шпионский тайник. Для наглядности использовались специальные значки: стрелки, эмблемы, даже японские иероглифы. Следовало отыскать один, потом похожий второй и так далее, пока не окажешься в заветном месте. Чаще всего в бункере.

– Хорошенькое развлечение, – хмыкнул ирландец. – Прыгать в катакомбах. Я бы предпочёл поиски сокровищ.

– В России с этим туго, – Кайрин уже пристреливался фотообъективом к находке, – после войны ловить шпионов стало делом общенародным, а клады забирало государство. Очень любопытную картинку ты, Острый, нашёл. И вовремя.

– Ещё один трискелион? – монахиня тоже разглядывала плакетку. – Такое ощущение, что это специальная отметина. Повтор ключевого символа. Серж, чего, собственно, ждём? Пока Цахес не разнюхал, куда мы делись, пора двигаться.

– Крошка, вероятно, уснул, – предположил Келсмен, – сколько содержимого фляжки ты успел влить в карлика? Я видел твои проделки, Иван.

– Пока вы тут изучали росписи и статуи, мы с Цахесом сделали по пять хороших глотков, – Остроглазов самодовольно сиял. – По крайней мере, он жадно прикладывался. Мне пить не хотелось, так что я откровенно филонил. Ром – напиток суровый, и этого чудика на час точно свалило.

– Всё равно, – торопила друзей монахиня, – времени у нас мало.

Перед ними была дверь, из-за которой во время мессы шествует литургическая процессия. Священники в комнатах, скрытых за такими дверями, надевают изящные облачения, подвязывают воротнички, поблёскивают стёклами строгих очков, причёсываются; бросают в звенящее колокольчиками кадило душистый ладан и вручают юным мнистрантам мерцающие позолотой церемониальные предметы. Там же хранят церковную утварь, предназначение которой не всегда доступно внятному объяснению. Путешественники осторожно проникли в помещение и обнаружили, что оно не более чем тесная проходная каморка. За бархатным тяжёлым занавесом, вполнину затянувшим стены, скрывался малоосвещённый коридор. Первым в его сумеречную утробу нырнул Кайрин. Вслед за ним потянулись остальные. На серых стенах узкой галереи распорядители соборных церемоний развесили множество старинных фотографий. Со снимков на друзей печально и задумчиво смотрели матовые глаза пожилых прелатов, бесцветные зрачки дам в пышных платьях, надменные взгляды подтянутых офицеров и бусинки глаз кудрявых мальчиков-аколитов*. Около одного из снимков журналист застыл.

– Вот это поворот! – пробормотал Сергей Наркисович. – Очень странные гости приезжали в Падерборн.

– Ты встретил привидение или реинкарнацию Фауста? – Острый с интересом посмотрел на портрет, вызвавший удивление друга. – Кто мог смутить нашего австралийского вождя?

* Мальчик-аколит (англ. – the acolyte boy). В переводе: «мальчик-послушник».

– Да вот этот господин, – Кайрин кивнул на фото, – ума не приложу, каким образом кайзер Вильгельм, по вероисповеданию убеждённый лютеранин, согласился позировать в компании двух католических кардиналов и одного германского генерала. Что вообще он здесь делал?

– Кто знает? – теперь сестра Брига внимательно всматривалась в выражение лиц сурового кайзера, благостных кардиналов и генерала, казавшегося немного растерянным. – Положим, они были приглашены на рождественский завтрак или День Всех Святых. Приехали, попирали. Отчего бы им не сделать фото на память?

– Возможно, – согласился Кайрин, – только соседний снимок мне подсказывает, что здесь проходили не только рождественские утренники, но и гораздо более значительные собрания. Если ничего не путаю, то перед нами преподобный Джон Генри Ньюмен. Ни много ни мало – один из столпов Высокой церкви Англии, перешедший под покровительство Ватикана. Каким ветром занесло сюда его светлость?

– Иногда бывает, – фотографию Ньюмена, восседающего на троне, тщательно исследовал Келсмен. – Ехал епископ по церковным делам и заглянул в древний собор. А могли позвать на торжество или какое-нибудь важное собрание.

– Именно, Шон, именно собрание, – журналист рассматривал соседние фотографии, – сюда, в Падерборн, на большой и очень разномастный съезд, похоже, собиралось множество знаменитых гостей. Не было в Европе другого города, где рискнули бы встретиться столь разные люди. Закон сохранения христианской цивилизации предписывает встречи тем, кто знаком с идеей ответственности за её существование.

– Глаза у него необычные, – последним к фотографии Ньюмена подошёл Острый, – молодые. А сам совсем старенький. Зачем надо было в такую глухомань мотаться? Принимал бы у себя дома, в Англии.

– Ваня, давай, как там у тебя в детской игре казаки-разбойники, – Кайрин прищурился, – попробуй найти ещё одну подсказку.

– Двигаемся вперёд. Нутром, безо всяких игр чувствую: скоро развязка, – решительно заключил Остроглазов. – А про ответственность ты, Серж, загнул. Тебя, кстати, напрасно считают журналистом. На самом деле ты писатель! Я это давно понял, только молчал, проверял свои наблюдения.

– С какой стати Серж писатель? – удивился Келсмен. – Он работает в газете, пишет репортажи, а не сочиняет истории.

– Наш друг Кайрин – стопроцентный идеалист. Лишь идеалист способен вдохновить и притащить Бог знает куда своих терпеливых пала-

динов. Идеалистам верят многие. Журналистам почти никто. Все приличные писатели – идеалисты. Даже Эдгар По, – ответил Иван.

Друзья прошли метров двадцать, и коридор неожиданно кончился. Они оказались в большой квадратной комнате. Ни дверей, ни окон, ни мебели в помещении не было. Только в самом центре возвышалась кафедра, напоминавшая одну из тех, что стоят в университетских аудиториях и предназначены для выступления уважаемых лекторов. Под потолком висела старинная люстра. Из семи лампочек горела одна, и её тусклый дрожащий свет разгонял плотные тени. Кайрин включил карманный фонарик и направил луч света на кафедру. Затем перевёл его на располагавшееся строго над кафедрой вентиляционное отверстие и заставил световое пятно резво пробежать по всему периметру комнаты.

– Такое чувство, – произнёс Сергей Наркисович, – что здесь расставляли кресла, стулья и оратор попеременно обращался к своим слушателям, которые располагались в отдельных секторах аудитории. После лекции, проповеди или чего-то подобного всё лишнее уносили. Острый, куда ты опять полез?

Тем временем Иван взобрался на кафедру и начал осмотр громоздкого сооружения.

– Я в экспедиции, прошу не мешать, – деловито бросил он. – С этой штукой определён что-то не так. В ней фальшивый пол. Только послушайте!

Он трижды топнул по настеленному внутри кафедры деревянному полу, и путешественники вздрогнули: вниз прокатилось падающее эхо от ударов его крепких башмаков.

– Там определён что-то есть, – Брига сосредоточенно смотрела на кафедру, из-под которой, всё ещё несколько вибрируя, шёл отдалённый гул. – В старинных европейских соборах бывают катакомбы. Или под нами просто разветвлённая система городской канализации. Интересно, что именно так гулко подхватывает и разносит внешние звуки?

– Таинственные акведуки и дренажные сети древних германцев, – Иван опустился на колени, приложил ухо к полу и требовательно постучал костяшками пальцев. – Есть здесь кто? Откройте немедленно!

– Острый, ты видишь люк? – взволнованно спросил Келсмен.

– Не только вижу, но и, судя по вделанному в эти доски кольцо, как раз стою на его крышке, – кряхтел Остроглазов. – Серж, посмотри сам. Похоже, мы нашли ещё один потайной ход. Фотографий на стенах не обещаю, но он точно про наших зайцев. Вот, кстати, и ещё один ваш трискелион.

Кайрин подошёл к Ивану, который победно указывал на еле приметный значок заячьей троицы. Кольцо, за которое можно было приподнять круглую крышку люка, помещалось ровно под ним.

– Давай, Серж, – монахиня, склонившаяся рядом с Кайриным и Остроглазым, решительно потребовала: – Тащи вверх! Пора наконец разобраться со всем этим делом.

Сергей Наркисович ухватился за кольцо и потянул на себя замаскированную дверцу подземного входа. Крышка с трудом поддалась, после чего друзья в открывшейся в белом свете далеко бьющего фонарика вентиляционной шахте различили винтовую лестницу. С низкими проржавевшими перилами и прорехами в местах сгнивших ступеней, опускаясь в сырую темень подвала, лесенка резко скручивалась.

– Добро пожаловать на просторы Аида, – саркастически заметил Остроглазов. – Кому интересно: ниже по течению местного Стикса, у самой пристани, лодка старика Харона.

– Настоящее подземелье! – восхитилась монахиня. – С детства обожала такие лабиринты. У нас недалеко от Слайго есть пещеры Кеш. Предание говорит, что под их сводами волчица похитила и вскормила великого ирландского короля Кормака Мак-Арта. Ещё там сохранились древнейшие захоронения. Захватывающее зрелище. Но эти галереи куда глубже и сложнее устроены.

– А нам точно нужно туда спускаться? – спросил Шон.

– Похоже на то, – задумчиво ответил Кайрин, – хотя мудрая сила орла ничего особенного мне не подсказывает.

Минуты две они молча смотрели на открывшийся спуск. Остроглазов достал спички и стал зажигать одну за другой в надежде разглядеть что-то ещё. Спичка вспыхивала, но от налетающего сквозняка сразу гасла.

– Оставайтесь здесь, – принял решение Сергей Наркисович, – вчетвером пробираться слишком рискованно. Если что-то пойдёт не так, как хотели, я позову. Деньги, документы и тетрадь оставляю вам. Необходимо проверить это подземелье. То, что мы ищем, должно пред-

ставлять собой шкатулку, формой напоминающую гору Бен-Балбен⁴³ возле Слайго. Или небольшой ручной колокол. А может, и то и другое. Вопросов, как обычно, больше чем следует.

– Серж, будь осторожен, – почти шёпотом сказала монахиня, – здесь так мрачно. Мой отец часто повторял: «На тихих лапах ходит смерть в пустынных залах». Будем за тебя молиться.

– Хорошее дело, – шагнув на лестницу, уверенно произнёс Кайрин. – В залах постараюсь не бродить. Переходами сразу в хранилище. Если Маркус ничего не напутал и оно здесь, то скоро вернусь.

Сергей Наркисович спускался вниз. Ботинки громко стучали по ржавым железным ступеням. Лучик его фонарика прыгал по подёрнутой плесенью кирпичной кладке неровных стен, моргал в тонких струйках холодной подземной испарины и перепрыгивал лестничные зигзаги.

– Зря мы его одного отпустили, – Келсмен растерянно смотрел на друзей. – Серж – человек смелый, сильный, но даже такому храбрецу там может пригодиться помощь. Надо было мне с ним идти.

– Не переживай, Шон, – сестра решила успокоить ирландца. – Он человек русской закалки. И потом, у него сильные святые покровители.

– Здорово! – поддержал Остроглазов. – По твоей логике, мои покровители тоже не слабаки. На Сахалине святыми быстро становятся. Живёт себе человек год-два, а там глядишь: уже с нимбом или с кастетом. По-другому никак. Выживают либо святые, либо свободные. Небесный патрон Наркисовича должен быть не робкого десятка и непременно из образованных.

– С чего ты взял? – удивилась Брига. – Какая связь между учёностью и отвагой?

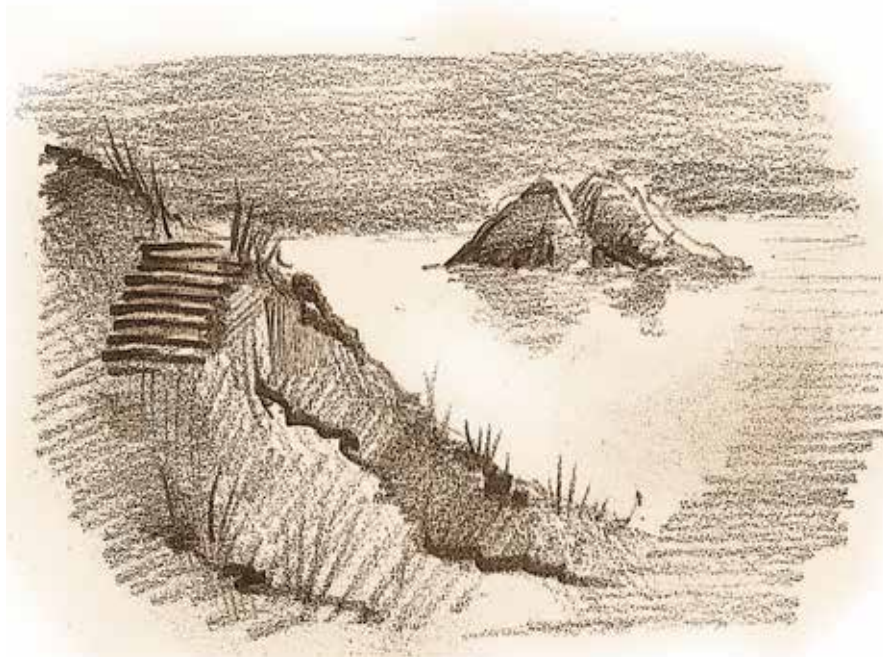
– Прямая, – Иван тревожно смотрел на едва прикрытую крышку люка, за которой исчез их друг, – самая непосредственная. Только учёный храбрец мог вдохновить Сержа на эти приключения. Лишь он знал слова, которыми Кайрин сумел заморочить нам головы и отправить в германские подземелья. Какой-нибудь добрый землепашец или просоленный рыбак никогда бы не купился на байки про наследие блаженных изгоев. Чутьё мне подсказывает, что дальше нас ожидают не менее экзотические места и сомнительные знакомства. Придётся обзавестись более вместительной фляжкой. Вдруг следующий Цахес окажется не таким крошечным.

– Иван, ты меня поражаешь, – монахиня пожала плечами, – то твои интересы не простираются дальше космических путешествий и тебе нет дела до религии, то вдруг такая осведомлённость: даже про рубашку Святого Людовика знаешь. Может, пора определиться?

– Зачем? И так всё ясно, – Остроглазов обернулся к Бриге. – Меня вполне устраивает девиз «Жизнь как поиск новой жизни». Святые не помеха. Пускай остаются. Мало ли что приключится. Всегда следует держать под рукой моток верёвки, спички, ножик и запас рома. А святой пускай сидит в небесном штабе. На всякий случай. Вот Кайрин полез неизвестно куда ради новых впечатлений. Мы здесь его ждём, а там, в высших сферах, за ним наблюдают ответственные духи. Вариантов предостаточно. Но пока весело, и я согласен продолжать приключение. Кстати, не пора ли нам продвигаться дальше? Вспомним водомерок. Они – хороший урок: водная преграда преодолевается через молниеносное скольжение по её поверхности.

– У кого есть план? – озадаченный Келсмен стоял около двери. – Мы не станем дежурить тут весь день? Серж наверняка даст о себе знать или выберется в другом месте. Предлагаю вернуться обратно в храм и попробовать найти запасной путь в хранилище. Рано или поздно подземные галереи пересекаются. А что, Ваня, хотели твои водомерки?

– Жить. Жить в скольжении над бездной, – вместо Остроглазова ответила монахиня.

Глава 10 Подземелье

Лучик света карманного фонарика с трудом разгонял темноту расширявшихся подземных галерей. Поначалу Сергею Наркисовичу казалось, что густой сумрак, заполнявший пространство, неоднороден и состоит из нескольких слоёв. У самого пола он ложился густыми волнами, но, медленно поднимаясь выше, волны рассеивались, бледнели и под еле различимым потолком превращались в тёмно-серую пыльную дымку. Тесно подогнанные плиты каменного настила напоминали панцирные чешуйки застывшего тысячу лет назад зверя.

Минуту Кайрин прислушивался, привыкал к новым звукам, распознавал запахи. Снизу тянуло подвальной сыростью и морскими водорослями. Журналист пошёл вперед, терпеливо ожидая, когда коридор нырнёт в незаметный угол поворота или появятся рёбра ступеней, направляющие путешественника вниз. Панцирный пол оставался сухим, ровным, стены не сужались, и его ботинки почти не производили лишнего шума. Место, куда он добрался, показалось Сергею Наркисовичу неожиданно знакомым. По крайней мере, изгибы лабиринта имели похожий отпечаток, сохранившийся из детских воспоминаний.

Когда-то, в годы европейских странствий, семейство Кайриных перебралось в болгарскую Софию. На съёмной квартире около железнодорожного вокзала в комнатках прежде богатых апартаментов ютились три семьи русских беженцев. У каждой было по комнатушке. Общими считались кухня, коридор, туалет и гостиная, единственным украшением которой был огромный бильярдный стол. Никто на этом бильярде давно не играл. Монолитные, тяжёлого змеиноного дерева,

игральные кии подпирали покосившуюся оконную раму просторной комнаты. Зелёное сукно бильярдного поля покрывали маслянистые отметины; островки керосиновых пятен чередовались со следами солдатских сапог. Но под плоским днищем израненного подиума спортивных забав в обшарпанном жестяном ведёрке таилась горка жёлтых с тонкими прожилками мельчайших трещинок костяных шаров. Вступив в тайный сговор с мальчишкой-приятелем из соседней комнаты по имени Стефан, юный Кайрин иногда вытягивал ведёрко, и они выходили в коридор гонять тяжёлые шары. Дерзнуть на такую затею можно было только в случае отсутствия в доме взрослых. Часто удача им сопутствовала. В длинной коридорной трубе, поровну разделив костяные снаряды, дети занимали напротив друг друга боевые позиции. Манёвренные, приятно охлаждающие ладонь костяные сферы лихо катились по затёртым деревянным половицам. Задача заключалась в том, чтобы жёлтый болид, подсакивая на выступах неровного пола, преодолев заветный прогон, не столкнулся с летящим ему навстречу таким же беспилотным ядром, но с победным треском врезался в стенку за спиной противника. Попадание в цель засчитывалось как одно очко. В случае звонкого столкновения фиксировали ничью и продолжали игру до первых десяти голов или тревоги, поднимавшейся при резком стуке входной двери. Взрослые возвращались домой, и напольный бильярд прекращался. Коридор, ведущий в подземелье, напомнил место болгарских соревнований. Кайрин улыбнулся и пошёл дальше.

Через тридцать шагов он почувствовал слабый сквозняк. Стены несколько расступились, потолок начал подниматься, и, миновав два крутых поворота, Сергей Наркисович оказался перед старинной дверью. Он помедлил, внимательно осветил дверной косяк, осторожно повернул чугунную ручку и толкнул ветхую створку. Дверь легко поддалась. Журналист вошёл в мрачное темное помещение. Сперва ему показалось, что это широкий холл, но, пробив острым лучом фонарика пространство, он разглядел контуры огромного зала. Память подбросила Кайрину картинку другой детской забавы: вскрытие крупного крепко просушенного грецкого ореха. Увеличительная линза давних воспоминаний восстановила деликатную экзекуцию, во время которой скорлупа не крошилась железной пастью орехокола. Лакомый гостинец не получал сокрушительного удара молотком по бугристой, сливочного отлива боковине, но при помощи перочинного ножичка разламывался на две равные створки. Молочно-жёлтая ореховая плоть немедленно поддевалась закруглённым кончиком того же оружия, и внутренние, тайные сферы, где незаметно вырастал плод, представляли пытливого взгляду юного исследователя. Можно было, не торо-

пясь, рассматривать хитросплетения и подробности мира, в котором скрывалось теперь со вкусом поедаемое лакомство. Открывшийся подземный зал напомнил Сергею Наркисовичу эту давнишнюю технику изучения мира при помощи простого разглядывания. Он с изумлением озирался по сторонам.

Арки ложных окон, потускневшая сицилийская напольная плитка, старинные, позеленевшей меди канделябры на стенах, ажурные, уранового стекла люстры под разноцветным потолком – всё указывало на странные прихоти неизвестных хозяев зала.

«Трудно представить, – рассуждал Кайрин, – как почтенные горожане отправляются сюда на танцевальные вечера или с малыми детьми спускаются к рождественским утренникам. В таком укромном месте самое милое дело читать закрытые лекции, принимать особых гостей, совершать тайные ритуалы. Розенкрейцеры, иллюминаты⁴⁴ или немецкие эзотерики – вот кто бы под древней церковью рискнул обустроить целую резиденцию. Высоко над их собраниями парят Дева Мария и двое странствующих святых: ирландский кельт Киллиан и галл Либорий. Что может быть лучше для романтиков, мечтающих о возрождении? Идеалисты. В любом уголке мира они готовы собрать единомышленников и спорить о судьбах европейской цивилизации. Строить планы по сохранению того, что однажды посчастливится собрать воедино. Из часовни святого Варфоломея сюда, вероятно, вёл ещё один тайный ход».

Осмотр продолжился. Протиснувшись между разломанными ящиками, Сергей Наркисович подошёл к высокому стеллажу, осветил на верхние полки, обошёл пыльную, заваленную хламом конструкцию и, споткнувшись о коробку с переносным, времён Второй мировой войны немецким радиопередатчиком, чуть не упал.

«Только бы монахи не хранили здесь мины с гранатами, – подумал Кайрин. – Раньше в подвалы сносили разной ценности антиквариат, но после второго Ватиканского собора древности и реликвии уже мало кого волнуют. Лежит вещица, за которую сто лет назад вполне могли и убить. Теперь даром никому не нужна: выбросить жалко, а выставлять неловко. Сочтут тебя деревенщиной, язычником. Но без такого экспоната не разберёшься ни с зайцами, ни со святыми мощами, ни с вопросами жизни и гибели цивилизации. Что же бараклом здесь всё так завалили? Пройти невозможно».

Одной из бытовых катастроф, житейских несуразниц, которую с большим трудом переносил Кайрин, была перестановка мебели. Можно, конечно, заподозрить Сергея Наркисовича в навязчивом страхе перед, казалось бы, простым и для многих людей привычным

делом: перемещать и заново расставлять предметы наскучившего интерьера. Он привык к рационально размещённым вещам. И когда оказывался в гостях, где незадолго до его визита хозяева занимались мебельным марш-маневром, то с порога был готов поворотить назад. Его домашний бастион слыл не изяществом предметов и разнообразием полезных приспособлений, но был оплотом уюта и практичности. Всё было под рукой, крепилось в нужном месте и как бы выросло из самой текстуры жилища. В сумрачном подбрюшьи собора Падерборна искатель приключений подумал: «Если существует дух неудержимого перемещения мебели, то его штаб-квартира располагается именно здесь».

Кайрин даже представил, как на множестве невидимых лямок, тросов и канатов сюда опускали шкафы, секретеры, крепкие руки невидимых грузчиков втягивали серванты и комоды, ловкие мастера собирали стеллажи для книг, прикручивали изогнутые ножки белым трельяжам, а по стенам развешивали разномастные светильники. Над мебелью в этом зале проводили загадочный ритуал. Перемешивая стили, формы и жанры, над ней ворожили. На миг ему представилось, как огромные пальцы невидимых рук приставляют французский сервант к английской консоли, старое трюмо втискивают между двух современного вида диванов, итальянские стулья чередуют с немецкими креслами, и на пятачок, между платяных шкафов, сгребают полдюжины сильно потрёпанных торшеров. Трудно представить, кому пришлось пробираться сквозь эти нагромождения, но ещё сложнее было вообразить авторов этого кавардака.

Следующие пять минут Сергей Наркисович от одного стеллажа переходил к другому. Количество предметов на полках увеличивалось. Никакой системы, порядка, логики в устройстве подземного хранилища так и не улавливалось.

Используя совет старого валлийца, он принялся проговаривать детский стишок-считалку: «Тёмным лесом, тёмным лесом, за каким-то интересом, инти-инти-интерес, выходи на букву “с”».

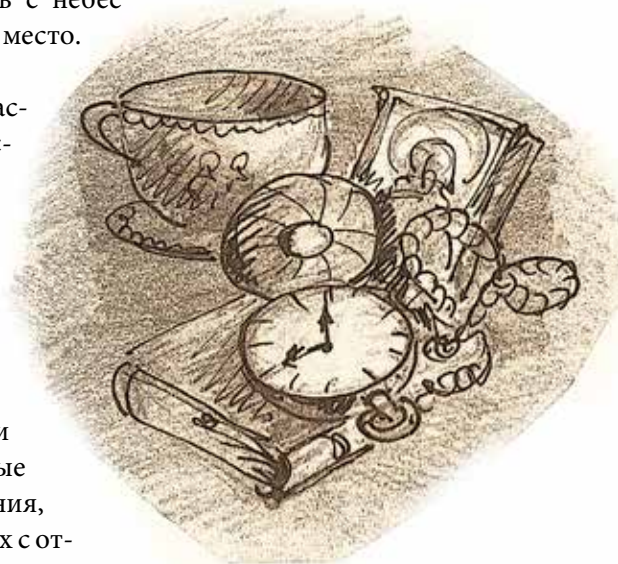
Протискиваясь между двумя тумбами, преграждавшими дорогу к затянутой паутиной конструкции, он зацепился за обломки старых флашгоков. Считалка продолжалась: «Буква “с” не подошла, вышла Бабушка-яга. После нее вышел чёртик без ноги. А у чёртика звезда, выходи на букву “а”. Подождите минуточку! – Журналист остановился. – Без всякого сомнения, наш inferнальный персонаж в этом месте запросто поломает себе и вторую ногу. Должен же существовать принцип, схема, которой пользовались служители собора при необходимости отыскать что-либо в этом бедламе? Если ангелов за мелкие

оплошности принято ссылат с небес на землю, то здесь им самое место. Надо с ними подружиться».

Кайрин посветил на массивные книжные полки, расположенные вдоль стен, и задержал луч света на тёмно-коричневом шкафу, который был помещен хозяевами зала между стеллажами и антикварным буфетом. Стёкла из бедолаги давно изъяли. Его деревянные внутренности наполняли какие-то школьные приспособления для черчения, мутные колбы, фигурки святых с отбитыми руками, искусственные цветы, бутылки странной формы, металлические коробки и прочая рухлядь. Сергей Наркисович устало вздохнул и перевёл фонарик на потемневший комод.

«А вот это уже интересно, – задумчиво хмыкнул Кайрин. – Комод, судя по элементам декора, изготовили на излёте прошлого века, а значит, в ящичках могли затеряться еще более старые вещи. По крайней мере, внешний вид хранилища обнадёживает».

С мальчишеским азартом он принялся раскрывать украшенные резьбой дверцы верхнего яруса, простукивать внутренние полки. Сеть концентрических кругов тонкой паутины, к большому удивлению следопыта, не успела затянуть тусклые глубины этого шедевра, и слой пыли оказался едва приметен. Комод словно имел герметичную оболочку, и его деревянное чрево не тронули даже вездесущие армии жучков-точильщиков. Первые пять ящичков, если не считать подборки ветхих журналов и всякого канцелярского мусора, сваленного там, оказались пусты. Но в нижнем потрескавшемся и почти развалившемся Кайрин наткнулся на коробку. Внешне она напоминала новозеландскую жестянку Шона О’Хини. Прямоугольная, с полустёртым на крышке рисунком трёх кружащихся зайцев. Более объёмная, она была сильно поцарапана. Заячьи уши на рисунке почти не различались. Петли, крепившие верхнюю откидную половину, слегка подточила ржавчина. Сергей Наркисович вынул коробку, сдул взвесь мелкого мусора, пыль и легонько потряс. Внутри что-то зашуршало, потом глухо стукнуло о металлическую стенку.

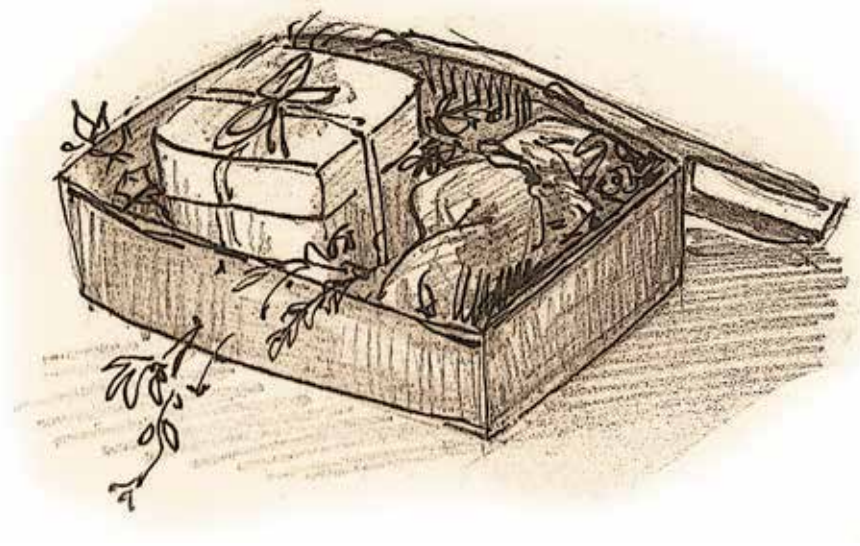

«Странное совпадение, – пробормотал Кайрин, – можно подумать, что кулдеи владели кондитерской лавкой и, когда наступило время срочной эвакуации драгоценных предметов и секретных документов, в качестве контейнеров для хранения не смогли придумать ничего лучшего пустых конфетных жестянок. А может, случилось, что архив братства находился в магазине сладостей. Там его рассортировали, запаковали и после развезли по другим тайникам. Кельты, конечно, не такие сладкоежки, как итальянцы или греки, но в качестве ширмы маленькая кондитерская вполне подходит. По большому счёту, это не важно. Тетрадь предков Шона оказалась в Милфорд Саунде, но она не содержит заячьего трискелиона. Надеюсь, в этом контейнере спрятаны артефакты, нужные нашему делу».

Сергей Наркисович медлил. Потом аккуратно, дюйм за дюймом он начал тщательно простукивать коробку. Никаких замков, задвижек или защёлок на ней не располагалось. Ржавые нитевидные подтёки на внешних стенках указывали на поднимавшуюся сюда сырость и на то, что хозяевам опустевшего зала было давно не до жестянки.

«Крышка прикипела, – решил Кайрин. – Оно и понятно: после бомбёжек и ремонта городских коммуникаций о подвале, забитом всяческой ветошью, крепко забыли».

Минут пять он провозился с коробкой, пока пробочным ключом ему удалось подковырнуть неподатливую крышку. Внутри обнаружил тёмно-фиолетовую бонбоньерку, перевязанную бледными ленточками, и грубой холстины мешочек, затянутый толстой пеньковой верёвкой. В ажурной упаковке лежал старинный колокольчик, а холстина

укутывала костяную чернильницу. Сухая, вперемешку со скрученными дубовыми листьями и пожелтыми цветами, трава устилала дно коробки, но больше ничего там не было.

«Очевидно, – подумал Кайрин, – это хранилище устроила женщина. Только деликатные и умелые руки могли так аккуратно сложить, казалось бы, никчёмные предметы, скрепить всё лентами, переложить цветами. Среди семейных кулдеев всегда находились дамы, и трудно предположить, сколько из них было посвящено в планы братства, какие посты они занимали, за что отвечали. Да и как без них? Смешанные мужские и женские монастыри, ещё со времён святого Патрика в кельтских областях вырастали самым естественным образом. Святые Бригитта Килдарская, преподобная Ита из Киллиди, воспитавшая Брендана Мореплавателя, сотни других известных и безымянных дев Христовых – все они наравне с мужчинами создавали древнюю Церковь северо-запада Ирландии. Без валлийской красавицы Исеут и её возлюбленного Достана европейский мир никогда бы не узнал про любовь Тристана и Изольды, не искал бы идеалов в историях Артура, подвигов его рыцарей, не преклонял бы колени перед образом Прекрасной Дамы и не отправлялся на поиски Святого Грааля. Скучным и серым казался бы этот мирок. Другой вопрос: кто возглавлял подземные собрания и когда из жестянки в последний раз извлекали эти предметы?»

То, что в Падерборне проходили встречи кулдейского братства, Сергей Наркисович уже не сомневался. Он размышлял про уровень секретности таких собраний, сложности их церемоний. Точнее, фантазировал. Ему казалось вполне оправданным и логичным приносить на заседания всевозможные религиозные артефакты, рукописи или старинные книги. Голые стены и пустые столы навевают скуку. Кайрин давно уже сочинил «теорию духовного интерьера». Суть её сводилась к следующему: встреча с Богом чаще всего происходит в специальных церковных палатах, особых помещениях и потаённых комнатах. На открытом морском просторе, в горах или пустыне человек не всегда ощущает силу Божественного присутствия. Пугает стихия. Ему хочется построить закрытое убежище и уже туда призвать невидимые силы. Но что за дом без внутреннего интерьера? Место сокровенного диалога он старается обставить предметами, которых при соучастии святых касалась десница Творца. Не магическое (он понимал различие между религией и магией, но не мог не признать, что граница здесь не всегда отчётлива), а духовное, способное изменить человеческую душу, общение могло проходить в таких залах. Интерьер усложняли сами люди, но их можно понять: пример подавал Автор всего Творения, гармо-

нично и причудливо устроивший Вселенную. Кулдеи любили свой кельтский порядок в доме. Не раздавленные жадностью или слепой страстью к деньгам, они ценили вещи за их прочную связь с историей древних подвижников, безмянных аскетов. Само по себе золото и серебро их интересовали только как средства на благо общего дела.

Журналист вспомнил, как в семье любовно хранили вещи, привезённые из России: старинный брегет на бронзовой цепочке, образок ростовской финифти с пророком Ильёй, портсигар, из которого не выветривался запах душистого табака, чайную пару прабабушки по материнской линии и серебряные запонки деда – всё это приоткрывало занавес над за-

чарованным прошлым неведомых ему родственников. Он перебирал, рассматривал предметы, вдыхал ароматы далёкого мира и пытался представить в нём себя.

«Так что там с зайцами? – Сергей Наркисович отогнал воспоминания. – Была святая дева Мелангелла. Дело происходило в Уэльсе конца VII – начала VIII века. Преподобная переехала из Ирландии в центральную валлийскую область Поуис и основала там женский монастырь. В житии монахини есть трогательный рассказ о спасении зайца от смерти. Тогда святая чудесным образом остановила стрелу охотника. Её полюбили дикие зайцы. Местные крестьяне после удивительного происшествия перестали отстреливать “маленьких агнцев Мелангеллы”. Они боялись рассердить свою святую. Там же, в Килпекке, на границе Уэльса с английскими землями стоит храм Девы Марии и Святого Давида. В VI веке безмянный ирландский переселенец-миссионер поставил в тех краях келью. Валлийцы, признав в ирландском святом дальнего сородича, возвели деревянную церковь. Вырос большой приход. Места там знаменитые. Подвижник с острова Бардси, о котором говорится в Завещании кулдеев, по имени Дабрай-

сиус, где-то там короновал короля Артура. Позже англосаксы построили каменный храм, и в XII столетии уже богатые норманнские бароны, щедро украсив его, реконструируют. Приход Килпекка почитают как место, символически объединяющее три британских народа. По периметру церкви под самой кровлей искусный мастер разместил около сотни каменных барельефов. Человеческие фигуры в странных позах, причудливые, охваченные страхом, изумлением и страстью лица людей; экзотические цветы, которые будто отделяются от стен, нависают, тянутся к паломнику; звериные оскалы мифических животных и необычные христианские символы. Несколько часов пройдёт, прежде чем внимательно исследуешь каждую деталь. Среди фигур есть одно забавное изображение собаки и зайца: с двухметровой высоты на зрителя тарашатся глаза доверчиво прижатых друг к другу голов. Будто нарисованные детской рукой, “собачка и зайчик” (именно так хотелось Кайрину назвать этих персонажей храмовой лепнины) смотрят в разные стороны. Участниками какого ритуала они являлись, непонятно, и барельеф вполне мог посчитаться забавой, капризом художника, если забыть, что изображения установили в том самом XII столетии, когда кельтская символика начала преследоваться...

Хорошо, пускай будет собака, – рассуждал дальше Кайрин, – её решили поместить на западную стену храма. С одной стороны, пёс – животное нечистое, но христианство развило в себе добрую привычку со временем оправдывать то, что прежде сурово запрещало. Надо полагать, что к моменту завершения строительства храма местный херевордширский⁴⁵ зодчий видел в псине образ евангельского проповедника, чей язык, подобно собачьему, заживляющему раны бездомных, врачует души несчастных грешников. В средневековых бестиариях поджарые борзые охотятся на зайцев, а там, в Килпекке, другая история: примостившиеся под острым коньком крыши, щенок с зайчиком поглядывают на огромные дубы и мирные скаты зелёных холмов Уэльса. Никто ни за кем не гонится, ничто никому не угрожает.

В свою очередь, для древних кельтов заяц – существо священное, лунное. Он сладострастный притворщик, способный исказить суть вещей и событий, великий лгун. Но в Килпеке – скорее символ слабого, надеющегося только на Бога, беззащитного человека. Тот самый *Lepusculus domini* – “Божественный заяц”, у которого крепкие задние и цепкие передние лапы. С таким арсеналом он легко взбирается на любые духовные вершины. В абердинском bestiarii, откуда родом была гидра Шотландского портала Регенсбурга, я точно видел такое ушастое существо. Три бегущих по кругу зайца должны были, как предполагал профессор Дерридер (и я с ним абсолютно согласен), обозначать Святую Троицу. Их сумасшедшая карусель, верчение, в котором животные сложились в треугольник, явственно напоминали как сицилийский, так и мэнский трискелионы. Время Бога ускользает, захватывая в свой вихрь европейцев, увлекая народы других стран и континентов. На окне собора эту карусель вполне могли поместить как наружный символ, опознавательный знак, сигнал для своих: “здесь дом братства, убежище пилигримов”. Предположим, архитектору храма показали древнее изображение трискелиона. Рисунок в иллюминированном фолианте, оттиск на рукояти посоха, печати перстня. Среди большого количества кельтских орнаментов ажурной и замысловатой вязи, украшающей древние кресты и манускрипты, непременно отыщется с десятков подобных конфигураций. Зодчему понравилась идея именно таким образом зашифровать трискелион. Но зачем?..»

Сергей Наркисович огляделся. Перед ним была ветхая дверца с облупившейся краской. Судя по наклону, который производил шершавый каменный пол, за ней мог начинаться спуск в более глухую часть соборных катакомб. Он решительно потянул на себя кривую ручку. Створка визгливо скрипнула и открылась.

На мгновение ему померещилось, что стены галереи, образуя трапезиевидный проход, сходятся кверху. В самом конце нового коридора луч фонарика выхватывал что-то похожее на обитые железом ворота. Опять всплыла картинка детского бильярда из Софии. Мелькнула мысль: «Запустить бы сейчас в эту цель хороший шар», но Кайрин сделал несколько пробных шагов. На каменном полу проступала испарилина. Он присел на корточки, провёл ладонью по чёрным плитам. Рука стала влажной. «Странно, – озадаченно пробормотал журналист, – какая-то подземная роса».

Отчётливо различимым стал шум журчащей воды. Казалось, что на невидимых порогах поток срывается и с гулом уходит в воронки стремительных водоворотов. «Пора выбирать, – заключил иска-

тель, – не ровен час начнётся наводнение или чего похуже. О мягких лапах смерти думать некогда».

Прислушиваясь к нарастающему рокоту, Сергей Наркисович двинулся по коридору. Пытаясь пробить темноту, он поднял фонарик. Рубашка, брюки и, что самое неприятное, рюкзак за спиной быстро стали тяжёлыми от влаги.

Армейские ботинки почти не скользили, но ступать по мокрым плитам было неудобно. Спустя минуту ему начало казаться, что стены выравнились, хотя сам проход неотвратно сужался. Пахло чернозёмом, мхом и прелыми листьями. Ворота приближались. На память пришёл отрывок из древнего ирландского трактата, к составлению которого приложили руку первые из кулдеев. Трактат назывался «Алфавит благочестия» и представлял собой не что иное, как собрание мудрых назиданий, каламбуров отвлечённых сентенций. «Тело хранит душу, душа хранит разум, разум хранит сердце, сердце хранит веру», – негромко процитировал Кайрин. – Вера хранит Бога, который, – теперь уже от себя самого продолжил журналист, – сохранит здравомыслие своих друзей и не оставит их в столь мрачном подземелье».

Он остановился. Осмотрелся. Тщательно прикинул, сколько ещё остаётся до выхода наверх. Возвратившийся луч фонарика предупредил его о новой неприятности: тропинка из каменных плит обрывалась, к неровному стыку были прикреплены железные мостки, под которыми шумела река. Добраться до ворот можно было, только пройдя по этому мостику. Перепрыгнуть тёмный провал не представлялось возможным. Отходить для разбега было некуда. Пол коридора выглядел мокрым, да и особого таланта в гимнастике такого рода Кайрин за собой не припоминал. «Что ж, – пробормотал он, – как учил сэр Уинстон Черчилль: “Если идёшь сквозь преисподнюю, не останавливайся”. Поверим великому премьер-министру». Потихоньку, еле ступая, Сергей Наркисович начал двигаться по ржавым мосткам. Крепления угрожающе поскрипывали. Впереди, на противоположном краю пролёта, он различил огромные крюки, за которые над потоком воды подвесили узкий мост. У него сложилось впечатление, что конструкция, до середины которой он добрался, прямо сейчас со страшным лязгом сорвётся в стремнину. Изо всех сил, не глядя вниз, для равновесия подбросив себе на плечи рюкзак, журналист прыгнул. Только летучие мыши смогли бы оценить его необыкновенный перелёт над подземной рекой. Чудовищный шум, последовавший за его приземлением на противоположной стороне железного моста, распугал всех ночных существ собора святого Кадока и был услышан друзьями.

Кайрин вскочил, поднял выскользнувший фонарик, быстро отрянул брюки, куртку и, пытаясь отследить рикошет эха его пируэта, замер. Звуки бродили под ногами и над его головой. Но скоро воцарилась тишина, и только дальний шум воды не прекращал своего говора. Сам толком не понимая, что делает, но послушно повинувшись внутреннему подсказчику, Сергей Наркисович извлёк из бонбоньерки колокольчик и позвонил. Голос инструмента оказался нежным, проникновенным и одновременно печальным.

Позднее журналист рассказывал: «Не поверите, но мне показалось, будто звук превратился в зарницы света. Они росли, крепчали, собираясь в единую мерцающую спираль. Мрак рассеялся, на потолке проступили диковинные цветы, деревья, а прямо на меня смотрел изумрудный глаз голубого единорога с золотой цепью на шее».

– Послушайте, – Келсмен лёг на бок, прижался ухом к полу, – под нами явственно различимый шум. Он поднимается ровными волнами. Будто звенит колокольчик или по стенкам фарфоровой чашки кто-то настойчиво бьёт серебряной ложечкой.

– Откуда там сервизы? – Остроглазов опустил на одно колено и недоверчиво прислушался к подземным звукам.

– Ты прав, Шон, – сказала монахиня, – если это Серж подаёт нам такой сигнал, то он далеко забрался. Но вдруг там происходит нечто опасное? Не у всех обитателей тайных коридоров мягкие лапы.

– Конечно, – распрявился Остроглазов, – вдруг там чумазые гномы пересыпают золотые слитки, и скоро грянет новый поход за торжество правды над истиной.

– Не говори ерунды, – теперь поднялся Келсмен. – Явственно слышен звон малого ручного колокола, и он где-то совсем рядом, под нами. Давайте найдём и откроем окно вентиляции. Это единственный путь сообщения с нижними ярусами подземелья.

Тем временем галерея, по которой пошёл Кайрин, упёрлась в тупик.

«Вот же не везёт, – вздохнул Сергей Наркисович. – То чехарда из переходов, лестниц и дверей, то вдруг раз – и конец приключений. Карусель встала. Все кельтские зайцы разбежались. Неужели придётся возвращаться?»

Огонёк всё ещё бодрого фонарика осветил стены глухой комнаты и мрачные своды её высокого перекрытия. Узника немного обнадежила располагавшаяся под самым потолком воздушная шахта, но громом, вдруг сорвавшимся с неба, стал требовательный голос сестры Бриги. Он услышал откуда-то сверху:

– Куда запропастился Серж?! – монахиня явно сердилась. – Что за мальчишество – прыгать по колодцам? Ищи теперь пропажу!

– Я здесь, внизу, под вами! – изо всех сил закричал журналист. – Откройте шахту!

Незадолго до этой внезапной встречи Остроглазов заметил глубоко впечатанный в стену люк воздуховода, и теперь с Келсменом и Бригой они тянули рычаг, освобождавший механизм шлюза системы. Наконец люк слетел с петель, и друзья увидели испачканное, но расплывшееся в улыбке лицо Кайрина. Теперь нужно было поднять его вверх.

– Серж, ты прямо, как Чарли Чаплин в «Огнях большого города»: то проваливаешься под землю, то выскакиваешь как ошпаренный, – вытаскивая сквозь узкое вентиляционное окошко друга, громко кричал Иван. – За тобой не поспеть. Тебе самая статья сочинять романы. А лучше научись играть на флейте. Стоял бы сейчас около Кёльнского собора, высвистывал мелодию, глядишь, добрые немцы нам накидали бы денег в шапку. А так одна морока – в подвалах искать чужие драгоценности. Не пробовал состряпать хотя бы рассказ или повесть? Тоже достойный заработок.

– Тяни, Ваня, ещё немного, – обдирая одежду, Кайрин протискивался через железную раму шахты, пытаясь оттолкнуться от невидимой опоры, – мне сейчас не до романов. Максимум сгложу на балладу в одну строфу. Мрачную и короткую. Уфф! Надо же было попасть в такой переплёт. Кстати, при чём здесь Чарли Чаплин? Вечно у тебя странные параллели.

– Ничего не странное, – Острый напрягся так, что на шее вздулась толстая вена.

Журналист выбрался почти полностью.

– Старина Чаплин – маленький человек большой отваги, – подытожил Иван. – Тебя, Серж, особо мелким не считаешь, и храбрости в тебе выше крыши будет.

– Да, собственно, что там внизу приключилось? – взволнованный Келсмен пытался помочь Остроглазову. – Такой грохот стоял. Казалось, что собор рухнул в преисподнюю. А кто мог так злобно и протяжно кричать?

– Скорее всего, сам Сергей решил разнести подземные чертоги, – рассмеялась Брига. – Но я не слышала никакого воя. Может быть, тебе показалось?

– Я почти уверен, – Шон был серьёзным, – крик звучал отчетливо, хотя и очень издалека.

– Прошу прощения, – Кайрин окончательно выбрался из шахты, отряхнулся и, не скрывая радости, воскликнул: – Друзья! Я, кажется, нашёл две вещицы, напоминающие изображения предметов в тетрадке.

– Где они? Доставай скорее, – потребовал Иван. – Застряли в подземелье? Потеряем – я за ними не полезу.

– О чём ты говоришь? – журналист с недоумением смотрел на товарища. – Что доставать?

– Древний монашеский посох, – Острый говорил уверенно, деловито. – Как нам объяснили в Регенсбурге, это самый важный артефакт. Отыщем хотя бы один, он нам укажет место, где спрятаны остальные. Когда все пять соберутся вместе, станет очевидно, куда отправиться за кварцами. Так, глядишь, пропавшее имущество бродяг Ионы с её многочисленными форпостами объединится под крышей какого-нибудь швейцарского монастыря, где мы станем спокойно жить, варить пиво и завтракать козьим сыром. Или у вас другие планы? Где же трость кельтского святого?

– Никаких посохов и даже белых кварцев я не видел, – вздохнул Кайрин. – Удалось раздобыть только это. Из глубин рюкзака, точно боясь раздавить или нечаянно уронить находки, он бережно достал бонбоньерку с колокольчиком и чернильницу, завернутую в тряпицу.

– Принимайте, – Сергей Наркисович передал сокровища Бриге. – Из-под земли вы могли услышать звон этого малыша.

– Так это ты там тоненько бренчал? – Келсмен очарованно смотрел на колокольчик. – Мы решили, что так поют ангелы-хранители из крипты святого Кадока или заблудившиеся в галереях души паломников. А тебе был слышен странный крик сразу после грохота?

– Шон, – фыркнул Остроглазов, – не сочиняй. Какие души? Какой крик? Мне, например, померещилось, будто под нашими ногами детская железная дорога пустила состав с новеньким паровозом. От нечего делать паровозик гудит и названивает. С вами, верующими, всегда так: придумывают для своих нужд, но хотят, чтобы все подряд в это искренне верили.

Тряпицу с чернильницей монахиня убрала в карман дорожной сумки, а колокольчик почтительно держала на ладони. Ничего необычного он собой не представлял. Это там, в сумраке подземных виражей, Кайрину всё казалось особенным и предназначенным для закрытых собраний. В колокольчик мог позвонить председатель ордена или распорядитель поминальной трапезы, в чернильницу обмакивали перья, которыми подписывали секретные соглашения или дого-

воры на тысячи золотых монет. Да мало ли зачем мог потребоваться звук именно этого колокольчика и заляпанный пятнами письменный прибор. Здесь в ровном дневном свете всё казалось простым и даже банальным.

– Друзья, – журналист с признательностью смотрел на команду, – вы самые надёжные компаньоны. Без вас я бы не справился. Понятия не имею, как вообще нам помогут эти находки. Приблизилось ли наше предприятие хоть на дюйм к разрешению главных вопросов? Но будем благодарны Богу за то, что уже получили.

– Мы, Сергей Наркисович, – широко улыбаясь, ответил Остроглазов, – были твоими друзьями, пока не переступили порог собора. Теперь самое время нас называть шайкой поделщиков. Жалко, Шон, что ты с Бригой не знаешь русского. Я собираюсь пропеть национальный гимн о братстве волжских робин гудов. Там впечатляющее начало.

Не обращая внимания на протестующие знаки (монахиня умоляюще приложила палец к губам, а Келсмен замахал руками), Остроглазов пробасил:

– Жили двенадцать разбойников, жил Кудияр-атаман, много разбойники пролили крови честных христиан. – Кстати! – Острый спохватился, – давайте переделаем первую строфу. Выйдет не хуже: – Жил старый Серж-атаман, много разбойники пропили денег честных христиан. Красиво и не так кровожадно, правда ведь?

– Хватит блажить, Ваня, – Сергей Наркисович еле сдерживал смех, – наши ирландцы всё равно ни слова не поняли. Не ровен час Цахес проснётся и примчится сюда с расспросами.

– Ничего особенного в этом гимне не слышу, – сдержанно заметила Брига, – Острый ревёт, как мужской валлийский хор где-нибудь под Карматеном. Грозно и бестолково.

– Ладно, молчу, – притворно обиделся Остроглазов, – не все русские поют, как Шаляпин, но из ирландцев ни одного Шаляпина пока не вышло. Так что, атаман, дальше? Куда направим расписные лады?

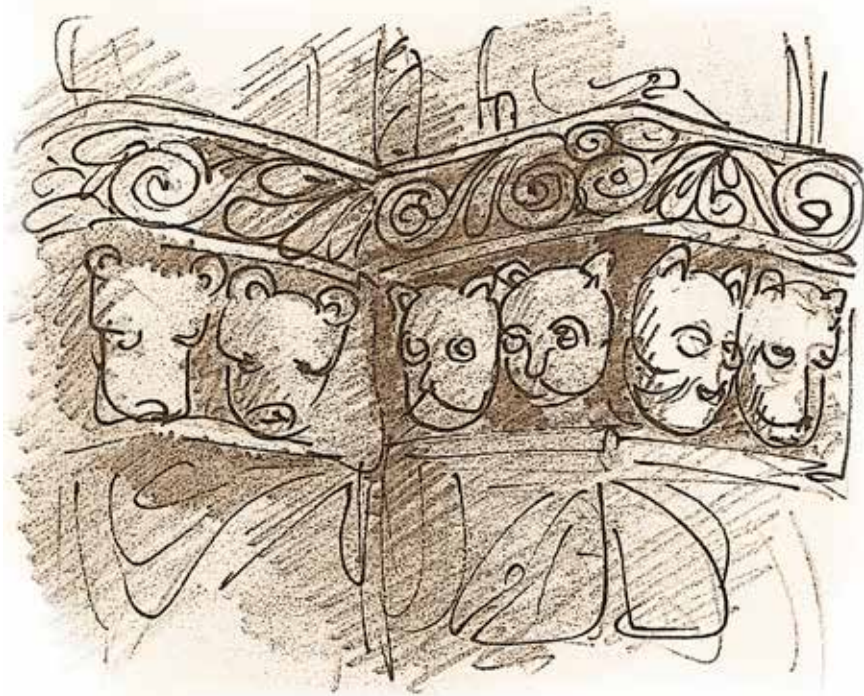
– Дорог у нас много, – словно перелистывая страницы невидимого атласа, Кайрин прикрыл глаза. – Ирландия, Дублин, Клонферт, Скала. Все пути ведут в горы или на острова в океане.

– Волшебный маршрут! – восхитился Келсмен. – Чего же мы ждём? Пора наверх!

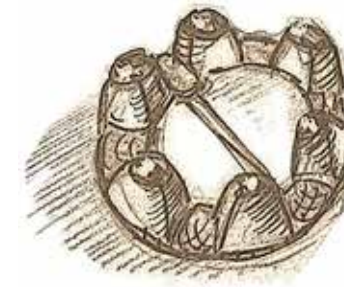
Обратный путь занял минут десять. Друзья миновали анфиладу сумеречных комнат, прошли зигзагами узких коридоров, поднялись к верхним галереям и оказались в западной части собора, сразу за нефом. Боковая дверь, ведущая из храма на улицу и городскую площадь, была приоткрыта.

Около выхода, свернувшись на широкой лавке крепким калачиком, спал Цахес. Кто знает, как после щедрой порции рома Крошка оказался здесь. Возможно, замёрзнув в храме, перебрался сам или чьи-то заботливые руки перенесли его ближе к солнцу и теплу. Проходя мимо хранителя трискелионов, Остроглазов еле сдержался: ему хотелось щёлкнуть по горбатуму носу карлика. Кайрин с Келсменом не сбавили шаг, и только сестра Брига на секунду задержалась перед спящим Цахесом. Её пристальный взгляд отметил следы свежей грязи и ржавые пятна на сапогах карлика. Точно такие же украшали ботинки журналиста, вернувшегося из подземного путешествия. «Для этого майского жучка у меня нет душистого спирта», – подумала монахиня.

Мощёная площадь перед храмом была пуста. Бегущие к ратуше переулки только наполнялись вечерними пешеходами, сувенирные лавки, магазины и пекарни ждали покупателей. Трижды ударил дальний колокол. Тёплое солнце висело над городом, и как только друзья покинули Падерборн, оно опустилось в набежавшие облака.

Глава 11 Глаубург

Брига захотела «покататься по Германии». Уверенная, что на любование осенними красотами гессенских пейзажей можно потратить время, именно так она и сказала: «Давайте немного покатаемся, восхитительные окрестности!» Спорить с ирландкой не стали. Остроглазов, интересовавшийся не столько новыми землями, сколько старинными замками и немецкими автомобилями, передышке даже обрадовался. Кайрин, после происшествия в Падерборне, словно предчувствуя появление новых приключений, решил события не подгонять: «Время действительно есть, приглядимся». И только Келсмен, мрачно выслушав соображения друзей, брюзжал: «Далась вам эта Европа. Всё самое главное впереди».

Ныряя под своды тенистых лесов, пролетая над быстрыми речками и узкими створами каменных мостов, притормаживая на перекрёстках хуторов и деревушек, друзья двигались в сторону Франкфурта. Особый интерес путешественников пробуждали гессенские городки, украшенные пёстрыми флажками и цветочными пирамидами на высоких подставках. Через них они ехали на черепашьей скорости, а для прогулок покидали своё авто. На одной из таких остановок Брига предложила любопытную теорию:

– Если в незнакомом месте задержаться на три часа, но не праздно шататься, а вдумчиво изучить все здания, посетить храмы, купить в сувенирной лавке сущую ерунду и, главное, в кафе с домашней кухней хорошенько пообедать, то произойдёт чудесное приобретение: город навсегда станет вашим. Путешественник получит полное право

заявить: это теперь мой Асфельд, мой Конг. Я знаю его закоулки и даже рискну посоветовать приличную стряпню.

– Прости, сестра, но это полная чепуха, – возразил Келсмен, – нет никаких гарантий, и даром можно угробить целый день. Мы видим только чистые домики, метёные улицы, ухоженные палисадники. Но зайди в бар, и перед тобой вырастут нахрапистые поглотители свиных рулек. Ни живой музыки, ни трогательных песен. Рык и хохот. Про то, как эти фермеры с лесорубами танцуют, я и думать боюсь. Взрослые мужчины, а носят бриджи на подтяжках. Стыд сплошной. Вот ты можешь представить за стойкой в подобном наряде ирландца или валлийца? Про мессу даже не говорю. У нас самый ленивый викарий таких молодцов не пустил бы дальше притвора.

– Не представляю, – улыбнулась Брига. – Но мне нравятся их башмаки и синие жилетки. А на шапках столько цветочков, пёрышек и забавных значков. У нас на острове, кроме зонтов да кепок, ничего не увидишь. И расцветки ирландской ткани, даже в сравнении с шотландским тартаном, – скука полная. Немцы требовательнее к внешним вещам: одежде, ритуалам и всяческим церемониям. Здесь больше старинных лесов, солнечных дней в году и вода в озёрах теплее. Мы сдержаннее и всматриваемся в дождливое небо. А танцы у всех европейцев более или менее одного корня. Возьми, к примеру, шан-нос*.

Дальнейшие рассуждения Бриги касательно джиги, кейли и сетов Сергей Наркисович почти не слушал. До вылета из Франкфурта он собирался заглянуть в Марбург. «Крюк невеликий. Когда ещё здесь будем?» – сказал себе Кайрин и прибавил скорости.

Они миновали Брилон, заглянули в Винтерберг, повернули в сторону Касселя и уже оттуда махнули в направлении Нидды. Разогретая сентябрьским солнцем, Германия поднимала всё новые холмы, расстилала долины и дышала яблочным ароматом.

– Какая красота! – воскликнула монахиня. – Иногда здешние виды мне напоминают Ирландию. У нас есть потрясающие жемчужины. Всем известны: Слейне – холм первой проповеди Патрика, утёсы Мохер, горы Уиклоу или Глендалох в долине двух озёр. Вот где действительно «земля встречается с небом». Представляете, Верхнее озеро, как лазоревая слеза, а Нижнее – переливающийся топаз. Оба глубокие, прохладные. На их берегах развалины семи церквей, монастырский город, высокий кельтский крест, Дом святого Кевина, его келья и пещера в скале. Когда от алтарного камня храма Кирана поднимаешь взгляд на высокую башню, то кажется, что перед тобой сложенная из серых

* Шан-нос (ирл. Sean-nós) – по-ирландски значит «старый стиль».

каменной ракета. А ещё там Церковь святой Девы с древними могильными плитами, заросли ежевики и неплохая рыбалка.

– Шикарно! Башня... – Остроглазов развеселился. – Космический корабль лепреконов. Я читал, что инопланетяне могут оказаться потомками землян, которые, основав пару-тройку далёких цивилизаций, вернулись обратно. Ирландия как место для высадки вполне сойдёт.

– Сам Кевин, – не обратив внимания на реплику Ивана, продолжил Брига, – был суровым, иногда перегибавшим палку подвижником. Его чудеса кому-то могут показаться слишком невероятными, но в отличие от героев саг этот затворник действительно существовал. Я однажды упростила местного рыбака подплыть со мной на лодке к скаль-

ной пещере Кевина. Забралась туда и, честное слово, слышала голос анахорета. Он пел *Te Deum laudamus**.

– Мысли о подземных вибрациях тебе в голову не приходили? – добродушно уточнил Иван. – Ещё есть такое явление, как эхо. Например, ты первая запела про этот «лаудамос», и пещерному эху ничего не оставалось, как подхватить странную песню.

– Не будем спорить о пришельцах, пещерах и гимнах, – вмешался Кайрин. – Глендалох упомянут в Завещании. Там хранили несколько артефактов, имеющих прямое отношение к наследию кулдеев: посох Кевина, колокол, который назывался «Телёнок Коэмгена», и чудотворный колокольчик Бераха. Глендалох имел крепкие связи с другими монастырями Друзей Божьих: Клонмакнойзом⁴⁶ и Тамлагхтой, который сегодня не что иное, как Талла – дублинский пригород. Профессор Дерридер вспоминал его в связи с Миссалом из Лорра. А башни... – Сергей Наркисович помедлил. – Я всё более склоняюсь к тому, что они возводились в качестве колоколен. Колокольный звон устанавливал невидимые границы времени. Каждый удар был не просто сигналом, но своего рода знаком, указывающим на необходимость смены церковных послушаний. Услышав звон, монах или поселянин монастырского города просыпался, принимался за намеченную работу, садился за трапезу, уходил ко сну. Если колокол бил тревогу, это возвещало о нападении врагов, стихийном бедствии, то есть о нарушении сакрального порядка. Призыв с колокольни на молитву или труд в разы увеличивал возможность его расслышать, а значит, не выпасть из потока времени, в котором жила община. В ирландских монастырях нельзя было сослаться на то, что не выполнил предписаний по причине не услышанного колокола. Плюс ирландцы считали, что священные реликвии: мощи, посохи, книги, поднятые на высоту башни, источают силу и благодать своих небесных патронов. Благословение сходит не только на монастырь, но и на соседние равнины и горы. Русские называют это словом Покров. Своего рода латинский паллиум – невидимое покрывало над городом или деревней. Всё было продумано, до мелочей. В каждой частности скрывался неповторимый смысл.

– Кельтская мудрость и мастерство ирландских каменщиков – вот чего не хватало Европе! – присоединился к разговору Келсмен. – А в тетрадке есть что-то о Кевине, по-ирландски Коэмгене?

– Пусто, – вздохнул Сергей Наркисович, – хотя создатель Завещания упоминает поэта Ойнгуса. Монастырь святого Кевина Ойнгус называл «Римом западных земель». Ему принадлежит высказывание:

* *Te Deum laudamus* – «Тебе поём» (пер. с лат.).

«Семь раз приди в Глендалох, и это будет равно одному паломничеству в Рим». Не удивлюсь, если, будучи кулдеем, Ойнгус имел прямое отношение к исчезнувшей «Книге Глендалоха». И он точно один из авторов знаменитых кельтских триад.

– Я кое-что про триады знаю, – сказала Брига. – Был такой немецкий кельтолог Куно Мейер. В начале века он с комментариями и расшифровкой издал те самые строфы. Мы с братьями читали его книгу. Даже в местной газете об этой реликвии была короткая заметка.

– У всех народов свои истории, – Остроглазов прищурился, – что особенного в твоих?

– На первый взгляд – это лишь... – монахиня подбирала слова, – афоризмы, рифмованные стишки, обрывки поговорок, фрагменты старинных притч, дедовских заклинаний и бормотаний. Но, вникнув,

быстро понимаешь: всё не так просто. Интуиция мне подсказывает, что в триадах много от кулдейского мировоззрения и кодекса чести. До сих пор кое-что помню.

– Насколько известно специалистам, – Кайрин в зеркало заднего вида внимательно посмотрел на Бригу, – до XIV века триады записывались, распределялись на группы и разряды, а когда собрание достигло внушительных размеров, их поместили к текстам Жёлтой Книги Лекана. А ты, кстати, помнишь что-нибудь из триад?

– Совсем чуть-чуть. Могу прочесть.

– Надеюсь, ты не станешь гробить нас мрачной поэмой? – насторожился Остроглазов.

– Ничего ужасного, не переживай! – фыркнула сестра.

– Было бы здорово, – Келсмен решительно развернулся, – мы слушаем.

Как отважный ныряльщик, монахиня зажмурила глаза и стройным речитативом продекламировала:

– Мир обновляется тремя вещами: чревом женщины, выменем коровы и мехами кузнечного горна.

У лжи три двери: самонадеянность, беспамятство и гневная молитва. Только ими она входит.

У неё три родные сестры: «вероятно», «может быть» и «мне кажется». С такой роднёй не договоришься.

Хранить молчание до лжно в трёх случаях: час, когда говорить нельзя; место, где говорить не следует; предметы, о которых говорить запрещено.

Три орудия, что не должны притупляться: меч, лопата и разум.

Три основания духа человека: вера в Бога, вера в себя и вера в истину.

Три преступления страшны: убийство, ложь и разглашение тайны. За это нет покаяния и прощения.

Мудрец имеет три награды: он всё пережил, он знает обо всём и он вдалеке от всего суетного.

Станешь счастлив, если: перестанешь ждать невозможного, победишь страх перед неизбежным и перестанешь сожалеть о непоправимом.

Ты истинно милосерден, если: понимаешь жалобу ребёнка, не будишь спящего котёнка и приветлив с незнакомцем.

Три видимых знака хорошего человека: покой, тишина и румянец на щеках.

– Блестяще! Это вся ирландская мудрость? – Остроглазов весело смотрел на Бригу. – Мне очень понравилось. Кратко, понятно, а про котёнка так особенно мило. Серж, ты любишь кошек?

– Иван, – монахиня строго кашлянула, – я припомнила мизерный отрывок из огромного компендиума. Если найдём книжку Куно Мейера, я засыплю тебя самыми странными идеями и афоризмами. Кстати, Серж, – Брига подалась вперёд, – в конце XVIII столетия, год забыла, в ограде монастырского кладбища Глендалоха, во время раскопок дома священника, нашли древнее изображение. На большом, вырытом изпод земли камне резчик изобразил пресвитера или епископа, по обеим сторонам которого склонились фигуры двух людей. В руках у одного был посох, второй держал церковный колокол. Оба предмета довольно похожи на картинку артефактов из тетрадки наших кулдеев.

– Вполне возможно, – от волнения Кайрин даже прибавил скорости. – Ты слышишь, Келсмен, что говорит сестра?

– Слышу. И ни капельки не удивлён, – О'Хини вдохновенно смотрел на ленту дороги, решительно раздвигающую своды дубовой рощи-

цы. – Кулдеи – великие философы! Их знание могло казаться тайным, непонятным, но на самом деле они умели наблюдать, помнить и не ленились записывать. Посохи для кулдеев были духовным оружием, опорой. А кошек они любили довольно искренне. Святой игумен Колумба проводил параллель: как его белый кот Пангур вылавливает мышей из подпола, так и он ловит нужные слова прямо в воздушном эфире. Я знаю, почему в триадах упомянули спящего котёнка.

– Открой великий секрет, – Иван легонько тряхнул кресло Шона, – что за церковные нежности?

– Никаких тайн, – Келсмен с опаской обернулся. – Котёнок во сне – символ невинности и покоя. А вот трясти кресло совершенно не обязательно.

– Не волнуйся, – хмыкнул Остроглазов, – Серж даже не заметил. Лучше скажи, почему в монастырях не жаловали щенков? Собаки надёжнее кошек. Они с тобой дружат, а коты тобой пользуются. Мой Аргус не ловил мышей, но умел читать мысли. Вспомнил. Когда в поисках заработка нас с приятелем мотало по Австралии, то где-то в Новом Южном Уэльсе автобус притормозил около небольшой церкви. Глухомань называлась Ди Уайт, а храм носил имя ирландца Кевина. Кстати, ваши триады – это ещё один древний фолиант, который трагически сгинул? Здорово! Глядишь, можно открывать библиотеку потерянных рукописей. Брига будет в ней директором, я шофёром, а Наркисович с Шоном читателями, теряющими книги. Мы с сестрой станем вас штрафовать и всячески третировать.

– Ты и так нас затретировал своей болтовнёй, – улыбнулась Брига, – погляди лучше, в какой милый городишко мы въезжаем. Название красивое: Глаубург. Здесь даже высокая платформа есть и останавливается поезд.

– Вижу, – Острый крутил во все стороны головой, – но если в захолустье построили железнодорожную станцию, то при ней непременно должен проживать солидный смотритель. Такой, чтобы с собственным домиком, огородом, яблоневыми, грушевыми деревьями и хорошим шнапсом.

– При чём здесь шнапс? – удивился Келсмен. – Когда железнодорожнику заниматься всякими глупостями?

– Во-первых, никакие это не глупости, – посерьёзней Иван. – Домашнее виноделие – ремесло вполне ответственное и, во-вторых, поверь, Шон, если рельсы на твоей станции проложены только в одну сторону, то времени для доброго грушевого шнапса предостаточно. Составы поездов здесь туда-сюда не снуют. Я успел изучить немцев. Последовательный, взвешенный и ответственный народ. Ничего по-

чём зря у них не пропадает. Вот у вас в Ирландии, – Остроглазов неожиданно обратился к монахине, – много делают домашних наливок, настоек и прочих веселящих напитков? Виски, конечно, не в счёт. Каждый народ для медитации и размышлений изобрёл своё вещество. Торф с ячменём создали эффект ирландской беззаботности. Но до чего ещё, кроме дымного спирта, додумались твои сородичи?

– Никто особенно не думал, – Брига растерялась, – брали, что под рукой было: картошку, свёклу, делали потин – картофельный самогон. Жуткий напиток. У кого-то от него сносило голову, а кто-то терял душу. Но виски изобрели именно ирландские монахи.

– Я и говорю, – довольно заключил Иван. – Для полётов над просторами родины у всякого народа припасено своё средство. История очень похожая на русскую. Берём, что под ногами, и вперёд – к далёким звёздам. Так, Наркисович?

– Пока никуда не летим, – сбавив скорость, Кайрин миновал переезд и остановился около деревянного свежескрашенного здания вокзала. – Мы основательно заблудились. Откуда взялся этот Глаубург, понятия не имею. Такое чувство, словно духи Падерборна запутывают маршрут. Вот там, на перроне, стоит человек. Давайте спросим, как отсюда выбраться на трассу.

По затёртым ступеням старой кирпичной лестницы друзья начали подниматься на платформу. Начальник вокзала (судя по плотно обтягивающей полную фигуру железнодорожной форме и сигнальному фонарю в правой руке, это был именно он) с интересом разглядывал путешественников.

– Добрый день! – зычно грянул немец.

– Большой привет! – за всех по-немецки ответил журналист.

Из-под тяжёлых, сросшихся к переносице бровей на путешественников внимательно смотрели карие глаза пожилого и довольно бодрого человека. Только Кайрин и Острый могли понимать его речь. Но ничего более сказать или спросить Сергей Наркисович не успел. Дородный поправил фуражку и деловито произнёс:

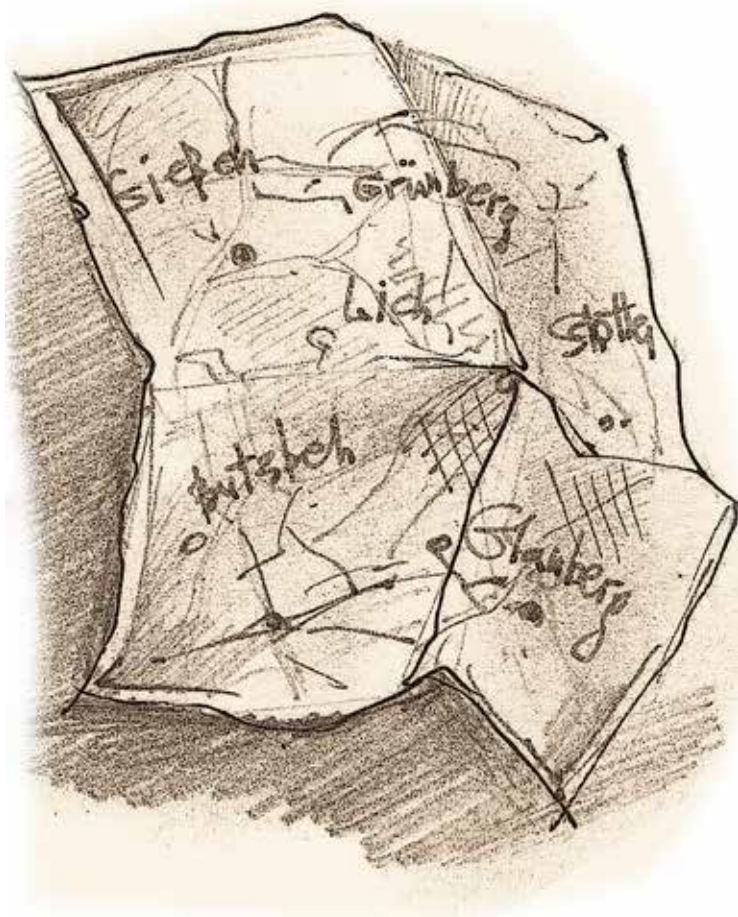
– Поезд придёт через три минуты. Максимальная задержка шестьдесят секунд. Вы сами приехали в Глаубург? Если кого-то провожаете, то очень вовремя. Стоянка короткая, а следующий пассажирский состав только завтра. Направление у нас хотя и на Франкфурт, но народу собирается немного. Зато с билетами никаких проблем.

– Спасибо, – ответил Кайрин. – Билеты не понадобятся. Мы направлялись в Марбург, но пролетели нужный указатель и, честно признаться, заплутали. Ваш милый городок оказался как нельзя кстати. Можете помочь с картой?

– Буду рад оказаться полезным, – немец осторожно переложил фонарь в левую руку, правую протянул Кайрину, представился: – Эрих Ойген Вернер, комендант платформы Глаубург. Сейчас мы примем поезд, а потом я покажу дорогу.

Сергей Наркисович с Иваном терпеливо стали ждать, когда появится состав. Келсмен и Брига расположились на единственной перронной скамейке. Время в запасе у путешественников было, но еще несколько часов петлять по мокрым осенним дорогам не хотелось.

Поезд шумно подошёл к платформе. Из первого вагона легко выпрыгнул юноша в длинном бежевом плаще. Он помахал Ойгену, сбегал по ступеням платформы и быстро исчез за калиткой привокзального палисадника. В бежевую спину единственного пассажира было отпущено несколько междометий. После чего раздался лязгающий звук колёсных сцеплений, Эрих дал знак невидимому машинисту, состав тронулся, а комендант вернулся к путешественникам.

– Значит, вам в Марбург? – неспешно спросил немец. – Отсюда недалеко. Доберётесь до Гисена, и уже оттуда на него прямая дорога. Только перед самим Гисеном нужно не пропустить два хитрых поворота. Могу показать на карте. Если путь заранее проложен, то ехать всегда спокойнее.

– Будем благодарны, – ответил журналист. И уже по-русски обратился к Остроуму: – Иван, разверни карту.

Остроглазов достал жёлтый с зелёными пятнами лесов и тёмно-синими линиями дорог шуршащий лист плотной бумаги. Брига и Келсмен помогли его расправить. Услышав русскую речь, комендант вскинул брови:

– Вы из России?

– Нет-нет, мы сами по себе, – беспечно ответил Острый. – Перед вами историки и археологи древних кельтских развалин, любители зарытых кладов и малопонятных текстов.

Наблюдая появившееся на лице Эриха удивление и недоумение друзей, которые из стремительной немецкой речи Ивана различили только два-три знакомых слова, Кайрин только развёл руками.

– Наше путешествие носит сугубо познавательный характер. А к России только я и вот этот господин, – Сергей Наркисович кивнул в сторону Остроглазова, – имеем некоторое отношение.

– Понятно, – помедлил комендант. – Я, видите ли, воевал, хотя в Германии об этом сейчас вспоминают неохотно. Но мои бои гремели не на Восточном фронте, а в Африке, так что с вами, русскими, общих тем не найдётся.

– Вы служили в армии Роммеля? – деликатно поинтересовался Кайрин.

– Да. Танковый корпус лиса пустыни, – ответил Эрих. – Но мне за прошлое не стыдно и уже поздно бояться. Если однажды смерть обошла стороной, то это лишь её маневр.

Комендант Ойген, так в ту секунду показалось Сергею Наркисовичу, резко поднял плечи, спина его распрямилась, кулаки сжались, подбородок окаменел. Он смотрел на путешественников уверенно и спокойно.

– Наши части поддерживали итальянцев Муссолини. В апреле 42-го я на самоходке въехал в Бенгази. Славное было время. Лиса пустыни любили офицеры, обожали солдаты и боялись британцы.

– Вы успели отличиться у Эль-Аламейна? – уточнил Кайрин.

– Нет, в той заварухе меня тяжело ранило, – Эрих медленно разжал кулаки, – просто чудом выжил. Отправили домой, наградили крестом. Когда в 44-м фюрер приказал убить Роммеля, я понял,

что Германии конец. Война проиграна, и жить дальше придётся с грузом боли и стыда. Десять лет бремя позора висело на совести, а потом словно растаяло, исчезло. Я ничего не забыл, но научился не вспоминать.

– Война закончилась недавно, – Кайрин подбирает слова. – Может быть, это вообще последняя война. В смысле битва, после которой человечеству разрешено жить дальше. Следующее сражение станет самоуничтожением и смертью цивилизаций. Вот кельтская культура, о которой мой друг только что говорил, – формально она исчезла, но пока мы копаемся в старых рукописях и исследуем древние развалины, о её достижениях сохраняется память. Как мерцающий в стеклянном фиале огонёк, сотни тысяч европейцев хранят её. Новая война уничтожит саму возможность что-либо искать и беречь. Испепелив наследие, она уничтожит наследников.

– Говорите «кельты»? – комендант внимательно слушал Кайрина. – Знаю про них. Воинственные племена, оставившие Европу ради новых земель. Их родина была здесь, но в поисках лучшего дома кельты ушли на острова. Беспокойный народ.

– Смелые люди, – Кайрину определённо нравился немец. – Вы тоже увлекаетесь древней историей?

– Времени для этого особенно нет, – Эрих пожал плечами, – иногда читаю свежие журналы, слушаю радио. Но я вот что вам скажу.

Комендант опустил фонарь на шершавые плиты платформы, повернулся в сторону убежавших рельсов, указал на запад рукой и уверенно произнёс:

– Если пройдёте через яблоневый сад и поднимитесь на гору, то окажетесь выше долины, которая в этом месте напоминает огромную чашу. Справа будут автомобильные дороги, левее пройдёт ветка узкоколейки, появятся хутора, а дальняя перспектива закроется лесами. Но вы глядите ниже. Там, говорю как старый танкист, при внимательном, прицельном положении легко различим небольшой холм. О нём здесь всегда ходила глухая молва, но мало кто верил во всякие байки про клады и призраков. Однажды холм раскопают и, помяните моё слово, обнаружат нечто удивительное. Вся Германия приедет поглазеть на находки.

– Сокровища древней Европы, в Глаубурге? – недоверчиво уточнил Остроглазов. – Не может быть. Почему сами их не достанете? Так здорово: найти клад, поделиться с бедняками, а на лишние деньги улететь в тропические страны.

– Куда улететь? – Эрих с удивлением уставился на Ивана. – Там, под холмом, нет никаких сокровищ. Украшения местные кельтские

вожди предпочитали железные топоры, стрелы и копья. Жизнь сохраняет не золото, но оружие. Впрочем, будет видно. Европейцы только-только начали приходить в себя. Нити, связывающие нас с прошлым, будут крепче канатов.

– Простите, откуда такая уверенность? – спросил Кайрин. – Мало ли кем и когда были насыпаны эти холмы.

– Дело в их расположении, – комендант, словно стратег, расставляющий войска на карте будущей баталии, говорил веско и убеждённо. – Сами по себе такие сооружения не вырастают. За столетия ландшафт любой местности изменится до неузнаваемости, но часто остаётся подсказка, нечто, притягивающее взгляд, намёк из прошлого. Вспомните открытие накануне войны могильника Саттон-Ху в британском Суффолке. Миссис Эдит Притти не давали покоя три земляных вала в её поместье. Она требовала поисковых работ. Раскопали. В одном из валов обнаружили англосаксонский корабль с оружием и драгоценностями. А после войны под бургундским Виксом нашли могильник «кельтской леди», и у нас, в Швабии – статую кельтского вождя. Так что не всё потеряно. Точнее, многое потерялось, но утраченное иногда возвращается.

Друзья простились с Эрихом Вернером. Подниматься на его холм времени не было. Поехали в Марбург.

Город этот привлекал Сергея Наркисовича давней историей спора между Лютером и Цвингли. В 1546 году два этих великих проповедника схлестнулись в дискуссии по поводу Божественной мессы, и сотни горожан не могли уговориться, пока под сводами отнятой у католиков церкви шли горячие дебаты. Предметом спора стал вопрос, как понимать то, от чего оба спорщика, по большому счёту, недавно решительно отказались. Они препирались о Таинстве Евхаристии, об истинном или символическом присутствии Бога в христианских таинствах. Кайрина больше интересовал эмоциональный накал схватки, чем частности богословского порядка.

Ещё в этом городе учился Ломоносов, а братья Гримм написали несколько страшных историй. В Марбург друзья приехали к вечеру. Забрались на гору, где в бывшем замке находилась тюрьма, побродили по старым улочкам, полюбовались белыми, голубыми и фиолетовыми

домами, поужинали в уютном ресторане. Келсмен внимательно изучил меню, а после осторожно дегустировал жаркое с лисичками. Церковь, в которой дискутировали реформаторы, оказалась величественной, словно воспарившей над крышами Марбурга. Но войдя внутрь, Кайрин расстроился: «Какой здесь огромный был иконостас. Всё поломали».

Пока спускались к храму Святой Елизаветы, в нижнюю часть города, наткнулись на домик братьев Гримм. Брига задумчиво потрогала ручку тёмно-синей двери, сказала:

– Заходишь в дом, а в доме гном. За домом тролль, в чём сказки соль? У тролля с гномом нет души, но ты про это не пиши!

– Ого! – Келсмен восторженно смотрел на монахиню. – Кто из братьев это сочинил?

– Никто, – Брига сильнее подергала ручку, дверь не шелохнулась.

– Мой детский стишок. Я пробовала выдумывать сказочные истории.

– Так у вас там, в Ирландии, можно не фантазировать. В любой деревне отыщется рассказчик, – предположил Шон, – сиди, записывай только за ним.

– Может быть, до Первой мировой войны так и было, – монахиня засомневалась, – но теперь сказочника со слушателями придётся искать.

Тем временем Кайрин с Остроглазовым спускались вниз. Но Келсмен догнал их и недовольно пробурчал:

– Как всегда, нельзя по-простому всё объяснить. Свидетель наблюдает за событием, которого не было, или оно произошло в головах других сказочников. Вот лисички с говядиной – вполне реальная еда, а как приживётся в желудке – никому не известно. Сестра! – он помахал отставшей Бриге, – не потеряйся в волшебном городе.

Пока ехали из Марбурга в аэропорт, Сергей Наркисович собрался изложить свои планы на будущее. Но Келсмен, лишь только они покинули город, уснул, Брига сосредоточенно перебирала чётки, а Остроглазов беспечно заявил:

– Мне, ваше превосходительство, только бы попасть на остров, где под каждым холмом зарыто по горшку с золотом, а там разберёмся.

«Что с него спросишь при таком раскладе?» – вздохнул про себя Кайрин и решил дожидаться подходящего момента. Он переживал. Слишком часто до сегодняшнего дня им везло.

«Хорошее дело – удача, – думал Сергей Наркисович, – но и на её привлечение неплохо иметь запасной сценарий».

В аэропорту друзья просидели без малого шесть часов. Новенький «Макдоннелл Дуглас-10», на котором нужно было лететь в Ирландию, никак не мог добраться до Франкфурта. В Атлантике штормило. С запада надвигался холодный колючий циклон, над проливом святого Георга непогода собрала единый мрачный фронт. Стянулись грозные тучи, и самолётам приходилось осторожно пробираться сквозь разгневанные стихии. Рейсы из Лондона и Эдинбурга тоже задерживались.

Брига, с тоской переносившая чувство голода, предложила не терять время попусту, а перекусить где-нибудь, отдохнуть и не спеша обсудить ближайшие действия.

Друзья расположились в маленьком уютном кафе. Пахло корицей, кофе, жареной картошкой и чесночной колбасой. Кайрин заказал на всех омлет, белые вайсвурстские сосиски, овечий сыр, маринованные корнишоны, свежий хлеб, кофе и бутылку белого немецкого вина. Остроглазов, пристально разглядев принесённый официантом поднос с едой, решил предложить Келсмену пива.

– Давай возьму тебе кружечку местного пшеничного?

– Вот ещё! – Келсмен даже возмутился. – Стану я за четыре часа до настоящего дублинского «Гиннеса» пить это жидкое варево!

Он принялся деловито уплетать горячий омлет, запивая холодным рейнским вином. Некоторое время все путешественники молча и сосредоточенно жевали. Приключения минувших дней: встречи в Регенсбурге, Падерборне, странный заезд в Глаубург, краткий визит

в Марбург – в большом мешке дорожной памяти впечатления перемешались так причудливо, что теперь, одно за другим, их приходилось бережно вынимать, рассматривать с удивлением, восстанавливая мелкие детали произошедшего.

– В каждой заминке, случайном, казалось бы, промедлении кроется свой особый смысл, – заметила Брига, – есть время, отложенное для событий, которым ещё предстоит произойти. Но существует и такое замедленное, растянутое время, в котором видны все звенья цепочки. Сиди и разбирай.

Пожужинали. Кайрин сложил приборы, отодвинул тарелку, на которой оставались почти не тронутая горка картошки и два маленьких корншона.

– Смотрю я на тебя, Сергей Нарки-ис-сович, – медленно, нарочито растягивая отчество друга, заговорил Остроглазов, – который день наблюдаю и никак не могу взять в толк, отчего твоя тарелка редко оказывается такой же чистой, как моя? Из заказанного ты и половину не съедаешь, особенно вечером. Может быть, да простит меня сестра Брига, существует некая магия еды? Особый пост, по правилам которого доедать всё категорически запрещено?

– А в чём магия? – не давая Кайрину ответить, вмешалась Брига. – Ритуал самоограничений предполагает отказ не только от пищи, но и выполнения прочих странных запретов.

– Вот я и спрашиваю! – Острый настаивал. – Вдруг есть какой-то особый порядок? К примеру: взять и оставить немного недоеденной пищи, чтоб не смогли заколдовать.

– Кто не смог заколдовать? – уточнил Келсмен.

– Я почём знаю? Гномы, эльфы, вампиры, русалки, демоны обжорства, – Иван недоумённо пожал плечами, и все с любопытством взорылись на Кайрина.

– Русалки, насколько мне известно, не вороват, – журналист понял: придётся отвечать. – Про демонов обжорства я прежде не слышал. Возможно, есть и такие.

– Несомненно, существуют, – уверенно подхватил Келсмен, – нас учили, будто у них, тёмных духов, есть разделения, так сказать, специализации. Одни отвечают за пиво, другие за романтические истории, третьи как раз руководят обжорством.

– Никаких особенных мотивов у меня нет, – Кайрин слушал болтовню друзей, тихо радуясь тому, что ни треволения последних дней, ни малопонятные перспективы дальнейших поисков их решимости не поколебали. – Ем я ровно столько, сколько необходимо, а забрасывать в себя дополнительные порции не хочу.

– Почему «забрасывать»? – насторожился Остроглазов.

– Потому, дружище, что это твоё любимое словцо. Время от времени мы все слышим настойчивый вопрос: «А не пора ли нам в себя что-нибудь забросить или хотя бы куснуть?» – ответил Кайрин.

– Так уж и всегда? – хмыкнул Острый. – Я, в отличие от многих, ем всё подряд и ничего не оставляю, потому как добро не должно пропадать. Ко всему прочему, гостеприимный хозяин может обидеться, заподозрить меня в брезгливости и неблагодарности. Пустая тарелка – знак доброго расположения.

– И хорошего аппетита! – подытожил Келсмен.

– Хорошо. У меня к тебе, Серж, – Иван хитро прищурился, – ещё один вопросик лежит. Всё никак не удавалось уточнить, а пока время есть и самолёты парят над океаном, хочу это сделать. Кто для простой фамилии Кайрин изобрёл такое витиеватое отчество – Наркисович? Когда ты на приисках Мерчисона мне так представился, я подумал, что отчества не расслышал. А после всё ломал голову, что оно значит.

– Так звали моего отца. Обычное русское имя Наркис, – Кайрин рассеянно разглядывал репродукции на стенах кафе. – Чем оно тебе, Ваня, не нравится?

– Нет-нет, – Остроглазов засуетился, начал составлять тарелки и чашки на столе в одну общую горку, – всё очень симпатично. Я с детства любитель русской заковыристой старины. А дореволюционное имя твоего покойного папы меня так просто восхищает! Наркис! В нём я слышу нечто цветочное от нарциссов и одновременно милое, кошачье. Слово котёнок тихонько замяукал.

– Сам ты кот в палисаднике, – Кайрин тихо рассмеялся. – Наркис – древнее библейское, точнее, новозаветное имя. Так звали одного из семидесяти апостолов Христа.

– Гром и молния! – добродушно воскликнул Остроглазов, – апостолов же было двенадцать. Откуда другие набежали?

– Это поначалу двенадцать, – вмешалась в разговор монахиня, – а потом Бог призвал ещё семьдесят, а потом еще три тысячи.

– Ясно, те первые не справлялись, – Иван понимающе кивал, – они себе на подмогу пригласили более подготовленных.

– У Бога никто не подготовлен, – строго сказала Брига. – Он погружает человека в Своё дело и там как бы его перекраивает.

– Предположим, – Острый закатил глаза, – люди хотят устроить личную жизнь, а их на божественные мероприятия вызывают. Но как поступить мечтателю о тёплом каминном зале, если его отправляют на строительство небесных чертогов? Выбор у него вообще остаётся?..

Монахиня промолчала. Официант, терпеливо ожидавший завершения позднего ужина, забрал тарелки, и на освободившемся столе Кайрин разложил карту Ирландии. От восточного побережья острова на запад он уверенно провел карандашную линию. Обвёл кружком еле приметную точку в центре острова, и друзья, склонившиеся над большим четырёхугольным листом песочного цвета, прочитали название места - Клонферт.

– Если из Франкфурта самолёт вылетит хотя бы к полуночи, – начал рассуждать Сергей Наркисович, – под утро мы доберёмся в Дублин. Отдохнём, встретимся с нужными людьми и тронемся дальше.

– Нам точно сюда? – Брига с любопытством рассматривала карту страны, изрезанную сотнями расплзшихся паутиной и причудливо петляющих дорог. Нашла родной Фенит и, ткнув пальцем в еле приметное название, сказала: – От родительского дома недалеко, может быть, успеем подняться на гору Брендан? Нет ничего прекраснее западного полуострова. Там всегда теплее, чем на востоке, и нет таких ветров, как в Коннемаре и Донеголе.

– Сначала в Дублин, – Кайрин решительно поднялся, – пойду уточню время вылета.

Через три часа друзья уже пролетали над Ла-Маншем, и Остроглазов попросил бортпроводницу разбудить его над самым Лондоном.

Глава 12 Дублин. Мюрджен

Ещё под стеклянными сводами аэропорта Франкфурта, во время позднего ужина, Сергей Наркисович решил, что настало время воспользоваться советом профессора Дерридера и связаться со знаменитым ирландским историком Максом Фарреллом.

«Возможно, – предположил Кайрин, – этот Фаррелл знает что-то важное или, по крайней мере, подскажет, куда двигаться дальше». В кафе негромко играла джазовая вещь Брубeka, посетители шуршали газетами, вздыхали, кашляли, зевали и рассеянно поглядывали друг на друга. Оставив друзей допивать кофе, он отправился на поиски междугороднего телефона. Долго искал аппарат, терпеливо возился с мелочью, отказывающейся нырять в монетное гнездо, набрал номер, и в ирландском городке Трaли его звонок наконец-то был принят.

– Мистер Фаррелл, – вежливо начал Сергей Наркисович, – простите, если отвлекаю. Меня зовут Серж Кайрин, я корреспондент австралийской газеты, а ваш номер у меня благодаря любезности профессора Маркуса Дерридера. Наш добрый друг рекомендовал связаться именно с вами. Мудрый совет и ваша помощь была бы очень кстати.

– Добрый вечер, мистер Кайрин, – ответил вкрадчивый голос, – вы не против такого обращения? Я ждал звонка. Старина Маркус предупредил о нём телеграммой. Мы могли бы увидеться в Дублине. Из Трaли на авто, даже если остановлюсь перекусить в Килдаре или Мейнute, я доеду часов за пять. Времени поговорить хватит. Мечтающим затеряться в толпе и недорого выпить столица Республики – находка. Расположимся где-нибудь в «Темпл-Баре» на набережной Лиф-

фи или около колледжа Тринити. Вечерами там многолюдно, но час для прогулки вполне удачен. Как другой вариант – парк возле собора Святого Патрика. Если не зарядит дождь, нас приютит автор «Гулливера». Что скажете?

– Великолепно, – бодро ответил журналист. – Декан Свифт⁴⁷ редко собирает единомышленников. Но я предпочёл бы встретиться в местечке одновременно укромном и оживлённом. «Темпл» тоже хорошая идея, но лучше поболтать без случайных свидетелей.

– Думаете, за вашей командой следят? – Фаррелл хмыкнул. – Скажите на милость, кому в эти дни есть дело до древних кельтских баек? Нас, хоть что-то понимающих в старинных историях, по всему миру осталось не больше дюжины.

– Может быть, следят, – Кайрин не спорил. – Предлагаю морской порт. Там суетно и все на виду. Ветрено, конечно, но дублинские чайки перекричат любой разговор. Увидимся на пирсе. Я покажу документ, который мы исследовали с нашим общим другом Маркусом. Выскажете своё мнение. У нас на консультацию отложена небольшая сумма.

– Да-да, деньги – это хорошо, – подхватил Фаррелл, – всегда хорошо, а если их платят за любимую работу, так и вовсе замечательно. Но я, скорее всего, откажусь. Для начала изучу ваши бумаги. Маркус, предупредивший о вашем появлении, кое-что рассказал, но довольно скупо, почти намёками. Похоже, тоже осторожничал.

– Почему не возьмёте денег? – Сергей Наркисович удивился. – Не вдаваясь в подробности, Дерридер мог вам изложить только общее содержание манускрипта. Сумма, кстати, довольно символическая.

– Символичность меня как раз не смущает. Дело не в деньгах. Если автор текста правильно переписал подлинник, не ошибся, копируя ирландские буквы, и речь в Завещании идёт о «Друзьях Божьих», кулдеях, то, скорее всего, мне самому захочется принести свои сбережения, чем что-либо принимать из ваших рук.

– Простите, Фаррелл, – журналист вздохнул, – я уже перестал удивляться нюансам этой истории. Буду ждать вас в полдень завтра, на третьей линии в порту. Только как мы признаем друг друга?

– Высматривайте невысокого мужчину в сером плаще с большим тёмно-зелёным зонтом в руках или над головой. Дождь в порту – дело обычное. Да, чуть не забыл сказать, со мной будет дама. Её зовут Мюрджен Росс. Она кельтолог, училась в Кембридже. Специалист по ирландскому средневековью. Кстати, эта ирландка – очаровательная особа. Умна и феерично красива. Пока, компаньон. До скорой встречи.

В Трали повесили трубку. Кайрин отправился к друзьям. Уже подходя к столикам в кафе, он заметил, что бодрые ритмы Брубeka сменились нежной мелодией Леграна.

Дублин встретил путешественников тёплым ветром. Они переночевали в гостинице на Харольд Кросс. Утром Кайрин пешком отправился в порт, а Брига уговорила Шона с Иваном составить ей компанию и прогуляться к собору Святого Патрика, где покоился Джонатан Свифт.

– Острый, – спросила монахиня в столовой за завтраком, – что ты думаешь о «Гулливере»? Кстати, в России эту книгу детям разрешали читать?

– Ещё бы, – недовольный ранней побудкой, ворчал Иван, – все пионеры сочувствовали человеку-горе, над которым измывались то лилипуты, то великаны. Я любил два эпизода. Первый, когда Гулливера кормят сотнями микроскопических зажаренных барашков, мешками булок, и он всю эту трапезу запивает содержимым из десятков винных бочек. Второй эпизод описывает военный демарш на море. Впечатляющее зрелище: в единый узел бесстрашный гигант связал корабельные тросы целого флота и поволок добычу по заливу. А вот приключения у великанов – сущее издевательство над человеческим родом. Гулли-

вер, как я догадываюсь, имеет отношение к вашим любимым ирландцам?

– Ничего подобного, – в разговор решительно вмешался Келсмен, – персонаж Свифта – типичный англосакс. С добропорядочным кельтом такой карусели никогда бы не произошло. Ирландцы – настоящие герои. Суровые, трагические, а не посмешище для праздной публики.

– Много вопросов, – погасила спор Брига, – после завтрака отправляемся в собор, к сочинителю «Гулливера». Проветримся в дублинских кварталах и во всём разберёмся.

Около полудня Кайрин добрался к портовой гавани. Без пяти минут до назначенного срока он уже стоял на условленной третьей линии. Небо начинало затягивать тучами, с океана налетал лёгкий бриз. Не успев окрепнуть, ветерок бродил между яхт, нырял под стапелями, подхватывал запахи воды, свежей краски, бензина и превращался в колючий сквозняк. Ровно в двенадцать на причале появилась женщина.

Если бы Сергей Наркисович имел дар предвидения или способности к физиогномике, то даже тогда не догадался, что за встречу вычертили судьбоносные линии того дня. Стройная, с длинными вьющимися волосами сероглазая брюнетка испытующе смотрела на Кайрина. Высокий лоб, прямой нос, длинные ухоженные пальцы, все говорило об утонченности ее натуры. На незнакомке великолепно сидел модный брючный костюм, а надетый сверху бежевый тренкот только подчёркивал строгость стиля. И казалось, будто полы ее развевающегося пальто вот-вот превратятся в крылья, и она, легко взлетев, опишет круг над морскими яхтами. Но ничего подобного не произошло.

– Привет! Я Мюрджен Росс, – энергично представилась дама. – Увы, наш общий знакомый из Трали Макс Фаррелл приехать не смог. Какая-то досадная неприятность вышла с его автомобилем. А ты, как я понимаю, тот самый австралийский любитель древностей?

По прошествии многих лет со дня той встречи Сергей Наркисович не мог забыть простых слов: «как я понимаю». Он сохранил все мельчайшие детали разговора: интонации, подвижную мимику, плавные жесты и лёгкий, как на японской акварели, взгляд серых глаз Мюрджен.

С первой минуты знакомства Росс покорила Сергея Наркисовича. Он был восхищён красотой, умом и тем самым особым очарованием, которое присуще женщинам одновременно изящным и сильным. «Как хорошо, что у парня из Трали так кстати сломался автомобиль», – промелькнуло в голове журналиста.

– Добрый день! Вполне удачный сегодня денёк, – Кайрин волновался, – с утра даже не принимался дождь. Есть вероятность не промокнуть к вечеру. Меня зовут Сергей, и я точно австралиец, но русско-

го происхождения. Корреспондент эмигрантской газеты. Мы пишем для соотечественников. Сами сочиняем, сами читаем. У нас много подписчиков.

«Боже, что за чушь сыплется из меня? – расстроился Сергей Наркисович. – Нужно срочно собраться».

– Никогда не забиралась так далеко, – женщина заметила смущение собеседника, – там, за Австралией, только Новая Зеландия, пустынные острова и беспокойный океан вплоть до самой Антарктиды. Запасные широты Господа.

– Именно так! – Кайрин уловил метафору. – Дальше Австралии сотни километров до Окленда и после уже тысячи к антарктическому берегу. Кстати, история, из-за которой мы здесь, началась на новозеландском архипелаге. В заливе Милфорд Саунд.

– Все истории начинаются в раю, – женщина впервые улыбнулась, – завершаются они только по-разному. Новая Зеландия была раем, куда Бог долго не пускал детей Адама и Евы. И, кстати, правильно делал. Как только лодки аборигенов врезались в песчаные пляжи, на остров шла смерть. Она была там, конечно, и прежде. Но исключительно как залог сохранения равновесия в живой природе. С появлением человека у неё родилась новая личина.

– Другое обличье смерти? – удивился Кайрин.

– Представь себе – дополнительный ракурс, – ирландка отвечала, словно читала открытую книгу, – полинезийцы, а это их пироги причалили к берегам, для трапез пиршеств нашли уникальное блюдо: огромных мясистых птиц моа. Птицы эти не летали, а словно нелепые, беззащитные курицы бегали по солнечным пляжам. Пря-

таться от стрел и копий полуголых охотников они не умели. Раньше моа были добычей исключительно хищных орлов хааста. Этих когтистых монстров, килограмм под двенадцать живого веса, становить мог только человек. Но голодный охотник забрался на Южный остров и всех пташек моа уничтожил. Впору сочинить роман «Люди – посланники смерти». Впрочем, львиная доля литературы на эту тему уже создана.

– Можно понять и бедных маори, – Кайрин с изумлением слушал новую знакомую. Его собственные познания в области новозеландской истории так далеко не простирались. – Переселенцы искали надёжного крова и сытного стола. Обед сам шёл к ним в руки. Глупо было отказываться, – предположил Сергей Наркисович.

– Конечно, фруктами не наешься. – В голосе Мюрджен звучал холодок. – Эти аборигены были чудовищно прожорливы, жадны, ленивы, как и большинство диких сапиенсов. Истребить доверчивых моа труда не составило. Потеряв основной источник пищи, постепенно исчезли орлы хааста. Затем появились европейские колонисты и беглые авантюристы, которым оказалось тесно даже в Америке. Они привезли свои странные истории.

– Именно странные, – Кайрин понял, что нужный момент наступил, и полез в рюкзак за тетрадкой, – у меня здесь документ, а также экспонат, имеющие отношение к наследию этих переселенцев. По крайней мере, записки точно из Новой Зеландии, а данное приспособление, – следом за манускриптом он извлёк чернильницу, – три дня назад я нашёл в одном немецком подвале. Давай расскажу всё по порядку.

– Прекрасная идея, – Росс взяла тетрадь, мельком взглянула на чернильницу, – говори, я пока полистаю рукопись.

Сергей Наркисович начал последовательно пересказывать события последних дней. Он изложил свои идеи, упомянул спутников, нарисовал словесный портрет Крошки Цахеса, перечислил странные фотографии соборной галереи, воспроизвёл гипотезы Дерридера и предсказания коменданта вокзала в Глаубурге. Украдкой журналист следил за тем, как менялось выражение лица Мюрджен. По взлетавшим бровям и еле заметной улыбке пытался догадаться, что из его монолога и содержимого рукописи её интересовало, а что оставляло равнодушной. Ирландка внимательно переворачивала страницу за страницей. Некоторые фрагменты текста перечитывала, кое-что сопровождалось удивленным восклицанием: «Ого! Как необычно! Вот так-так!» На рисунках в тетради взгляд женщины слегка задерживался, но чаще скользил мимо. Завещание кулдеев, и это Кайрин отметил, Росс исследовала дважды. Нить рассказа о приключениях команды от неё не ускользала, но особенного значения ей не придавалось. Закрыв рукопись,

Мюрджен как бы сквозь Сергея Наркисовича долго смотрела на захватывающие подкову порта серебристые облака.

– Бумага, очевидно, старая. Приблизительно тридцатых годов, – наконец произнесла Росс, – помню такую. Чуть шероховатую и плотную. А чернила хорошие. Дорогие. Такие делали из ягод остролиста. Добавляли что-нибудь для вязкости и оттенка. Записи долго скрывали от влаги и солнечного света. Чернила потому не выцветали и не расплывались.

Кайрин оторопел. Мюрджен была первая, кто обратил внимание на детали, казавшиеся ему неважными. Даже Маркус не придавал значения таким частностям.

– Чернила особые, согласен, – сказал Сергей Наркисович, – но ведь и текст полон загадок. Что, к примеру, можно сказать про странные рисунки, схемы и о самом Завещании?

– Всегда можно если не сказать, то придумать, – уклончиво ответила Росс. – Вы верите в реальность древних орденов и братств? Не сомневаетесь в том, что они не плод мистификаций и религиозных фантазий средневековых хронистов или, хуже того, изобретение реформаторов Нового времени?

– Опыт подсказывает – на пустом месте такая традиция возникнуть не могла, – возразил Кайрин. – Авторы Завещания – люди смелые, к тому же мистики. А в Средневековье граница между мистикой, романтикой и реальностью довольно приближена.

– В то время к любым границам относились с недоверием, – Мюрджен словно что-то припоминала. На ее переносице пролегла вертикальная складка. – Объявлялись бунтари и самозванцы. Правда их быстро приводили к общему знаменателю, отправляя на небеса.

– Меня волнует другой вопрос, – Сергей Наркисович кивнул на тетрадь. – Почему эту рукопись передали именно мне, а не авторитетным европейским или американским медиевистам?

– Потому, вероятно, – Росс вздохнула, – что мало кто из нынешних учёных поверит в искренность людей, честно копирующих старинные тексты. Кто ищет выгоды, всегда будет подозревать коллегу в подлоге. Не стану утверждать, но такое чувство, словно автор манускрипта и его позднейшие переписчики выкладывали картину или чертили схему наследования кельтских святынь. Их занимала эпоха VIII–XII веков северо-запада Европы. Это как если на мелкие фрагменты расколошматить китайскую вазу, а после тщетно пытаться её склеить. Некоторые части окажутся вообще утраченными. Сложить же из осколков красочное панно под силу только настоящему мастеру. Вазы мы, конечно, больше не увидим, но картина получится. Ты чувствуешь? – Мюрджен зябко по-

вела плечами. – Поднимается северный ветер. В порту холодает. Тучи потемнели. Вчера под Глендалохом, в горах Уиклоу, говорят, выпал град.

– До зимы ещё далеко, и она не предупреждает о своих планах, – заметил Кайрин, – придёт, когда захочет. Но откуда ты знаешь, какой ветер дует в эту минуту?

– Я же кельтских кровей, хотя и не католичка, – Мюрджен снова очаровательно улыбнулась. – У нас, в Дерри, каждый школьник умел определить направление ветра и приближение шторма. В заливе всегда бродили морские сквозняки. Отец, пока мы жили на острове, научил различать их оттенки. До сих пор помню йодистый привкус западных бризов.

– Давно твоя семья покинула Ирландию? – спросил Сергей Наркисович.

– В 55-м. Мне было пятнадцать. Романтический, бесстрашный возраст, – глаза Мюрджен блестели.

– Куда вы отправились? – Кайрин чувствовал, как всё больше начинает доверять собеседнице. Опыт скитаний, одиночество в пёстрой толпе переселенцев и вращение в новый мир подспудно дарили им особый язык общения.

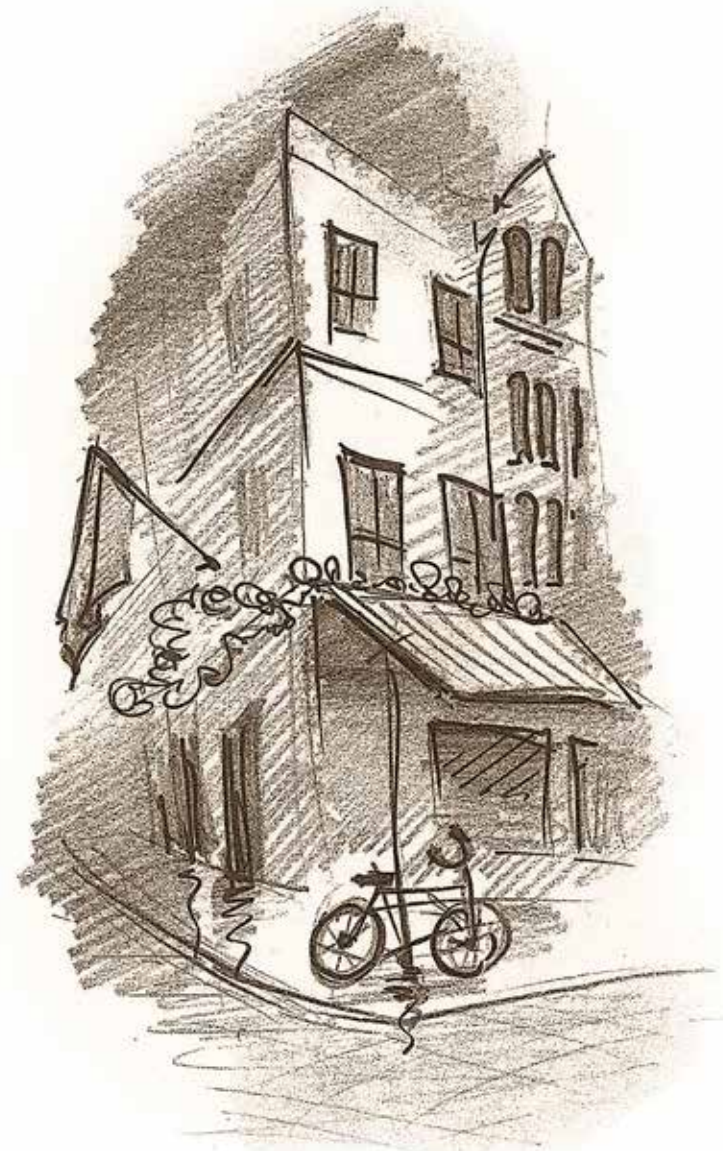
– Мы переехали в Сент-Дейвидс, – задумчиво сказала Росс. – Чудесный городок на южном побережье Уэльса. У мамы была валлийская родня. Там безопасно, довольно тепло, даже зимой. Никто не выясняет, как твои предки молились Богу и что ты думаешь о папе римском. В общем, уютная провинция.

– В Дерри, или, как говорят англичане, Лондондерри, беспорядки начались позднее? – уточнил Кайрин.

– То, что ты называешь беспорядками, – Мюрджен внимательно посмотрела на журналиста, – ударило через семнадцать лет после нашего переезда. Сперва, в 69-м, была драка в Богсайде. Тогда обошлось без жертв. А вот в январе нынешнего года разогнали мирное шествие. Парашютисты Ольстера учинили настоящее «кровавое воскресенье». Есть одно древнее, предписываемое Коламбе Ионскому, предсказание. Якобы святой пророчествовал, что однажды обнищавший воин на белом коне завоюет Ольстер. В руках у него будет копьё и щит с изображением птиц. Грянет жестокая битва, и кровь поднимется выше щиколоток пешего лучника. Сражение произойдёт между Страбаном и Дерри. На моей родине. И тогда последний английский корабль выйдет из устья Фойла – мы навсегда станем свободны. А пока «кровавое воскресенье». Четырнадцать убитых, четверо из которых застрелены в спину. Мёртв один католический священник. Уверена, про эту бойню ты наверняка слышал.

– Да, конечно, – протянул Сергей Наркисович. – Катастрофа в христианской стране. Даже при явных внешних противоречиях единоверцы не должны убивать друг друга.

– У тебя на родине, – сдержанно заметила ирландка, – общая религия тоже никого не останавливала. Казнили не церемонясь. Судить не берусь. Мои родители были смелыми, но здравомыслящими людьми. Они видели, как неумолимо надвигается война. Мануфактура в Дерри уже тогда еле тянула. Люди озлобились. Дети в школах учились не столько правописанию, сколько подозрительности и ненависти.

Отец мечтал дать мне хорошее образование. На Ольстерский университет средств было не наскрести. Так что переплыли пролив святого Георга, остались у родственников. И слава Богу. Потом я закончила Колледж Давида на юго-западе Уэльса в Лампетере и перебралась в Кембридж.

– Так тебе повезло! – искренне восхитился Кайрин. – Моя юношеская мечта: Оксфорд, Кембридж, университет в Эдинбурге. Науки, студенческое братство, профессора как истинные небожители в вельветовых пиджаках и твидовых брюках.

– Соглашусь, – рассмеялась Мюрджен. – Небожители с пенковыми или глиняными трубками. Впрочем, мистер Толкин, мой первый учитель, курил простую вересковую.

– Подожди, о ком идёт речь? – удивление Кайрина возрастало. – Ты говоришь про автора «Властелина колец»? Но разве он преподавал в Кембридже?

– Не совсем, – в голосе ирландки звучали нотки гордости, – мистер Толкин читал лекции в Оксфорде. Но я упрямая и попала на его последний курс по скандинавским языкам. Представь себе, из Кембриджа специально приезжала в Оксфорд, чтобы только послушать этого Гендальфа.

– Большая удача. Обычно такие встречи распланы судьбой, – Сергей Наркисович вздохнул. – В России говорят: «Одна удача идёт, другую ведёт». Значит, должно было что-то ещё произойти.

– Произошло, – было заметно, как Мюрджен приятно вспоминать давние события. – На свой семинар меня приняла очаровательная Нора Кершоу Чедвик. Я влюбилась в кельтскую историю, ирландскую литературу и английские бисквиты. В студии Норы мы умудрялись поглощать их фунтами. Чайники с кофейниками перемещались с завидной скоростью. Кельтологи и поэты любят весёлую компанию и хороший продолжительный ланч.

– Это замечательно, но вернёмся к нашей истории, – сказал Кайрин, – мне трудно поверить, что никаких документов, относящихся к кулдеям, не сохранилось. Особенно о Скале.

Журналист вопросительно смотрел на Росс. Здесь, среди грациозных яхт и неказистых лодок, в странном лесу белых мачт и свёрнутых парусов, ему представлялось вполне возможным существование особых секретных библиотек, хранилищ, в которые собирали все сведения о событиях дальних островов. Должны были лежать карты, отчёты археологических экспедиций, наблюдения метеорологов. Неужели всё бесследно исчезло?

– Чертовски обидно, – плотнее запахнув плащ, сказала Мюрджен, – очень досадная история. Скала, которая в Завещании как место пересе-

ления кулдеев названа Скеллиг-Майкл, ревниво хранила свои секреты. Четыре упоминания в древних анналах – это даже по ирландским меркам скуповато. Взять и навсегда расстаться со всеми тайнами – вполне в духе кельтского умения набрести на туман посреди солнечного океана и позабыть дорогу обратно. В «Навигации святого Брендана» монахи семь лет кружили по океану, пока случайно не вернулись на Дингл.

– Легендарные «Плаванья?» Айсберги и облака? – Сергей Наркисович расстроился. – Но ведь даже Кромвель не подобрался к Скеллигу, тем более иноки Баллинскеллигса никогда бы не посмели сжечь или утопить артефакты их материнской обители.

– Так они ничего подобного и не сделали, – Мюрджен вновь перелистывала тетрадь. – Всё самое грустное случилось ранее. Слышал о маяках на Скале?

Конечно, Кайрину приходилось читать про ирландские маяки, благо все они почитаются не только частью романтического наследия острова, но и предметом гордости. «Какой ирландец не любит свой

маяк?» – так называлась цветная брошюрка, доставленная в «Единение» случайным европейским гостем. Восторженный автор рассказывал о маяках: Фанад-Хед, Луп-Хед, Ратлин, а еще о том, который одиноко возвышается на острове Клер. Про Скеллиг-Майкл не упоминалось даже вскользь.

– Вот какая штука, – Мюрджен продолжила, – маяки на Скале строили в 1820-м и 26-м годах. Достоверно известно, что рабочие тогда жили в монастырских кельях. Как они под сводами этих каменных ульев терпели холод и непогоду, понятия не имею. Но новенькие маяки довольно быстро заработали. Строители могли набрести там на нечто необычное, выкопать странные предметы, обнаружить подвал или тайник. Самое простое, так это предположить отправку находок на Большую землю. Но что-то осело в чуланах смотрителей маяков. Далее. В 1875-м исколесивший всю Ирландию неугомонный антиквар Третий Лорд Данрейвен⁴⁸ приплыл на Скеллиг. Его светлость забирался во все, какие только можно было представить, уголки, обшарил бухты, исследовал каждый дюйм аббатства, чуть не погиб, поднимаясь на Южный пик. Он вполне мог спуститься в галерею подземного хода. Не полениться и извлечь на поверхность вещи, книги, документы, да всё что угодно. Затем оставил свою добычу на маяках. Логично?

– Вполне, но подожди минуту, – Кайрин разволновался. – О какой подземной галерее идёт речь? Я думал, это средневековые выдумки. Для привлечения паломников и сбора пожертвований.

– Мой учитель, достопочтенная Нора Чедвик, которая, увы, скончалась четыре месяца назад, так не думала. Она считала, что фольклористы, собиравшие на побережье в конце XIX столетия истории и леген-

ды, могли кое-что приукрасить, даже перевернуть, но не сочиняли же они на пустом месте? Перед тобой в своеобразной художественной, эпической и поэтической обработке, прежде всего, история. Автору мало просто пересказать факты. Он старался подобрать красивую, запоминающуюся для повествования форму. Не удивлюсь, если однажды обнаружится поэтический источник этого документа. Ирландцы любили говорить стихами. Такой способ сохранения и передачи преданий

казался наиболее универсальным. Но важно, что переписчик или хранитель устного повествования однажды сам становился его частью. Как в цветущем саду мы начинаем вдыхать ароматы и чувствовать, будто растворяемся в них, так и здесь: разум как бы наполняется запахами древних стран и ветрами дальних дорог. Есть, поверь мне, такие тонкие материи. Неуловимый привкус повествования.

Сергей Наркисович ждал развития событий. Ему всё ещё было не ясно, каким образом эта милая женщина поможет проникнуть в загадку головоломки кулдеев. Кайрину не терпелось ей рассказать о своих планах, но он стеснялся, подозревая, что его фантазии доктор наук сочтёт мальчишеской авантюрой. С другой стороны, случайный штрих, нечаянно оброненное слово, прямое упоминание второстепенного имени или косвенный намёк способны оживить самую безнадёжную историю. Он решился.

– Как я уже кратко упомянул, – подыскивая слова, начал журналист, – четыре дня назад наша команда оказалась в соборе Святой Марии и Святого Кадока немецкого города Падерборн. Нас интересовал не столько храм, сколько его огромные подвалы. В этом подземелье, по мнению Маркуса Дерридера, могли храниться артефакты, изображённые в кулдейском Завещании. По крайней мере, нечто похожее на церковную утварь средневековой Ирландии я и надеялся отыскать.

– Мне хорошо знаком собор в Падерборне, – Мюрджен внимательно смотрела на собеседника. – О Маркусе слышана. Германская кельтология – особое духовное сообщество. Почти орден. Рассказывай дальше. Что там произошло?

Кайрин смутился. Ему показалось странным, что, не дослушав, Мюрджен предполагает некое происшествие, случившееся в соборе.

– Собственно ничего чрезвычайного не приключилось, – он неуверенно вернулся к событиям. – Мне удалось спуститься в подземную галерею, пройти в захлапленный зал собраний членов братства. Потом я оказался в заброшенной библиотеке, меня чуть не придавил шкаф и почти утатила подземная река.

– Вам повезло, – ирландка понимающе улыбалась. – Падерборн вообще загадочный городок, а его собор просто паноптикум. Если бы не война, бомбёжки союзников и неразбериха в католической епархии, то в наших руках могло бы оказаться множество доказательств в пользу необходимости пересмотра средневековой истории времён разделения церквей. Сейчас в соборе полный хаос. Даже викарий не представляет, где и что может находиться. Ваш консультант, герр Маркус, угадал, отправляя вас по этому следу. Попадание почти точное. Где как не в бедламе христианских древностей можно отыскать жемчужины

правды? Документы только запутывают дело. Любая настоящая вещь честнее пафосной папской буллы или сборника библейской конференции.

«Откуда она знает про Дерридера? – удивился Кайрин. – Вероятно, все, кто связан с кельтскими исследованиями в Европе, состоят в переписке, обмене новостями, или ещё сохранились те самые осколки патриотических ирландских сообществ XIX столетия, что готовили дублинское восстание 1916 года? Попробую разузнать».

– Без исследования было не обойтись, – уверенно сказал Сергей Наркисович, – друзья ждали меня около входа в галерею, они слышали мой голос и вовремя подоспели на помощь. Всё прошло удачно, но безрезультатно. Сокровища подземелья оказались мусором.

– Вы не там искали. Совсем не там, – Мюрджен сосредоточенно смотрела на белые мачты морских яхт. – Падерборн только промежуточное звено большой цепочки.

– Может, и так, – согласился Кайрин. – Но там жили чем-то очень похожие на нас люди. Они давно исчезли, а вещи, которые после них остались, лежат себе и ждут внимательных глаз. Что делать потом с этим добром, непонятно, но кто-то рассчитывал на его обнаружение? Когда между старинной мебелью я пробирался с фонариком и разглядывал антикварные залежи, то спрашивал себя: как можно было обедать из таких тарелок, опираться на странные трости, влезать в грубые сапоги, надевать смешные шляпы и пить пиво из неказистых кружек? Но больше всего меня поразили книги – ветхие, на захлапленных стеллажах фолианты, они были словно поросшие серым мхом валуны заброшенного святилища. О шкафах и других предметах следовало бы сказать «сохранившиеся», но книги – «выжившие существа». Стояли и словно терпеливо ждали, пока их достанут новые читатели. Сдуют пыль, раскроют и застынут от неожиданности: вот она, та самая правда, о которой столько шуму. А что забавного я сказал?

– Не сердись, Серж, – Мюрджен тихонько смеялась. – Ты так захватывающе рассказывал, что я вспомнила герб Дерри. Там золотой скелет человека, сидящего на замшелом валуне, и сверху красуется надпись *Vita, Veritas, Victoria*: «Жизнь. Правда. Победа». Если этому господину вложить в жёлтые фаланги пальцев книжку, то выйдет очень точная иллюстрация к твоей истории.

– В золотой книге писали золотыми чернилами, а у меня здесь только костяная чернильница. – Сергей Наркисович подбросил на ладони находку из Падерборна. Вторично попробовал вручить ее ирландке.

– То, что ты нашел, сделано из бычьего рога, – Росс не взяла предмет, но внимательно рассматривала рисунок, украшавший ее поверх-

ность, – такая вещь могла принадлежать святому Колумбе или одному из его преемников-аббатов на Ионе.

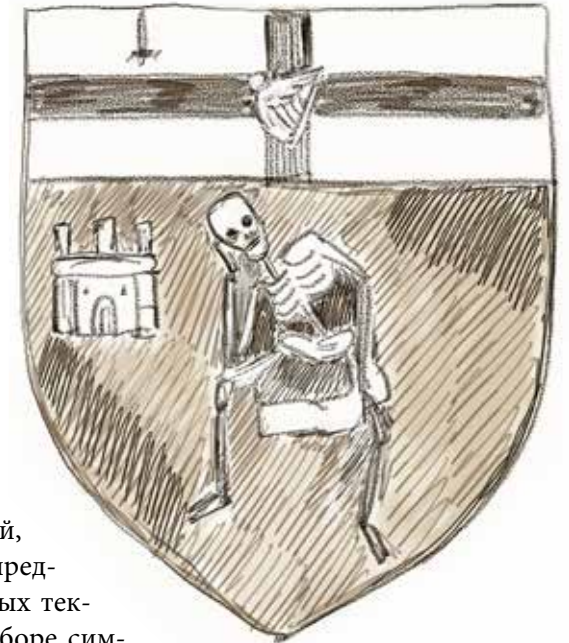
– Это действительно важно? – Кайрин вопросительно смотрел на Мюрджен.

– Строго говоря, важно всё, что имеет отношение к области идей в мире религий, – неторопливо ответила она. – Между нами и Богом, потусторонним миром, Царством Небесным, называй это как хочешь, не существует никакой связи, кроме той, что осуществляется через знаки, предметы ритуалов и буквы священных текстов. Мы ничего не поймём в наборе символов и сакральных фигур любой более-менее изученной традиции, не имея ключей и подсказок.

– Что нам подсказывает чернильница из бычьего рога? – Сергей Наркисович наблюдал за тонкими пальцами женщины, выбивавшими дробь по запястью своей левой руки. – Вдруг это только намёк на профессиональную принадлежность переписчика? Своего рода цеховое клеймо.

– Нечего здесь было отмечать. Дело в другом, – Росс терпеливо продолжала, – текст VIII века, житие Колумбы рассказывает, как на остров Иону высадилась банда хулиганов, которые мешали святому писать. Нужно понимать, что преподобный вёл не бухгалтерию, а работал над переводами из античных философов и ранних христианских мыслителей. Переписывал Псалтырь или записывал легенды древних кельтов. В любом случае его труд имел сакральный характер. А тут, как проклятье, проходимцы с большой земли. «Безумные быки прольют чернила из рога бычьего!» воскликнул преподобный. Так в его житии остался этот эпизод. А ведь всё в мире кем-то описано, записано, потому и существует. Не сохрани ирландские монахи предания кельтских народов, мы бы с тобой не имели нынешней Европы, которую любим.

При словах «которую любим» Кайрин почувствовал, как лёгкий дыхательный спазм волнения клубится у самого горла. Ничего другого, чем попробовать перевести разговор в более пространную плоскость, он не придумал и спросил:

– Если Колумба постоянно корпел над рукописями, когда ему выпадало время для молитвы и всяких аскетических упражнений?

– Успевал, – ответила ирландка, – знаешь, в те минуты, когда я разговаривала с Богом, то на душе становилось хорошо. Мысли и чувства располагались рядом друг с другом. Я обращалась к Небу, как к источнику жизни вообще и своей в частности. Мир представлялся понятным и, как тебе сказать, проницаемым, объяснимым. Нас, ирландских протестантов, не слишком сурово укладывали в прокрустово ложе придуманных канонов и правил. Но потом, уже в Кембридже, сердце перестало трепетать, а разум отметил, как легко и незаметно место церковной молитвы занимает творчество, семинары, чтение новых книг и многое другое, не требующее долгих ритуалов и скучных медитаций. Дорога от кампуса до приходской англиканской церкви и обратное возвращение оказывались для моего внутреннего состояния событием гораздо более важным, нежели два часа пребывания в стенах чистенького, но пустого храма. Прихожане привычно собирались, пели, слушали проповедника, а мне через три минуты хотелось спросить себя: «Что ты, дорогая, здесь вообще забыла?» Любой может однажды сказать «Я потерял веру». Но это не более чем суровая метафора. Веру не растрчивают, она не исчезает, не засыхает, как цветок эдельвейса между страницами недочитанной книги. Но вера, я имею в виду религиозную веру, одним дождливым днём может покинуть человека, перестать наполнять его жизнь, выскользнуть. Её отправят на пыльный чердак, спрячут за мётлами в тёмном сарае или постараются засыпать праздничной мишурой. Так пройдёт, пожалуй, лет пять, а то и половина жизни, пока не загремят костяшки пальцев последней вестницы – смерти. Спихватится человек, помчится или поползет на поиски старой подруги – религии. И тут как повезёт. Может быть, отыщет её в прежней полноте и сохранности, но чаще его ждёт полное разочарование. Не прежняя вера, а блёклый отпечаток, осколки, ненужная ветошь. Есть такая штука – самопознание. Дар свыше, который тревожит нас. Он строгий и ясный. А формальная вера только запутывает и окончательно мешает карты.

Я иногда мечтаю, но как бы мечтаю наоборот. То есть представляю не свои будущие приключения, а новый мир, в котором меня не узнают. Всех помню, всё вижу, понимаю, но для людей этой реальности Мюрджен Росс – незнакомка, которая таращит на них глаза. Они могут решить, что я жду помощи, совета или вообще заблудилась. А мне самой хочется их всячески наставлять и подсказывать. Думаю, что знаю про все самые важные дела, готова предупредить о болезнях, несчастьях. Мечтаю быть полезной.

– Но ты веришь в Бога? – спросил ее Кайрин. – Как в Творца жизни и её смыслов?

– По форме ты задаёшь вопрос, касающийся моей религии, – задумчиво ответила Росс. – Но на самом деле тебя интересует, как я отношусь к смерти. Бог – одно из её имён, символ, капюшон поверх головы – той, что предпочитает скрываться от нас. И я хорошо отношусь, уважительно. Иногда с трепетом. Всё зыбко и переменчиво... – Мюрджен, тщательно подбирала слова. – Как говорили у нас в Дерри: «Золото под дроком, серебро под камышом, а под вереском – голод». То есть у каждого суждения свои зыбкие очертания. В канун праздника Рождества я верю, что Христос на самом деле «воплотившийся Господь», как бы эту идею ни понимали другие люди. Мне нравятся вертепы, особенно итальянские, ночные службы в католических храмах. Там есть такой трогательный момент, когда священник выносит из алтаря и кладёт в пустые ясли фигурку младенца Иисуса. Обычно мне проще думать о Боге как о высшем начале, Абсолюте, ради человечества вообще и меня в частности запустившем эволюцию. Проблема в отсутствии обратной связи. Нашей с Ним. Ясное дело, иногда Он выбирает кого-то из людей и через них сообщает всем остальным некие важные вещи. К примеру, для сохранения вида сапиенсов в эпоху эпидемий и смертоносных заболеваний были призваны Луи Пастер и Рентген. Гений Эйнштейна потребовался, когда наука оказалась в тупике бесконечных повторов. Человек нужен Вселенной, раз оказался вообще возможен. И он парадоксальным образом свободен. Нет явственной связи с высшим и далёким Началом; никто не одёрнет, не прикрикнет. История этой свободы, как история человечества, гораздо более длинная и драматичная, чем представляется обычно. Даже чудовищные войны нынешнего столетия по своим масштабам не превосходят катастрофы, в которых сгинули древние цивилизации. Хотелось бы не пропустить момент, когда я буду избрана к чему-нибудь. Уловить его, сделать что-то важное, появиться в должном месте, произнести нужные слова.

– Появиться под тем самым золотым дроком? – пошутил Кайрин.

– Дрок – всего лишь колючка. Предпочитаю более романтический куст. Скажем, куст синайской купины. У Моисея в пустыне при встрече с Иеговой никаких сомнений не возникло. Вот и мне так нужно: разговор лицом к лицу, без чужих комментариев и двусмысленности. Так, чтобы раз и навсегда.

– Но именно так и теряют свободу, – уже серьёзно возразил Сергей Наркисович. – Перед Вседержителем человек совершенно оцепенел, покорился и перестал быть освобождённой личностью.

– Скорее, обрёл всю полноту свободы, но только... – Мюрджен на мгновение замялась, – он не знает, что с этой свободой делать. А здесь, в Европе, после Второй мировой войны люди, отказавшиеся от старых проверенных истин, часто ошибаются. Разочаровавшись в религии, они передоверили свои мозги науке, сердца рассудочности, а деньги проходимцам. Всё это называют прогрессом, но на самом деле их сильно дурачат. Но при этом западная цивилизация – уникальная, единственная в истории всего человечества система. Она создала то, что мы называем гуманизмом: парламент, уважение к меньшинствам, расовому многообразию, пусть даже хрупкую и ненадёжную, но веротерпимость. Она научила мир ценить малые государства с их народностями и культурами. Ни одна другая, кроме западной цивилизации, не построила и не охраняет институтов права, традиций солидарности и человеколюбия. Скоро миллионы людей начнут переселяться на Запад, не только в Америку, но и в Европу. К центрам культуры и интеллектуального развития. Только там они почувствуют себя в безопасности, научатся выбирать профессию, создавать семьи с теми, кем нравится, воспитывать детей, как сочтут нужным. Наше устройство мира – уникальный плод развития человечества, созревший к XV веку. Именно тогда начала бурно развиваться промышленность, книгопечатанье, искусство. Оно должно сохраниться. Не знаю, кто и какой ценой станет его защищать, но иного выхода у цивилизации просто не существует. Ни один из других великих проектов современности: советский, китайский, исламский не заменят его! Что скажешь?

– Прости, я не слишком хорошо просвещён в этих вопросах, – Кайрин медлил с ответом. – Понимаешь, мы, русские, в эмиграции долго мыкались по разным странам, церквям и сообществам. Кто-то принял католичество, стал социалистом. Но большинство пытались держаться своих традиций. У меня самого был разный и противоречивый опыт. Литературный, политический, семейный. Самым стойким оказался опыт неудачи. Школа промахов и несбывшихся планов. Про это всегда помню и даже не стыжусь. Во-первых, не всё потеряно, а во-вторых, всем предначертаны испытания. Кстати, о нашей религии. С храмом бывало сложно, но дома у родителей на полке всегда стояла икона Христа с Девой Марией, а на стене висел портрет Достоевского.

– Ты, Серж, только не горячись, – Росс, словно смахивая невидимую пылинку, чуть коснулась плеча Сергея Наркисовича, – но ваш Достоевский, с которым, особенно после войны в Европе, стали носиться все кому не лень, писатель – гениальный, но философ среднего калибра. Скучный и пафосный одновременно.

Кайрин собрался было возразить, но ирландка той же рукой, которой с костюма журналиста был сметена условная пыль, подала знак молчания. Оробевший Сергей Наркисович спорить не стал.

– Большой мыслитель не станет впадать в мистический психоанализ, когда у него недостаёт рациональных доводов. Идея Достоевского о том, что в человеке глубоко коренится древнее inferнальное зло, просто никуда не годится. Выдумка чистой воды, под которую легко списать любые преступления. Многие так и считают: во мне живёт зло, но оно не моё приобретение, а такой шрам прошлых поколений предков, которые сдались на милость тёмным силам. Когда Эдгар По переносил в литературу свои личные кошмары, получался крепко сшитый триллер. А у вашего автора криминальные истории о религиозных неврозах и тоске по нормальной семейной любви. Для Достоевского религия как сильнодействующее лекарство от психических расстройств, которое он и сам принимает, и другим в лошадиных дозах готов прописать. В его вере никто ничего не созидает. Все, словно пластиль, лепят её на кожу или, наоборот, срывают с кровью. Переместись Фёдор Михайлович в общину кулдеев VIII века, около Таллахта⁴⁹, ему бы и в голову не пришло, что вокруг христиане, которые действие Божьей силы видят не в сражении за человеческие сердца, ангелов с демонами, а в труде и милосердии. Кулдеи уходили в горы, забирались в лесные пещеры и катакомбы под улицами европейских городов, отправлялись на острова, маршруты к которым знали только избранные братья. Они были уверены, что «хорошие времена» не повторятся. В легендарном прошлом для кулдеев скрывался огонёк надежды. Тот, который, если его сохранить, однажды непременно вспыхнет пламенем и разгонит сумрак сгущающейся ночи.

Пока Мюрджен рассуждала, Сергей Наркисович слушал и одновременно представлял, каким оригинальным событием могло стать её знакомство с сестрой Бригой и куда двух этих женщин способны увлечь высокие беседы. Кайрин улыбнулся. Неожиданно пришла мысль: «Если вдруг достопочтенная леди Грегори Августа, муза Йейтса, сумела бы мистически разделиться, то каждая из наших ирландок получила бы свою спутницу: монахиня – талант к религиозному творчеству, доктор литературы – склонность к философствованию».

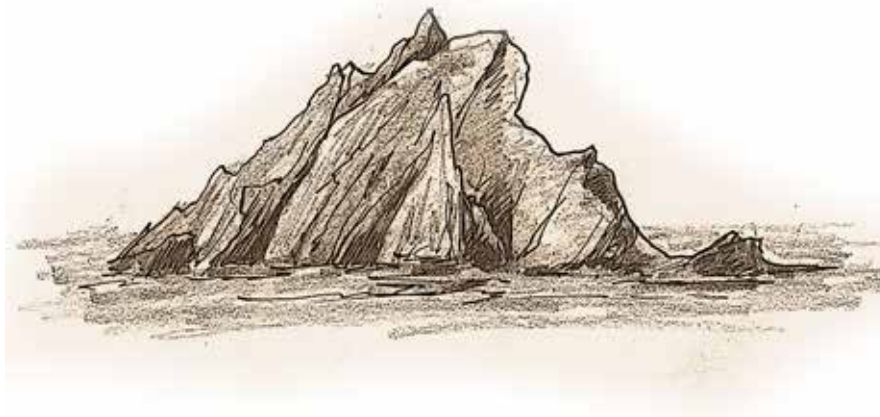
– Думаю, – Кайрин дождался паузы в монологе новой знакомой, – Достоевский о кулдеях вообще ничего не знал. Да и сама ирландская тема гения, к сожалению, обошла. А между Шекспиром и Вальтером Скоттом он выбирал первого. Так что у него, как и у многих других русских писателей, всегда больше внимания к чувствам, мистике и религии. Жизнь или действительность интересуют в последнюю очередь,

но писать всегда увлекательнее про смятение души, чем о постройке ковчега. Если это, конечно, не ковчег Ноя.

– Справедливо. Писатель – не праотец Ной, – согласилась Росс, – но окажись Достоевский в нашем Клонмакнойзе – приюте, который Коннан Бедняк основал для ирландских «униженных и оскорблённых», его бы поразило количество братьев, добровольно ухаживающих за больными и бездомными. Он вполне мог подправить свои суровые суждения о природе людей. С другой стороны, не удивлюсь, если узнаю, что его волновали только русские. Зло во все эпохи одинаково, но скрывается под разными личинами. Для кельтов в Ирландию оно пришло на кораблях нормандского войска или еще прежде – в драккарах викингов. У вас оно могло иметь монгольские черты. В любом случае речь идёт о событиях великих, героических и кровавых. Но ваш гений пристально уставился в глаза порока, и зло его загнипнотизировало. Он попал в ловушку и стал его певцом. Однако к делу вашей миссии это отношения не имеет.

Огонёк, свет которого может отчасти рассеять сумрак истории, теплится в других, более конкретных местах, – Мюрджен извлекла из сумочки тонкие удлиненные кожаные перчатки бордового цвета, неспешно натянула их на замерзшие руки. – Здесь неподалёку за пирсом я оставила автомобиль. Можно в нём укрыться. Такой упрямый ветер скоро нагонит тучи, которые принесут дождь.

– Тогда прошу, – Кайрин смущённо развёл руками, – я не очень представляю, куда нам отправиться. Пойду с тобой.

Глава 13 Разговор в автомобиле

Ирландка направилась в сторону главного здания порта. Она решительно обходила чугунные кнехты, нагромождения ящиков, перешагивала лужи в фиолетовых разводах солярки; буквально летела, не обращая внимания на неопрятный мир. Сергей Наркисович едва за ней поспевал, и в голове его не было ничего, кроме мысли: «Как же ладно на ней сидит этот брючный костюм и какой необычный цвет перчаток». Ещё ему не терпелось увидеть, который из припаркованных около высокого пирса автомобилей будет принадлежать Мюрджен. Издалека Кайрин разглядел три десятка машин и, когда они подошли к парковке, обрадовался: «Вот эта марка подходит обладательнице бордовых перчаток». Ирландка открыла дверь новенького пежо. Рулевое колесо находилось с левой стороны. «Авто недавно из Европы, – сообразил Кайрин, – но, Господи, как она здесь с таким рулём ездит?! На узких улочках люди шарахаются и водители встречных автомобилей в лёгком недоумении. Смелая дама».

– Садись, – пригласила Росс журналиста. – Здесь тесновато, но уютно и относительно тихо. Итак, вернёмся к последней теме. Повторю. Вам с друзьями нужно попасть в храм, точнее ораторию, под старинным замком Рашен. Слышал про него?

– Припоминаю, – Сергей Наркисович колебался, – речь, вероятно, идёт о старинном замке в британских владениях?

– Абсолютно точно, – ирландка одобрительно кивнула, – Рашен находится на острове Мэн в проливе святого Георга, между Ирландией и Англией. Гербом острова считается трискелион, мимо изображе-

ния которого вы в своём злополучном Падерборне пройти не могли. Я имею в виду общее сходство: три бегущих ноги герба Мэна, три спицы ангельской колесницы Сицилии и три ошалевших зайца в Германии. Чрезвычайно похожие символы. Остров Мэн – древнее кельтское владение, а замок, пусть и возведён норманнами, не что иное, как хранилище средневековых ирландских и шотландских артефактов.

– Хорошо, если это так, – решил возразить Кайрин, но кто сможет утверждать, что...

Договорить фразу Сергею Наркисовичу не удалось. Мюрджен с досадой брякнула ключи зажигания на переднюю панель авто.

– Послушай, Серж, почему ты всерьёз не веришь в старые легенды и пренебрегаешь знаками? Совершенно напрасно. Мистер Толкин учил нас, что правильное переживание того или иного образа способно привести в порядок духовный мир личности, а следовательно, дать инструменты к пониманию истинного положения вещей вокруг. Тебе знакомо имя святого Могольда?

– Слышал о таком.

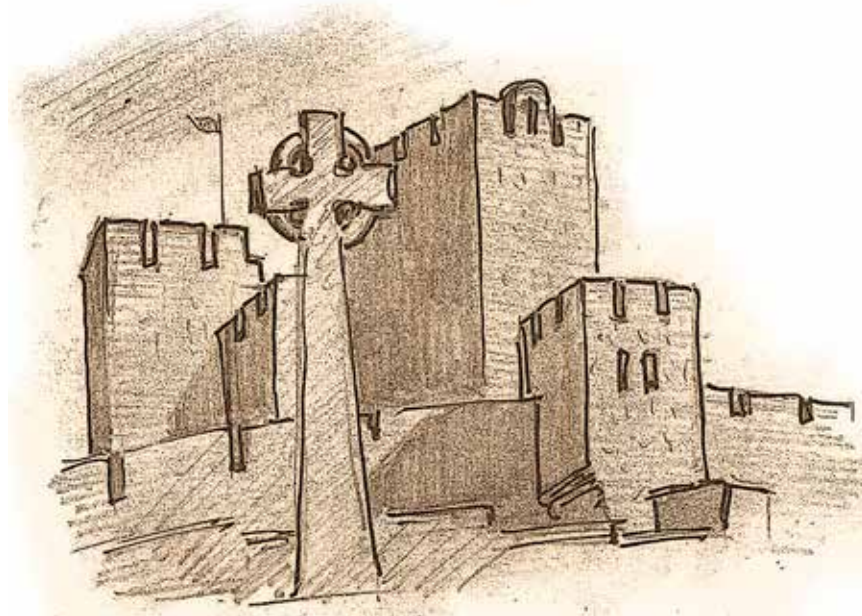
С ещё большим интересом Кайрин наблюдал за ирландкой. Вспышка явной досады по ничтожному, казалось бы, поводу его даже обрадовала: «Ага, – подумал он, – учёная, полная эмоций леди, и её холодная рассудительность не более чем изящные латы. Буду иметь в виду».

– Так вот, – строго продолжила Мюрджен, – святой Могольд, его иногда называют Макуль, имел отношение к историям Патрика. Мне как-то пришла в голову идея написать сценарий для Хичкока. Триллер по мотивам кельтских житий. Никакие «Птицы» великого мэтра не выдержали бы конкуренции с этим материалом. Кратко дело выглядело следующим образом. Патрик проповедовал в Ирландии, а юноша, который потом ста-

нет патроном Мэна, нашим Могольдом, с друзьями решил подшутить над суровым епископом ирландцев. Озорники подсунули Патрику человека, притворившегося мертвым. Уложили бедолагу на землю, укрыли плащом и сказали епископу: «Если твой Бог так силен, то воскреси покойника». В результате духовных манипуляций проповедника притворщик возьми и умри. Молодёжь перепугалась, начала просить прощения. Патрик их, конечно, обличил, отругал, а Могольда так заела совесть, что парень сел в лодку, отчалил от западного побережья Ирландии и выбросил вёсла в воду. Такая давняя кельтская практика: в наказание за грех предать своё тело и душу воли волн. Не погибнешь – окажешься в далёкой стране. А если стихия сжалится, морские разбойники помилуют, значит, Богу угодно испытать твою душу скитаниями на чужбине. Могольда долго трепало в океане и наконец выбросило на берег Мэна. В подражание Патрику он принялся проповедовать, строить храмы, занялся благотворительностью. Как говорил несчастный Мартин Лютер Кинг: «Самый главный вопрос жизни: что ты делаешь для других людей». В общем, местные аборигены, оказавшиеся кельтских кровей, его полюбили, стали почитать как своего небесного покровителя. С VI века предания о Могольде обрастали деталями, а к порогам его островных храмов приходило немало паломников со всей Римской империи. Замок Рашен⁵⁰ построили спустя шесть столетий. О подземельях крепости ходили легенды. Кладовые наполнялись богатствами, а сам остров приобретал славу места сбора последних ирландских монахов. Преданные традициям Ионы, Инишмюррея и Скеллига, они приплывали сюда. Плюс на Мэне сохранилось три высоких кельтских креста и монастырские руины. Но вас должен интересовать сам замок. Там ключ к ребусу. В 1670 году один безымянный путешественник, оказавшийся в нижних галереях Рашена, оставил запись, в которой сообщал про свои ночные блуждания в тайных коридорах. Ему пришлось натерпеться страху. Я читала отчёт о комнате, расположенной ниже уровня подземной крипты. Внутри нее, на столе из чёрного мрамора, как сообщает текст, взору смельчака предстала каменная фигура покоящегося человека. Под головой гиганта лежала книга, а руки неподвижного обитателя комнаты сжимали огромный железный меч. Вокруг, на полу и в нишах, перепуганный пилигрим успел разглядеть множество всяких церковных предметов: статуэток, чаш, выносных крестов, икон, кадилниц и книг. Я уверена, что ему посчастливилось попасть в главный реликварий замка. Но пока ты с друзьями в Ирландии, нужно попробовать отыскать что-нибудь важное здесь. Это только на первый взгляд у нас деревенская тишина и пасторальные овечки спят на зелёных лужайках. Если торнадо выглядит неподвижно, зна-

чит, он движется напрямиком на вас. Но в Рашене ты можешь найти одну из копий ирландских эпистолий. Это текст известного в Средневековье Письма Иисуса. Не все церковники относились к нему с доверием. Кое-кто даже требовал запретить ношение и чтение Письма. Но в Церкви всё наоборот. Чем больше запрещают, тем сильнее к запретному тянет. Кулдеи носили с собой островной вариант Письма на ирландском языке. Вся Европа знала про силу эпистолий. Копии находили даже в Исландии. Согласно легенде она написана в раю Христом, каплями Его крови или золотыми буквами. Ангелы принесли этот священный текст в Храм Гроба Господня к последним дням IV столетия. Оттуда списки разошлись по миру. Я думаю, эпистолия попала в Ирландию в VIII веке, и здесь её немного поправили. Иисус предупреждает христиан, что если они не будут соблюдать воскресного дня, то их ждут напасти и муки. Письмо сообщает о пяти жутких существах, которые до времени скрыты в аду, но выйдут для совершения кары, если жизнь верующих останется прежней. Дело в том, что эти монстры не жуткие звери, хотя и называются: саранчой, огненной лошадью и летающими змеями. Это природные катастрофы, эпидемии. Только Божья воля не даёт им прорваться в наш мир. Люди, совершающие злодеяния, виновны в том, что чудовища растут и крепнут. И дьявол здесь ни при

чём. Он уже побеждён и связан Христом. Апокриф призывает людей занять сторону добра, начать как минимум с соблюдения воскресного дня. Сатана не имеет над ними власти, ибо кровь Иисуса их выкупила из плена смерти. В итальянской копии текста хранителю обещано, что его не убьют внезапно, он не заразится чумой, его не опорочат клеветники и лжесвидетели, и за сорок дней до кончины к нему для утешения придёт Дева Мария. В Завещании кулдеев должны быть слова о восьмом смертном грехе. И о смысле катастроф.

– Нам точно суждено исчезнуть? – прервал ирландку Кайрин. – Мой хороший друг считает, что людей ждёт космос. Но все боятся новой войны. Атомных взрывов, радиации, ядерной зимы или испепелённой напалмом пустыни. Большие города не выдержат ударов реактивных ракет. Никакие бомбоубежища нам не помогут. Гитлер пробивал даже лондонское метро, а любой нынешний заряд разнесёт половину левого берега Темзы до самых меловых отложений. Но, есть кое-что пострашнее. Ты знаешь про Гонконгский грипп? В 1969-м мне дали задание написать большой репортаж про эту эпидемию, поскольку на севере Австралии появились инфицированные. Грипп пошел на нет к середине 69-го, и уже было понятно, что число погибших менее чем за год перевалило за полтора миллиона. Его обнаружили в Индии, Африке, Японии и даже Советском Союзе. В Штаты грипп привезли солдаты, возвращавшиеся с вьетнамской войны. Писать оказалось делом непростым. Я столкнулся с двумя проблемами. Первая заключалась в высоком уровне секретности каких-либо сведений относительно появления и распространения вируса, а вторая касалась возраста заболевших. Всем несчастным заразившимся было за шестьдесят. Со стороны могло показаться, что это не обычная инфекция, а вырвавшийся из биологической лаборатории образец нового оружия.

– Я не разбираюсь в таких тонкостях, – Росс терпеливо выслушала журналиста. – Меня интересуют более локальные вопросы. К примеру, ирландство, про которое от Роберта Грейвса до Йейтса и Каванаха рассуждали все кому не лень, многолико. В городах своё – условно джойсовское. Есть нарочито деревенское – Лиам О’Флаэрти, высоколобое, литературное – Роберта Стивенсона и Леди Грегори. Был аскетизм с острым языком Синга, звучали песни Мура. Антибританскость – сердечник⁵¹ бронбойного снаряда любого ирландца. Но сокровенный кельт в большей мере – явление религиозно эстетическое. Его сердце хранит миф о древней культурной солидарности народа, связанного невидимыми нитями. Патрик Пирс восхищался христианскими мучениками и за несколько лет до Пасхального восстания писал, что «нужно согреть старое сердце земли красным вином сражения». Хорошо

поэту быть поэтом. Сложнее, когда он мечтает стать революционером. Романтика смерти обеспечена.

– Что здесь уникального? – Кайрин внимательно слушал, и многое из того, что говорила Росс, было ему понятно, но кое-что всё-таки ускользало. – Объясни, с чего именно сейчас такой интерес к кельтскому миру?

– Всё просто! Die Ketische welt hat eine alternative*, - неожиданно перейдя на немецкий, произнесла Мюрджен. Глаза её блестели. – Он – альтернатива! И твоим войнам в том числе.

– Warum? С какой стати? – путаясь от волнения в языках, спросил Кайрин.

– Думай сам, – Росс, как полевой генерал, деловито разворачивающий карту предстоящего места сражения, начала рассуждать: – В XIX столетии сама земля Ирландии, её серые мшистые руины стали отдавать прежде припрятанные сокровища. Делиться тайнами.

– Да-да, – энергично закивал Сергей Наркисович, – мы уже наслушались историй о замурованных посохах, молитвенниках и скаринях с мощами различных святых людей. Находки XIX века.

– Именно так. Остров тогда словно почувствовал: пришло время! Англичане покидают захваченные земли, – ирландка светилась. – Пришла эпоха разгадок. И это касалось не только Эйре. Кельтские артефакты Шотландии начинают буквально подниматься из праха. Вспомни находку Брессайского камня⁵² в 1852-м.

– Разве это не пиктский артефакт? – уточнил журналист.

– Не важно. Пусть даже и пиктский. Мы про пиктов знаем мало.

* Die Ketische welt hat eine alternative: «Кельтский мир – единственная альтернатива» (пер. с нем.).

Главное, что его появление на шотландском острове совпало с началом кельтского Возрождения по всему северо-западу Европы.

На генеральской карте Росс быстро расставлялись фигуры всадников и росли редуты лучников. Теперь Мюрджен говорила короткими отточенными предложениями.

– С 1969 года мир в горячке. Особенно это касается молодёжи. И не только Франции, Британии, но и Северной Ирландии. Борьба за справедливость и равенство. Юные львы не покинут кварталов Дерри и Белфаста. Придётся договариваться. Тогда и потребуются участие древнеирландского наследия. Всё будет иметь значение: посохи, скарини, колокола, книги, кресты, пояса. Обретённый кельтский артефакт станет предметом исследований. Героем киноэпопей и литературы в духе Толкина.

– Какие пояса ты имеешь в виду? – спросил Кайрин.

– Изящные. Украшенные эмалью, камнями, металлические, серебряные, золотые, разные. Мы находим фрагменты молитвенников с ирландскими заклинаниями, богословские трактаты в реликвариях. Но высока вероятность того, что своего рода почтовыми хранилищами были и пояса. В такой набедренной скарине могли храниться документы одной из кулдейских общин. И выглядели они не как обычные ковчеги для переноса святынь.

– Так в чём особенность такого ковчега? – журналист уже видел под рукой «генерала Росс» полки лёгкой пехоты.

– Дело обстоит так, – Мюрджен смотрела на мрачающее небо. – Всем ирландцам известны «благословляющая десница святого Патрика» и «рука Молуага», то есть хранилища, изготовленные в виде металлической имитации человеческого предплечья. Но только специалисты и редкие любители знают про кулдейские пояса. Да таких и существует два-три.

– Никогда не слышал, – Сергей Наркисович старался запомнить каждое слово.

– Простые ирландцы или монахи порог дома или монастыря без этого элемента гардероба никогда не переступали, – продолжала ирландка. – Богатые фермеры и аббаты заказывали пояса с изящной отделкой, редкими украшениями; бедняки опоясывались простыми кожаными. Отдельная история: пояса высокородных дам и вдовству-

ющих особ. Но нас интересует амуниция Друзей Божьих. Они верили в силу своих оберегов.

– Значит, существовала особая традиция? – предположил Кайрин.

– Ещё какая! Документированная, – Росс начала загибать пальцы изящной руки. – Считаем. Первый оберег: пояс святого Фурсы, исцеливший монахов от вожделенных помыслов. Второй: принадлежал святому Колману. Забавный случай. Пояс служил своего рода тестом на пристрастие к обжорству. Настоящий аскет, страдавший он даже от тучности, легко сводил концы пояса. А самый худющий лакомка ни в какую не мог им перепоясаться. Третий упоминается в Житии святого Ке-

вина из Глендалоха. Там произошла классическая ирландская история: паломник надел благословлённый аксессуар и стал невидимым для безымянных бандитов. За многочисленные исцеления и лечение от бесплодия ирландцы почитали пояс Бригитты Килдарской. Это четвёртая святыня.

Свой отсчёт медлил только мизинец. Наконец она сказала:

– Пятый пояс принадлежал самому яркому кулдею VII века. Святому Мо Чуту из Лисмора. Он же владел чудотворным посохом. В обоих предметах находились полости для хранения реликвий или рукописей. Вот такая загадочная история.

– Понятно. Но вот какой вопрос. Считается, что среди кулдеев было немало женщин, – Сергей Наркисович заметил, как Мюрджен чуть улыбнулась, – это так? Женщины до сих пор носят пояса куда изящнее мужских.

– Что тебе известно про Леди Уаллу? – вопросом ответила ирландка.

– Была такая святая или поэтесса, – предположил Кайрин, – не помню. Она из Друзей Божьих?

– Леди Уаллу считают филидом высокой степени посвящения. Чуть ли не главным олламом⁵³ X века. Я не уверена, что как поэта её особен-

но ценили, но факт есть факт. Имя Леди записано в анналах Инишфаллена⁵⁴. Вполне вероятно, что она имела связи с кулдеями родного графства Керри. То есть с наследием Скалы и августинцами Баллинскеллигса. У неё наверняка имелся пояс ажурной работы.

– А кроме Леди? – журналист чувствовал, что Росс что-то недоговаривает.

– Кроме?.. – Мюрджен на секунду задумалась. – У нас говорят: «Не каждый день отец убивает оленя, и не на все вопросы сразу найдётся ответ».

– Ты думаешь, что кулдеи использовали пояса в качестве тайников? А где можно увидеть хотя бы один из них?

– В Национальном музее лежит так называемый пояс Мойло, – с готовностью ответила ирландка. – В 1945 году на торфяной делянке под Слайго средневековый раритет откопал местный крестьянин. Принёс в мэрию. Оттуда находку увезли в Дублин. Музейные умники прыгали до потолка, потому как со времён Маргарет Стоукс в их коллекции ничего подобного не попадало. Графство Слайго, как известно, долго существовало вне британской канцелярии, и её торфяники хранят множество тайн.

– Недалеко от Слайго похоронен Йейтс, – задумчиво пробормотал Кайрин.

– Знаю, – кивнула ирландка, – кстати, относительно всяческих местных древностей поэт оказался прекрасно осведомлён. Религии в нём было с избытком, а веры самую малость. Но для меня знаменательнее то, что именно в тех краях произошло сражение из-за «Кáтах»* – самой великой кельтской святыни. В 561 году на поле Кул Дремне какраз под нынешним Драмклифтом «Катах» – Псалтырь святого Колумбы – переносили в специальном кумдахе. Нечто похожее на этот оклад я вижу в твоей тетрадке. А он – талисман великих побед. И здесь, и в Шотландии. Можешь при случае заглянуть в дублинский археологический музей и сравнить. Кумдах из-под Слайго сейчас там. Но речь о другом...

Тебе с друзьями нужно попасть к старику, – решительно произнесла Росс, – настоящих остаётся всё меньше и меньше. Пожилых фермеров, дряхлеющих от виски пенсионеров, благообразных дедушек – любителей городских и сельских парадов – предостаточно. А вот крепких, таких, как «тлеющий уголь под пеплом», уже и с десятков не отыщется. И только они – наше ирландское пламя. Зола очага скрывает теплящийся огонёк, но тихонько дунь в очаг, и взметнётся новый огонь.

* «Кáтах» – ирландский манускрипт конца VI века, содержащий текст Псалтыря.

– Неужели всё так печально? – спросил Сергей Наркисович.

– Конечно нет, – Мюрджен скрестила руки. – Молодёжь взрослеет, дышит революцией, но тугодумы и воры приходят в политику, а число мудрецов идёт на убыль. В Шотландии, на западном Скае – это остров Внешних Гебрид, есть огромная скала. Издалека она напоминает человеческую фигуру. Местные жители окрестили её Старик из Сторра и рассказывают легенду про одинокого, окаменевшего в своей неприкаянности старца, которого намертво заколдовали злые феи. Тысячу лет несчастный с грустью смотрит на восток. Всё потому, что в Шотландии очень давно закончились настоящие мудрецы. Виноваты англичане: запретили гэльский язык,

разрушили кельтские церкви. У нас они тоже бесчинствовали, но не так долго и не столь жестоко. К тому же наши феи, ирландские банши, будут помилосерднее. Стариков они обычно не трогают. Тебе нужно к одному из таких последних. Человек по имени Круган. Должно быть, это фамилия. Он живёт на полуострове Дингл, и поговаривают, будто знает всё обо всём на свете. Его начальное образование в такой степени дополнилось уроками суровой жизни, возместилось опытом видений и потусторонних откровений, что герой не только различает суть вещей, но имеет дар вовремя определить, где начинается хаос и откуда подступает беда. Словом, наш старец из Дингла не каменный, а живой. Кстати, не дурак выпить и любитель трубки. Если бы однажды учёные придумали технологию, как по капле крови или волосу воссоздать всю родословную одного человека до самых древних корней, и опробовали её на Кругане, то его цепочка привела бы их к Оссиану или Амергину. В крайнем случае, дотянулась бы до кланов Коннахта или Ульстера.

– Он нам поможет? – спросил Кайрин. – С таким духовным опытом отступит любая тайна.

– Наверяд ли старик возьмётся расшифровывать Завещание кулдеев, – Росс пожал плечами. – Но ему достаточно взглянуть на рисунки, чтобы идея автора и код ко всему посланию стали ясны. Круган име-

ет дар растолковывать смыслы, скрывающиеся за вторым и третьим пластом знаков и символов. Только не ждите от него заумного доклада и даже внятного объяснения. Небылицы, притчи и нелепые стишки – вот язык старика.

– На таком и мне проще говорить, – Сергей Наркисович понимающе кивнул, – в детских считалках иногда спрятан ключик к самым непонятным ребусам.

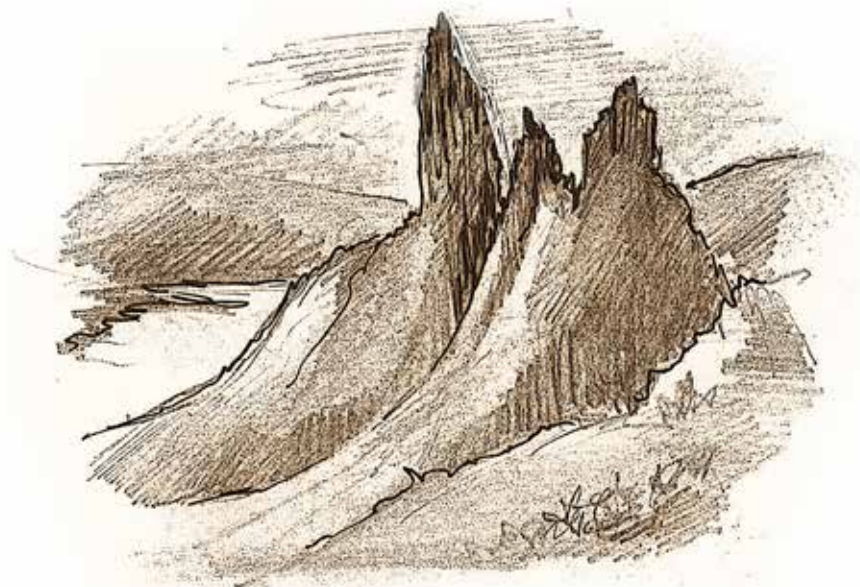
– Если вы про валлийские «эники-беники-раба-квинтер-финтер» или английского Шалтая-Болтая, то пожалуй, – согласилась Росс, – но у Кругана в самих историях две, а то и больше шифровок. Его нужно разговорить, упрямить не скаредничать, а, образно говоря, опрокинуть свои воспоминания, как свет луны в ведро с водой.

– Извини, – оторопел журналист, – так о чём я должен просить Кругана? Какой свет, и что с ним делать?

– Старая байка. На Оркнеях считают: только в лужах или в полном ведре луна отражается в своём настоящем виде. А на небе – лукавая картинка двойника Земли. Но мне пора возвращаться к другим делам. Рада была помочь.

– Да-да, конечно, – засуетился Кайрин. – Мне страшно неловко. Не знаю, как тебя благодарить. Надеюсь, мы ещё встретимся.

– Тебе известно что-нибудь о солитонах и теории одинокой большой волны? – Мюрджен завела двигатель автомобиля. – Солитоны

не проникают друг в друга, не проходят насквозь, но, столкнувшись, словно мячики весёлой детской игры, в полной сохранности разлетаются в разные стороны. Я думаю, что древние традиции и ритуалы похожи на волны, расходящиеся от одного источника. Но они не солитоны. Сталкиваясь и проходя сквозь друг друга, волны не могут не изменяться. Если кто-то решит, будто у них разные источники возникновения, он сильно ошибётся. Ты в некотором смысле одинокая волна, ваши друзья подобны волнам, и все вместе вы накатываете на скалистый ирландский берег, не разлетаясь бесследно, но дополняя и взаимно усложняясь.

– Стало быть, ты тоже волна? – осторожно решил уточнить Сергей Наркисович. – Ирландская, с которой нам предстоит столкнуться и не разбиться вдребезги?

– Пока я не решила, кто с кем будет сталкиваться, – Мюрджен расмеялась. – В любом случае вашей команде нет смысла застревать в Дублине. Держитесь! – на этих словах её юркий пежо рванул по узкой дороге от порта в город.

– Вот что ещё хочу сказать, – Росс почти не смотрела вперёд, её взгляд словно буравил поднимающуюся где-то вдалеке стену, – не забудь про Египет.

– С какой стати мне забывать о том, про что я и не думал? – Кайрин с удивлением смотрел на едва прикасавшуюся к рулю ирландку.

– Серж, именно Египет, – Мюрджен решительно переключила рычаг скорости, – вот что важно. Я не беру в расчёт сказки про Скотту, дочь Рамсеса Второго, прибывшую на наши острова во времена еврейского исхода из плена. Всё самое значительное

для кельтского христианства произошло гораздо позднее. В новую эру. Отчаянные коптские монахи в VII веке, ещё до исламских завоеваний на Востоке, переселились в Ирландию. Они несли светильники с пламенем своего исповедания Христа. Сейчас не имеет значения, кто именно их вдохновил: Несторий, Кирилл или один из тех великих безымянных проповедников Египта, что верили в Бога – освободителя всех народов.

Тебе известно о кладбище семи египетских монахов в районе Крумлина? Местечко недалеко от Белфаста. Там сохранили надписи на камнях. Полустёртые, но читаемые. Под этими плитами лежат кости аскетов из ливийской и аравийской пустынь. А если после встречи со стариком на Дингле ты поедешь по Кольцу Керри, на юго-запад острова, то не поленись добраться до Каэрлехиллана. Сейчас это глухая деревушка, где в V столетии была построена крохотная церковь. Никто не может определить, в честь какого святого или события её возвели. Но дело в другом. Там, рядом с храмовыми останками, и сегодня можно найти плиту, на которой высечены обведённый кругом мальтийский крест и египетский павлин.

Я думаю, что ирландцы наладили прямые контакты с Египтом. В древних кельтских литаниях упомянуты африканские святыни, и в Парижской национальной библиотеке можно даже найти нечто вроде путеводителя по этим объектам, составленным для монахов с британских островов. Более того, я сама лично видела надпись на камне около колодца святого Олана в приходе Агабуллог, недалеко от Корка. Там сказано: «Молитесь за Олана Египтянина». Кто должен был это делать, кроме ирландских отшельников? Греки предполагали, что плоть павлина нетленная, поэтому птицы стали символом вечной жизни. Глаза в павлиньем хвосте, возможно, олицетворяли всевидящего Бога или Церковь. Думаю, что это своего рода восточные иконы, оказавшиеся на северо-западе.

– А вообще Ирландия имела свою иконопись? – спросил Кайрин.

– Похоже, – Мюрджен уверенно обгоняла огромный грузовик, – иконы использовались в кельтской церкви и других частях Британии. Около 750-го года монах по имени Когитоз в «Житии Бригитты» описывает интерьер церкви Килдэрского монастыря. Он сообщает, что по обе стороны от алтаря стояли украшенные золотом ковчеги для мощей преподобной. Там же упомянута алтарная завеса, картины, резная дверь и льняная драпировка. Можно считать все эти изыски некоей иконописной инсталляцией.

– Вероятно, – согласился Кайрин.

Он бросил быстрый взгляд на девушку и подумал, что Росс вполне могла сойти за прямого потомка знаменитой Грануаль из Рокфлита⁵⁵. С тем различием, что ирландская пиратка, державшая в страхе всё западное побережье и Непобедимую Громаду испанцев, обходилась без познаний в истории и литературе, а для его нынешней спутницы – это своего рода оружие.

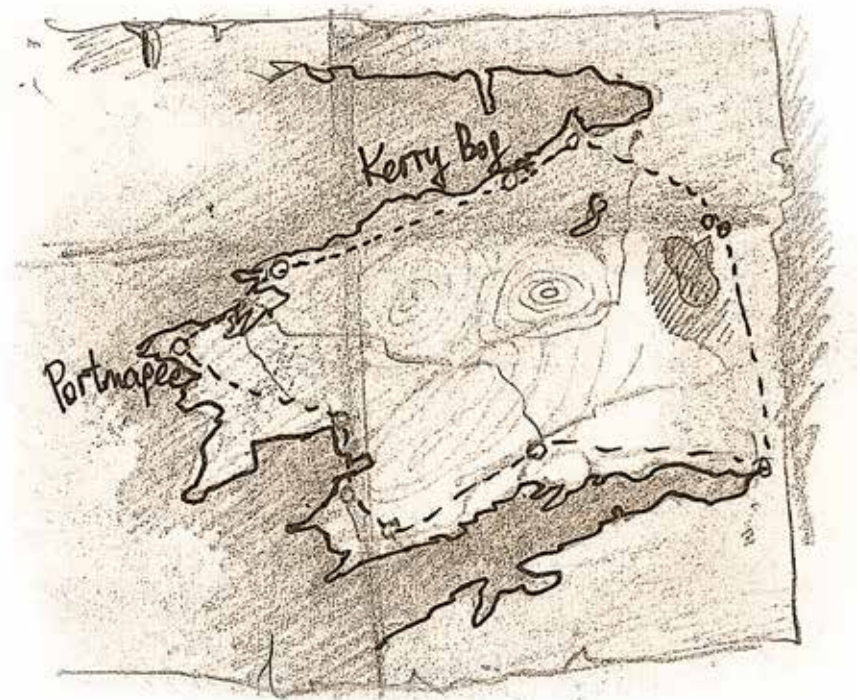
На Гарольд-Кросс Сергей Наркисович вышел. Простились они кратко. Девушка сняла перчатку и протянула Кайрину миниатюрную

руку. Он замешкался: поцеловать или пожать? В результате неловко прижал ее руку к подбородку, кивнул и произнёс:

– Благодарю. До скорой встречи, Мюрджен. И захлопнул дверцу автомобиля.

– Берегите себя! – в приоткрытое окошко крикнула ирландка, помахаала и тронулась к Сент-Стивен-Грин.

Некоторое время Кайрин задумчиво смотрел вслед удаляющейся машины. В голове звучал стишок Алексея Толстого: «Ходить бывает склизко по камешкам иным. О том, что слишком близко, мы лучше помолчим...»

Глава 14 Донегол

Когда-то очень давно, в счастливом времени, между незаметно завершающимся детством и осторожно наступающим отрочеством Кайрин придумал себе страну. Точнее, из самых разных географических и живописных деталей составил её образ. В итоге получился только ему понятный ландшафт мира, в котором хотелось бы жить вечно и беззаботно. Он продумал каждую мелочь, все вероятные и фантастические стыковки в ткани вымышленного пейзажа. Мальчику представлялось, как потрепанный штормами корабль усталых скитальцев заходит в залив и моряки внимательно осматривают нависший над самой водой ажурный створ зелёных скал. Кайрину слышалось глубинное дыхание океана, шум тяжёлых, накатывающих на белый песчаный пляж волн. Он махал суровым мореплавателям с берега и отправлялся дальше – осматривать свою удивительную страну.

Покуда он шёл, внезапно менялся изгиб линии прибоя, а сразу за бухтой, где бросило якорь ветхое судно, начиналась дорога в горы, на вершинах которых лежал сияющий под солнцем вечный лёд. Пройдя не более мили, путешественник оказывался в долине, над голубым оком прозрачного озера. По берегам озера росли пальмы, обвитые диким виноградом. Далее тропические дебри внезапно уступали место хвойному редуту, за которым мелькали стволы белых берёз, а чуть позже появлялись уже согнутые под грузом спелых плодов яблони и апельсиновые деревья. Миновав причудливо смешанный лес, юный Кайрин поднимался на плато, отчётливо напомилавшее мрачные равнины ирландского Буррена, и взору открывался, словно перенесённый

сюда с островов Зелёного мыса, чудесный пляж. Его линия тянулась недолго. Обрывалась вздымавшимися из моря скалами, которые вырастали, как знаменитые Утёсы Мохер на западном побережье графства Клэр. Оттуда легко и весело ему было сбегать к почти лунному пейзажу кораллового залива, брести по колено в воде до приливного островка, где поднимались стены древнего аббатства, и уже с той высоты через линзы капитанского бинокля осматривать все окрестности созданного мира. И если бы в ту счастливую пору Сергей Наркисович знал о Донеголе, мог на секунду перенестись в каменистые бухты Маллахмора напротив замка лорда Маунбеттена и увидеть, как закатное солнце нежно освещает гору Бен-Балбен, он непременно включил бы этот сюжет в картину своей новой вселенной.

Пока же Кайрин пытался упорядочить вереницу мыслей, друзья продолжали разговор, начатый ещё в Дублине.

– Вы совершенно напрасно иронизируете, – Келсмен, севший за руль, кратко оборачивался на Бригу и Остроглазова. – Ирландские ангелы имеют там, на небе, – он многозначительно поднял палец вверх, – свой особый статус.

– У тебя, похоже, и небеса расписаны по принадлежности, – Брига улыбалась.

– Да, точно, если послушать, то забавно выходит, – поддержал монахиню Острый, – можно смело продолжить в этом духе: ирландское небо, японское солнце или вообще русская луна! Сергей Наркисович, как тебе «норвежское затмение»?

Кайрин промолчал. Мысли никак не хотели выстраиваться в чёткую линию. Рассказ Мюрджен принес настолько много нового и неожиданного, что требовалось время даже для поверхностного анализа.

– Не нужно ничего сочинять, – Келсмен заметил подтрунивание друзей, но развивать тему не стал. – Мы рассуждали про ангелов, о которых многие считают, что знают всё, хотя и на кончик иглы не приблизились к подлинным представлениям. Говорят, была такая «Книга ангелов». Автор её неизвестен. В первой половине IX века несколько списков книги ходили по европейскому северо-западу. Она своего рода сборник древних документов из монастырей времён учеников святого Патрика, связанных с Армой⁵⁶, замком Кашел и первыми ирландскими миссионерами на континенте. Не могу утверждать, но именно в ней содержится учение относительно особого присутствия ангелов на Изумрудном острове и масса странных историй.

– Хочу уточнить, – Бриге определённо нравилась тема разговора, – согласно твоей логике у каждого ирландского места непременно найдётся свой собственный ангел-хранитель?

– Сестра! – Келсмен уверенно закладывал автомобиль в зигзаг крутого поворота. – Конечно, у каждого священного места свой ангел, и не один. Бывает так, что там, где построен монастырь или церковь, помещают мощи святого человека. И разных невидимых стражей тогда собирается до трёх десятков, не считая ангелов самого чудотворца. Они охраняют его могилу или скрину с костями, посохом, колокольчиками и прочими личными вещами праведника. Их называют «ангелы алтаря». Если не верите, то вот вам правдивая история про небесных покровителей Скеллига, куда так упорно тянет нас Кайрин. Не знаю, есть ли там священные реликвии, но ангелы эту скалу особенно опекают.

29 сентября 1902 года, аккуратно в Михайлов день, когда все благочестивые католики молятся за мессой по своим приходским церквям, прославляя покровителя Скеллига Архангела Михаила с его воина-

ми, рыбаки из Портмеджи решили отправиться в море. Не знаю точно, но какой-то дурень с острова Валентия накануне вечером в пабе без удержу хвастался огромным уловом около Малого Скеллига. Местные послушали, загорелись и решили утром выйти из порта. Жёны с детьми, как положено, отправились на мессу, а рыбаки за добычей. Дело, конечно, мужское. Семью нужно кормить, но для всего своё время. Обижать Бога и ангелов никому не советую.

Сели они вшестером на вёсла и двинули в сторону скалы. Высокая волна ещё не поднялась, но и обещанных в вечернем пабе косяков рыб никто не приметил. Осеннее солнышко на юге Ирландии бывает очень нежным и приятным. Даже начало припекать. Подрейфовали часа два и решили всё же отпраздновать Михайлов день, благо корзинки провизии жёны предусмотрительно собрали. У кого-то в заначке оказалась даже бутылка виски. Но в лодке пить и перекусывать неудобно. Качка даже при хорошем раскладе погоды в наших широтах штука довольно приличная.

Высадились на камни Скеллига, лодку привязали в бухте, а сами, собрав провизию, решили подняться в Седло Христа. Там не так дуют ветры и для обеда можно вполне уютно расположиться. Но только добрались до этого укромного местечка, как с запада, из открытого океана, налетел ураган. Сильный, порывистый и очень холодный. Шквал обрушился на скалу, сорвал их лодку и выбросил в открытое море. Рыбаки молитв не успели прочитать, как на их глазах посудина ушла под воду.

Бедолаги, хотя и крепкого десятка, повидавшие всякие напасти, немало перепугались. Остров, пусть даже святой, но суровый. Они рванули вниз к причалу. Бежали по древним каменным ступеням. Перепрыгивали. Чуть не сорвались, потому что ливень в секунды превратил эту тропинку в ледяной головокружительный спуск. Внизу к бухте не подойти. Волны в три роста. Да и что там найдёшь? Лодка сгинула. Провизии у них осталось, как говорится, на один укус. Бутылку виски нечаянно разбили. Кругом сплошная беда. Хорошо, что появился смотритель маяка: добрый человек отвёл рыбаков наверх, в кельи бывшего монастыря. Принёс им яблок, хлеба, дров для костра, одеяла, котелок, посуду для воды и коробку чая. Ещё целую неделю, пока штормило, несчастные жили на острове. Прятались от дождя и ветра в малой орагории, ходили за табаком к смотрителю, а когда непогода затихала, поправляли разрушенную каменную монастырскую стену и даже пытались читать церковные псалмы и молитвы. Мало кто помнил, конечно, хоть одну до середины, но вместе, как могли, молились.

Тем временем на большой земле жёны рыбаков уже с ума сходили.

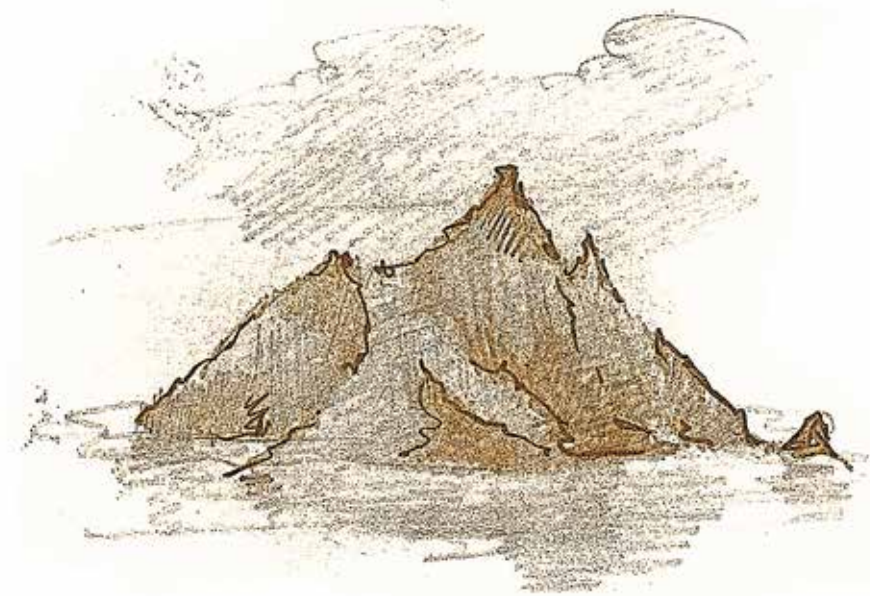
Связи со скалой нет, шторм никак не стихает. Отправиться из Портмеджи в море никто и думать не хочет. В церквях уже литии о без вести пропавших служат. Потом, конечно, за ними приплыли, сняли со скалы и развезли по домам. Но викарии на побережье ещё долго в проповедях напоминали о строгости Архангела Михаила, который не прочь припугнуть непочтительных христиан. Впрочем, строго наказывать он не стал, потому как ирландский ангел о своих, даже никудышных, людях всегда заботится. Главное, что все живы и здоровы.

– Милосердный Создатель! – монахиня с волнением дослушала печальную историю. Наложила на себя крестное знамение. – Какой кошмар! Неужели нельзя было как-то на материк сообщить?

– Серж, – Келсмен требовательно обратился к погружённому в размышления Кайрину, – что скажешь?

Сергей Наркисович молчал. Общую канву истории он уловил. Разговоры о смерти ему не особенно нравились. К опыту жизни они, конечно, кое-что добавляли, но душевных сил не поднимали.

Однажды Кайрин уже умирал. Именно умирал. В памяти этот глагол поблёскивал матовым светом. Не литературное выражение «был между жизнью и смертью», не обиходное «оказался при смерти», а такое, сперва протяжённое, но в конце по звуку и смыслу угасающее слово. Сознание Сергея Наркисовича навсегда запечатлело момент, который со стороны наблюдателя мог измеряться секундами или часами. Детального и точного отражения событий сам Кайрин для себя так

и не зафиксировал. Спустя несколько дней после этого казуса ему рассказали, как всё происходило. Скупое, без подробностей и эмоциональных прорисовок. Когда свидетели произносили что-то вроде: «Ты умирал, но боролся...», он слушал с большим сомнением. Его память сохранила только: «Всё распадается, частями и фрагментами покидает меня, и я сам ничего не только не могу, но особенно и не хочу ничего с этим делать». Само по себе расставание не с жизнью, а с миром, где она завершалась, он осознал, но «борьба» не запомнилась вовсе.

Кайрин всегда скептически относился к разговорам о раздвоении личности, хотя не сомневался в существовании некоего внутреннего, потаённого, глубинного человека, который, если его правильно создать, принимает самые важные решения в жизни и борется за неё, когда тот, поверхностный, бессмысленно лежит на постели. «Не ангелы же заставляют сердце перекачивать кровь и ловить воздух лёгкими?» – спрашивал он себя и отвечал: «Это делает Тот, с которым я спорю, соглашаюсь, от которого пытаюсь спрятаться и без которого не могу существовать».

Так или иначе, но опыт «перехода» у Сергея Наркисовича имелся собственный. Явственной и наиболее яркой его частью он считал пробуждение. Оно восстанавливалось в мельчайших деталях. Утро, день или ночь стояли тогда за больничным окном – сказать было невозможно. Потолок, ему казалось, раскачивается; занавески плывут и удлиняются к полу; простыня, под которой он лежал в белой сорочке, пахла лавандой; чайная ложка в стакане на прикроватной тумбочке мерещилась надломленной. И только пронзительный аромат пищи укреплял сознание Кайрина в реальности происходящего. Медсестра принесла тарелку, на которой лежал кусок хлеба и две маленькие белые котлеты... Их аромат словно ввернул в пространство палаты механизм, запустивший вихреобразное движение застоявшегося воздуха, разогнал по углам все запахи, сопутствующие болезням и распаду.

«Есть будете? – без всякого интереса спросила девушка. – Я оставлю, может быть, дотянетесь и перекусите». Голова кружилась. Он хотел попросить поместить тарелку сразу ему на грудь, но медсестра исчезла. Кайрин попробовал приподняться и выпрямиться на кровати. Тот «внутренний человек» почти кричал ему в уши: «Я хочу еды! Любой. Мне срочно нужно проглотить эти котлеты. Но их мало! Зови народ. Пускай дадут вилку, принесут ещё две порции, а также с тонкой упругой кожурой, чесночного запаха и терпкого вкуса солёный бочковой помидор. Хватит валяться тюленем!»

Затем он осторожно положил в рот кусочек, медленно, стараясь уловить каждый оттенок вкуса, саму плоть пищи, её структуру, вязкость,

податливость, и начал пережёвывать, глотать. Ему не удавалось понять всех вкусовых оттенков. Лук, перец, соль, сорт мяса, или приготовили птицу? Ничего толком не определялось. Но это было возвращение. Чудесное, без видений, чужих голосов откровений. Кайрин почувствовал, как жизнь возобновилась.

– Мистер журналист, – монахиня требовательно позвала Кайрина, – что скажешь нам про дивную историю рыбаков?

– Сестра, – отозвался Сергей Наркисович, – я всё слышал, но, поверь, мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и составить план ближайших наших действий. Знаю, у вас, ирландцев, в волшебном мешке нескончаемый запас разных легенд. Покуда дорога длинная, расскажи какую-нибудь свою.

– Хорошо, – уверенно начала Брига. – Я родилась и жила в Фените. Это продуваемый ветрами с океана и обласканный тёплым воздухом из долины чудесный городок. В нём маленькие разноцветные домики и лодки, вытянутые на берег около пирса, к которому пришвартовываются с уловом рыболовецкие суда; много радостного солнца в ясные дни, две католические и одна протестантская церковь. Нас в семье было четверо детей. Мои старшие братья ходили в море вместе с отцом ловить макрель, играли в хёрлинг, а летом, когда стали постарше,

отправлялись на заработки в Слайго. Я прилежно училась, помогала матери вести хозяйство, любила храм, уроки французского и Закон Божий. Меня научили играть в камоги и даже купили настоящий ясеневый каман. Это такая специальная клюшка с плоским расширением на конце, которой надо ударять по мячу. Фенит – родина святого Брендана. И хотя в Ирландии любят поспорить на тему «кто где чей небесный патрон», право нашего города на покровительство Брендана сомнению не подвергалось.

Мы с подружками-соседками во фланелевых красных юбках, синих кофтах и белых платках молились за мессой. Причащались и внимательно слушали проповеди в приходе Святой Троицы. Помню пожилого рыжего викария, который во время своих библейских уроков любил покричать на учеников. Имена и названия героев древнееврейских историй не только путались у нас в головах, но, к его досаде, принимались враждовать, создавая сущую неразбериху. Когда мы перешли в пятый класс, он исчез. Поговаривали, будто сам папа вызвал старика в Ватикан для работы в комиссии по канонизации новых святых. У нас на священника всегда смотрели с уважением, страхом и лёгкой насмешкой, особенно если не выпивает. В Ирландии преподобный, не важно – католический или протестант, всегда немного волшебник, маг. Он выходец из бедняков, потомок фермеров, кузнецов, полностью разделяющий все суеверия и слабости своих сородичей. Его учили в семинарии, отправляли на стажировку в Италию или Испанию, но дух наших деревень непреклонен и привязчив. Викарий чаще всего в оппозиции к правительству, косо поглядывает на англичан, то есть стоит за простой люд. Но сами прихожане требуют от него не столько совета, душеспасительной беседы, а целительства, настоящего волшебства. Итальянский падре Пио⁵⁷ потому и полюбился ирландцам, что прослыл живым чудотворцем. На Острове подобных почти не осталось.

После сурового старика-библеиста в Фенит приехал преподобный Кевин Мак Леод. Одна из шуток Бога: это был шотландец родом из Высокогорья, отправленный на ирландское побережье. Всё равно как если бы в яблоневиный сад нарочно высадили грушу. Отец Кевин казался не рыжим, а таким... словно рыжеватым. Очень высокий, порывистый, он быстро ходил, размахивая руками. Его подвижность казалась особенно забавной во время проповеди, когда длинные рукава сутаны приобретали схожесть с крыльями ангелов, что изображены на витражах церковных окон. Так энергично ему удавалось жестикулировать. При этом мессу он служил размеренно, тщательно и громко пропевал все латинские слова. Мне нравился его английский с шипящими шотландскими звуками.

Были у преподобного любопытные идеи, с которыми он носился не один год подряд. Одна касалась какой-то практики посвящения женщин-диаконов, а другая была связана с историей заселения в V веке Шотландии ирландскими племенами. Ему казалось правильным считать этих древних кельтов не разбойниками, а потомками апостольской общины из Святой земли. Не знаю, насколько это правдоподобно, но патер уверенно продвигал свои смелые мысли в церкви и в школьных классах. Особенной популярностью его монологи пользовались в пабе «Синий краб», где собирались наши рыбаки, каменщики, работники с пирса, крепкий, но падкий до виски и пива народ.

– Чего это ваш падре решил нагрязнить в питейные дома с проповедью? – удивился Остроглазов. – Мало бедолаге было кафедры?

– Дело в другом, – Брига продолжала. – Среди завсегдаев, просяживающих в пабе целыми днями, отец Кевин искал подходящего для своей затеи старика.

– Такого местного мудреца? – предположил Иван.

– Именно. В тёплой клетчатой кепке, с трубкой, говорящего по-гэльски.

– И к чему такие сложные запросы возникли у вашего преподобного?

– Обстоятельства необычны, – монахиня настроилась на неспешный рассказ, – отец Кевин однажды вычитал в старинном журнале, по-моему, «Кельтское возрождение», про чудотворный источник, находящийся как раз в наших краях. Лет 900 назад монахи из Ардферта поставили часовню, вырыли пруд, вкопали древний каменный крест и посадили пять маленьких дубов. В годы эпидемий туда тянулся местный народ, приходили паломники даже из Корка. Молились, пили воду, ныряли в источник. В приходскую книгу Фенита было записано множество случаев исцеления и прочих чудес.

– Так пруд, наверное, норманны засыпали, а крест Кромвель разломал? – вмешался в разговор Келсмен.

– Исключено! – монахиня решительно переместила чётки с левого запястья на правое. – Норманны сюда только заглянули, а войска этого ужасного англичанина, слава Богу, не прорвались. Им хватило бесчинств в Трали. Но я продолжу, если вам всё ещё интересна эта история.

– Говори, сестра, мы в твоём полном распоряжении, и ехать ещё прилично, – ответил за всех Кайрин.

– Так вот, досконально изучив архивы и записи церковных книг, какие только смог найти, викарий к большому разочарованию не нашел даже полунамёка на местонахождение источника. Долго бы ему

пришлось вести своё расследование, но в дело вмешались не иначе как местные святые. На одной из весёлых пятничных попок в «Синем крабе» к викарию буквально под руки подвели седого ветхого деда. Сутулый, в мешковатом сером пиджаке, выцветших штанах, с самодельной трубкой и в той самой тёплой клетчатой кепке на затылке, Бушеми, так звали старика, опирался на толстую палку и подслеповато шурился на священника.

– Я знаю, преподобный, куда тебе нужно идти, – сказал он, – но хотел отсоветовать такую затею.

– Отчего же, отец, мне не найти святыню, позабытую людьми? – удивился Кевин.

– Кто кого позабыл – вопрос ещё, – заворчал старик. – Просто знай, что путь твой может стать безвозвратным.

Викарий легкомысленно воскликнул:

– Прекрасный и безвозвратный путь! Что может быть лучше?

Бушеми легонько ткнул священника своей палкой, надвинул кепку на глаза и довольно сердито прошептал:

– Глупый шотландец! Я говорю тебе: безвозвратный путь. Понимаешь?

Уйдёшь, сгинешь, и ангелы тебя не дозовутся.

– Ого! Ирландская мистика во всей красе и дремучести. Виски на торфе, – пробовал отшутиться священник, хотя ком тревоги подступал к горлу. – И тем не менее, откуда нужно выступать?

Старик вздохнул, ещё раз внимательно оглядел Кевина и, указав трубкой в сторону уходящей на север просёлочной дороги, ответил:

– Две мили идёшь прямо, потом за поваленным дубом круто вверх, на холм, затем вниз, держись левее и по кромке леса до второго поворота направо. Первый нужно пропустить. Через час, если какие-нибудь Ши⁵⁸

не уволочут тебя в нору, подойдёшь к озерцу. Медленно, по часовой стрелке станешь его осторожно обходить. Где-то на берегу в траве стоит небольшой столбик. Если прошуршать заросли, то наверняка быстро его найдёшь. На нём указание в виде вырезанной стрелки. Это и будет твоим направлением. Отмеришь двести шагов и окажешься около источника подле часовни. Там стоит каменный крест. Невысокий, но, как положено, с кругом на перекрестии. Часовня настолько маленькая, что придётся встать на колени, и тогда протиснешься вовнутрь. Не обращай внимания на бедность. Благодати там будет в избытке.

Бушеми закончил. Его глаза смотрели вдаль, сквозь собеседника, и если представить, как светится память человека, то казалось, будто цвет старческого лица обновился этим робким сиянием. Руки ирландец положил на стол, большие узловатые пальцы сжимали деревянную тарелку с хлебом.

– А благодать, о которой ты говоришь, – решил уточнить викарий, – она чувственная, зримая или тонкая, духовного свойства?

Старик словно очнулся:

– Понятия не имею. Знаю – есть, и её вдоволь. Накроет вас, с головой нырнете в неё так, что домой ходу не будет. Ноги не сдвинете.

Некоторое время священник молча сидел напротив Бушеми, но так как тот, потеряв интерес к происходящему, потягивал принесённое пиво и продолжать историю не собирался, викарий поднялся и отправился в храм. Это произошло во вторник.

Через день отец Кевин пропал. Его ждали крестить младенца в пятницу. Он не появился на приходе, и в окна церковного дома напрасно стучались собравшиеся родственники новорожденного. По строгому местному обычаю в субботу народ пришел на раннюю мессу, но викарий не выходил. Подождали, надеясь на молитву и причастие за поздней мессой. Результат остался прежним. Священника никто нигде не видел. Решили не поднимать паники и пока не сообщать о случае архиепископу в Трали, а просто подождать. В воскресный день без мессы никак невозможно. Глядишь, Господь и отыщет своего слугу.

Отчасти их надежды оправдались. Рано утром церковный колокол разбудил всю деревню. Били в него, впрочем, не как обычно, монотонно, а призывно, громко, в самый настоящий тревожный набат. Селяне выглядывали из окон, те, кто моложе и проворнее, выбегали на улицы, но поскольку ни дыма, ни пламени, предупреждавших о пожаре, не наблюдалось, все рассерженно собрались около храма.

Когда колокол умолк, на паперть вышел человек. Несчастный был рыжеват, высок, в священнической сутане, рваной накидке, босой и с четками розария на вытянутой шее.

– Любезный, – обратился к нему кузнец Джеймс, который при всей своей свирепой внешности отличался набожностью и деликатностью, – ты очень напоминаешь мне нашего недавно пропавшего викария. Если он – это ты, то признайся и доложи, где пропал целых четыре дня? В противном случае ждём ответ о произведённом колокольном трезвоне.

Викарий, а это был именно он, поднял на собравшихся измождённое расцарапанное лицо и ответил:

– Дорогие мои дети. Я именно пропал и чуть было не сгинул во все, но ничего рассказать не могу, ибо дал обещание хранить молчание до конца своих дней.

– Как будет угодно, твоё преподобие, – ответил за всех кузнец, – молчи, сколько влезет, только сегодня изволь справить святую мессу.

Отец Кевин с трудом вошёл в храм, долго облачался, зажигал свечи, доставал книги. Селяне видели, с каким трудом даются ему все передвижения, слышали надрывное дыхание и с участливым интересом наблюдали за тем, как в это утро он служит. Обычной проповеди они так и не дождались. Викарий невнятно прочитал евангельский отрывок, помолчал и как-то отрешённо, не в тему сюжета, произнёс: «И вы делайте так же». Никто не решился ничего уточнить. Причастились и разошлись.

Брига замолкла. В автомобиле воцарилась тишина. То есть сама машина продолжала рычать двигателем, поскрипывать на поворотах и дребезжать на каждой пойманной кочке. Но в ближайшие пять минут её пассажиры не проронили ни слова.

– Так что там случилось в твоём Фените? – первым не выдержал Острый.

– Сложно сказать, – монахиня задумчиво смотрела в окно, – знаю только, что когда через месяц священник пришёл в себя, то по памяти сделал карандашный набросок увиденного в часовне. Изображение напоминало ковчег для мощей. Собирался даже с прихожанами туда вернуться. Но обратной дороги найти не смог. Такая вот история.

– Чудеса! – хмыкнул Остроглазов, – за прошедшие дни я наслушался про них больше, чем за все предыдущие сознательные года. Как погляжу, твои ирландские священники – ребята неробкого десятка и в сверхъестественных затеях разгонялись до космических скоростей.

– Совершенно не обязательно куда-либо разгоняться, – сказала монахиня. – Среди нашего духовенства действительно бывали яркие личности. У одного викария открывался дар врачевания, и к нему со всей округи собирались десятки больных. Другой умел утешать и сочувствовать. Редкая, кстати, добродетель. Третий – иезуитский мо-

нах – обладал силой экзорцизма, и бесы тряслись, стоило ему только собраться к одержимому. А четвёртого Бог наделил таким талантом проповедника, что сотни тысяч ирландцев за несколько лет дали зарок трезвости и вчистую перестали пить не только виски, но даже пиво.

– Религия заразна, – беззлобно произнёс Иван, – подобна простуде. Если долго сидеть под форточкой, то непременно тебя продует. Когда много читаешь о чудесах и чудесниках, незаметно теряешь трезвый взгляд на вещи без всякого стакана. Кто поверит тому, что обычный ирландец вечером пятницы откажет себе в двойной порции «Джеймсона» или пинте «Гиннесса»? Какое развлечение придётся ему искать на крещении или свадьбе? О похоронах я даже не берусь думать. А цифры? Сестра, где найти столько трезвомыслящих ирландцев?

– Жил в середине прошлого века такой священник Теобальд Мэтью, – невозмутимо произнесла Брига. – На острове его звали исключительно отец Мэтью. Когда кто-то произносил имя викария, не было необходимости объяснять, о ком идёт речь. Преподобный был отцом для всех ирландцев.

– О! Я знаю, о ком ты, – оживился Келсмен, – моя бабка рассказывала про Мэтью. Она была ребёнком, когда священник приезжал в Келлс. По её словам, весь город выходил встречать этого человека. Особенно счастливы были замужние женщины и старики.

– Судя по специализации в чудесах, ваш падре превращал вино в воду? – не унимался Иван.

– Теобальд Мэтью, да будет тебе известно, – в голосе Бриги зазвучали строгие нотки, – непрославленный святой. Он не просто исцелял людей от алкоголизма, но, ставя мозги на место, переворачивал

их души. С 1838 по 1843 год около пяти миллионов мужчин и женщин Ирландии принесли обет трезвости. После его визитов в городах и рыбацких посёлках открывались общества трезвости. Там не только пили чай и болтали о погоде, но создавали фонды взаимопомощи, читальные залы, оркестры.

За пять лет священник совершил более 350 миссионерских поездок по стране.

– Говорят, – вмешался Сергей Наркисович, – что ирландец, покуда позволяет себе оставаться трезвым, очень напоминает англичанина. Но стоит ему как следует выпить, так весь ирландский дух неудержимо рвётся наружу... Полная ерунда! Спуститесь вечером пятницы в лондонское метро, и вы увидите, кто есть кто. В голову не придёт, что вся подземка оккупирована ирландцами. Гуляют именно англосаксы.

– Разный народ гуляет в пятницу вечером, – примирительно сказала монахиня. – Но отец Мэтью ещё до начала трезвеннической миссии служил в Корке, и его называли другом бедняков. Он открыл школу для детей из неимущих семей, собирал деньги на строительство нового собора. После холеры 1832 года, когда негде стало хоронить католиков, купил для этого землю. В городе преподобного уважали все, независимо от вероисповедания. Его обвиняли в дружбе с протестантами. Но часто сравнивали с Патриком. Накануне Голода его движение насчитывало около трех миллионов человек. Половина взрослого населения Ирландии. Во время путешествий по стране среди ирландских бедняков он распространял английские переводы Библии. Отец Мэтью хотел видеть свой народ просвещенным и здоровым.

– Много хороших людей промахнулись с профессией, – заключил Остроглазов, – но твоему падре промашка пошла на пользу...

В Драмклифф, к подножию Бен-Балбена, где похоронен Йейтс, стоял захватить Кайрин. Обычно равнодушно относившийся к визитам на могилы великих людей, в их мемориальные дома и всяческие литературные музеи, здесь перед соблазном Сергей Наркисович не удержался. Ему хотелось подойти к памятнику на кладбище и самому прочитать меланхоличную эпитафию кельтского поэта: «Всадник, кинь холодный взгляд на жизнь и смерть. И скачи дальше».

До Клонферта оставалось ещё часа три, и компания, не доезжая до Слайго, решила полюбоваться скалами Слив-Лиг, погулять вблизи легендарной столовой возвышенности и добраться до атлантического залива около замка Муллахмор. Остроглазов, внимательно изучавший карту, обнаружил на маршруте мегалитическую гробницу, о чём сообщил Бриге. Монахиня пришла в восторг. Её не особенно интересовало место погребения почившего ирландского классика, но проехать мимо

настоящих древностей сестре казалось непростительной оплошностью.

– Серж, – строгим тоном произнесла Брига, – мы просто обязаны посмотреть на эти мегалиты. В наших краях принято с почтением относиться к наследию настоящих хозяев острова.

– А разве не кельты до англичан тут всем заправляли? – Иван обратился к Келсмену. – Героический народ здесь кого-то успел как следует подвинуть?

– Ничего подобного! – Шон решительно входил в очередной крутой поворот, было слышно, как ветки придорожных кустов легко царапают крыло автомобиля. – Когда кельты высадились на Эйре, допотопных людей уже и в помине не было. Все сгнули. Фоморы пришли сражаться с потомками богини Дану, а совсем древних обитателей, которые Ньюгрейндж и Наут построили, никто не помнил.

– Сестра, – вмешался Кайрин, – разве тебе по чину интересоваться всякими древними людьми? Вдруг мы наткнёмся в этих развалинах на капище или жертвенник их угрюмого бога?

– Точно-точно, – подхватил Острый, – уцепится из-под плиты за ногу такой монстр, утащит в свои языческие катакомбы, не успеешь даже пикнуть.

– Глупости! – монахиня сердито фыркнула. – Ветхие люди, а значит, и их духи, были куда приличней нынешних горлохватов и выскочек. Они знали закон равновесия всего сущего, и хотя Автор закона не спешил им себя открывать, всем хотелось жить в гармонии с миром.

– Поэтому, – энергично подхватил Иван, – они ели только врагов из соседнего племени, не поднимая дубины на собственных родственников. Закон джунглей, кодекс саванны. Как будет угодно.

– Прибыли, – Келсмен притормозил перед указателем на стоянку, приоткрыл дверь автомобиля, вдохнул новые запахи и прочел вслух:

– Кривикил⁵⁹. Три тысячи лет до нашей эры. Язык о название сламаешь. Ничего себе могилка! Если древность пахнет мёдом и скошенной травой, кто придумал называть её седой древностью?

Друзья вышли из автомобиля. Узкой тропой продрались через густые заросли боярышника, поднялись на небольшую площадку, где на расчищенном участке их встретила обвешенная бесчисленным количеством разноцветных тряпочек старая кряжистая ольха. Далее тропинка вела к вертикально стоящим камням и овальному дворику, за которым и начиналась сама погребальная галерея.

– Добро пожаловать, любители религиозных порталов, – Кайрин легко спустился к огромному каменному ожерелью, – здесь, насколько я помню, в 35-м году нашли всякую неолитическую керамику, оружие

и четыре камеры для кремации покойников. От эпохи раннего христианства осталась плавильная печь. Местные фермеры называют это место могилей великанов.

– Правильно делают, – Остроглазов помог монахине перебраться через сложенную из больших булыжников метровую стену. – Сестра, разберись, кто тут был главным по древним ритуалам.

Брига не спеша обошла внутренний дворик монумента, задержалась перед вертикально стоящими камнями. Массивная плита, покоявшаяся на их вершинах, предавала композиции вид небольших ворот.

– Судя по всему, – сестра внимательно посмотрела сквозь конструкцию на дальнюю оконечность всего сооружения, – мы оказались на месте древнего храма. Здесь хоронили людей, наблюдали за солнцем, звёздами и пели печальные песнопения.

– Ясное дело, что не веселились, – пробурчал Иван, – что ещё делать с покойниками, как не предавать земле? Одного не пойму: зачем из камней нужно городить такой помпезный мемориал? Закопали чинно бедолагу и грустно попели. Это же уйму народу надо было собрать, стащить со всей округи булыжники, спать под открытым небом и есть всякий подножный корм.

– Местные или пришлые охотники, – Кайрин с противоположной стороны обошёл менгир и присоединился к монахине, – здесь совершали кремации, и не знаю как насчёт гимнов, но за звёздами наблюдали.

– Серж, ты абсолютно прав, – Келсмен, поднявшийся по метровой каменной стене на развалины последним, решительно двинулся к её дальней оконечности. – Наши предки, – в его голосе звучали нотки восторга, – почитали небесные светила и души своих родителей, которые после огненного ритуала отправлялись к высшим сферам, а теперь все почтенные кельты знают о магическом портале Кривикил. Последнее слово довольный ирландец почти пропел густым басом. – Кстати, недалеко от моего новозеландского дома, около озера Те-Анау, есть поразительно похожее место. Гора Титироа. На ее вершине приблизительно таким же способом сложены огромные камни. Не думаю, что на схожие постройки способны маори. Но давным-давно кто-то воздвиг и этот менгир. Представьте себе, где Южный остров Новой Зеландии, а где Стоунхендж или этот Кривикил. Поразительное дело.

Тем временем Брига и Кайрин продолжали исследовать мегалит. Монахиня что-то записывала в свой дорожный блокнот, а журналист, приберегая остатки фотоплёнки для более важного случая, сделал пару снимков. Остроглазов решительно развернулся и пошёл в сторону густых ежевичных зарослей.

– Глупости туда ваши отправлялись, а не души, – бормотал Иван, – по мне, религиозная археология – дело идеалистов или проходимцев. Кто только чего не придумает, глядя на каменную стену. Дело фантазии и вкуса одного отдельно пойманного археолога. Пора подкрепиться ягодами.

Этого уже никто не расслышал. Келсмен, сняв правый ботинок, сидел на пятитысячелетнем монументе. Его большая белая нога красной стопой покоилась на грубо отшлифованном камне. Вытряхивая песок из обуви, он тщательно стучал башмаком по поверхности монолита.

– У нас, в Новой Зеландии, – обратился он к подошедшему Кайрину, – тоже ищут всякие древности. Но поживиться особенно нечем. Маори сотни столетий здорово танцевали, а письменной культуры создать не успели. Или не смогли. Совсем древних неолитических стоянок пока не находили. До XIII века люди вообще туда не добирались. Впрочем, иногда мне кажется вполне реальной такая история: плывёт святой Брендан, ищет свои Острова блаженств, семь лет бороздит океаны, и почему ему однажды не оказаться у новозеландских берегов? Представь, Серж, за такой срок путешествий по миру, глядишь, и снесёт далеко к южному полюсу. Выходит преподобный на песчаный пляж, а там только огромные сонные котики. И птицы райские. Народу никого. Разве только такие же святые, но уже перешедшие рубикон земной жизни. Приветствуют, дары подносят и отправляют восвояси. Мол, возвращайся в Ирландию, расскажи всем про наши острова, а насовсем пожалуешь сразу после своей кончины. Как такая идея?

– Знаешь, Шон, – Сергей Наркисович еле сдерживал улыбку, – ты очень последовательный энтузиаст одной благородной, но не вполне бесспорной идеи. Кельты много важного сделали, открыли и придумали. Но не все находки принадлежат им. Нужно уметь делиться.

– Да пожалуйста! – ирландец уже шнуровал ботинок. – Я готов. Пусть русские открывают Антарктиду, испанцы находят Собачьи острова, а британцы слонов на всех континентах. Но посуди сам: за последние полтора столетия ирландцы много чего успели изобрести. К примеру, перегонный куб. Что не удивительно. Шприц с инъекционной иглой, стетоскоп, управляемую торпеду, резиновую подошву, паровую турбину, машинку для татуировок, кресло для катапультирования, переносной дефибриллятор. И наконец пять лет назад Джоселин Белл Бернелл из Ольстера открыла радиосигналы пульсаров. За такое надо вообще давать Нобелевскую премию.

Впрочем, делиться – так делиться. И если сейчас не присоединимся к Ивану, то останемся без ягод. Наш друг о правилах честного распределения добычи мог вообще ничего не слышать.

Остановка в Кривикиле оказалась недолгой. Сестра Брига ещё раз обошла захоронение, осторожно пролезла под крышей-плитой менгира, сунула в сумку два подобранных камешка и даже попросила Кайрина сфотографировать её на фоне руин. Келсмен успел помочь Ивану со сбором ежевики, а Сергей Наркисович, удовлетворённо осмотрев место древней стоянки, дал сигнал к отправлению. Спустя пятнадцать минут автомобиль друзей остановился на высоком берегу западной оконечности полуострова Муллахмор. Впереди в солнечных переливах наступал океан. Из-за дальних гор высокие белые облака наплывали на побережье. Вниз, к воде, через скалистые проходы сбегали три тропинки. Путешественники покинули авто, вышли и разбрелись по берегу.

Глава 15 В окрестностях Слайго

– Скорее! Спускайтесь сюда ко мне! – размахивая руками, взволнованный Остроглазов кричал друзьям из открывшейся береговой расщелины. – Это они, совершенно точно, здесь был контакт с пришельцами!

– Острый, держись, мы идём! – Кайрин протянул ладонь монахине. Келсмен уже опасно переступал по кочкам еле приметной тропинки, спускавшейся к воде. Океанские брызги доносили наверх солоноватый привкус дыхания прибоя, пропитанного йодом морских водорослей. Зелёные тяжёлые волны казались маслянистыми, и только врезаясь в монолитные плиты берега, они пенились, покорно сдавая назад.

Иван встретил друзей в нетерпении. Схватил Кайрина за рукав и решительно потащил вдоль наклонного, изрезанного множеством крошечных бухт каменного плато. Келсмен с Бригой осторожно пошли за ними. Случись в тот день штормовая погода, когда мощная волна разбивается о высокий берег западного Донегола, никому не посчастливилось бы увидеть находку Остроглазова.

– Вот, взгляните, это первый след, – Острый гордо застыл, указывая на совершенно ровный круг, около семидесяти сантиметров в диаметре, который неизвестно кто и каким образом впечатал в отшлифованную прибоем плиту. Пока остальные рассматривали отпечаток, Иван отбежал вправо шагов на пятнадцать, остановился, присел на корточки и крикнул:

– Здесь второй, а третий у самой воды. Сейчас покажу! Смело протиснувшись между двумя вертикально стоящими плитами, он победо-

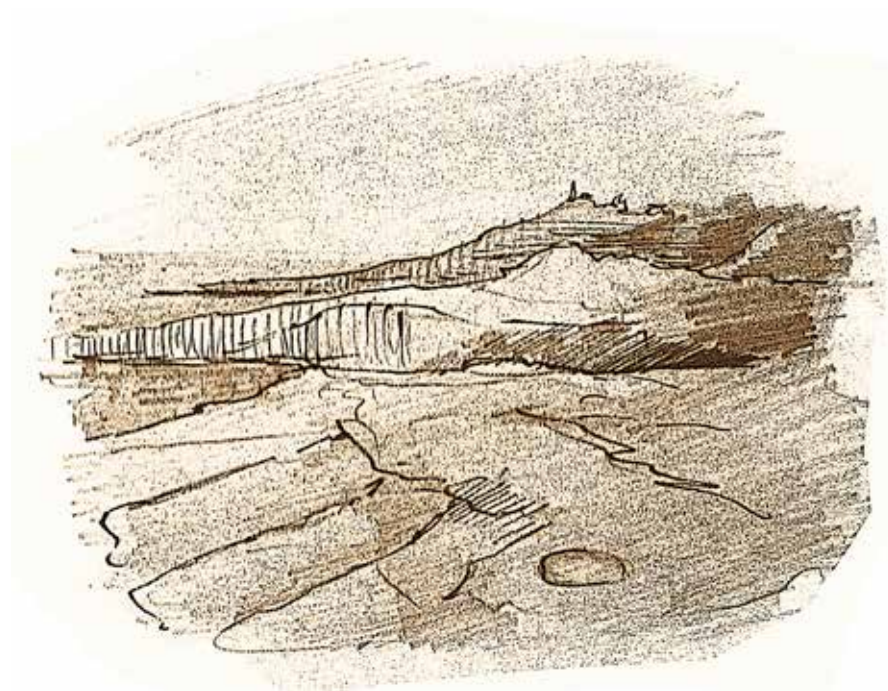
носно указал подошедшему Келсмену на точно такой же ровный круглый след.

– Однако, – ирландец склонился над находкой, – чудеса в нашей стране растут не только как молодой дрок, но словно круги на камнях. Как тебе только удаётся притягивать к себе всю эту научную аномалию?

– Ничего я не притягиваю, – Иван был доволен произведённым эффектом, – космос сам меня по всей планете разыскивает. Я в планах Вселенной имею своё место.

– Да уж, непременно, именно так, – сестра Брига рассматривала третий след, – ты в планах, а мы тебя смиренно сопровождаем. Серж, – монахиня позвала стоявшего в замешательстве около второй окружности Кайрина, – погляди на небесную тайнопись нашего друга. Что ни камень, то привет из далёкой галактики.

– Зря ты, сестра, смеёшься, – хмыкнул Острый, – ничего не бывает вдруг и случайно. Даже в твоей религии всё имеет какой-то смысл, порядок и последовательность. Я уверен: если поискать, то здесь найдётся и четвёртый круг – след опоры межзвёздного корабля. За тысячи лет после последнего контакта с местными жителями многое исчезло, скрылось под водой, но эти отпечатки в полной сохранности. Так ведь, Серж?

Кайрин молча разглядывал третий отпечаток.

– Присмотритесь, друзья, – вдохновенно продолжил Остроглазов, – обитатели той каменной деревни-гробницы, где мы собирали ежевику и сестра вызывала духов умерших, семь тысяч лет назад вполне могли видеть приземление, а точнее, приводнение космического корабля. Оттуда великолепный обзор побережья. А отсюда в ясную, как сейчас, погоду прекрасно различим Бен-Балбен. – Скорее всего, столовая гора – дело рук пришельцев. Она видна с орбиты Земли. Для посадки идеальный ориентир. Если правы археологи, то захоронение Кривикил – современник пирамиды Хеопса, а значит, и эту донегольскую гору местные жители могли насыпать под присмотром космических гостей.

– Скажешь тоже, рукотворная гора, – монахиня недоверчиво оглядывала каменное плато, – что тут особо удивительного? Бог, создавший условия для кристаллизации снежинок с таким многообразием узоров, вполне мог начертить куда более простые круги. К примеру, здесь.

– Ну конечно же, – Иван не сдавался, – только зачем Богу круги на побережье? Ты сама мне много раз говорила про гармонию и продуманность деталей мироздания. А тут, пожалуйста, рисунки на камнях. Во всём должен быть смысл. Даже в случайностях и совпадениях. Так ведь, вождь?

Последний вопрос был обращён к подошедшему Кайрину. Сделав несколько снимков, сняв размеры странных следов, Сергей Наркисович только пожал плечами. Идея Остроглазова о космических пришельцах, впрочем, как и рассуждения Бриги по поводу снежинок и любви Творца к чертёжным занятиям, его особенно не вдохновляли.

– Мне сложно определить, с чем мы имеем дело, – он подбирал слова, – теорий может быть несколько, но я бы не спешил с выводами и искал нечто схожее поблизости.

– Школьнику и то понятно, – пробасил Келсмен, – никакие корабли отроду сюда не приземлялись. На этом месте росли деревья. Миллионы лет назад их смыло в океан, а отпечатки стволов сохранились. Обычное ирландское дело. Ты, Иван, загляни при случае в северный Ольстер. Там есть местечко – Дорога великанов, так она вся из похожих каменных пеньков-отпечатков выложена. Там дорога, здесь могила. Каждый ирландец знает, что лесов до британцев было в двадцать раз больше, чем сейчас. Дубы, берёзы, сосны, ивы, ясени, остролисты, па-дубы, ореховые деревья, распустившиеся в эпосах, легли под топор и сгорели в кострах оккупантов. Поэтому исчезли медведи и волки, бродившие в древних чащах.

– Знаю, Шон, – Острый досадливо отмахнулся, – скажи ещё, что веришь в мост между Шотландией и Ольстером, который твои великаны построили. Ерунда полная. Я о другом. Самое простое, как в лезвии Оккамы искать очевидное: если мы, земляне, смогли прорваться в космос, то и гости оттуда запросто к нам наведывались. Конкретно сюда. В Ирландию. Кстати, в Южной Америке на границе между Венесуэлой и Бразилией есть похожее, только ещё более гигантское плато. Местные жители называют его Рорайма⁶⁰. Я всё мечтаю туда добратся. Они и там преспокойно высаживались. Индейцы майя все эти визиты детально зарисовали. Пойми! – Остроглазов всё более расходился. – Космос – это самое важное дело человечества, его драгоценная мечта. Скоро всё будет соотноситься и измеряться с космосом. Советский, американский – без разницы, но только он станет главным делом нашего поколения. В нём мы увидим не очередную военную победу, а торжество здравого смысла. Космос – последняя надежда обитателей Земли. Есть ещё, конечно, бездны мирового океана, но там, кроме монстров, нам никого не повстречать.

– Иван, я повторяю, но ты парадоксальным образом притягиваешь к себе всё противоречивое и спорное, – серьёзно произнёс Кайрин.

– Что попало в его орбиту на этот раз? – заинтересовалась Брига.

– Видишь ли, – не меняя тона, ответил Сергей Наркисович, – Острый призвал в помощники Оккама, который учился у великого шотландского монаха Иоанна Дунстана Скотта. Кельтская интуиция просто разлита по миру. Келсмен, я прав?

– Абсолютно, – ирландец кивнул.

– Только вот что, – Кайрин повернулся к Ивану, – зачем пришельцам приземляться именно сюда?

– Да, с какой целью? – присоединилась монахиня. – Не красотой же любоваться?

– Сестра, Серж, – запальчиво ответил Остроглазов – неужели не видно, что здесь идеальное место для приземления? Бен-Балбен – сооружение изумительной формы. Его видно из космоса. Я же говорил. Посмотрите.

Иван указал на гору. С берега океана, представшая в ярком солнце и нежной дымке сентябрьского полдня, словно на треть усечённая пирамида, она действительно могла сойти за искусственную постройку. Её плоское навершие, казалось, было готово принять собрание ангелов или корабль межзвёздных скитальцев.

– Космос безграничен, – Иван мечтательно улыбался, – в его безднах запросто встретить существ, которые при полном отсутствии мозгов соображают не хуже нашего. Меня это в Австралии осенило. Пошли мы с приятелем прогуляться и поглазеть вечерком в саванну. Недалеко от его дома рос гигантский баобаб. Миновали заросли карри, чащу папоротников, колючки всякие и уже почти добрались до этого красавца, как вдруг Нил, так звали австралийца, дёргает за рукав: «Ух ты, термитник!» Я застыл как вкопанный. Представьте: в зарослях кенгуриной травы, словно вширь раздавшийся кипарис, поднимается трёхметровый дом белых муравьёв. О термитах я читал, но увидел это чудо впервые. С полчаса приятель не мог оторвать меня от этого колониального небоскрёба. Это фантастические существа! Муравьи на фоне их цивилизации смотрятся гораздо банальнее. У термитов, несмотря на отсутствие мозгов, своя история эволюции, правила и законы. Они грызут наши книги и дома. Для насекомых – это пища или строительный материал. Им дела нет до отряда разумных приматов. Кстати, факт нашей разумности мелким существам тоже не очевиден. А люди не в силах разобраться с принципами внутреннего устройства вселенной термитника. Так вот, думаю, что для чужаков из космоса обитатели Земли сродни термитам. Вообразите: тёплым звёздным вечером корабль пришельцев отправился поглазеть на австралийский баобаб и приземлился возле человеческого термитника города Мельбурн. Вышли яйцеголовые красавцы в скафандрах, посмотрели, ничего не поняли, заскучали и – обратно, в созвездие Гончих Псов.

– Просто невероятно, – монахиня едва сдерживала смех, – не могу представить разочарованных инопланетян на задворках Мельбурна. Быть такого не может. Суций Брэдбери. Тебе, Иван, что-нибудь пора сочинять.

– Знаешь, сестра, – весёлый тон Бриги только подзадорил Остроглазова, – кто, куда и когда прилетал, помнят одни камни. А Брэдбери мне

нравится. Не так, конечно, как Клиффорд Саймак, но кое-что из его историй впечатляет. Надеюсь, он не ирландец?

– Насколько мне известно, – ответила Брига, – писатель американец, но в Ирландии бывал. По его сценарию здесь снимали эпизоды для «Моби Дика», и наши привидения его очень вдохновили.

– Так ни один приличный писатель, – поспешил поддержать разговор О’Хини, – не устоит перед их чарами. Вам известно, друзья, к примеру, почему в царстве фейри всегда сумеречное небо, а свет не раздвигает ветви боярышника и омелы более чем на три шага?

– Потому что под землёй темно? – предположил Иван.

– А вот и нет, – Келсмен бросил снисходительный взгляд на Остро-го, – дело в том, что фейри, похищавшие младенцев, поили их моло-

ком, в которое подмешивали сонные травы, и несчастные спали весь день, а когда наступала ночь, их выпускали погулять. Так что им казалось, что сумерки и есть светлое время суток. Перевернутый мир. Они думали, что вся жизнь проходит исключительно в пещерах.

– Тебя, Шон, как истинного кельта, хлебом не корми, дай только рассказать невероятную историю, – сказала монахиня.

– Но это не просто история, а сущая правда, – Келсмен не сдавался, – только она про другое измерение. Речь идёт о совершенно ином мире. Любой донеголец знает его законы, а приличному писателю о чём, как не о таких вещах, рассказывать людям?

– А я почти уверен, – Остроглазов посерьёзней, – что все эти странные и путаные истории о разных фейри, сидах и прочей чудесной чепуховине сочиняли друиды. Прорицатели, шаманы и священники во всех странах в самые разные столетия использовали одни и те же приёмы задуривания своих сородичей. Им ничего не стоило придумать эльфов, гномов или банши ради банальной коммерции.

– Скажешь тоже! – рассмеялась монахиня, – как милые сказочные существа помогут денежным махинациям?

– Очень просто. Друиды быстро вселят в крестьян ужас перед кознями волшебниц, нагонят жути, и тут же предложат купить у них чудесные амулеты: обереги из лапки зайца, сушёную жабу или пучок травы. Скажут: «Этим зельем одолеете чары злых сил», и дело в шляпе. Любой дурачок, простодушный олух раскошелится в три счёта. А ещё в пору священный огонь продавать. Особенно накануне зимних холодов в мрачных глухих краях. Запалил у себя в очаге два полена и наторговал потом на телегу сухих дровишек. Главное, сочинить правильные слова для рекламы и торжественно обставить продажу неугасимого пламени.

– Друзья, всё это замечательно, – наконец вмешался Кайрин, – но нам пора двигаться. Осенью рано темнеет, а до Клонферта, если не задержимся в Драмклиффе или Слайго, три часа дороги. При случае попробуем узнать об этих отпечатках. Так что наверх, к автомобилю.

– Конечно, скажут тебе, что это и откуда взялось, – ворчал уже взбирающийся на высокий берег Иван, – такие тайны хранят, как военные секреты.

– Ещё скажи, что ты веришь в Санта-Клауса, – хмыкнул Келсмен.

– Нет, в Санту или Деда Мороза я уже не верю, – Остроглазов протягивал руку монахине, – сказочные существа хороши для детей. Они такие ободряющие, надёжные. Полярное сияние, Крайний Север, а у них мешок с подарками и оленья упряжка. Ребенку в них приятно верить. Когда повзрослеешь, то всё очарование улечувивается. Даже

самый убедительный Дед Мороз не может знать, как в следующем году поведёт себя мальчик, получивший подарок за прочитанный стишок. Его хлопотливые наставления и пожелания ровным счётом никакой роли не играют. У старика нет доступа ко всей стратегической информации обо всём человечестве. Сани – техника устаревшая и ненадёжная. Да и появляется он исключительно в определённое время года, по расписанию. Одним словом, посредник между мирами из него никакой. Сестра, поднимайся.

– Не огорчайся, Острый, – монахиня ухватила за руку Ивана, взобралась на каменный уступ, отряхнула подол платья, – если тебе суждено встретить нечто необычное, непременно встретишь. Или оно само тебя найдёт.

– Точно. Отыщет и, если не съест, – продолжил Келсмен за Бригой, – посадит в свой звездолёт и прокатит к самой Венере.

– До Альфы Центавра, – поправил его Иван, – или к созвездию Гончих Псов, на вашей Венере нет никакой жизни.

– Как скажешь, – примирительно заключил поднявшийся последним Кайрин, – заводи мотор, Келсмен. Едем.

От побережья к Драмклиффу вела крепкая и, по донегольским меркам, широкая дорога. В Ирландии таких немного. Чаше – это узкие, с неразличимой сквозь густой кустарник обочиной, равнинные серпантины. Проскочив нужный поворот, запросто можно оказаться в сети зелёных стен деревьев или каменных оград и после долго блуждать, перекатывая с одного неведомого маршрута на другой, ещё более необычный. Повезёт, если перед носом у путешественника не вынырнет трактор местного фермера, гружённый сеном. (Впрочем, для трудолюбивого владельца механической крестьянской телеги из неизвестности внезапно появляется скорее автомобиль, нервно сигналивший ему в спину.)

Пыльные пряди бережно нагруженного сена свисают с бортов дребезжащей телеги. Перспектива обгона фермерского каравана неопределима, и вы по-

корно следуете за ним, пока трактор так же неожиданно, как появился, не исчезнет, свернув в только ему одному известный прогон.

– Посмотрите, рыцарский замок, – Келсмен восхищённо указал на возвышающееся справа поместье, – как он живописно здесь смотрится. У нас, если на Северном острове такой же построить, тоже здорово будет выглядеть. Нужно только ещё возвести высокую башню, с конической крышей, и стены из коричневого песчаника. Красота!

– Замки, даже если не рыцарские, в любой пейзаж великолепно вписываются, – Брига равнодушно разглядывала величественную постройку. – Но это современный дом богатого лорда, родственника королевы Елизаветы. Чужака в наших краях. Здешние рыбаки и крестьяне не поймут твоих романтических восторгов.

– Ты, сестра, – Остроглазов тоже любовался крепостью, – начисто готова отказать своим соотечественникам в чувстве прекрасного? Может быть, местные самородки приходят к замку с этюдниками, пишут его на фоне вашей легендарной горы и выгодно продают картинки в базарный день.

– В базарный день здешние селяне продают картошку, рыбу, зелень и молоко, – монахиня не обращала внимания на иронию Ивана, – им не до картинок. Особенно с сомнительными постройками. Туристы здесь – гости редкие, так что и ценителей особенно не сыщешь.

– Так чем он тебе не угодил? – Острый не унимался. – Симпатичное здание. Всё лучше, чем уродливые бараки рабочих посёлков в России или современная галиматья Детройта. А если это, как ты говоришь, новодел, так ещё веселее. В новом замке должны обитать юные привидения. Такие черноволосые, с прозрачной кожей и благородной бледностью лиц.

– Нет там никаких призраков, не надейся, – Кайрин опустил стекло пассажирского окошка, глубоко вдохнул свежий воздух удаляющегося океана, – здесь сейчас проживает с семьёй сын принца Луи Баттенбергского, последний вице-король Индии лорд Филипп Маунбеттен. Ему посчастливилось стать и её первым генерал-губернатором. Бывают ведь такие ситуации в жизни: начинал править в империи, а закончил республиканской должностью. Замок возвели сто лет назад. Много кто его наследовал, но теперь там беспечно отдыхает английский лорд, скрываясь от палящего индийского зноя в ирландских сумерках.

– Почему беспечно? – Брига внимательно посмотрела на Кайрина, – чего Маунбеттену здесь бояться?

– Может быть, и нечего, – Сергей Наркисович прищурился на далекую гору, – но только после Кровавого воскресенья в Дерри никто

из английских высших чинов не может ощущать себя в безопасности. Хотя лорд, как говорят, человек большой отваги.

– Откуда, Серж, ты всё это знаешь? – уточнил Остроглазов. – Надо столько книжек осилить и не запутаться.

– Вопрос в другом: зачем мне всё это помнить? Для какого случая хранить и когда воспользоваться? – словно пытаюсь открытой ладонью поймать высокие скользкие к плоской вершине Бен-Балбена облака, Кайрин выставил из окошка руку.

Гора росла. По мере приближения четвёрки путешественников, она всё менее напоминала огромный стол и более походила на нижнюю челюсть гиганта. Острый даже предположил, что хозяин побережья отправился искупаться в океан, а съёмный протез оставил немного обсушиться под бережливым солнышком Коннахта.

– Так давайте поторопимся, – заключил Иван, – пока громила плещется в районе Аранских островов.

– С чего ты решил, что он там, а не в Ирландии? – рассмеялась Брига.

– Великаны боятся вулканов и не любят холода, – уверенно ответил Острый.

Спустя час путешественники въехали в Драмклифф. Автомобиль решили оставить недалеко от собора. Кайрин с Шоном отправились на поиски могилы Йейтса, Остроглазов решил прогуляться к подножию горы, а монахиня, ещё издали приметив высокий кельтский крест, сразу пошла к нему.

Каменное распятие сестру Бригу не впечатлило. Крест стоял на кладбище и, несмотря на внушительные размеры, казался не более чем могильным монументом, памятником не особенно интересным.

«Любопытно, – подумала Брига, – а ведь Джон Йейтс, прадед Уильяма Йейтса, был приходским священником именно здесь, в церкви Драмклиффа. Ирландия – маленькая страна, но где только не прижились её побеги».

Вообще она предпочитала краткие паломничества к величественным распятиям запрятанного среди зелёных холмов в долине Бойна уютного Монастербойса. Особенно любила крест Муирдаха. Он восхищал её высотой, мощью распахнутого перекрестия с кругом, обилием библейских фигур, вырезанных на лопастях и плоских сторонах, и ещё тем, что древние резчики облачили Христа в одежды ирландского вождя, а у римских солдат на каменной Голгофе были бороды скандинавских викингов. Также сестру поражало кельтское распятие аббатства Колумба в Келлсе. На нём не было детально вырезанных евангельских сюжетов, как на ажурном распятии Моона⁶¹ или грубоватых, но внушительных изображений святых, чем славился епископский крест в Килфеноре. Монумент Келлса завораживал монахиню своей удивительной силой. Огромное, словно вырастающее из-под земли, распятие сохранило, как ей представлялось, все черты трагичности христианской истории Ирландии. Оно было рассечено вполювину. То есть основание креста надёжно уходило вглубь, под плиты, лежащие на земле, а ровно посередине его словно гигантским мечом разрубили надвое. Вершина исчезла, нижней части осталось чуть более половины. При каждом визите в Келлс Брига подолгу могла стоять перед разрушенным памятником. Её воображение дорисовывало древний монумент. Монахиня представляла, как тысячу лет назад неграмотные крестьяне, пастухи приходили с жёнами и детьми к его подножию. Смирненно рассаживались на траве, а сурового вида худощавый священник рассказывал им о Христе, посвящал в тайны Искупительной жертвы и расписывал ужасы Чистилища. Ему приходилось излагать строгие церковные правила, которые по логике, неведомой никому, проистекали из последних событий земной жизни Спасителя. Бриге всегда с трудом удавалось

связать страдания Иисуса на Голгофе с канонами, предписывающими различные запреты. Особенно касающиеся пищи.

Другой любимый крест монахини возвышался в местечке Кастледермонт, на юго-востоке Ирландии. Викинги, конечно, и в тех краях жестоко бесчинствовали, но этот памятник IX столетия чудесным образом уцелел. Бриге нравились объёмные фигуры сцен из священной истории и глубокий орнамент на массивном постаменте. Больше всего она приходила в восторг от верхней части распятия, где в центре средневековый резчик поместил не Христа, но прародителей, Адама и Еву, обступивших Древо познания добра и зла. Слева от них восседал с арфой в руках царь Давид, а справа монахиня различила Авраама, приносящего в жертву Исаака. Жителей в Кастледермонте проживало мало, туристы сюда практически не добирались, так что оставалось время, прогуливаясь по дворику церкви святого Джеймса, где последние одиннадцать веков крест и возвышался, не спеша поразмышлять над хитросплетениями религиозных идей. Сестре нравилось, когда мифы и древние предания при всех невероятных различиях во внешних деталях и способах изложения вдруг начинали совпадать

в главном: вере, касающейся другого идеального бытия. Духовный, вечно обращённый к человеку, мир Отца говорил со своим творением, предостерегал от гибели, а потом отправил Сына для окончательного разрушения проклятий смерти. В Христе, решила ещё до монашеского пострига Брига, сбылись все легенды, завершились ожидания, так что имеет смысл всё это основательно понять, испробовать на себе самой.

Недолго побродив между могил, она решила отправиться в приходскую церковь, шпиль которой взлетал над кронами огромных зелёных дубов у подножия Бен-Балбена. Сестра Брига знала, что именно туда устремились Кайрин с Келсменом, в своём, как ей казалось странном, желании поклониться праху поэта, которому давно уже не до лю-

бителей изящной словесности. По дороге она зашла в яблоневый сад. Обычно селяне очень аккуратно затворяют все калитки, тщательно следят за каменными изгородями и деревянными заборами, разрезающими их владения, но тут кто-то позабыл закрыть проход или хозяева ненадолго отлучились по делам. Тяжёлые сочные плоды пригибали ветви деревьев. Кусты шиповника огораживали периметр сада. Могучая тень столовой горы нависла над монахиней. Она припомнила желание Йейтса лежать именно под широкими крыльями этой тени. «Вот ведь любопытно, – пустилась в рассуждения Брига, – когда Бог всех воскресит, разбудит от вечного сна, то писатель очнётся именно здесь. Под сенью кладбищенских дубов. Увидит родные места, которые будут уже преображены вместе со всей землёй, и тогда знакомые очертания того же Бен-Балбена его непременно должны порадовать. Хотя зачем человеку воспоминания о прошлом в его новом настоящем? Может быть, для неспешного привыкания к иной реальности?»

Ещё тёплый осенний воздух наполнялся цветочными запахами, спускавшимися со склонов горы. Они смешивались с дальним дыханием океана, ароматом свежеспечённого пирога и яблок. «Господи, – прошептала монахиня, – как не хочется не то, что умирать, а просто и думать о смерти. Совершенно никакого желания. Вполне возможно, здесь бродит дух неуёмного Йейтса. Не может успокоиться и другим не даёт. Вдруг ему что-то нужно? Доберёмся в Клонферт, попробую помолиться за него. Сейчас не тот настрой».

Глава 16 Клонферт

Поздно вечером они въехали в Клонферт. Погрузившаяся в безмолвие и безвременье, деревня спала, как может спать только глухая умиротворённая провинция. Особенно в Ирландии. Сумерки ранней осени выставили своих часовых: прохладные туманы обволакивали крыши каменных домов, наплывали в церковную ограду большого кладбища, проникали сквозь густые ежевичные заросли к стенам старинного собора и стелились по тропинкам между поросших травой могил.

Друзьям хотелось отыскать место погребения святого Брендана. Людям обычно нравится бывать там, где сохранилось подтверждение реальности существования святого человека, с которым можно мысленно поговорить и на чью поддержку в столь местах отдалённых хочется рассчитывать. Кайрин собирался просить Брендана о помощи в их поисках; Брига настроилась просто помолиться за всех, чьи имена в ту минуту могли прийти на память; Келсмен был взволнован самой возможностью посещения гробницы преподобного, о котором знает любой ирландец; Остроглазов получал удовольствие от очередного приключения. «Давно я ночью по кладбищу не гулял», – хмыкнул Острый, перелезая за друзьями через ограду. Калитка оказалась запертой. Дом, в котором жил сторож, тёмными окнами смотрел на приходской двор. Тишина нарушалась только уханьем дальней лесной птицы.

Кайрин представлял, что могила святого должна находиться где-то слева от норманнской арки соборного входа. Причём совсем рядом. Могила никогда не украшали, не воздвигали над ней памятников, и даже не огораживали. Белая узкая могильная плита с четырёхугольным плоским камнем в изголовье, изъеденная выщербинками, лакунами, наполненными собравшейся вечерней росой. Без эпитафий, изображений и с лаконичной надписью: Святой Брендан.

«Жил преподобный, как кельт в странствии, и почил в простоте, словно ирландец, вернувшийся домой», – подумал Кайрин и, указав на белую плиту, торжественно произнёс:

– Вот наш Мореплаватель!

Он остановился рядом с могилой, и все члены команды почтительно замерли.

– Ну для легендарного путешественника довольно скромненько, замечу я вам, – сказал Острый.

– Отчего же, вполне соответствует эпохе и стране. Бедно, но достойно, – ответила Брига.

Келсмен медленно опустился на колени, приложился лбом к могильному камню и осторожно выкопал из-под него маленький камешек.

– Это тебе зачем? – спросила монахиня, заметившая странные манипуляции компаньона.

– На память и на всякий случай. Вдруг придётся встретиться с колдуном или пожар случится. Мало ли какая неприятность, – ответил ирландец.

Брига сочувственно наблюдала, как в носовой платок Келсмен аккуратно заворачивает находку. Она уже привыкла и даже поняла всю тщетность попыток вразумления своих соотечественников, если только речь заходила о ленточках на деревьях около источников, камешках, кусочках дубовой коры, сушёных цветах и прочем, как сама называла, «парарелигиозном реквизите». «В конце концов, – рассуждала монахиня, – вера – это ответ человека на призыв Бога. Имеющий уши услышит, но слуховой аппарат, при общей схожести, различный. В том смысле, что душа, разум, сердце у людей на восприятие небесного голоса неодинаково настроены. Есть к тому же экземпляры завидного уровня глухоты, но большинству мешает доставшийся в наследство «белый шум языческой религии». Они толком и расслышать ничего не могут, а отвечают и вовсе как попало.

Ещё минуты три друзья почтительно постояли над плитой Брендана, после чего двинулись в храм. Под взглядами высеченных в своде соборной арки пустых глазниц каменных ликов они переступили порог и почувствовали еще большую глубину тишины. Гулкая немота средневековой церкви расширялась и погружала своих гостей ниже уровня клонфертского погоста. Кайрин зажёл карманный фонарик и, словно подтверждая реальность скольжения куда-то вниз, тонкий яркий лучик выхватил справа от нефа на западной стене изображение русалки!

– Santa Maris! – воскликнул Келсмен.

– Звезда моря, – прошептала Брига.

– Русалка! Только что не на ветвях, а в храме сидит, – удивился Острый. – Надо же!

Кайрин подошёл ближе к странному барельефу, внимательно рассмотрел детали. Свет его фонарика рассеял блики вокруг изображения.

– Это не Звезда моря, не Богородица, – задумчиво сказал Сергей Наркисович, – но и не русалка европейских легенд. Скорее всего, мастера, строившие в XII веке собор, были поклонниками «Навигации святого Брендана». Может, кому-то из этих добрых читателей пришла в голову идея запечатлеть на стене русалку, так сказать, в память о встрече преподобного с подводными жителями. Или, как вариант, настоятель прихода был знаком с древними изображениями, некогда

украшавшими стены разрушенного норманнами аббатства, и решил кое-что воспроизвести. В любом случае получилось довольно трогательно.

– Я ещё с удовольствием готов поискать подводных жителей и всякую другую сказочную народность, – Острый внимательно рассматривал противоположную стену. – Нам в школе говорили про волшебные истории, которые сочиняют церковники. Но о подводных приключениях святых впервые слышу.

– Чего в ваших школа хватало, так это сказок про бесплатное будущее коммунистов и счастливую жизнь на Марсе, – насмешливо произнёс Келсмен. – Но учитывая твою неуёмную радость в поиске инопланетного корабля на побережье Донегола, я вообще не удивляюсь советской доверчивости.

Остроглазов не отвечал. Он замер перед барельефами существ, которые напоминали ему «ангелов серого моря». Так Иван назвал фигурки святых из песчаника, размещённые на стенах храма.

Кайрин тем временем прошел дальше, к алтарю. Брига стояла за его спиной, вглядываясь в тёмные стёкла витражей. Престол был развёрнут в сторону прихожан. На аналое проповедника застыл огромный бронзовый орёл и лежала затейливо переплетённая, с металлическими накладками на обложке старинная Библия.

– Птица смахивает на серого австралийского сокола, – Кайрин задумчиво погладил блестящую голову орла. – Святой Брендан чем-то похож на эту благородную птицу.

– Прилетели! – отозвался Келсмен. – С какой стати наш преподобный тебе напомнил Австралию? Он за семь лет странствий мог, конечно, и в те края добраться, но тогда бы мы на стенах собора не только русалок, но и кенгуру заметили.

– Я сейчас о другом думаю, – Кайрин продолжал внимательно вглядываться в орла. – Иногда приходят странные сравнения. Дело в том, что святые довольно по-разному вели себя в жизни и подвиги у них

необычные. К примеру, одни, словно пчёлы, облетали цветки, собирали нектар, строили соты и угощали мёдом учения Христа своих соплеменников. Как ионский Колумба или Франциск в Италии. А другие, подобно Брендану, превращались в серых соколов, которые известны австралийским аборигенам своим навыком из пламени лесных пожаров выхватывать горящие веточки, переносить огонь на большие расстояния и разжигать таким образом новые очаги.

– У тебя, Серж, в Австралии, – вмешалась Брига, – чего только не бывает, но я слабо представляю себе птицу с горящим или даже тлеющим в когтях поленом, сознательно поджигающую дальние леса. Зачем ей, промышляющей мелкими зверьками, такое приключение? Тем более известно, что любая живность вообще сторонится огня.

– В том-то и дело, – Сергей Наркисович поднялся на ступеньку аналогичного возвышения и, словно проповедник за мессой, опёрся руками о бронзовые крылья сокола-орла, – святой не похож на своих соплеменников. Ему бывает тесно в мире, где он живёт. Не потому, что мир этот узок, а от того, что тот мир, который внутри него самого растёт,

расширяется и дарит святому особые силы, удивительные способности, начинает требовать решительных действий. Сокол должен бояться пламени, но не боится. Его лапы так устроены, что ни укусы змей, ни жар тлеющей ветки ему не страшны. Он делает своё дело. Так и святой, подхватил огонь веры и понёс дальше. Впрочем, мы больше привыкли к образам ловцов людей из евангельских историй. Брендан был бесстрашным проповедником. А вот настоящие костры, как помнится, лучше всего получалось разжигать Патрику.

– Точно! – Келсмен одобрительно закивал, придвинулся к аналою и погладил голову бронзовой птицы. – Наш патрон на холме Тары такое пламя запалил, что по всей Ирландии было видно. Жития святых, любых, не только западных и восточных христиан, а пусть хотя бы и исламских, буддистских – есть же приличные люди в этих народах, – все поучительные истории не должны быть рациональны.

– Ты хочешь сказать правдивы? – Брига с интересом слушала, как Келсмен в очередной раз бросается в стремнину религиозных разговоров.

– Прости за занудство, но я горячий сторонник теории, согласно которой в жизни духовной или, как любил говаривать наш викарий, мистической ничего не должно происходить в определённом порядке.

Шон продолжал решительным неспешным голосом, как это умеют делать образованные проповедники сельских приходов:

– События могут последовательно и логично сменять друг друга, но не более того. И святые становились святыми как раз вопреки логике обычной жизни.

– Жизнь кончается смертью. Или продолжается, если угодно так считать, – заговорил подошедший Остроглазов, – но я не хотел бы сгнить в ледяном океане, как мои несчастные соотечественники, так что лучше лежать тихонечко, как ваш святой, около церковных стен на ветерке и солнышке.

– Чем скучнее, невзрачнее и бледнее было существование, тем ужаснее цепенящий страх смерти, – монахиня воодушевилась любимой темой, – грядущее небытие подступает, нависает и парализует наш разум и сознание, если в них нет ничего такого, чем можно с радостью поделиться, о чём рассказать. Личность закладывается Богом в младенца, как искра, превращающаяся в пламя, при этом «Я» и моя личность, даруемая Господом, не одно и то же. Личность бессмертна. Факт. Но моё «Я» может отказаться от предложенного бессмертия. И ничего с этим не поделаешь. Тот, кто захочет полностью исчезнуть из Божьего плана, сделает это беспрепятственно. От него просто ничего не останется. Совершенно ничего.

– Есть много людей, которые незатейливо и легко жили, – возразил Келсмен. – Они тоже уходят, и это происходит незаметно, гармонично, если можно так сказать.

– Не уверена в справедливости выражения «гармония смерти», – Брига требовательно смотрела на спутников. – Пока вы не договоритесь о главных значениях слов, ничего толкового не получится.

– Но я, к примеру, – голос Келсмена звучал более уверенно, – не сомневаюсь, что в тот день, когда решение принять смерть не умозрительно, а по-настоящему, будет мною одобрено, многое изменится. Я не вступлю в борьбу со смертью, но и не сдамся, а лишь смиренно соглашусь с её правом на сопровождение в иной мир моей души, моего сознания, как угодно это назовите. И когда мне хватит мужества заглянуть в её свинцовые глаза, я получу свободу.

– Как австралийский сокол? – улыбаясь, уточнила монахиня.

– Как морская птица побережья Керри или чернобрый исландский альбатрос, – ирландец всё более вдохновлялся. – Если переселение душ не индийская выдумка, то в прошлой жизни мне наверняка приходилось курсировать между Исландией, Гренландией; зимовать на берегу Ньюфаундленда и кружить над скалой святого Михаила. Всё неизменно повторяется и возвращается к своим началам.

– Друзья, – вмешался Остроглазов, – ваше кельтское веселье достойно всяческих орнитологических и пиротехнических восторгов, но меня мучает вопрос: где и когда будем ужинать?

– Ваня, когда мы на пороге открытий, еда дело десятое, – ответила Брига.

– Никто не сомневается, – Иван досадливо осматривал неподвижную птицу на аналое, – но я в данном случае предпочитаю начать отсчёт с конца. С десятого дела. Так быстрее продвинуться к первому. Под горку всегда скорее бежать. Поедим и непременно всё разгадаем. Ваш сокол по австралийским лесам горящие головешки не просто так разбрасывал. Кстати, пока Кайрина с Келсменом слушал, на ум пришло сравнение самого себя с ещё одной австралийской птахой.

– Неужели в природе существует твой пернатый двойник? – не скрывающая улыбки, монахиня смотрела на русского приятеля.

– Конечно! – Остроглазов задумчиво разглядывал потолочные балки собора. – Моя птичья тень в мире фауны – это австралийский фиолетовый шалашник⁶². Существо, которому на роду написано жить с вечной и невыполнимой задачей постройки надёжного дома. В его случае гнезда. Шалашник – птица ответственная, с большой фантазией и отменным вкусом.

– Чем же он с такими превосходными характеристиками занят? – боясь обидеть Ивана улыбкой, Брига присела на скамейку. – В чём ваше сходство?

– Я, – уверенно начал Острый, – как и шалашник, живу по преимуществу один, выносив в перелётах, люблю синий цвет, иногда танцую, а главное наше с птицей символическое родство заключается в неодолимой тяге разукрасить собственные жилища яркими красками, обставить удобной мебелью, повесить изящные картины, забить дом всякими милыми вещицами. Новая подруга, а всё ради неё делается, должна войти или влететь под уютный кров семейного очага. Я, если хотите, как австралийская птица, продукт дарвиновского дизруптивного отбора. В России генералиссимус Сталин устроил свой военно-комендантский отбор, от прелестей которого мне посчастливилось улизнуть. Так что теперь Иван Алексеевич Остроглазов развивается свободно, в согласии с личной эволюционно-духовной концепцией.

– Проще говоря, – монахиня с трудом сдерживала смех, – вы с этим шалашником для приглашения очередной подруги заваливаете дом-гнездо различным нарядным хламом, а когда роман в синих тонах завершён, для постройки новых шалашей отлетаете в места иные?

– Вот не драматизируй мою и без того сложную жизнь, – Иван пробовал изобразить обиженный вид, – птицу я привёл исключительно для сравнения. А то Кайрин у нас сокол, а мы случайные воздыхатели его полётов. Кстати, где наш кельтский спутник?

Тем временем Келсмен, захваченный вихрем пробившихся из глубины души чувств, не слышал планов и пространных разговоров друзей. Он, словно пытаясь проникнуть за пределы реального мира, стоял перед каменным престолом и внимательно вглядывался в стекла цветных витражей стрельчатого алтарного окна. Со стороны могло показаться, будто ирландец готовится оторваться от земли, медленно подняться над нефом и уже оттуда, из-под перекрестия потолочных балок, произнести что-то чрезвычайно важное. Этого не произошло. Шон развернулся и неожиданно, без каких либо пояснений, вступление или комментарий, выпалил:

– Я всё вспомнил! Дело было где-то здесь. Точнее, происходило в других краях, но записали эту историю в Клонферте или рядом, милях в десяти отсюда, значит, в Клонмакнойзе.

– Что ты вспомнил? – Кайрин живо подошёл к просветлевшему другу. – Расскажи нам, а то мы тут несём всякую околесицу.

– Собственно говоря, – Келсмен засмутился, – ничего лично со мной не происходило. Я припомнил предание, которое хранили местные монахи. Нам ещё в школе его рассказывали.

– Все легенды красивы, – подтвердил Остроглазов, – в большинстве случаев они куда более чем печальны. Трагические повести. В твоей много народу погибло? Или только герой со своей возлюбленной?

– Никто у меня не умирал! – О’Хини досадливо смотрел на товарища. – Это история о бескрайности мира и невозможности обретения счастья даже в чудесном путешествии.

– Ладно, – Иван примирительно вздохнул, – рассказывай. От душе-спасительных повестей я только голод нагуливаю. Серж, присаживайся к сестре, – распоряжался Острый. – А ты, сказочник, – это уже было обращено к ирландцу, – поднимайся на орлиную трибуну.

Келсмен решительно встал за аналоем и начал рассказ:

– История эта очень давняя, но поскольку люди, её сохранившие, имели большой авторитет и к пустым фантазиям не были склонны, никто в правдивости описанных событий не сомневался. По крайней мере, в древние времена.

Дело было между V и VI веками. Плыл по океану не обтянутый шкурами, как лёгкие донегольские кораклы, а вместительный, с дубовой реей, большой одномачтовый корабль. Команда состояла из тридцати монахов Ардферта и капитана-игумена. Несколько лет они странствовали в поисках земли обетованной, проповедуя жителям островов, на которые, если таковые встречались, они непременно высаживались.

Двигались монахи на Запад. От острова к острову. Сходили на берег, только чтобы запастись водою, осмотреть окрестности, познакомиться с хозяевами тамошних поселений и, самое главное, совершить святую мессу. На судне случалась лютая качка, что в пору петь псалмы, но не более того. Чем дальше их плавучий дом уходил в сторону неведомого мира, тем пустыннее и печальней попадались земли. Птицы, сопровождавшие иноков от самых Фарерских островов, уже перестали горланить и кружить над судном путешественников. Однажды, в дни между Пасхой и Троицей, задул шквалистый ветер, корабль попал в сильное течение, палубу стало заливать высокими волнами, и парус спешно убрали. Те, кто сильно перепугался, молились в трюме, а кто посмелее, держали вахту наверху. Капитан-игумен не сходил со своего мостика. Он смотрел в лицо разъярённой стихии и читал «Отче Наш». Трое суток корабль трепал шторм, пока вдруг море не стихло и судно не заволокло плотным белёсым туманом. В почти мёртвой тишине ардфертские пилигримы продрейфовали сквозь густое облако, вышли на прозрачные волны тёплого моря и увидели яркое, поднявшееся в зенит солнце. Вода даже не рябила, как обычно бывает на больших пространных, и, если бы не широкая линия горизонта, могло показаться, что они посреди огромного озера. На пятьдесят саженей солнечные

лучи проникали в самую глубь океана. Монахи с восторгом разглядывали серебряных рыбок и морских коньков, резвившихся в его ослепительных бликах. Всё было удивительно мирно, благостно до тех пор, пока странники не решили передохнуть и осмотреть своё потрёпанное ветром судно.

Бросили якорь, проверили всю оснастку, расчистили палубу, сели за нехитрую трапезу, а когда пообедали и собрались плыть дальше, то обнаружили, что нет никакой возможности поднять якорь со дна моря. Сперва тянули втроем, затем впятером, позднее пришли ещё четверо. Тащили, но верёвка только вытягивалась струной, угрожая лопнуть, а якорь, намертво зацепившийся за невидимую преграду, даже не шелохнулся. Игумен подошёл к самому краю палубы, долго смотрел на пронзившую толщу воды стрелу каната. Казалось, он шепчет молитвы, потом осторожно сжал дрожащую от натуги верёвку и подтянул её к себе. На мгновение всем почудилось, что из-под воды поднимается лёгкий вибрирующий звук, фрагменты далёкой мелодии, эхо колокольных перезвонов. Монахи напряжённо и несколько испуганно смотрели на своего отца. Ждали решения. Наконец игумен сказал: «Братья, или Сам Господь нас привязал к этому месту в океане, или Сатана собрался захватить в плен смерти наш плавучий дом. Кто бы ни был из этих двух сил проворнее, нам самим следует что-то предпринять. Бог сражается с дьявольскими силами за корабль и мореплавателей. Мы на судне не глупые пассажиры, но ловкие матросы. Нужен смельчак, который готов спуститься вниз, разобраться, что там к чему, освободить якорь и вернуться обратно. Знаю, что все вы выбеленные ветрами, солью и волнами герои, но в таких делах необходима смекалка и проворные руки. Кто готов отправиться на дно океана и добыть нам свободу?»

Вызвался юный донеголец из рода Уи Девяти Заложников, по имени Суибне Мак Мокуи. Ему было двадцать два года, он отличался большой сноровкой, добрым нравом и весёлой рассудительностью. Суибне решительно нырнул в прозрачные волны, ухватился за верёвку и быстро начал погружаться на глубину к злополучному якорю. Времени у него было в обрез, но по мере движения вниз вода становилась теплее и, как он сам после говорил, «воздушнее».

Суибне даже не задыхался. С каждой пятой саженью опускаться становилось легче, а солнечный свет, который поначалу бил ему в спину, неумолимо тускнел. Юноша приближался к иному источнику освещения, разгоняющему подводные сумерки. Почти достигнув дна, смельчак остановился и, забыв, что находится под водой, чуть было не вскрикнул от удивления. Перед ним на живописной глубинной поля-

не расположился большой хутор, скорее, городок с сотней домов, торговой улицей, ратушей и церковью на круглой площади. Ещё он увидел многочисленных горожан, неспешно прогуливающих по этому селению, входящих и выходящих из лавок, толпящихся подле храма, расположившихся на скамейках в подводном садике. Нарядно разодетые детишки играли на мостовой, седые старушки что-то им строго кричали. Звуков Суибне не слышал, но, присмотревшись к жаркой жестикуляции, решил, что дело обстоит именно так. Храм был для монаха самым знакомым строением, и, хотя на церковном шпиле место привычного петуха занимал морской конёк, брат из Ардферта отправился именно к нему. Понятное дело – он не шёл, а медленно подплывал, внимательно разглядывая сверху чудесное поселение подводных людей. Добравшись до колокольни, инок увидел, что часть горожан покидают свои дома и уверенно направляются к церкви. Потом ему удалось разглядеть священников в зелёных мантиях с белыми капюшонами, заходящих в боковые двери правого притвора. Но самое главное открытие Суибне заключалось в том, что он обнаружил их корабельный якорь, застрявший в арке над воротами церкви. Маленьким, острым носком якорь зацепился за невидимую деталь изящной конструкции, а туго натянутый трос прочно приковал ирландское судно к подводному храму. Монах начал решительно грести к своей находке, и от его усердных стараний вода, которая местным жителям была как воздух, вскипела. Поражённые видом человека, плывущего, а для них летящего, по небу, прихожане принялись взволнованно кричать и размахивать руками. Священники, быстро смекнувшие, кто есть этот странный пловец и куда он направляется, поспешили к застрявшему в проёме церковной двери якорю. Старший из них, подобрав садовую лопату, молниеносно перерубил верёвку, удерживающую ардфертский корабль. Знаками он указал Суибне, что тому пора спешно возвращаться, и смельчак едва успел ухватиться за конец зигзагами поднимающегося на поверхность океана отрубленного троса.

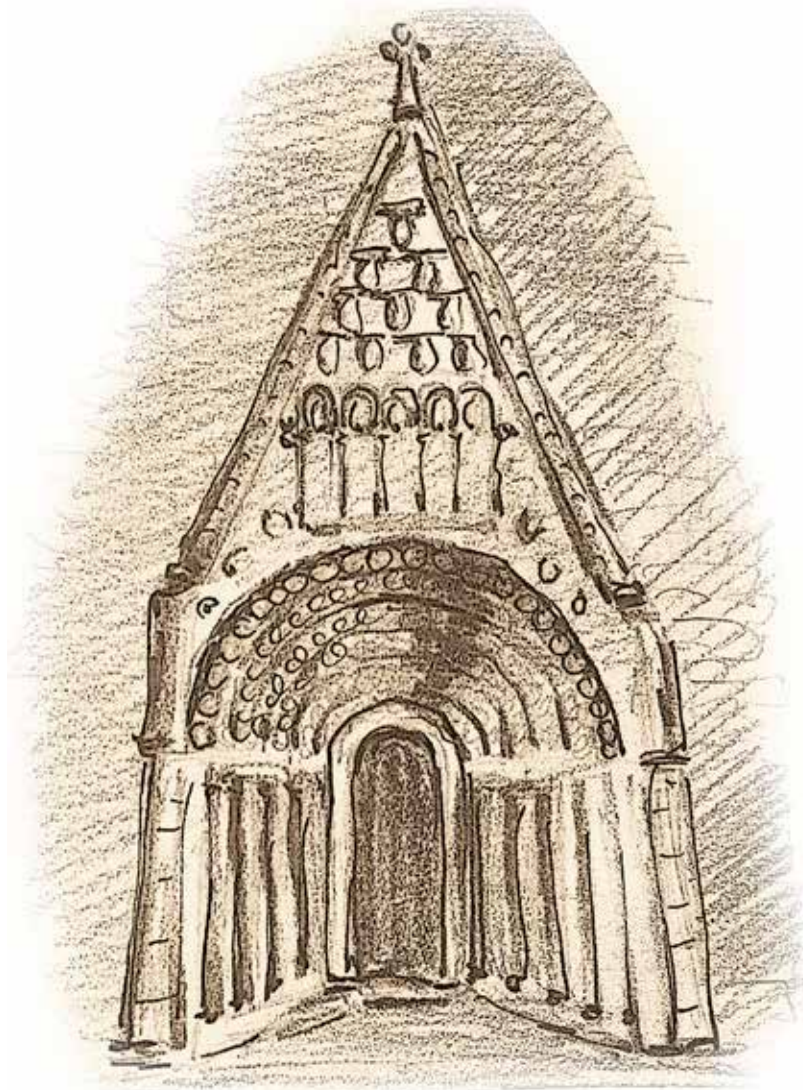
Столпившиеся на палубе иноки были поражены случившемся, когда их корабль, доселе неподвижно прикованный, резко качнулся, зачерпнув одним бортом воды, а вскоре на поверхность волн выбросило Суибне. Еле живого монаха подняли и уложили под дубовой мачтой. Спустя некоторое время, открыв глаза и глотнув поднесённого пива, он рассказал своим спутникам про чудесный подводный город и его обитателей.

«Странное дело, – произнёс внимательно выслушавший историю игумен. – Что жители Земли видели небесные парусники, проплывающие над домами, я слышал. А здесь... Город под водой. Впрочем, чего

у Бога вдоволь, так это чудес и волшебной неразберихи. Как нам теперь без якоря обходиться, тоже только Ему известно».

Вот такая повесть, - Келсмен внимательно разглядывал притихших друзей.

- Достопочтенные господа! - от нормандского входа прогремел грубоватый мужской голос. - Ваш автомобиль наделал в деревне столько шуму, что даже мой йоркширский сон был вероломно нарушен. Если вам нужен викарий, то преподобный Беда объявится только к завтрашнему утру. Его милость отправился на велосипеде погостить в Клонмакнойз. Ехать туда далековато, но преподобный у нас помешан

на физических упражнениях. Хочет долго пожить. Если не проспит, то завтра на мессу его доставит Саливан-старший.

В старинных храмах звуки человеческого голоса по мере своего путешествия под сводами и арками имеют свойство не только усиливаться, но странным образом наполняются особыми интонациями, вливаются в тембр проповедника. Церковное эхо бродит между колонн, поднимается в купольное пространство, а после рассыпается по каменным плитам нефа. Особенно, если говорящий отличается высоким ростом, широкой грудной клеткой и крепким горлом. Обладатель необходимых примет внезапно появился перед путешественниками. В полусумраке собора они увидели статного, лет семидесяти, в сером выцветшем плаще, чёрных брюках и тёмно-зелёных растоптанных замшевых ботинках подтянутого мужчину. Голову незнакомца украшал твидовый трилби* фиолетового оттенка. Седые волосы были пострижены в ровное каре, шею обматывал шерстяной шарф.

- Позвольте представиться, - в приветствии незнакомец протянул гостям большую руку, - Найт Тёрнер. Местный сторож. Я не из тех Тёрнеров⁶³, которые живописцы, хотя сам всегда мечтал нарисовать что-то наподобие «Восхода с морскими чудовищами». Но лень, как любил говорить мой покойный отец, родилась на свет за полчаса до моего появления. Она встречала младенца Найта вместе с повитухами, которые при родах сами едва не уснули. Хе-хе-хе. Шляпу в храме не снимаю из-за сквозняков. Святой Брендан был мореплавателем закаленным, а меня продувает в три счёта. Я с ним договорился. Раз поручено охранять Клонферт, так хотя бы не в ущерб здоровью. Ритуалы и правила для крепких и выносливых. Другим бы просто пожить. Добро пожаловать к нам.

Сторож Найт смеялся. Кайрин подошёл, пожал протянутую руку. Друзья, стоявшие в отдалении, с интересом ожидали развития событий, а Сергей Наркисович вглядывался в добродушное лицо нового знакомого, с удивлением отмечая внешнее сходство между ним и тем самым английским художником, чьи полотна так вдохновляли зрителя-тезку.

- Мы путешествуем по Ирландии, - журналист насилу освободил ладонь из крепкого рукопожатия, - нам хотелось бы осмотреть ваш чудесный собор, поговорить с викарием, но самое первостепенное - решить вопрос с ночлегом.

- Нет ничего проще, - улыбка не сходила с лица Найта, - на ночь я размещу вас у себя в сторожке, а утром отправитесь на мессу. Пре-

* Трилби (англ. Trilby) - одна из разновидностей мягкой мужской шляпы.

подобный, даст Бог, успеет к девяти часам. Там и поговорите. А пока прощу в дом.

Сторожка Найта находилась чуть левее собора на узкой дороге, плавный изгиб которой напоминал хвост зелёного дракона, забравшегося в чащу леса. Это был небольшой, обнесённый ежевичной изгородью, со сложенным на заднем дворе каменным сараем, цветником и клумбами под окнами двухэтажный коттедж. Розовые кусты хозяин посадил в порядке, понятном только ему одному. Пока шли из храма в дом, Кайрин представил сторожу своих товарищей. Найт вежливо тряс каждому из них руку, Бриге даже пытался поклониться. Внутри жилище сторожа оказалось довольно просторным.

Сергей Наркисович никак не мог привыкнуть к этой

удивительной особенности местных построек: разумно организовывать внутреннее пространство, при сохранении внешне аскетичных пропорций. На первом этаже находились гостиная с небольшим камином, кухня, спальня, совмещённая с кабинетом хозяина, комната, которая служила одновременно библиотекой и, судя по застоявшемуся терпкому запаху, курительным помещением. Ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, обтягивало тёмно-синее ковровое покрытие. Стены были выкрашены в белый цвет, по углам Найт расставил напольные китайские вазы, всюду развесил семейные фотографии, репродукции английских пейзажей своего однофамильца, на подоконниках в глиняных горшках разместил комнатные цветы. Над каминной полкой висела деревянная коробочка, за стеклом которой красовалась медаль с крестом. На серебряном потемневшем бронзовом круге Кайрин прочёл: «Бриану Мак Канну». Эта награда подтверждала, что в 1842 году её обладатель принёс обет трезвости.

– Прадед жены, – заметив взгляд гостя, сказал сторож. – Вся их семья тогда жила в Голуэе, и когда преподобный

Теобальд Мэтью приезжал в эти края, то прадед и его жена Конла дали зарюки трезвости. В годы Великого голода это их спасло. Сами знаете, как излишество виски влияет на здоровье. Силы уходят. А предки были молоды, и годы зарюка семью только укрепили.

– Но вы проходите в гостиную, – широким жестом Найт пригласил новых знакомых, – присаживайтесь, я пока займусь ужином.

Спустя четверть часа Тёрнер принёс большую кастрюлю, над которой клубилось облачко белёсого пара:

– Угощайтесь! – широко улыбнулся сторож. – Господь любит, когда его дети плотно перекусывают. А если по отношению к законам Писания человек ведет себя покладисто, то Бог всё ему простит и не станет почём зря мучить христианина.

– Бог, терзающий своих детей!?! – монахиня возмущённо перебила Найта. – Да разве источник любви - Господь - опустится до такого безобразия? Мы сами себя и других только и делаем, что непрестанно тираним. Давайте я расставлю тарелки.

– Полностью, сестра, с вами согласен, – старик подлил кипятка в большой медный чайник и, стараясь не потерять нить разговора, торопливо продолжил:

– Господь справедлив, но порой через своих святых Он совершает вещи простому уму недоступные. Я родом из английского Йорка. Сорок лет назад женился на донегольской ирландке Саре Клиффорд. Перебрался к ней сюда, в Голуэй, и пока не овдовел, много кочевал по стране в поисках работы. Мы с супругой где только не жили. И, замечу вам, местные католики повсюду рассказывают о своих святых столько необычных историй – просто диву даёшься. Я в Йорке и сотой доли не слышал.

Пробуйте свежий колканнон, – продолжил он, – это пюре из картошки и белокочанной капусты собственного приготовления. До Хеллоуина правда ещё далеко, но колканнон можно состряпать просто так. Особенно осенью, когда все овощи поспели, а масло, сливки, мускатный орех, соль и перец всегда под рукой. Даже ребёнок справится.

В центр обеденного стола Тёрнер поставил глубокое блюдо и большой ложкой с горкой наполнил его ароматной дымящейся массой шафранового цвета. После чего ловко примял и придавал пюре форму овала. В середине кушанья ложкой поменьше вращательным движением было устроено своего рода гнездо, в которое Найт щедро плесканул чашку растопленного сливочного масла.

– Так-то лучше, – с довольным видом пробормотал кулинар, – теперь всё перемешаем, сдобрим сливками и посыплем свежей зеленью.

Брига внимательно, можно сказать, пристрастно наблюдавшая за манипуляциями хозяина сторожки, спросила:

– Ваш колканнон без жареного лука и на коровьем молоке?

– Совершенно точно, сестра, – Тёрнер неторопливо раскладывал гостям угощение, – классический рецепт. Мы в Голуэе придерживаемся старых традиций, и по собственной воле портить такое лакомство никто не станет.

– Позвольте оценить эту стряпню, – Остроглазов, звучно причмокивая, уже поглощал пюре, – чего в ней точно не хватает, так это куска ветчины. Хотя на вкус вполне сносно.

– В Хеллоуин будет мясо, – Найт добродушно разглядывал Ивана, расправляющегося с порцией колканнона, – я нафарширую бараниной тыкву. Приезжайте. Не пожалеете. Еще чаю выпьем.

– Так что вас с Сарой в местных разговорах особенно поражало? – уплетая горячее пюре, уточнил Кайрин.

– Её так совсем ничего. Она была невозмутима, как ирландский утёс, а мне казалось, будь здесь на святой мессе кто-нибудь из моих йоркских соседей, послушай он пересказ того или иного жития, проповедь на эту тему, нога бы его никогда больше церковный порог не переступила. Слишком много на страницу и без того благочестивого текста разных чудес.

– Здесь, в Клонферте, удивляться количеству волшебного и нравоучительного – дело неблагодарное, – Сергей Наркисович принял из рук Найта чашку дымящегося чая, – всё необычно, даже автомобиль местного vicaria.

– Да уж! – сторож бросил строгий взгляд в окно, за которым плотно прижатый к изгороди стоял белого цвета трёхдверный «шемрок» отца Беды. – Это наш преподобный с рук недавно купил. Непонятно, на какие доходы. Хотя изредка Бог даже vicariam помогает.

– Никогда не видел такого, – Остроглазов с большим интересом разглядывал авто, – в Европе и Австралии ничего похожего не встречалось. На американских дорогах, хотя там бегают очень необычные машинки, такая штука тоже не попадалась.

– Ирландская модель, – сторож снисходительно усмехался, – была местной гордостью, хотя долго не прожила. Автостроительный завод пришлось закрыть, но по острову разъезжает ещё много таких «шемроков». Нынешним ирландцам нужны надёжные «мустанги» или «мерседесы», а не старомодные «листочки клевера».

– Почему «листочки»? – вмешался Келсмен. – «Шемрок» – это название трилистника святого Патрика, своего рода знак Троицы. Вполне подходит для символа национальной гордости.

– Для гордости, возможно, и подходит, – ответил Тёрнер, – но чтобы ездить на таком автомобиле, необходимо много сноровки и терпения. Может быть, ирландцы когда-нибудь поразят мир чудесами техники или научными открытиями, но пока у них лучше всего получаются всякие мистические проекты и танцы на праздниках.

– Это здесь, в сельском благолепии, хорошо рассуждать о наших возможностях, – Шон заметно распалился, – но именно святой, чья скромная могила неподалёку отсюда, проложил маршрут в Америку. Плыл дорогами легенд, а открыл страну, изменившую весь мир. Никогда бы ваш английский Йорк не получил сводного брата в западном полушарии с именем Нью-Йорк, не оказались наши святые подвижники людьми, столь искренне верующими в Бога и благочестивые предания.

– Никто даже не спорит, – Найт сел напротив Бриги, – но объясните мне, старику, в чём смысл поворота истории, скажем, о святом Сенане, который так далеко, в отличие от Брендана, не заплывал, но своё дело знал досконально.

– Речь, судя по всему, сейчас пойдёт про эпизод, связанный с чудовищем острова Инис Катэй⁶⁴? – предположил Кайрин.

– С ним и архангелом Рафаилом, – сторож задумчиво посмотрел на стену, где висела литографическая картина морского побережья, словно она хранила детали того происшествия, – сколько ни думаю про него, ответа не нахожу.

– А в чём там дело? – Остроглазов обстоятельно поглощал щедрый ужин.

– В кратком виде история такова, – сторож распрямил сутулую спину, оперся сложенными руками о стол и начал неторопливо рассказывать. Было заметно, что делает он это не в первый раз:

– Однажды к святому Сенану явился архангел Рафаил и повелел подвижнику отправиться на Инис Катэй – остров в устье Шеннона,

около западного побережья. Любому рыбаку и даже крестьянину было доподлинно известно, что там живёт чудовище, поселившееся ещё в стародавние времена по воле самого Творца. Никто и никогда, кроме отчаянных разбойников, не рискнул бы даже приблизиться к этому клочку суши. Все обитатели прибрежных деревень знали о жутком хранителе острова, который, при всей своей уродливости, оберегает этот клочок земли от нечестивцев и злодеев. У монстра было огромное чёрное туловище, заканчивающееся китовым хвостом, железные когти, из-под которых разлетались огненные искры, пылающие гневом глаза, клыкастая пасть и всклокоченная грива лошади.

Местное предание говорило про особую святость Инис Катэй и о том, что однажды там построят храм удивительной красоты. Короче говоря,

архангел сообщил Сенану о его миссии: святой должен приплыть на тайный остров, сразиться с монстром, изгнать его и возвести обещанную пророчеством церковь. Сенан в точности всё сделал. Чудовище бежало в пустыню океана, храм был выстроен, святой остался жить на Инисе. Спустя много лет он преставился к Небесным чертогам и мощами лёг у алтаря собора. Церковь, к несчастью, разрушили. Поначалу ветра, ливневые штормы размывали фундамент и стены, а после пришли английские солдаты. В поисках сокровищ они перерыли весь остров, утопили высокий резной каменный крест, вскрыли старинный склеп, разворотили алтарный предел, копали даже под нефом. Золота, конечно, на острове и быть не могло. А если какие-то драгоценности хранились, так Господь их от преступников сам надёжно припрятал. Такая история. Но мне интересно другое: почему Бог меняет указания, данные прежде? И монстр, и Сенан - творения Его рук. Так зачем первого часового, добросовестно стоявшего на посту, изгонять при помощи второго, вместе с которым ужиться они не смогут. Отпустил бы первого, благо тот честно исполнял все приказы, поставил второго или примирил бы

их. Так, глядишь, ни один английский сапог не ступил бы на Инис Катэй. Кстати, некоторые местные святые сражались с водными монстрами. Взять того же Колумбу, прогнавшего чудовище в Лох-Нессе, или даже Кевина Глендалохского, который приказал озёрному страшилищу убраться в пещеру. Но в отличие от европейских святых, наши монстров просто так не убивали! Считается, что когда люди забудут Христа, очерствеют душой и перестанут чтить каноны ирландских подвижников, то эти жуткие твари внезапно выйдут и приведут в чувство нераскаявшихся грешников. Праведники укротили зло, но оно всегда может вернуться обратно, и мы не только не знаем сроков, но позабыли признаки его возвращения.

Сами чудовища не против закона, но за его острыми гранями они, как ланцет и скальпель хирурга, – инструменты Бога. Вам известно, что первыми Чистилище придумали ирландцы? А Ирландия не что иное, как его земные врата. Ещё задолго до великой поэмы Данте в недрах интеллектуалов движения Друзей Божьих родилась идея существования места, способного обнадёжить любого смертного. Подземная область, особое убежище, где для очищения и духовной подготовки к переходу в окончательное состояние Новой вечности собираются души несчастных грешников. Так вот, есть такой город Регенсбург.

– Держи меня, Шон, – наморщив лоб, просипел Остроглазов. – Кажется, около палисадника бродит призрак милого Маркуса. Можно попросить виски? Целый стаканчик.

– Там, – сторож не заметил гримасы Ивана, – расположен известный каждому европейцу монастырь святого Якова. Около 1150 года в этой обители жил, молился и преставился перед Богом кулдей по имени Марк из Мовилла. В ирландском Мовилле⁶⁵ была легендарная школа святых, основанная ещё преподобным Финианом. Брат Марк был жизни благочестивой, но не чуждой здоровой мистике. То есть читал книжки, причащался за мессой, не мучил себя постами и чрезмерным самобичеванием. Ничем Марк себя не утруждал, но именно ему открылась история видений рыцаря Тунгдала – человека, душой сошедшего в адские бездны и благополучно вернувшегося обратно в своё тело. Нет причины напоминать, что Тунгдал был ирландцем и жил в замке Кашел, а его история правдива с точки зрения правдивости любого повествования, связанного с местами столь отдалёнными: не веришь – проверь, сомневаешься – изучи корни своих сомнений. Марк всё записал.

– И что было в тех ирландских безднах? – Иван ждал ответа. – Поджаренные лепреконы? Банши, подвешенные вверх тормашками над огненными источниками?

– Там Тунгдал увидел много чего ужасного. Но самой отвратительной была встреча с чудовищем по имени Ахерон, на рогах которого в страшных корчах извивались великие кельтские герои: Фергус, сын Ройга, и Коналл Кернах.

– Рыцари всегда помогают несчастным, тем более соплеменникам, особо ирландским. Так обстоит дело? – ища поддержку, Иван посмотрел на друзей. – Воин немедля освободил древних соплеменников. И они отправились за пинтой местного «Гиннесса». Коль скоро Чистилище ирландское – то и пиво соответствующих винокурен.

– Нет. Тунгдалу было не до того. Его провели по всем уровням иного мира. Он видел пустошь отчаяния, цитадель ада, темницу сатаны, слы-

шал стенания падших ангелов. Ему показали красоту Земли очищения: золотые ворота силы, берега прощенных, остров чудес, дивный сад, рубеж очистившихся. Он вошёл в зал славы Божьей и лицезрел видение Святой Троицы. Свет Славы Господней осиял Тунгдала. Ему открылась Святая Божья Воля. Рыцарь вернулся в телесную оболочку, исповедовался, принял Святые Дары и прожил ещё много лет.

– Какие случаются рыцари, да, Серж? – обратился Острый к Кайрину. – Мне казалось, что им больше нравится мечами размахивать и барышням головы морочить. А у этого видения с путешествиями. Как у нас. Только мы путешествуем с видениями.

– Тунгдал, – вмешался Келсмен, – рыцарь ирландский или валлийский. Из потомков Короля Артура, так что у него более высокие задачи. И видения потому не пустяковые, а значимые для всех верных. Может, он тоже кулдеем был? Поразительная история! Ничего подобного я прежде не слышал.

– Друзья! – строго сказала Брига. – Нас снесло в болтовню. Давайте вернёмся к чудовищам. Нашим милым ирландским монстрам, потому как именно они появляются на картинках в Завещании.

– Никакой мистики, всё очень просто, – Остроглазов усердно промакивал сливочную подливу куском содового хлеба, – дело в том, что время от времени ваши ирландские монстры отчаливают в подземный мир, к себе на родину. Кто-нибудь слышал про теорию полой Земли? Я с ней столкнулся у Жюль Верна, в романе, где сумасшедшие французы отправились к центру планеты. Посмеялся, конечно. Придуманно здорово, но рассказано не слишком достоверно. В один кратер спустились, половину Европы под землёй отмахали, а из другого кратера вылезли. Большие сомнения меня посетили. Но однажды в библиотеку к матери попала повесть русского геолога Обручева. Так вот, у него вся эта история с обитающими глубоко под твёрдой корой мамонтами, ящерами и динозаврами изложена в мельчайших деталях. Даже маршрут нарисован. Обручеву хотелось верить, но только никак не получалось согласовать возможность существования живых существ с фактами постоянных землетрясений по всему миру и извержением вулканов. Согласитесь, если начинка пирога решит поднять мятеж против кухарки, то это никому не понравится. Какой замечательный ужин нам сегодня перепал.

– Необычно, – Кайрин поднялся, – но нам утром, до начала мессы, нужно будет осмотреть храм. А после службы попробуем поговорить с преподобным Бедой. Как считаете?

– Постараюсь помочь, – кивнул Найт, – викарий, если не умчётся сразу в Голуэй, то редким гостям немного времени уделит. А если

не сможет, так мы сами во всём разберёмся. Пока давайте я вас размещу. Места всем хватит.

Ночь прошла спокойно. Сергей Наркисович лёг в маленькой комнатке, окна которой выходили в палисадник. Долго не мог уснуть. Размышлял.

Никакого плана обследования собора, поисков или тем более раскопок в Клонферте им заранее не готовилось. Кайрин знал, что эту древнюю обитель грабили и поджигали добравшиеся сюда по Шаннону прямо из Лимерика датчане. Первое разорение произошло в 744-м, потом в 844 и 845 годах. Святой Куммиан упоминал Клонферт в своих письмах как центр латинской учёности, а два местных аббата при-

надлежали к Друзьям Божьим. Плюс в 838 году настоятель, который тоже был из кулдеев, стал одним из верховных королей Ирландии, а король Сенел Конойл отправился для паломничества в Рим прямо из рощ Клонферта. В 1045-м монастырь грабили уже свои ирландцы клана Уи Майн. Спустя почти полтора столетия, в 1164 и 1179 годах, уже после битвы при Гастингсе и вторжения в Ирландию Генриха II, монастырь разорили неуёмные норманны. Но до разбойничьего набега солдат Кромвеля в 1541-м Клонферт – церковный и студенческий городок – всё же процветал. Сотни школяров учили греческий, латынь, читали Августина, Златоуста, и под живыми шатрами дубов переливалась многоязычная европейская речь.

При Елизавете Клонферт собирались превратить в университетский центр всего острова, но победил Дублин. Там открыли Тринити-колледж. Дорвавшие сюда в итоге реформаторы почти полностью уничтожили собор святого Брендана. Сохранились только храмовые стены, уникальное Восточное Окно и самое главное достояние церкви: Западный Вход, возведённый при епископе Питере О’Муре ещё около 1171 года. Впрочем, не только наземные постройки должны были остаться в целостности. Что-то всегда сохраняется на самой глубине. Кайрин понимал, что, построенная в XII веке на месте более древнего кельтского храма, эта норманнская церковь внешне и внутренне так же удалена от своей ирландской предшественницы, как свод средневековых монашеских правил от Евангелия первого столетия христианства. Тем не менее уютный, сокрытый темно-зелёной чащей собор – одна из последних святынь древней Ирландии.

Ещё Сергей Наркисович хорошо помнил щемящее чувство тревоги, когда в поисках ответов на вопросы мистического свойства хочется не только вдумчиво и терпеливо медитировать, не просто штудировать нужные книги, а неимоверно тянет исследовать пыльные подвалы, копаться в ветхих сундуках, устраивать подкопы под фундаменты старых домов, отыскивать подземные ходы и тайные убежища. Ему был известен привкус жгучего азарта, когда до мельчайших подробностей хочется разобрать не только содержимое шкафов, но и полки с артефактами. Тянет проверить, нет ли позади ящиков потайной дверцы к секретным архивам, забытым или надёжно спрятанным коллекциям оружия, кладу испанских конкистадоров, библиотечных коллекций.

Кайрин всегда бережно открывал любую старинную книгу. Аккуратно перелистывал страницы, убеждался: нет ли между ветхими, прикипевшими один к другому листами секретной записки, послания, в котором давняя, но не законченная история хранится в ожидании нового поворота. Поднимая сильно скрипящую половицу, на которую

наступал в каком-нибудь заброшенном доме, он огоньком зажжённой спички подсвечивал тёмное пространство, внимательно осматривая узкую щель подполья, в робкой надежде приметить запылённую шкапулку с фамильными драгоценностями или запаянную капсулу, в которой мнительный домовладелец давно спрятал карту зарытых в глухом лесу сокровищ. С юных лет и, похоже, на всю жизнь Сергей Наркисович был вдохновлён подвигами героев Хаггарда, Стивенсона и Джека Лондона.

Глава 17

Месса Наследников

Свет осеннего восхода разделил Клонферт на две части. Домик Найта, в котором путешественники провели эту ночь, скрывался в тени высоких тисовых великанов и находился в первой части деревни. В те мгновения, когда сквозь густо-зелёные кроны деревьев лучи солнца падали на черепичную крышу дома, она начинала весело переливаться в разводах сентябрьской росы. Калитка перед внутренним двориком дома давно не открывалась. Потемневшие рёбра её перекалдин затянуло паутиной, на которой в этот ранний час ещё дрожал хрустальный бисер прозрачных капель, напоминающих бусинки стеклянных монашеских чётков. Легкий ветерок срывался с листвы, и конструкция из тонких нитей и солнечных блёсток трепетала, но в своей фантастической сочленённости не разрывалась.

Уже пронизанная ярким светом, вторая часть деревни встретила друзей птичьим пением и ожившими запахами утренних трав. Кайрин решительно двигался в храм. Остроглазов и Келсмен брели за Сергеем Наркисовичем, причём Иван норовил свернуть с тропинки к могильным плитам и кельтским крестам захоронений: он не выспался, хотел размять ноги и взбодриться. Сестра Брига уже стояла в притворе церкви, разглядывая лики нормандского портала. Лучи солнца разгладили суровые черты его каменных стражей. Вчерашняя таинственность и мистический дух Клонферта улетучивались.

Едва переступив порог собора, Кайрин обрадовался внезапной мысли: «Во всех европейских, да и русских церквях, построенных на фундаменте более старых храмов, в местах, имевших прежние исто-

рии, существуют подвалы, погреба для хозяйственных нужд и подземные тоннели, прокопанные по соображениям военной безопасности. Конечно, в некоторых случаях строители нового храма вполне могли такого рода сооружения засыпать, наглухо замуровать, но здесь за столетия существования монастырских школ святого Брендана и университетского городка, переживших расцвет, пожары, даже разруху, вполне могли в нетронутном виде сохраниться многие из прежних подземных построек или коммуникаций. А потомки местных старожилов, дремлющих в опрятных домиках деревушки Клонферт, молящихся только за воскресной мессой, ничего не знают или не помнят о подвалах своего храма. Нужно попробовать самим отыскать вход в подземное хранилище.

Пока Сергей Наркисович таким образом рассуждал, неугомонный Остроглазов обнаружил в отдалённом углу храма рядом с высокой каменной купелью деревянную дверь. Судя по всему, за ней мог находиться вход в подвал или даже подземелье.

– Вы, конечно, как хотите, – Брига решительно отошла от низкой дверки, – но я вам не Алиса, не брэндановская русалка и внутрь не полезу.

– Она случайно упала, – заметил Келсмен, – непреднамеренное путешествие в иной мир.

– Кто куда свалился? – переспросил Острый. – Русалку звали Алисой?

– Русалку звали русалкой, – проворчал Келсмен. – Алиса, если не знаешь, из английской страны чудес. Другая совсем история. Чему в России только учат?

– Прекратите ваше литературоведение, – бросил Кайрин. Он внимательно осматривал вход в подвал. – Острый мог не читать Льюиса ни по-русски, ни по-английски. Кому-то из нас придётся сюда спуститься.

– Кайрин, ты всё затеял, так что вперёд, – монахиня скрестила руки и сделала назад ещё два шага, – мало того, что просто страшно, хотя мы и в храме, я не вижу никакого смысла в таких экспериментах. Если когда-либо и был там скрипторий, то книги, рукописи, сундуки с бумагами – всё истлело, рассыпалось. Что там среди черепков, пауков и пыли отыщется?

– Ко всему прочему нас ждут там крысы, – весело предположил Иван, – начитанные, толстые, с умными глазками и длинными хвостами.

– Хватит пугать сестру, – вмешался Келсмен, – она и без того вся в переживаниях. Не приведи Бог, потеряет сознание. Я монахинь реанимировать не умею.

– Следи за своими словами, – строго заметила Брига, – я ирландка, и крысы меня совершенно не беспокоят. Мои прапрадеды пережили Великий голод. Много видели горя. Чуть было не сгнули. Так что я надёжно защищена на тему крыс. А наши святые с этими существами бывали даже в приятелях.

– Если ты про святого Кутберта из Линдисфарна, так к нему не крыса, а выдра с запасом провизии приходила, – довольный своей осведомлённостью, заметил Келсмен.

– Не вижу особой разницы, – сестра заинтересованно наблюдала за манипуляциями Кайрина, – выдра – большая крыса, научившаяся плавать и слушать молитвы. Что там задумал наш Серж? Дайте посмотреть.

В это время журналист тщательно исследовал тяжёлый замок, стягивающий кованые петли на подвальной двери. У него был опыт взлома таких старинных устройств, но подходящего инструмента поблизости не находилось. Ножиком, даже его, швейцарским, открыть замок – задача невыполнимая, а тревожить и без того намаявшегося с ними сторожа не хотелось.

– Чутьё мне подсказывает, что там, в подвале, могут оказаться полезные расследованию артефакты, – задумчиво протянул он.

– Твое чутьё едва не погубило тебя в Падерборне, – напомнил Остроглазов.

Это замечание Остроглазова пропустил мимо ушей. Он открыл тетрадь и в который раз стал рассматривать рисунок на восьмой странице. Ему казалось, что под иллюстрацией, напоминающей престол, начертаны стрелки, указывающие на подземелье или подвал.

– Давайте посмотрим на ситуацию с точки зрения Бога, – неожиданно предложила монахиня.

– Это каким именно образом? – удивленно за всех откликнулся Иван. – У Бога точек может оказаться больше, чем мы можем себе

представить. Не факт, что хотя бы одна из них совпадёт с нашей.

– Тем не менее, – Брига, и это хорошо было слышно по её интонации, настаивала, – зачем Ему вообще что-то прятать в подвал? Ненужное уничтожается, ветхое стораает, а устаревшее заменяется новым. Таков закон жизни. Только Дух вечен и сам нас найдёт, когда будет нужно.

– Отлично! – Острый решительно развернулся и направился к выходу. – Я пойду ещё покомарю. Дух знает, где меня найти и когда разбудить. Всем хорошего дня.

– Ты не должен уходить, – Келсмен строго оглядел приятеля, – слышишь: бьёт колокол, скоро начнётся месса, и мы собираемся на ней присутствовать.

– Я столько успел всем насолить, – Остроглазов с досадой

оглядывался вокруг, словно искал поддержки у задумчивых барельефов. – Не жизнь, а сплошная долговая яма. С ирландским подвалом посередине.

– Повременим, – Кайрин примирительным жестом остановил начинавшуюся перепалку, – здесь на службе сидят. Отдохнём, дождёмся конца мессы, спросим у викария про подвал и заодно чердак. В старых соборах там тоже могли хранить различные древности.

Служба проходила тихо и довольно скучновато, пока не наступило время проповеди. Много позже, припоминая детали того путешествия, Сергей Наркисович приходил к заключению, что в словах пожилого священника некогда известной всей Европе монастырской обители он нашёл ответ на вопрос, почему вся эта история началась.

Преподобный Беда, викарий Клонферта, был среднего роста, голубоглазый, лысоватый, с большим носом на вытянутом лице монаха-трапписта⁶⁶. Любил хорошее итальянское вино, не ел мяса, обожал сладости, лихо водил автомобиль и преклонялся перед трудами блаженного Августина. Он родился в Дублине. Мать Германа (так звали преподобного до монашеского пострига) была рыжеволосой ирландкой, учительницей математики, а отец-сицилиец – родом из портового городка Трапани – считался великолепным столяром-краснодеревщиком. Несколько лет после окончания школы и учёбы на курсах Мейнутацкого университета Беда провёл в стенах Великой Шартрёзы⁶⁷, кропотливо изучая богословие и тщетно совершенствуясь в деле соблюдения устава ордена молчальников. Трапписты мужественно терпели доставшуюся ему от родителей парадоксальную смесь итальянской болтливости с кельтской насмешливостью, которая бродила в натуре юного собрата. Настоятель обители однажды деликатно предложил неутомному монаху отправиться в Рим для, так сказать, дальнейшего духовного и умственного совершенствования. Преподобный, не особенно сожалея о потраченном в Шартрёзе времени, с радостью воспользовался открывшейся возможностью. Три следующих года он корпел в библиотеке Ватикана. Сочинил несколько пьес для ирландского театра Йейтса, защитил диссертацию о категории времени в трудах святого Августина и в конце концов отпросился обратно домой на Изумрудный остров. Там его ждала суровая жизнь приходского священника, курсирующего по многочисленным бедным сельским приходам, в которых слыхом не слыхивали ни о теологии Августина, ни о медитации суровых траппистов. Зато в субботние вечера добродушные крестьяне и рыбаки не скупались на виски, пиво и снисходительно относились к привычке викария раскуривать трубку после воскресной мессы на скамеечке подле храма. К нему подходили запросто побол-

тать, рассказать новые сплетни и обсудить вечную ирландскую тему капризов погоды. Беда любил службу, ему нравились минорные тона латинской литургии, он мог без подсказки самостоятельно сыграть простые фуги на органе, но более всего викарию удавались проповеди. В минуты этих жарких монологов глаза священника загорались, голос креп или наполнялся особой тёплой доверительностью. Ему истово внимали, и во время проповеди никто не засыпал. Со сном справлялись даже загулявшие с вечера пятницы селяне.

В то утро преподобный был несколько печален и задумчив. Кайрин со спутниками, разместившись в полупустом храме на узкой лавке с высокой спинкой, стали свидетелями следующего признания:

– Дорогие мои друзья! – начал викарий. – Надеюсь, никто не обидится, услышав такое обращение. Я всех вас считаю своими друзьями, искренне надеясь на то, что вы не погнушаетесь водить со мною, стариком, простую дружбу. Тем более что мы вместе однажды подружились с Господом и Его святыми. Если кто захочет оставаться с ними в приятелях или знакомцах, против ничего не скажу, поскольку и за Христом следовало много людей, часть из которых особо приятельских чувств к Нему не питали. Впрочем, вы и без меня это знаете.

Всем нам известен обычай Иисуса говорить притчами, – продолжал Беда, – вскользь бросать замечания, давать советы, покрикивать. Хотите, называйте это обличением упрямец, но Он, как было замечено в Евангелии, любил порассуждать о величинах идеальных, умозрительных, малопонятных как Его, так и нашим соотечественникам. Речь тогда и сегодня шла о заповедях блаженств, о людях, этих блаженств достигающих.

В приходской школе все мы учили заповеди, неоднократно слышали их за святой мессой. Но при всей простоте и очевидности смысл некоторых ускользает, а недопустимо забывать, что они своего рода пропуск в Небесное Царство и ключ к объяснению многих человеческих несчастий. Я уже тридцать два года возношу хостию⁶⁸, молюсь с вами под небом Ирландии, как раньше молился в романских арках папского университета, но так и не нашёл ответ на вопрос: какая заповедь самая важная и в чём секрет их спасающей силы?

В конечном счёте Небесное Царство – прекрасная метафора, обещание Бога, а Он верен своим словам, о которых мы не в силах забыть, но понять всё значение обещанного до конца не в состоянии. Над всем этим приходится думать и молиться, – настоятель Клонферта сделал многозначительную паузу. – В моём случае речь идёт ещё и о насущном хлебе. Господь через вас и местную архиепископию мне его любезно предоставляет.

Чаще всего я размышлял о тех кротких, которые наследуют Царство. Их право наследия подтверждено Самим Христом, и потому им не нужен лицензированный адвокат, когда завещание Главного Дарителя будет вскрыто. Кто они такие? Мы совсем не знаем, в многотысячной толпе не различаем тех, кто станет обладателями Новой Земли под Новым Небом. Ни имён, ни ремесла, ни намёка на страну рождения, ни указания на возраст или цвет кожи – ничего. «Почему так?» – задавал я себе вопрос. И получал несколько ответов.

Во-первых, кроткие не похожи на победителей. Они не облачены в тоги триумфаторов, и оркестры не сопровождают их появление на публике. Им свойственны тихость, незаметность, такое, представьте себе, дуновение при появлении в нашем бестолковом обществе.

Во-вторых, многих раздражает беззащитность, робость и смирение кротких. Они же не станут кричать в очереди или скандалить в приёмной нотариуса, ожидая, когда завещание, которое им адресовано, будет оглашено. Кроткие даже не догадываются, зачем призваны и что за наследство их ожидает. Но печать однажды надломят, конверт вскрыют, и свидетели церемонии в полном недоумении воскликнут: «Почему этим столько дано, а мы ничего не получили?» Они, завист-

ники, не постигнут тайну кротких, которая в следующем, – преподобный Беда протянул ладони к пастве, словно на них лежало полотенце или блюдо с хлебом. – Кому, как не ирландцам, знать о том, кто такие кроткие! Святой человек Брендан, чьи кости покоятся слева от входа в собор, слышал от Господа обещание увидеть землю, отданную вошедшим в тысячелетнее Царство Христа. Они – мученики апокалипсиса – ожидают возвращения Иисуса. Эту землю и показал Христос Брендану, потому что преподобный оставил позади мир наш и приблизился к миру будущей жизни. Некоторые думают, что рай лежит очень далеко, за тысячи вёрст, но кроткому отцу было открыто его истинное местоположение. И нет необходимости плыть за край света. Довольно отойти от скал Слив Лиг, которые в западном Донеголе, обогнуть Ратлин – остров, где останавливался Колумба, когда уплывал в Шотландию, а Роберт Брюс в мрачной пещере наблюдал за паучком, плетущим нить жизни. Двигаться далее, всё время на Восток, пока не сойдёшь на берег земли обетованной. Вся сложность только в том, что ты должен быть святым или хотя бы приличным человеком.

На секунду переведя дух, Беда начал пересказывать, видимо, любимый эпизод из плавания Брендана. Он говорил о двух чудовищах, которые, забыв про несчастных монахов-мореплавателей, сцепились в схватке. И пока напуганные пилигримы прятались на нижней палубе своего судёнышка, монстры разорвали друг друга.

– Вот видишь, – Остроглазов повернулся к Бриге, – всё, как в твоей истории про кошку из Нюрнберга. Разница только в том, что умные ирландцы затаились на своём корабле и не стали мешать двум злодеям загрызть друг друга. Будь тот американец поумнее, то улизнул бы вовремя, и тогда кошка прыгнула бы в железную деву.

– Так не бывает, – тихо прошептала монахиня. – Зло не может существовать само по себе, как пена над пивом. Оно должно быть «над» или «в» чём-либо. Нельзя из Евангелия убрать сатану. Без него теряется смысл. Но сам по себе, в одиночестве, сатана еще более бессмыслен.

Тем временем, преломляясь через витражное стекло, на высокий лоб священника падал ярко-багряный луч осеннего солнца. Остатки седой шевелюры викария казалось вот-вот вспыхнут, и пламенный нимб поднимется над головой. Голос отца Беды зазвучал ещё более решительно:

– Кроткие не трудятся, в отличие от тех, чья работа лишь адамово проклятие за грех гордыни, – продолжал преподобный. – Они действуют. Постоянно, размеренно и упорно, силой и широтой своих душ, огнём сердец и светом разумности. Действуют. Как ледяной ключ, пробивший скальную породу, кроткие разрушают любые преграды.

Им не нужно помогать. Они получили наследство, потому что сильно любили Дарителя, иногда даже не задумываясь о Его существовании. В то время как их жадные до денег и славы соплеменники тратили силы на преумножение всякого тленного состояния, кроткие собирали себе богатство на Небесах, обещанных святым. Залог их успеха только в неустанном и последовательном совершении добра, действию, которое для них самих – способ жизни. Кротким, которые идут по земле, летят над равнинами и горами, плывут по штормовому океану, всегда открываются все двери, потому что они и есть те самые наследники, о которых говорил Христос. Аминь скажу и я вам, друзья мои. Наследники всегда в пути, они, как древнеирландский скоморох с боярышниковым фонариком, исследуют закоулки своего мира. Впрочем, нам уже пора по домам в нашу благословенную деревушку. У всех много забот, и меня ещё ожидает пара-тройка важных встреч.

При этих словах преподобный пристально разглядывал четвёрку необычных посетителей. Прихожане начали неторопливо покидать храм; проходили под сводом нормандского портала, раскланивались и пожимали протянутую белую руку склонившегося в вежливом поклоне Беды. Когда церковь опустела, священник вернулся к четвёрке друзей.

– Доброе утро, долгожданные гости, – усталой хрипотцой поприветствовал викарий путешественников, – слава Богу, вы добрались до Клонферта. Я уже было принялся переживать: не приключилось ли чего дурного по дороге. Времена теперь лихие. Хотя мы от Ольстера в пяти часах езды, но гнев и вражда границ не разбирают. Далекие выстрелы к созерцательным размышлениям не располагают. Когда хочешь спрятаться от беды, мир кажется перевёрнутой лодкой. Забираться под неё

особого рвения нет, но и рокот грядущей бури оптимизма не прибавляет.

– Здравствуйте, преподобный! – первым вскочил Келсмен. – В вашу лесную пустынь мы вчера вечером добрались. Местный сторож был настолько любезен, что поселил к себе на ночлег.

– Замечательный старик, – неторопливо пожимая протянутую священником руку, подхватил разговор Кайрин, – но кто, не могу представить, мог вам с Найтом сообщить о нашем визите?

– Бросьте, – викарий уже здоровался с Бригой и Остроглазовым, – остров у нас маленький. В Дублине чихнёшь, а в Слайго уже кричат «благослови тебя Господь!» Опять же, почта фей и телеграф лепреконов не работают только по субботам. А здешние лепреконы проворнее корнуолльских и сметливее мэнских. С ними нужно только подружиться.

– Вам кто-то позвонил из столицы? – Сергей Наркисович всматривался в вытянутое лицо Беды, пытался прочесть в глазах преподобного скрывающуюся за шутовским разговором правду, – мы никому не общали о своих планах.

– Так я же и говорю вам, – викарий не сдавался, – местные феи очень ответственные существа. Всегда готовы нам, священникам, помогать.

– Добрые волшебницы? – вмешался Остроглазов, – а если их перевербовали тёмные силы, и нам всем давно пора уходить в подполье?

– Это не вариант, – Беда внимательно смотрел на молодого незнакомца, – о подпольях я знаю не особенно много, но вашей команде, насколько мне известно, крайне любопытно содержимое подвала клонфертского собора. И в данном случае, хочу заверить, всё обошлось без волшебных подсказок. Старик Найт ещё до начала мессы успел рассказать про всяческие приключения и поиски. Если он ничего не перепутал, как частенько с ним бывает, то мифическое наследие кулдеев привело такую пёструю команду в Клонферт, на могилу Брендана и к нашим церковным подвалам. В духовном, если хотите, символическом смысле, первым кулдеем был Лазарь Четверодневный. Тот самый, воскрешённый Христом в Вифании, брат Марии Магдалены. Евангелист Иоанн называет Лазаря не иначе как «другом Божиим». Только о Лазаре Иисус «плачет» в Писании. Есть упоминание о плаче Христа накануне последних страданий на Голгофе. Но тогда слёзы Мессии проливались над Иерусалимом и его погибающими жителями. Это была метафизическая скорбь по обречённому на гонения и гибель еврейскому народу. А вот история с Лазарем исключительно личная. Христос горевал по сердечному другу и воскресил его. У Иоанна, самого почитаемого в Ирландии автора из числа евангелистов, на Тайной

Вечере Христос называет апостолов «друзьями». Причём высказывание Иисуса полемично; будто Он, только что установив таинственный способ общения с Ним через мессу, присваивает ученикам новый статус.

Вот послушайте, – священник уверенно раскрыл карманное Евангелие (в старинном кожаном переплёте с почти стёршимися на обложке золотыми буквами, оно легко распахнулось в привычном месте) и прочел: – *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего.* Понимаете? Были как рабы и через посвящение в сокровенное знание стали друзьями. Захочет друг возвращаться к прежнему статусу невежественного спутника Учителя? Маловероятно. Но «дружба» с Богом – не приятельство с соседом. В ней взаимная любовь, ответственность и преданность вплоть до самопожертвования.

– Хорошо иметь друга, который не только может посидеть с тобой за столом, но и придёт тебя воскресить. Что бы ни означало это действие, – Иван задумчиво рассматривал витраж, запечатлевший святого апостола Петра с ключами от рая. – Обожаю всё такое таинственное, я сам видел удивительные подземные храмы. Не представляю, зачем их строили, но факт есть факт.

– Ты был на Виа Латина в Риме? – удивилась монахиня. – Видел Аппиевую дорогу? Спускался в катакомбы?

– В катакомбы не успел, – Острый досадливо поморщился, – как обычно, всякая ерунда съела кучу времени. Но у нас, в Австралии, такие пещеры с церквями встречаются. По крайней мере, одно местечко на юге штата Виктория мне хорошо знакомо.

– Что ты сочиняешь? – недоверчиво переспросил Келсмен. – Что бы в землях кенгуру подземные храмы строили? Кому такое в голову придёт?

– Не верите? – Иван искал поддержку у Кайрина. – Спросите Сержа, он если и не заезжал в Кубер-Педи, то о тамошнем подземном городе наслышан. Так ведь?

– Несомненно, – Сергей Наркисович кивал, – Острый прав. Есть такое поселение на юге. Жуткая жара и пыль, сквозь которую порой даже солнца не видно. Люди от марева и пекла приучились спасаться под землёй. Построили там город, проложили коммуникации, соорудили две церкви. Добывают опал. Живут небогато, но достойно.

– Везде можно молиться Богу, который сотворил небо, землю и, соответственно, подземный мир, – терпеливо заключил преподобный Беда, – но в нашем подвале, готов заверить, совершенно пусто. Впрочем, как считал Августин, если память – это желудок души, то знания могут оказаться равно сладкими или горькими. Любопытство сродни пищеварению.

– Совершенно справедливо, – осторожно вмешалась Брига, – дело в том, что к нам в руки попал один довольно странный документ. Своего рода конспект, касающийся артефактов истории этого ордена внутри древнеирландской или, как говорит наш вождь, кельтской церкви.

Монахиня перевела взгляд на Кайрина, и тот понял: от него ожидают более подробных пояснений.

– Видите ли, святой отец, – начал Сергей Наркисович, – мы предполагаем, что если воедино собрать все детали, сопоставить имена, географические названия, изучить упомянутые в документе предметы и атрибуты, найти личные вещи последователей этого смешанного ордена, то причины исчезновения сторонников одного из самых загадочных движений внутри Церкви европейского северо-запада станут понятны. Поэтому и на трагедии разделения последующих столетий можно будет смотреть несколько иначе. Более здраво и хладнокровно.

– На что там особенно смотреть? – приветливая улыбка угасла в глазах викария. – Никто и никогда не сможет нам открыть тайну гибели церковной ветви, принёсшей столько чудесных плодов. Её отсек Сам Господь. Когда становится необходимо, Бог просто берёт и уничтожает то, что до этого бережно возвращивал. Он как садовник, для которого сад – не цель работы. Урожай деревьев – дело второго порядка. И цветники – необязательное дополнение садоводческого труда. Ему важен сам бесконечный процесс возделывания. Сначала Он сотворил жизнь, после насадил сад в Эдеме. Люди не оправдали благих надежд. Адама пришлось вытолкнуть в шею, но уничтожить сад Господь не решился. Спрятал подальше от глаз Евы. Вот почему женщины больше мужчин тянутся ко всякому яркому и нарядному. Для них это отблеск утерянной красоты и гармонии. А мужьям горько вспоминать о времени, когда можно было ради пропитания не вкалывать до седьмого пота. Броди себе по фруктовой роще, срывай плоды, ко-

торые разрешили. Святой Брендан о заповедных местах знал. Потому и пускался в свои бесконечные плавания.

– Секундочку, преподобный, – в голосе сестры Бриги зазвучал металл, – что значит «садовника не интересуют плоды?» Кого интересует дело, если результат лишён смысла? Допустим, душа человека – цветник, то Бог в ней единственный садовник. Других нет. Он готовит почву, бросает семена. Поливают и ухаживают обычные люди, но начало жизни в Его власти.

– Красивое очень предание. Только печальное. – Может быть, так всё поначалу и происходило, – Беда не спорил, – бросил Сеятель семена, а сам сел в трёхмачтовый парусник и уплыл на острова. В далёкие широты. Выпалывать сорняки, подвязывать лозу, охранять урожай от зверья – забота уже не Его.

– Тогда к чему все наши мессы, молитвы, всяческие литании и тем более Розарий? – монахиня упорствовала. – Столько времени, получается, тратим впустую.

– Не говорите так, сестра, – священник достал из кармана потёртые зелёные чётки, задумчиво начал перебирать стеклянные бусинки, – большинство из нас жалуется Богу, просит, кто-то благодарит, но побольшему счёту все мы зовём: «Вернись обратно к нам или забери к Себе. Дай нашим душам карту маршрута к Твоим островам».

Викарий внимательно оглядел гостей.

– Поэтично сказано, – пробурчал Острый, – везёт нам последнее время на поэтов. Что ни учёный, так бард. Как ни викарий, так стихотворец. Нормальные люди стали редкостью. Меня, святой отец, вот какой вопрос занимает. Вы еще полчаса назад говорили о том, кому и в какой последовательности предстоит оказаться по ту сторону нашего мира в счастливой чудесной стране. Для хороших людей блаженство, как принято у вас в церкви считать, всегда откладывается до лучших времён и дальних областей. Эта философия работает. Знаю лично. Когда совсем плохо, сам себя уговариваю: потерпи, когда-нибудь в заоблачной земле всё сложится замечательно. Выстроишь дом на зелёном холме и будешь на лодочке ходить по голубому морю в тихую погоду. Здесь пока ничего толкового не предвидится. В вашем списке, если я ничего не перепутал, прозвучало обещание кротким в наследство получить землю.

– Совершенно верно, – викарий внимательно слушал Ивана, – именно так я и сказал, но это не моё мнение, а строчка из Писания. Слова Бога.

– Ладно, ладно, – Иван нетерпеливо перебил священника, – как будет угодно. Писанию виднее. Но я всё равно не понял, о каком на-

следствие идёт речь. Земля, хотя и шар, – понятие широкое. Что именно достаётся? Небесное тело, кусок территории, сохранившейся после ядерной зимы, пляжи Титикавека, остров Сахалин?

– Острый, как ты не понимаешь? – решительно вмешался Келсмен. – Скромные труженики в награду за своё терпение, за добрые дела в благодарность получают всю нашу планету. Такой, какой она будет в день возвращения Спасителя. Разве не ясно?

– А если Он не вернётся? – Остроглазов строго смотрел то на ирландца, то на преподобного.

– Что значит не вернётся? – Келсмен оторопел.

– То и значит. Не вернётся, как никто из умерших никуда, кроме наших снов, не приходил. Вдруг и Ему сюда путь заказан?

– Ты прав, сын мой, – осторожно вмешался Беда, – Христос жил среди людей, потом действительно умер, но воскрес, а после вознёсся на небо к Своему Отцу.

– Знаю, читал, – Иван, как упрямый подросток, наклонил голову и, казалось, готовится лбом расшибить невидимую стену, – по-вашему, Он улетел с земли без всяких приспособлений, не надев космический скафандр. Вы столетие за столетием ожидаете его возвращения и переустройства всего нынешнего мира?

– Он уже среди нас! – чувствуя, как разговор, словно разогнавшийся поезд, начинает сотрясаться на рельсовых стыках, вмешалась монахиня. – Мистически, невидимо, духовно Бог стоит рядом с каждым человеком. Ждёт, когда тот оглянется.

– Ясно, что невидимо, – Остроглазов, решив не выяснять подробности, вздохнул, – но как объяснить недосказуемое? С фактом существования того, что не потрогаешь руками, спорить бессмысленно. А вот в чём «блаженство», я так и не понял.

– Вы сам почти ответили, – викарий мягко положил руку на плечо Ивану, – блаженство – в стойкости наших ожиданий. Тот, кто перестал надеяться, не различает в небесной сфере дороги, по которой Спаситель вернётся обратно. И тому не до блаженства. Он либо не думает про наследие вовсе, либо понимает под ним нечто совершенно другое. Вполне осязательное. Мы боимся смерти, прячемся, но в то же время подсознательно хотим её. Это связано с жадной познания собственной души, которая всегда как бы ускользает от нас при жизни. Нам хотелось бы разглядеть самих себя, различить то самое Я, которое сегодня невидимо, а после того, как внешняя оболочка спадёт для тления, исчезнет в прахе, а сама личность останется. Мы поймём, какая в нас жила искра Божия, и возможно содрогнёмся, осознав, как мы с ней поступали, пока ели, пили и ходили по зелёным аллеям. Но это ничего,

в самом деле ничего. Душа перерождается, и в большинстве случаев у неё сохраняется шанс, чтобы остаться в светлом духовном мире. Конечно, отчаянным злодеям не позавидуешь, но Бог приставил к ним особых святых. Так сказать, для контроля, милосердия и жалости. А нам Он оставил знаки своего присутствия в виде нечаянных встреч, совпадений или странных находок.

– Думать, ждать и разбираться во всяческих реликвиях – это Серж в совершенстве умеет, – проговорил Иван и обратился к Кайрину: – Что у нас теперь по плану?

Сергей Наркисович возился с рюкзаком. Он хотел извлечь новозеландскую тетрадку, но, расслышав в рассуждениях Беда сомнения, передумал. Ему вдруг показалось, что преподобный, скрывавший источник своей осведомлённости относительно их визита в Клонферт, тем не менее, прекрасно представляет, о чём идёт речь.

«Возможно, – рассудил Кайрин, – поиски наследия кулдеев священник считает полным вздором или здесь уже давно ничего не осталось, и мы только теряем драгоценные часы короткого сентябрьского дня».

– Вас могут заинтересовать развалины Ардферта, – викарий решил изменить направление разговора, – Бог знает почему, но стоит только оказаться в западных краях, как в моей голове слышится голос руин монастыря святого Брендана. Все дела бросаю, чтобы хоть часик побродить среди останков этого форпоста нашего Клонферта. Ардферт на месте кельтского аббатства Мореплавателя возвели бенедиктинцы, и камни фундаментов старинные. Помнят шаги, совершавших путешествия за моря пилигримов. Представляете, стою один в пустующем нефе, надо мной только небесный свод. Разглядываю арки, стрельчатые проёмы окон, величественные стены, которые ни ветра с дождями, ни армии не смогли уничтожить. От океана долетает солоноватый бриз. Глотну бренди из фляжки и думаю: «Вот Ирландия сегодня вся такая уютная,

почти игрушечная, а в прежние века была поразительно величественной, монументальной. Трудно даже представить, сколько под сводами Ардферта в каком-нибудь 1050 году на пасхальной мессе могло собраться монахов. Как звучали их голоса, распевавшие *Pater noster* или *Ave Maria*.

– Преподобный, а вы любитель древностей? – вежливо уточнила монахиня.

– Конечно. Как всякий превращающийся в ископаемое существо, я питаю слабость ко всему, на чём время особенно отчётливо отразило процесс своего распада, – охотно ответил Беда.

– Объясните, о каком антиквариате идёт речь? – не выдержал Келсмен.

– Для меня существует два вида древностей, представляющих живой интерес, как бы странно это ни звучало: церковные и человеческие руины, – ответил викарий.

– Звучит. Ещё как, – Кайрин понял, что разговор затягивается, и решил вмешаться. – С первыми всё понятно. Люди как ветхие создания тоже любопытны. Время их не щадит. Но почему именно они?

– Мне, знаете, – священник как-то особенно печально улыбался, – очень нравятся глубокие старики. Такие, на первый взгляд, совсем былинки. Бывает, поражаюсь: кисть тонкая, пальцы узловатые, а руку тебе сожмёт – и чувствуешь скрытую глубинную силу. Дух в теле, как рыцарский герб, впечатанный на старинном щите. И ещё глаза. словно проводники нездешнего света. У меня была прихожанка. Миссис Дэрбхэйл, ирландка. Знаете, что по-гэльски означает её имя? «Дочь Судьбы». Но это не важно. Ей перевалило за сотню. Страшно представить: она родилась в один год с Йейтсом и Киплингом. Пережила лет на тридцать обоих, имея довольно смутное представление о том, чем занимались её знаменитые ровесники. Пока могла ходить, почтенная миссис появлялась за утренней мессой и на всех приходских праздниках. В девяносто пять ей диагностировали рак желудка, и миссис Дэрбхэйл решила отказать себе в вечерней порции виски с молоком. К тому времени она похоронила мужа и троих сыновей. Рак у неё, как говорят, «замёрз», а ясная память, зрение и речь почтенной старушки продолжали меня восхищать. Однажды во сне к леди пожаловал усопший супруг. «Ты за мной?» – заволновалась она. «Пока нет, – ответил он и хохотнул: – Жди меня семнадцатого февраля». Сказал так и исчез, не уточнив, в какой именно год суждено произойти встрече. Вдова проснулась в полном смятении чувств. С тех пор в назначенный февральский день всё происходило одинаково драматично. Дэрбхэйл не вставала с кровати. Накануне вечером наливала в медный таз воды, помещала туда канделябр на семь огней. Почти что еврейскую менору. Зажигала толстые суточные свечи. Говорила: «Для безопасности. Покойный Том такой неуклюжий. Придёт за мной и опрокинет подсвечник. Не ровен час, дом сгорит. Меня не успеют вынести. Кого тогда хоронить?» Потом готовила себе холодные бутерброды с копчёным лососем. Заваривала чайник травяного настоя. Лежала и, с перерывами на перекус, смотрела в потолок. Я про эти чудачества знал и всегда на следующие сутки старался проведать вдову. Два года назад заглянул. Утро семнадцатого наступило, но миссис ещё лежала под шерстяным одеялом. Смотрит с тоской и спрашивает: «Почему Бог меня забыл и не забирает к Себе? Зачем такая жизнь, и кому она нужна?»

– Чрезвычайно трогательная история, – произнёс Кайрин, – но мы, святой отец, интересуемся не человеческими древностями, а вполне

конкретными историческими артефактами. Если здесь у вас нет ничего важного, то подскажите, куда нам лучше всего отправиться?

– Друзья мои, – викарий обвел взглядом гостей, – в нынешние годы таким, как вы, преступно сидеть в провинциальном захолустье или прожигать жизнь на городских ристалищах. Наследие ждёт своих хозяев. Так что отправляйтесь, куда указывает маршрут в тетрадке. Если ваши поиски не увенчаются успехом, то не отчаивайтесь и прокладывайте новый путь. Куда вы сейчас?

– На Дингл, – Сергей Наркисович жестом пригласил спутников к выходу, – благодарим за кров, проповедь и беседу.

– Да-да, огромное спасибо, – подхватил Келсмен. Было очень уютно и вкусно. Жалко, что старина Найт уехал по делам. С ним не попрощались.

– Я обязательно передам ваши слова, – Беда вежливо поклонился, – а вы будьте любезны выразить моё почтение достойному Крогану.

– Почему вы решили, – в который раз Кайрин не смог скрыть удивления, – что мы едем к нему?

– Быть на Дингле и не заехать в дом Крогана? – священник чуть заметно улыбнулся. – Для искателей приключений – немислимая оплошность. Скажите старику, что я всегда готов к нему заглянуть.

– Не сомневайтесь, – Остроглазов спешил к выходу, – всё передадим. В лучшем виде.

– Благодарим вас, отец, – монахиня слегка коснулась сутаны преподобного, – надеюсь, мы ещё увидимся.

– Не сомневайтесь, сестра, впереди у всех нас великая встреча.

Путешественники вышли из собора. По правую руку под саваном зелёной травы спал святой Брендан Мореплаватель, слева открывалась дорога, ведущая к океану, небо расширилось, и над головами четвёрки разогрелось солнышко. Нужно было спешить, но можно было не торопиться. Время, согласно древнеирландской традиции, проведённое в дороге, Бог не засчитывал как обычные часы, припасая его для добрых дел всякого человека.

Глава 18 Дорога на юг

Стоило автомобилю друзей преодолеть первые три сотни метров упруго накатанной дороги, сделать крутой первый и плавный второй повороты, как Клонферт исчез. Ни шпиля собора, ни высоких деревьев вокруг кладбища, ни крыши сторожки – ничего не осталось. Всё растворилось, пропало, погрузилось в мшистую губку изумруда трав и влажных лесов. Кайрин подумал, что Ирландию называют «чудесной страной» из-за её удивительной способности за считанные минуты, в коротком просвете петляющего шоссе, словно это декорации сказочного представления, переставлять живые пейзажи, изменять ландшафты. Был городок, деревушка, одиноко стоящий замок, но вдруг раз – исчезли из виду. На путешественника, раздвинув ветки боярышника, теперь наезжает оливковый косогор, за которым в недвижимой чаше озера лёгкий ветерок играет серебристыми волнами.

День ото дня Сергею Наркисовичу всё больше нравилось колесить по ирландским дорогам. Он чувствовал себя причастным к внезапной перемене подвижных картин и даже придумал игру: загадать, что появится за следующим перекрёстком, какой вид откроется с невысокого пригорка. Стишки в голове складывались сами собой: «За замком лощина, / В лощине ручей, / У башни три ёлки / И груда камней. / Кресты между скал, / Где болотистый луг, / На многих из них вы увидите круг».

– Серж, что ты там бубнишь себе под нос? – поинтересовался расположившийся на заднем сиденье Остроглазов. – Время утренних мо-

литв благополучно закончилось. Хороший попался священник. Разговорчивый. Если бы вы с Бригой не неслись сломя голову, нас сытно бы накормил старик Найт. А теперь поди знай, когда перекусим.

– В багажнике целая корзинка с припасами, – ответил Кайрин, – сторож принёс ещё утром. Там хлеб, молоко, два сорта сыра. А здесь у Шона мешок яблок.

– Изумительные экземпляры! – Келсмен жадно вдохнул поднимающийся из мешка осенний аромат, извлёк два плода и, обернувшись, протянул их монахине с Остроглазовым. – Попробуйте. Пахнут мёдом и тёртым миндалём. На вкус должны быть превосходны.

Острый взял яблоко и сразу громко захрустел. Брига достала носовой платок и, тщательно обтерев плод, надкусила подарок сторожа.

– Какое сочное, – сказала монахиня. – Знаете, пока до Европы не доехал картофель, в наших монастырях этот фрукт столетиями был частью основного меню. Древние уставы подробно расписывали, кому и сколько в обед и на ужин разрешено съесть яблок.

– Пирог с ними пекли? Или так желудки набивали? – поинтересовался Иван.

– По-всякому. Монастырская пища на островах особым разнообразием не блистала. Чаще всего монахи готовили овсянку, взбивали масло, выдерживали сыр, пили сыворотку – молоко пополам с водой. Собирали травы, ягоды, выпекали хлеб. Небогато жили, но достойно.

– Чем проще, тем ближе к небу, – веско произнёс Келсмен. – Наши святые имели дар аскетических подвигов. Демоны трепетали у порога их келий.

– Всякое бывало, – монахиня нахмурила лоб. – В житии моей покровительницы есть история про беса, который любил залезать к ней в тарелку, когда преподобная была ещё ребёнком. Сидел на кромке и пугал девочку. Ко мне в детстве тоже приходили такие странные существа. Маленькие, похожие на полупрозрачные, водянистые грибы. Не знаю почему, я называла их бибики. Они появлялись на подоконнике, рассаживались по краям стола, висли на кружевной бабушкиной скатерти и вели себя очень нагло. Когда приносили завтрак, бибики на своих кривых ножках прыгали вокруг тарелки и тонко пищали: «Выплюнь, выплюнь кашу!» Мама их не видела, но очень сердилась, потому что я наотрез отказывалась есть. Когда мне исполнилось шесть, бибики исчезли. Что бы это могло быть, до сих пор не знаю.

– Так спроси у своих пастырей, – Иван крутанул ручку стеклоподъёмника и огрызок яблока влетел в плотную стену ежевичных за-

рослей, – столько священников на душу населения, пожалуй, только в Италии наберётся. Один провидец наверняка отыщется здесь.

– Думаешь, не искала? – вздохнула монахиня, – кого только не спрашивала. Одни отмахивались: мол, детские страшилки, пустые видения. А наш викарий советовал бежать к экзорцисту⁶⁹. Говорил, что хотя дело и давнее, но груз порчи лучше не носить. Мало ли какая в жизни сложится ситуация. Возьмут и вернуться. В другом уже обличи.

– Высшая алхимия! Уважаю за абсурдность. – Остроглазов наклонился к Келсмену: – Шон, как бы ты объяснил шабаш бибиков на обеденном столе нашей сестры? Тебя в Милфорд Саунде посещали делегации потустороннего мира?

– Никто ко мне не приходил, но вопрос важный, – О’Хини развернулся так, что половина его высоченной фигуры нависла над сидящими позади пассажирами.

– Осторожно, Шон, у нас крохотный автомобиль, – Кайрин с опаской проследил кульбит спутника, – твои плечи и голова в таком положении закрывают мне всю панораму заднего вида.

– Прости, Серж, я мигом.

Вернувшись в прежнее положение, Келсмен громко, так, чтобы слышали Брига и Острый, произнёс:

– Понимаешь, Ваня, при любом странном событии настоящему ирландцу, хоть тресни, но подавай религиозное, метафизическое объяснение случившегося. Отчего наши священники столь говорливы и находчивы? Совершенствование в профессии у них происходит беспрерывно. Рыбаку с побережья Керри ответ вроде «На всё воля Божия» не подойдёт. Это связано с древней верой в то, что время и тем более пространство не может разрушить человеческую душу, уже существующую в вечности, и все события несчастливой жизни уходят корнями в область мистическую, населённую духами, феями, банши или русалками.

– Понимаю, – Остроглазов подчёркнуто уважительно кивал, – как обойтись без духов? Тем более русалок. В России эти существа довольно известны. Особенно среди мельников и утопленниц. Церковь, если не ошибаюсь, особо их не жаловала. Местные священники куда терпимее.

– Ясно, к чему ты клонишь, – Келсмен разломил румяное яблоко на две части, одну протянул Кайрину, – женщина с рыбьим хвостом в соборе Клонферта меня тоже озадачила. Даже смутила, но я вспомнил историю Ли Бан – русалки, ставшей преподобной. Точнее, предание о принцессе, превратившейся сначала в мерроу⁷⁰, а уже после

прославленной в лике святых. Восхитительная, только несколько запутанная и длинная повесть.

– Благодарю, – журналист захрустел предложенным яблоком. – И что с ней произошло?

– Да-да, что приключилось? Не интригуй нас, достопочтенный Шон О’Хини, – деланная серьёзность в голосе Остроглазова сменилась откровенным весельем, – после твоей проповеди о приключениях в подводном царстве смелого Суибне нас вряд ли смутит рассказ про благочестивую русалку. Наш водитель не из трусливых, монахиня в этом мире уже ничего не боится, а у меня ко всему сказочному железный иммунитет. Валяй, повествуй.

– Хорошо, – Келсмен с готовностью начал рассказ. –

В Ирландии много странных святых. Правильнее сказать: на острове найдётся немало любопытных личностей и даже не вполне людей, которых почитают за Божьих угодников. Русалка клонфертского собора мне напомнила легендарную Муйрген, известную также под именем Ли Бан. Её имя сохранилось в Мартирологе преподобного Ойнгуса из Клоненаха⁷¹, того самого, что зовут Энгус Кулдей, а это IX век, Помните, в Регенсбурге немецкий профессор говорил о его «Литании святых пилигримов» и ковчегах для мощей? Про святую русалку я знаю вот что. За 300 лет до того, как Патрик прибыл на остров, в Мунстере правил король Муйред. Его супруга имела несчастье страстно полюбить собственного пасынка Эохайда. Оседлав коней, любовники бежали на север. В погоню за ними отправился сын короля по имени Риб. Как и положено в языческие времена, в дело вмешались жители холмов – сиды, имевшие родственную связь с женой короля. Один из верховных патронов глубинного мира убил всех лошадей отряда

погони. Но после одарил спешенных всадников другими чудесными конями. Теперь и беглецы, и преследователи получили волшебных, отличных скакунов. Только нагруженный тяжёлой поклажей жеребец принца Риб решил помочиться. Да так постарался, что напрудил целое озеро в долине реки Шаннон. Риб и вся его дружина в нём утонули. Такое случилось несчастье. Озеро назвали Лох-Риб, или Лох-Ри. Это одно из тех ирландских озёр, где потом неоднократно видели огромное лошадиноголовое чудовище. Да, не удивляйтесь. В мае 60-го нынешнего века трое католических священников отправились туда на рыбалку и потом под присягой свидетельствовали о встрече с монстром. «Би-би-си» даже был снят телесюжет. Но нам интересна судьба сына короля Эохайда. Жизнь у него сложилась иначе. Для начала юноша догадался, что нельзя разрешать своему коню мочиться где ни попадя. Он заставил животное терпеть, покуда они не добрались до северо-западной части острова. В определённое время жеребец сделал своё дело, и немедленно в этом месте забил источник. Эохайд огородил его забором, рядышком построил дом, в котором они с беглой королевой завели обширное хозяйство, нарожали много детей. Жили супруги долго и счастливо, пока однажды, в чёрный день, некая злая женщина, то ли по забывчивости, а скорее нарочно, не заперла жилище, из которого вела тропинка к заветному источнику. Произошло наводнение, затопившее всю округу и погубившее семью Эохайда. Выжили тогда только двое их сыновей и дочка по имени Ли Бан. Юноши выбрались на сушу. Один из них стал воином, второй безумцем. А девушка чудесным образом продолжала жить на дне озера Эохайда. Когда семью накрыло потопом, Ли Бан играла со своей маленькой собачкой, и в момент её превращения в русалку пёсик принял вид выдры, что вполне соответствовало природе их нового обитания. Несколько столетий она плавала по всем ирландским рекам, резвилась в глубоких озёрах, гостила у подруг в Шотландии, ныряла в тёмных гротах острова Мэн, пока не услышала истории о святом Патрике и переменах на родине. Однажды она вернулась в Лох-Ней – так теперь называют озеро Эохайда. На его берегу, где, говорят, любили петь ангелы, русалка встретила монаха из монастыря Бангор. Дело было уже в VI веке, когда многие ирландские анахореты отправлялись в паломничество к римским святыням. Инока звали Комгалл⁷², и он был в самом начале своего путешествия к мощам апостолов Павла и Петра. Проходя берегом, он увидел прекрасную мерроу, подпевавшую ангелам.

Комгалл познакомился с Ли Бан, рассказал ей евангельскую историю Христа, поведал о проповеди Патрика, сообщил про события не-

давних лет и открыл тайну Второго Пришествия Иисуса. Поражённая услышанным, русалка стала умолять монаха совершить над ней таинство крещения. Преподобный согласился, но предупредил ее, что в своём чудесном облики она может просуществовать ещё триста лет, а после крещения жить ей менее эха от всплеска упавшего в воду камня. Ли Бан осталась непреклонной. Её крестили с именем Муйрген – «дита моря», и душа светлого существа немедленно отлетела на небо. Теперь Муйрген почитают как святую деву, и в Церкви 27 января отмечают её день.

– Отлично, Шон, в тебе зарыт Александр Карлмихаель⁷³! – с нескрываемым восторгом воскликнул Остроглазов. – У меня только один вопрос: что стало с собачкой, которая превратилась в выдру? Её тоже крестили, или она продолжала уютить ирландские озёра, но уже без своей крещёной хозяйки?

– Собачка, то есть выдра... – было заметно, что Келсмен замешкался. – Она, кажется, погибла прежде встречи девы и Комгалла. Точно не помню. В сюжете несколько боковых историй с роднёй Ли Бан, но они несущественны.

– Кому как, – хмыкнул Иван, – выдру жалко. Её на небо не взяли. Может быть зря. Была бы на стене собора Клонферта маленькая зверушка. Ладно, так и быть, – казалось, что Остроглазов готов примириться с фактом превращения русалки в святую, пусть даже и хвостатую, деву, – допустим, из подводной принцессы твоя Ли Бан стала церковной начальницей. Но как обстоят дела у других, менее сознательных духов: лепреконов, гномов и прочих банши? Если это бывшие люди или переродившиеся души мертвецов, то в чём смысл их существования? Я допускаю, что они не переметнулись на сторону вечного зла и не стремятся угробить человека. Тогда все их затеи не более чем кривляния и мелкие пакости? Они морочат доверчивые головы. Таких существ я готов признать, поскольку понимаю простую штуку: силы, сущности, называемые демоническими, не что иное, как результат нашего воображения, разрушения психики, если хочешь, болезни души, а не какие-то там природные или подземные герои. Они легко сведут с ума не только ирландца, но и австралийского аборигена, потому что умеют наполнять жизнь иллюзиями. Сам пару раз с такими сталкивался.

– Всех победил? – осторожно уточнил Келсмен.

– Вовремя сбежал, – вздохнул Остроглазов, – по крайней мере, от большинства. А тех, кто за мной ещё тащится, держу на безопасном расстоянии. Впрочем, всё это было давно. Стараюсь не вспоминать.

– Прошлое, Ваня, можно забыть, – заметил Кайрин, – но оно не умирает, не исчезает, а в самый неожиданный час возвращается. Начинает преследовать и мучить. На длинных когтистых лапах, в перестуке стальных колёс оно непременно напомнит о себе. От него не отмахнёшься, его не обманешь, потому что прошлое – это ты сам в какой-то из своих частей. Мне всегда хотелось чувствовать себя цельной, крепко скроенной личностью. Это должно было помочь преодолевать любые препятствия, но стоило только нагрязнуть настойчивым посланцам из уже пережитого, как вся цельность рассыпалась. В Сиднее один высоколобый психолог посоветовал «работать с воспоминаниями», то есть заново прокручивать в голове цепочку почти забытых впечатлений и эмоций, переживать. И как змеи сбрасывают старую кожу, отметить всё болезненное и раздражающее. Но я не змея. Воспоминания, уже казалось бы многократно изжитые, вдруг как ни в чём не бывало возвращаются. Шепчут: «Без нас ты, дружище, не настоящий, не цельный, мы не кораблик, которому можно помахать с пирса и отправиться в паб. Мы навсегда».

– Как всё у тебя, Сергей Наркисович, сложно, запутанно, – вздохнул Остроглазов. – По мне: раз забыл, то почти с концами. Если вдруг и всплывёт хорошая картинка из прошлого, то её можно пересмотреть, как немой кинофильм. Плохую ленту даже не включаю. Какой смысл тратить нервы? Всё равно ничего не изменишь, а для мозга найдутся вещи поважнее. Гляньте, – Иван высунулся в открытое окно, – судя по указателям, мы мчимся в сторону Ардферта и Фенита. На родину нашей Бриги. Сестра, какими обычаями прославлены эти края?

– Самыми разными, – монахиня медленно перебирала бусинки чётков. – К примеру, традициями изготовления свитеров.

– Обычных или особенных? – уточнил Келсмен. – Есть история на эту тему?

– Особенных, – кивнула Брига. – Что вам рассказать? Моя мать родом из Донегола, а женщины на западном побережье мужьям и взрослым сыновьям собственноручно вязали свитера. Правило было одно: рисунок на лицевой стороне вязки не должен быть похож на узор соседней мастерицы. Из непромытой шерсти ирландских овец свитера получались грубые, но очень тёплые. Эти рыбацьи доспехи не только спасали жизни отцам, но иногда помогали распознать, кого волнами отлива выбросило на берег. Сплетения косых линий, наложение ромбов с чередованием сетки рельефного орнамента подсказывало имя погибшего рыбака. Так, в конце сентябрьской ловли сайды и макрели нашли моего двоюродного дядю. Наступало время штормов, а у них

дома совсем стало плохо с провизией и деньгами. Он ушёл в море один. Две недели не было ни слуху ни духу, пока мальчишка, искавший заблудившуюся овцу, не увидел на берегу утопленника. Опустили дядю по свитеру, связанному его женой. Мы с родителями тогда отправились на похороны. Успели до погребения, к первому поминальному ужину, чему мать была очень рада.

– Великое счастье – успеть на кладбище, – хмыкнул Остроглазов, – я лично за быструю кремацию и немедленное рассыпание пепла над речкой, озером, если по близости нет океана. Какой смысл сидеть вокруг того, кто сам ни встать, ни сказать, ни даже выпить не может?

– Для нас, Ваня, всё, что касается смерти, очень важно, – строго ответила Брига, – даже сохранился древний ирландский обычай совершать поминки ещё до погребения усопшего. Вот те самые, на которые мы поехали к дяде. Устраивают их для того, чтобы в ночь после кончины покойник не оставался один. К нему домой приходят старые друзья, дальние родственники, заглядывают товарищи по промыслу, собутыльники, почтмейстер, викарий и сержант из местного участка. Пёстрое собрание как бы провожает несчастного в дальний путь. Гостей угощают выпивкой, табаком, простыми закусками: козьим сыром, маринованными яйцами, сухариками с маслом и травами. Принято тихо сидеть, прихлёбывать пиво, дымить трубочками, вспоминать, как поживал покойник, и рассказывать про него всякие забавные байки. Дурным тоном считается говорить пошлости, тем более сомневаться в истинности той или иной истории. Поначалу обсуждают усопшего, затем состояние нынешних дел: правительство, займы, неурожай, дрянную погоду, а в конце старые времена, когда жизнь была лучше и трава зеленой. Бурные поминки состоятся уже после самих похорон. Викарий отпоёт в церкви, процессия отнесёт гроб на кладбище, покойного закопают, насыпят могильный холмик и вернутся домой. Вот тогда на столы выставят портер, виски,

принесут чаудер* с мидиями и копчёным лососем, стью – баранье рагу, сосиски с беконом, а также фадж – блюдо картофельного хлеба. Будут закусывать, крепко выпивать, и дело закончится песнями. Есть даже поговорка «На похоронах проказят больше, чем на свадьбе».

– Да-да, – подхватил Келсмен. – В Новой Зеландии, когда умер мой дед, на его похороны собралось много ирландцев. Три дня прощались со стариком. Пели, травили байки, поминали доброго Киллиана О’Хини. Хотя я и был ребёнком, но хорошо помню, как чинно начиналась трапеза и чем всё закончилось. Истории про Киллиана травили самые невообразимые. Сосед-садовник утверждал, что дед водил дружбу с шаманом из маори и они вместе путешествовали по царству тамошних духов.

– Есть такие случаи, в которые трудно не поверить, – согласилась Брига. – К примеру, про Генделя.

– А что с ним случилось? – не оборачиваясь, спросил Кайрин.

– Ничего особенного. – Несколько месяцев маэстро жил неподалёку от Дублина. Выступал с концертами в соборе декана Свифта, сочинял. Нашлись умники, которые убеждены, что именно тогда в голове Генделя родились первые аккорды пассакалии. История была связана как раз с ирландскими похоронами. Якобы композитор прогуливался по своей деревеньке и стал невольным свидетелем похорон над усопшим. Он спросил у своего приятеля, в чём, мол, дело и почему в неурочное время слышны песни. Ему рассказали казус Морриса и яблочного пирога. Дело в том, что когда старик Моррис был при смерти, его жена Дебра пекла яблочные пироги, а он, собрав последние силы, приволочился на кухню. Хотел было схватить пирог, но услышав: «Не трогай! Это на твои похороны», получил скалкой по рукам. Старик смирился. Ушёл восвояси и тихонько почил. Теперь с ним прощались, курили трубки и запивали те самые пироги портвейном. Гендель, который был в ту пору не женат, сильно изумился и, возвратившись домой, набросал зарисовку к своей знаменитой будущей пассакалии.

– А когда композитор женился? – поинтересовался Иван.

– В том-то и штука, что он так и остался холост, – произнесла монахиня.

– Вот молодчина! – Острый довольно кивнул. – Ладно, после подробного меню и обещанного похоронного веселья я согласен на отмену немедленной кремации. Хорошо закусим, и тогда можно подумать о загробной участи. Тем более чужой. Но в свитера слабо верится.

* Чаудер – густой, наваристый суп.

Непогожими днями наши рыбаки тоже ходили за треской. Меня брали в команду, и никаких особенных нашивок или знаков на одежду никто не приделывал. Если море унесёт, так с концами. На берегу искать не станут. В конторе повесят фотографию с чёрной ленточкой. Вот и все дела. Хотя везде свои обычаи.

– Повесть о вязаных свитерах подлинная, – не отводя взгляда от узкой змейки дороги, заметил Кайрин, – в начале века жил драматург и поэт Джон Синг. Знаменитый человек. Однажды он поселился в этих краях. Только ещё западнее, на Аранских островах.

– Там были древние монастыри святого Аилбе? – переспросил Келсмен.

– Да, на одном из них. От обителей ничего не осталось, но на побережье в деревнях ещё жили рыбацкие семьи. Синг был эстетом, немного снобом и горячим патриотом. Похоже, что сам Йейтс завербовал Синга в свои «сумерки». Целыми днями поэт гулял, подружился с местными жителями, а потом написал пьесу «Скачущие к морю». Трогательная вещь, только очень грустная.

– Рассказывай, – настойчиво потребовал Остроглазов, – теперь твоя очередь.

– История чисто ирландская, – неторопливо начал Кайрин. – В ней, как и полагается, идеально соблюдены пропорции: натуральность происходящего, народная мистика, чёрная меланхолия и вера в скрытый смысл фатальных событий. Морья, старая вдова, мать, потерявшая в море уже нескольких сыновей, должна получить свёрток с вещами погибшего мужчины, чьё тело выбросил океан на берег Донегола. Ей эту печальную посылку через двух её дочерей передаёт местный католический священник. Девушки в страхе и замешательстве сами боятся вскрыть свёрток, потому как по свитеру утопленника вдова сможет определить, кого из членов семьи настиг злой рок. Незадолго до разворачивающихся событий в море на промысел ушёл ее сын Майкл. От него несколько дней ни слуху ни духу. Тем временем Бартли, второй из оставшихся сыновей, решает в Голуэе продать своих лошадок. То есть ему придётся отправиться на берег океана, где расположен город, образно говоря «скакать к морю». Морья, ещё ничего не знающая о посылке священника, начинает отговаривать сына от затеи с продажей коней. Ей кажется, если сын отправится в Голуэй, то к утру у неё вообще не останется ни одного из «её мальчиков». Но Бартли, мрачный и озлобленный парень, слушать ничего не захотел. Вскочил на лошадь, взял под уздцы вторую и только пыль столбом на дороге. Мать в слёзы, но сёстрам удаётся уговорить её догнать сына, вручить спасительный талисман и дать своё благословение. И пока Морья пыталась поспеть за Бартли, девушки развернули свёрток священника и потеряли дар речи. Перед ними лежали вещи пропавшего Майкла. Не помню, имел ли принципиальное значение узор на свитере утопленника, но сомнений не осталось: их брат мёртв. Судьба последнего из мужчин семьи оказалась столь же трагичной. Морья не успела благословить сына. Вмешались мистические силы. Когда он с лошадьми стал наконец-то виден и рука для крестного знамения уже была занесена, вдова заметила, что на второй лошади, которую хотели продать, в праздничном костюме скачет Майкл. Рука бедной матери так и застыла с неотправленным благословением. Далее всё печально. Она вернулась домой, куда уже принесли тело Бартли. Несчастный не добрался до города. Упал с лошади в море и утонул, юношу нашли соседи. Единственное утешение вдовы – возможность иметь хотя бы могилу одного из сыновей. Морья приняла неумолимую судьбу.

– Жуть какая-то. Неужели такое могло быть? – Остроглазов мрачно смотрел на двухметровые каменные ограды, мелькавшие за окном. – Как вообще удалось брякнуться с лошади и тут же утопнуть? Выпивши, наверное, был парень. О призраках я промолчу.

– Раз написал ирландец, то, скорее всего, правда, – решительно заявил Шон, как делают люди, убеждённые в своей правоте. – На западном побережье происходят странные вещи. А маэстро Гендель вполне мог быть связан с кулдеями своего столетия.

– Маловероятно, – покачала головой Брига, – композитор был из немецких реформаторов. Идеи Друзей Божьих универсальны, но во времена барокко они мало кого занимали. Другое дело Торла О’Каролан. Я почти уверена, что великий арфист Торла был посвящён в древнюю традицию! Иначе стал бы этот полуслепой певец бродить по Ирландии? Свифт называл его «ирландским Гомером».

– Как слепой может играть на арфе? – удивился Остроглазов. – Там столько струн, что запутаешься и таскать её – дело не из приятных.

– Ирландская арфа – особый инструмент, – ответила монахиня. – Она легче и меньше обычной. Струны на ней натянуты куда плотнее,

чем на арфе континентальной, так что при хорошей музыкальной интуиции подходящая всегда найдётся. А О’Каролан, в восемнадцать лет тяжело перенёс оспу, ослеп. Его спасли занятия на арфе. Незрячий юноша погрузился в мир звуков, которые складывались соцветиями мелодий, перерастали в гимны. Инструмент за ним носил особый проводник. На телеге, запряженной крепкой лошадкой, они колесили по острову. Сначала Торла только играл, но со временем у него открылся настоящий дар сочинительства. Нотная грамота арфисту была неведома, зато нашлись умельцы записывать эту изящную музыку.

– И семьи, как у Генделя, у него тоже не было? – уточнил Иван.

– Наоборот, – Брига бережно расправила нитку чётков розария – этот добрый католик вырастил шесть дочерей и одного сына. Он слыл весёлым, общительным человеком. Говорят, что поминки по Торле продолжались четверо суток. Несколько сотен почитателей со всей Ирландии собрались у дома арфиста. Пели его песни, играли, пили портер с виски.

– А при чём здесь кулдеи? – вмешался Келсмен. – Какое им дело до арфы и баллад?

– Понимаешь... – монахиня подбирала слова. – У нас всегда было много хороших голосов и гениальных поэтов, но когда музыкант складывал свои элегии, он словно подключался к ритуалам средневековых бардов. Казалось, ему подарили ключ от комнаты забытых сокровищ и оттуда он извлекает всё новые и новые шедевры. Я могу лишь предположить, что учителя О’Каролана сохранили связи с наследием, относящимся к годам правления Бриана Бору, когда игре на арфе обучался каждый пятый ирландец. Среди Друзей Божьих талантливых исполнителей хватало, а народные песни только кажутся незатейливыми вещицами.

– Второе дно! – подхватил Остроглазов. – Знакомое дело. У нас, в России, что ни песня – так криминальный сюжет или сердечная драма. Вот Серж наверняка знает с дюжину слезливых романсов.

– Гораздо меньше, – не отрываясь от дороги, ответил Кайрин. – Русский фольклор не настолько древний, и в нём множество поздних заимствований. Мне, кстати, в детстве читали ирландские сказки. До сих пор помню истории леди Эджуорт⁷⁴ про Лимерийские перчатки и Хромого Джервеза.

– В Ирландии её почти забыли, – вздохнула Брига, – время другое. Сейчас больше читают Патрисию Линч⁷⁵. Такие чудесные легенды о лепреконах, подмёнышах, волшебных чайниках и зелёных туфлях Брoгина. К сожалению, совсем недавно она скончалась.

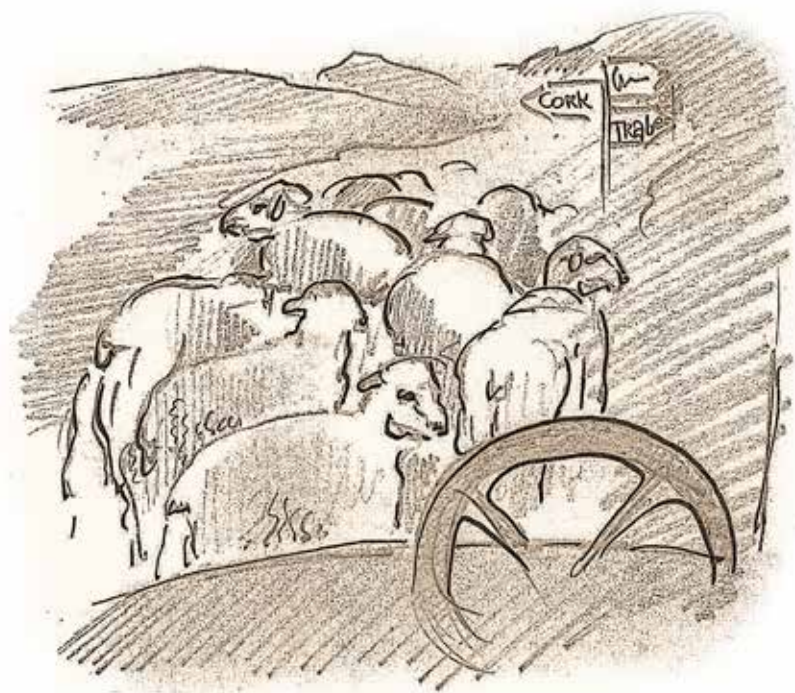
– Не может быть! – воскликнул Келсмен. – Я ничего про это не слышал. Какое печальное известие. У меня дома стоят её книги о Брoгине и повести про серого ослика. В юности просто обожал истории Линч. Когда умирают сказочники, сиротеют не только дети, но все домоладцы.

– Значит, прошло время легенд, – уверенно заключил Иван. – Будем исследовать упрямые факты. В нашей тетрадке нарисованы хотя бы не вымышленные предметы. Есть шанс докопаться до истины. Серж, я правильно рассуждаю?

– Без сомнения. – Кайрин сбросил газ.

Перед автомобилем колыхалось белое облако тесно сбившихся овечьих спин.

Стадо запрудило дорогу так плотно, что ни обогнать, ни пробраться между этим семенящим потоком никакой возможности не представлялось. Минут двадцать друзья медленно плелись за цокающими овечками, пока из-за поворота не вынырнул трактор с гроыхающим прицепом. Животные сбились к обочине, и автомобиль друзей удачно проскочил в открывшийся просвет. На перекрёстке высился указатель. Одна стрелка направляла путешественников в Корк, другая на Трали и Дингл.

Глава 19 Дингл

Ранним утром в Дингле пели птицы. В нескольких сотнях шагов от дома на высоком холме, где жил старик Кроган, птичьи голоса звучали звонко и чисто. Кайрин решил спуститься к океану. После вчерашней дороги хотелось разбежаться, нырнуть в прозрачные волны и плыть через хлесткую натугу прилива, чувствуя, как тело отдаёт воде усталость ночных тревог и набирается морской свежестью.

«Одиссей в долгих скитаниях терпел уйму невзгод, – размышлял Кайрин, – но умел возрождаться. В дело шли: вино, козий сыр, хлеб, оливки и регулярные купания. Кстати, не мешало бы и мне перекусить».

Тропинка из ежевичного палисадника резко ныряла вниз, и Сергей Наркисович, легко сбежав по ней, почти взлетел над открывшейся далью западного океана. К его удивлению птичьи переливы за спиной не умолкали, но причудливым образом вплетались в мерный рокот волн, спорили с гомоном верещащих у самого берега розовых крачек и надрывным треском чаек. Нырять в каменистой бухте Кайрин не решился, пошёл дальше, рассуждал: «В любом уголке мира чайки ведут себя одинаково – устраивают переполох, заходятся в крике. Мы похожи на них. Особенно, когда впустую суетимся и зря мельтешим. То ли дело садовые птахи. У каждой своя песня».

Журналист снял обувь, рубашку, закатал до колен брюки и побрёл по кромке волны, накатывающей на мелкую гальку. Вода была тёплой. Минут пять, стараясь дышать размеренно и глубоко, он шёл вдоль берега. Из океанских просторов налетал ветер. Его порывы принесли

морской запах опалённых солнцем водорослей и горьковатый привкус соли. Но вдруг из глубин полуострова накатил воздушный поток, в котором преобладал резкий дух скотных дворов, молочных ферм и торфяных делянок. Сергею Наркисовичу почудилось, будто в океан погрузили тысячу тучных коров, пустили по волнам сотни гружёных навозом баркасов, а в укромных фьордах разбили крестьянские огороды.

«Ну вот, – Кайрин улыбнулся, – теперь я понимаю, что значит фраза Келсмена “настигнут Ирландией”. Шон прав. Пока она всеми своими ветрами и сквозняками не продует тебя, не оглушит звуками и тишиной, не запутает в лабиринте дорог и тропинок, ты останешься “датчанином из-за моря, чужаком”. Кажется, прилетели сюда совсем недавно, а столько впечатлений!»

Первые три дня путешествия по Изумрудному острову журналист не мог отстраниться от череды явственно повторяющихся видений. Неожиданно воссоздающиеся картины, давние образы и воспоминания тревожили память. Ему казалось, будто чья-то воля намеренно воскрешает в ней зеленые пейзажи долин, лесные завети, лощины, разделённые живыми изгородями контуры дальних подёрнутых туманом гор, укромные водопады и чаши голубых озёр. Всё выплывало в особом порядке.

По дороге из Дублина, когда ехали вдоль берега Лох-Дерга, недалеко от Терригласса⁷⁶ он оглянулся и от неожиданности чуть не ахнул. Сергею Наркисовичу отчётливо представились огромные поросшие темно-зелёным мхом валуны, по которым очень давно, в другой части мира, ему пришлось долго карабкаться.

«Точно! Вне всяких сомнений, – Кайрин замер, пробормотал: – Я не только видел всё это, но жил в том мире. Помню ссадины и синяки от подъёма по точно такому же склону. Другое дело, что всё случилось не здесь, а в Австралии. Так вот и начнёшь верить, если не в переселение душ, то в антиподов, населяющих обратную сторону планеты».

Замедлив шаг, он думал: «А ведь Ирландия похожа на уменьшенную в три раза Новую Зеландию. Вероятно, когда ирландцы отправлялись туда, то чувствовали верное направление. Маори назвали свои острова Землёй Длинного Облака. И здесь облака, как озера, поднявшиеся в небо. Подвижные, солнечные, тёмно-синие, с глубиной припасённых дождей, они неожиданно появляются над горами и торфяниками, плывут поверх церковных шпилей, выше вершин Патрика и Брендана. Всё очень похоже, и если не спешить, то можно найти ещё с десятков совпадений. К примеру, Дингл напоминает остров Стюарта⁷⁷, и аппетит после утренней прогулки в обоих полушариях заметно растёт».

Отыскав крошечную бухту и быстро окунувшись, голодный Кайрин вернулся в дом старика Крөгана. Накануне, поздно вечером, когда друзья добрались до Брэндона Крика⁷⁸, хозяин дома молча открыл им дверь, указал на две комнаты для гостей: «Прошу, располагайтесь сами». Произнёс и словно растворился в густых сумерках, заполнивших задний двор его жилища.

Теперь Крөган сидел спиной к разведённому камину в уютной гостиной. Брига с Келсменом расположились за круглым столом напротив хозяина. Уже были расставлены тарелки с закусками, сковородка горячего омлета, чашки, а расторопный Иван придирчиво выбирал себе толсто нарезанные куски сыра и ломтики жареного бекона. В доме пахло прогоревшим торфом. Запах впитался в стены, занавески, мебель, и даже серый кот старика казалось пахнет им.

– Серж! – встречая вошедшего Кайрина, поднялся Келсмен. – Мы тебя потеряли. Ждём завтракать. Наш хозяин почтительно дремлет. Где тебя носит?

– Я ходил на океан, – он вытер о коврик босые ноги, поставил ботинки за порогом и направился к столу. Острый уже разливал чай.

– Зачем тебе ни свет ни заря, особенно после вчерашнего переезда, куда-то было топать? – Келсмен деловито накладывал в глиняную плошку омлет. – Я вот с удовольствием выпался.

– Знаешь, Шон, – ответил Сергей Наркисович, – для человека, поселившегося однажды на побережье, это такая внутренняя необходимость: ежедневно приветствовать море. Я часто так делаю.

Затем, наполнив чашки себе и подошедшей Бриге терпкой заваркой, заключил:

– Утром всегда хочется проверить всё ли в порядке с миром. Проснулся и отправляешься на океан или к берегу озера. К большой воде, короче говоря. Тебя встречает небо и стихии. Всё на своём месте. Можно жить.

– Ищешь библейский шалом, гармонию и покой? – уточнила монахиня.

– Что-то вроде того, – согласился Кайрин, – впрочем, давайте завтракать. Наш гостеприимный хозяин, надеюсь, присоединится.

Старик, не шелохнувшись, сидел в глубоком кресле. Его пронзительные карие глаза внимательно рассматривали гостей. «Мюрджен не ошиблась», – подумал Сергей Наркисович. Кроган был из тех людей, о которых в Ирландии говорят: «Такой фермер живёт долго, потому что дружен с Богом, который, когда творил время, сотворил его много».

Лицо старца было похоже на циферблат старинных часов. Морщины, рассекавшие высокий лоб, напоминали плотно подогнанные по радиусу римские цифры. Брови походили на распластавшиеся стрелки, и, заговори старик вместо голоса вдруг тяжелым боем, никто бы не удивился. Но хозяин дома просто промолвил:

– Доброе утро. Припозднились вы вчера. Не до бесед было. Туристы в наши края забредают редко. Из пустого любопытства на Дингл никто не поедет. Разве паломники, но их от года к году все меньше.

– Да, места тут глухие, – ответил Кайрин, – насилию проехали. Дорога петляет, со скал того гляди сорвутся камни, и на поворотах довольно скользко.

– Тем не менее, чудесная страна, волшебные холмы, – старик улыбнулся. – Я всегда говорил своим сыновьям: «От мучений Судного дня Патрик нас спрятал надёжно. И пока он за ирландцами приглядывает, ничего дурного не случится».

– Как большинство великих святых Патрик прав, – журналист согласно кивнул. – Мы, кстати, приехали по поводу истории, связанной с его преемниками.

– Здесь всё так или иначе имеет к ним отношение.

Сергей Наркисович пытался поймать взгляд Крогана, хотел догадаться, о чём тот думает.

– Но вы не знаете донегольцев, – старик заворочался в кресле, – их толком никто не знает, а людям с континента особенно трудно понять, с кем они имеют дело. Эту землю так долго терзали, что её обитатели почти разучились смотреть вперёд и уже не различают ничего, кроме пристани в Нью-Йорке или паба в конце деревенской улицы. Лучшие умы смотрят в прошлое.

«Обычное дело», – подумал Кайрин. Он не собирался прерывать старика и, наслышанный про кельтскую словоохотливость, согласился:

– Да, ирландская душа если и не потёмки, то, без сомнения, большая загадка.

Замечание гостя Кроган пропустил мимо ушей. Старик пытался закурить. Глиняная трубка попыхивала белёсым дымком, огонёк в её обожженных недрах мигал, вздрагивал и потрескивал. Но то ли отсырел табак, то ли мундштук заложило копотью, а в полную силу трубка так и не задымила.

Повозившись ещё минуты три, он нехотя отложил курительные приспособления и негромко пробормотал:

– Вам непонятны ни мы, ни наша страна, ни наши тайны. В чём ирландская трагедия? Скажем, ты ирландец, любишь свой хутор, но, чтобы выжить, должен его покинуть. В древности в наказание за грехи просто лишали родины. Преступника приговаривали к скитаниям. Обрекали на одиночество. Теперь наоборот: наши дети и внуки сами оставляют родительские очаги. Такая напасть. А ведь вся островная история – как волшебный лес Голливуд подле Глендалоха. В нём, как и в ней, сотни больших и малых дорог, кривых тропок. Между огромных, оплетённых лианами, плющом и диким виноградом деревьев они вьются, петляют. Пока идёшь сумрачными путями, не знаешь, куда вынесет судьба. Можно очутиться у океана, заблудиться в чаще или забрести в нору под холмом. По лесу бродят герои, поэты, революционеры, монахи и всякий пришлый народ. Вас четверых, я так понимаю, занесли сюда поиски ключей к ветхим преданиям?

Кайрин, сестра Брига, Келсмен и Остроглазов затаили дыхание. Уже не в первый раз им начинало казаться, что та самая тайна, ради которой их дорога начала причудливый бег, сейчас откроется.

«Откуда он знает о цели визита? – мелькнуло в голове журналиста. – Вчера вечером мы почти не говорили. Я только представил друзей и упомянул, что в Дингл нас отправила Мюрджен Росс...»

– Так что у вас здесь самое загадочное и скандальное? – поглощая огромный сэндвич, спросил Иван.

– Всего с лихвой хватает, – старик отломил кусочек содового хлеба, неторопливо съел. – Если вы оправитесь в сторону полуострова Валентии, то в тех краях можно отыскать «Землю сушёных водорослей». Из Дингла, часа за четыре, ваше авто дотянет до южного побережья Керри. Там в любой деревне узнаете, как добраться к острову Лоугана. Скорее всего, придётся нанять лодку. За полфунта рыбаки устроят переправу. Имейте в виду – этот клочок суши в море местные жители очень почитают. Официально он называется Иллаунлоуган⁷⁹. В конце VII века здесь был основан монастырь, который заглох к IX веку. Два святых по имени Лочан появляются в Мартирологе Таллахта⁸⁰. Вероятно, один из них мог быть его создателем. Иллаунлоуган считался местом кратковременной остановки для паломников, направляющихся на Скеллиг-Майкл. Совсем крошечный, ничем как будто и не примечательный. В наших, даже самых дотошных, анналах, вроде Книги четырёх мастеров, его не найти, там и земли всего с гектар. Однажды я решил туда добраться. Молод ещё был, любопытен, азартен. И причин на то было несколько. Года три о местах от Валентии до самого Трали ходили глухие, с привкусом чертовщинки слухи. Как говорил викарий Киллорглина*: «Предания нездоровой мистики». Рассказывали про Чёрного ангела, который по бурной волне иногда переходит широкий пролив к острову. Его заметили рыбаки, что ловили пикшу. Полисмен из Портмэджи клялся в своей абсолютной трезвости и даже был готов присягнуть, что пролив перемахивает настоящий ангел, а не какой-то там бродячий сид из-под холмов Бойна⁸¹.

Надо заметить, что обратно зловещий призрак не возвращался. По крайней мере, никто его не встречал.

Любопытство меня раздирало, а ещё с детства в памяти хранился рассказ нашего приходского священника отца Марка. Большой любитель всяких кельтских развалин, он говорил, будто на островке в церковных руинах, среди каменных нагромождений, разломанных келий и усыпальницы скрыт тайник. На остров отец Марк попал будучи ребёнком, но детали приключения в памяти остались. Там он увидел три могилы. Они были сложены из камней, гальки, морских раковин и белого кварца, который ирландцы очень почитают.

– Что за особый камень? – осведомился Келсмен. – Мы недавно о таких слышали.

– Это крупные, продолговатой формы, играющие на солнце, преломляющие огонь свечей или пламя очага, белые камни, – охотно объяснил Кроган. – Их вмуровывали в своды храмов, помещали над алтар-

* Киллорглин (ирл. Cill Orglan) – посёлок в графстве Керри.

ным входом, устанавливали напротив узких окон монашеских келий. Лунный свет крошился на острых сколах и как естественное освещение падал внутрь сурового жилища. Кварцы ценились везде. Особое значение им придавали анахореты со Скалы Михаила.

– Я читал про чудесные минералы в «Топографии Ибернии» Геральда Камбийского, – утвердительно закивал Сергей Наркизович.

– Не ведаю ни о каких Геральдах, – старик развёл руками. – Но знаю, что «сияющие камни», по-ирландски clocha geala, имеют великую силу. Раскроши такой камешек, разотри в порошок, и получится целебная смесь.

Положи малый кварц в карман – вот тебе надёжный оберег. Повесь кварцевый крестик к чёткам на запястье – все демоны в страхе разбегутся. А про то, как ими украшали ларцы с мощами, футляры ручных колоколов и выносные распятия, знает любой школьник. Говорят, что на Ионе, в Шотландии, стоит часовня святого Орана. Может быть, слышали? Так вот, со времён преподобного Колумбы до начала XIX века рядом с храмом лежал священный гранитный камень. Три глубокие, в виде чаш, выемки хранили сверкающие минералы. Со всех внутренних островов туда приходили паломники, а местные крестьяне приводили заболевший скот. Много чудес произошло подле часовни.

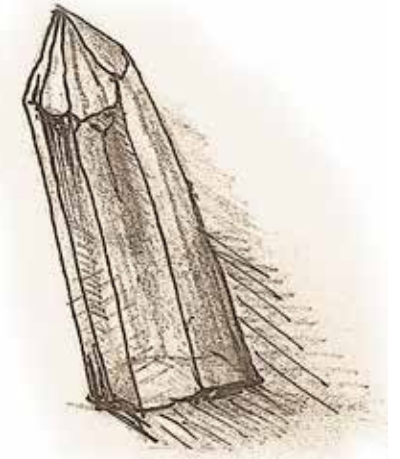
– Про камень я ничего не слышала, – прервала старика монахиня, – но хорошо помню «Житие Колумбы». Там рассказывается, как в присутствии короля пиктов Бруде святой достал из реки белый камень, благословил его, и тот, обретя целительные свойства, словно спелое яблоко, поплыл по воде. В другом эпизоде Колумба при помощи кристалла, извлечённого из реки Несс, спас от смерти волшебника Бройхана. Возможно, речь идёт о кварцах?

– А что случилось с тем большим булыжником у часовни? – вмешался Остроглазов. – Его украли англичане?

– Не украли, – усмехнулся Кроган, – сам исчез. Может быть, в землю ушёл. Но перед самым концом мира вернётся. Дело не в кварцах.

– Тогда в чём? – поинтересовалась Брига. – Вам было плохо, и вы собирались помолиться на одиноком острове?

– Угадали, – старик удивлённо поднял брови и перевёл взгляд на хрупкую монахиню. – Была причина, по которой я притащился на Иллаунлоуган.

Душевная и глупая, как многие подобного рода. В тот год из-за одной милой зеленоглазой, рыжеволосой леди моё сердце вдрызг решило поссориться с головой. Девушка ловко доила коз, стригла овец и отплясывала на вечеринках, только меня, сколько ни пытался попадаться ей на глаза, не замечала. Короче говоря, от маяты и тоски я решил уплыть на этот островок, пожить с недельку, пока тепло, и покопаться в развалинах. Вдруг, думаю, найду что-нибудь стоящее, прославлюсь на всё графство. Ей станет стыдно, влюбится. Сама приедет знакомиться. По крайней мере, пришлёт с поздравлениями подружку. В юности ума не нажито. Всякая глупость в мозгу витала.

– Точно, – согласилась Брига. – Не понимаю таких планов завоевания девичьего сердца. Так что давайте ближе к чёрным ангелам и их морским прогулкам.

– Давайте, – старик примирительно кивнул. – С путешествием на островок Лоугана всё с самого начала складывалось неловко. То зарядят бесконечные дожди, дороги расползутся. Или навалится столько работы, что хоть беги на гору Кроах Патрик⁸². А то просто лень нароет: лежишь, тоскуешь, даже виски пополам с молоком не помогают.

Но в конце концов со всеми напастями я справился, добрался до побережья. Нанял там лодку и причалил к острову. Высадился на каменистую косу, которая и правда вся покрыта водорослями. Отыскал еле приметную тропинку и прошёл к развалинам. Тёрн, зелёный плющ, заросли дрока так плотно обвили церковные стены, что, пока пробирался внутрь, сильно исцарапался. Потом часа три бродил среди покосившихся могильных плит и обломков крестов. Хотел рассмотреть расположение двора, представлял возможные переходы в бывшие кельи и алтарь. Наконец в западной части развалин я разглядел какую-то постройку. Вокруг неё не было ни могил, ни фундамента, на котором могли стоять колонны нефа или храмовые перегородки. Передо мной оказался домик, сложенный из четырёх плит, плотно подогнанных друг к другу. Он так густо зарос мхом, травой, что пришлось разгрести проход и прокапывать небольшой лаз.

Как назло, ни настоящей лопаты, ни корзины для мусора, ни даже плохенького заступа я не прихватил. Была только маленькая лопатка. Такими при резке торфа орудуют наши фермеры. Копал изо всех сил, и часа через два забрался внутрь этой то ли кельи, то ли погребца. Стоять там можно было в половину роста, а мусора скопилось по щиколотку: морская галька, сухие водоросли, ракушки, песок и белый кварц, о котором упоминал Марк. Довольно долго я таскал мусор наружу, пока в земле не показалось нечто, похожее на тайник. Попыхтев ещё с часик, к своему удивлению я обнаружил в нем кусочки каких-то костей, глиняные черепки, камешки со сквозным отверстием, которые называют «куриным богом» и два больших кварца. Ни драгоценностей, ни реликвий. Спину от работы сорвал, подумал, что пора перекусить и в обратный путь. Но тут словно услышал внутренний голос. Даже страшно стало: «Кроган, не останавливайся. Ты на половине пути». Решил покопать ещё немного. Снял новый слой, другой, и в дальнем углу ямы лопатка взвизгнула. Звук получился резкий и короткий. Нервы мои окончательно сдали. Протянув руки, ухватил и вытащил небольшой, но увесистый шлифованный камень. Он был квадратный, чёрный, с белыми прожилками. Прежде таких не видел. Ни знаков, ни надписей – ничего, хотя бы отдалённо намекающего на его предназначение, не было. Поскорее выбрался из руин с находкой. Пока солнце садилось, дошёл до лодки, переплыл залив, вышел на берег и, отмыв свой странный клад в океане, поехал домой. Так закончился день. От переживаний и голода вся моя дурь улетучилась. По дороге заехал в Трали к приятелю Джеку Мосли показать неожиданное обретение. Он преподавал историю в местной школе. Долго так и сяк Джек крутил камень, измерял, обливал его по очереди холодной и горячей водой, разглядывал

на дневном свете и при огне свечей, даже репейным маслом зачем-то натёр. В конце концов сказал: «Это древнеегипетское пресс-папье для папирусов и рукописей». Я спрашиваю: «Мосли, что мне с ним делать? Кому продать? Может быть, ты купишь? Я больше пяти фунтов с друга братъ не стану».

– И что Мосли?! Купил камень? – еле дослушав рассказ Крөгана, воскликнул Остроглазов.

– Нет. В Ирландии только сумасшедшие туристы такое покупают, – старик улыбался. – Вон там, на полке, стоит это пресс-папье Чёрного ангела. Но был у меня ещё один похожий голыш – белый, с прожилками. У него тоже странная судьба.

– Целая каменная эпопея здесь, смотрю, разворачивается, – не унился Острый, – расскажите. Я давно так не переживал за археологию.

– Иван, что ты завёлся? – строго одёрнула его Брига. – Нельзя давить на человека. Захочет, сам расскажет. Правда?

Последние слова были обращены к старику, который, не решаясь на повторное разжигание трубки, сделал из тонкой бумаги самокрутку, сосредоточенно задымил и продолжил:

– Если вы отправитесь на северное побережье к подножию горы Бенвен, то сможете отыскать там руины аббатства, построенного ещё святым Колумбой. Глухие предания говорят о золотых вкладах, что сделали в эту обитель местные князья и воины. Особой Божьей милостью считалось быть похороненными в ограде церковного кладбища. Возможно, на этом месте, которое народ окрестил «троном Колумбы», некогда существовал потайной склеп. Одно известно наверняка: когда в VII веке кельтская община проиграла мудрёные богословские споры англичанам, то часть мощей святого Айдана⁸³ доставили из Британии именно в этот монастырь. Их поместили под крышку каменной раки. Сам Колман⁸⁴ с Линдисфарна принёс нетленные останки, посох и колокольчик, которым его преподобный наставник разгонял нортумбрийских бесов. В XIII веке обитель разграбили норманны. Искали золото. Драгоценности выгребли, но трогать мощи побоялись. А уже спустя 600 лет в этом местечке, которое теперь называют Тамлахтард, протестанты возвели приходской храм. Им наши святые не нужны, но и не мешают. Всякие странные люди, считавшие, что у прошлого остался шанс изменить настоящее, добирались в те края поглазеть, обшарить развалины или совершить молитвенное правило. Кому что сподручней. Недалеко от церковного кладбища до сих пор можно найти источник в честь святого Айдана. Я когда по молодости в тех краях скитался, то прежде чем к храму выйти, наткнулся именно на него. Как сейчас помню: вода источника ледяная и сладкая. Напился из ключа, обошёл

кругом церковь и уже собрался двигать дальше, как у самой алтарной стены наткнулся на большой кварц. Один в один, как на Иллаунлогуане. Не знаю, дождём его отмыло или аккуратно к моему появлению извергла сама земля? Такое у нас случается. Остров в недрах своих хранит много секретов. Но вдруг решит и вернёт людям что-нибудь важное. Я думаю, камень был из той самой раки святого Айдана.

– А где же этот кристалл? – Иван требовательно осмотрел собравшихся. – Здесь спрятали или отнесли к приятелю-старьёвщику? Такие штуки имеют космическую силу. Скрытые энергии способны на многое. Все, надеюсь, читали «Лунный камень» Уилки Коллинза? Можно настроить энергетические волны так, чтобы они преобразовывали пространство. О телепортации слышали?

– С какой стати я возьму чужой камень? – Крөган с удивлением смотрел на гостя, решительно курсирующего по комнате. – Что мне с ним делать? Отнёс кварц в церковь и положил рядом с крестильной купелью. Так, думаю, быстрее найдут, а уже пусть викарий решит, к чему его приспособить.

Самокрутка погасла. Старик, не торопясь, принялся сворачивать вторую. Кайрин подлил ему чай, поставил блюдце с бисквитами.

– С камнями понятно, – поднялся прежде молчавший Келсмен. – А какие загадки хранят здешние скалы и сам океан? У нас в Милфорд Саунде воды хотя и спокойные, но любят преподносить сюрпризы.

– В Милфорде? – Крөган прищурился, разглядывая Шона. – Это, как понимаю, на краю света. Южный новозеландский остров?

– Совершенно верно, – радостно кивнул тот. – Там много ирландцев.

– Как и везде, – согласился старик. – Загадок у всех хватает. Однажды я задержался на западном краю полуострова, около Баллиндавид Хэда⁸⁵. Там мыс, о который разбиваются западные волны. Не помню, по какой причине меня туда занесло, но дело было в начале мая. Солнце уже разогрело воздух, дрок на дальних холмах золотился, высоко в небе парил редкий гость наших мест – белохвостый орлан. Я стоял у самой воды и, словно замороженный, смотрел на тонувшие в туманной дымке скалы, облака и белые волны. Надеялся заметить стайку дельфинов. В этом месте на Дингле бывают такие деньки, когда полуденными часами они приплывают и резвятся почти до заката. Но в тот раз дельфины не появились, и я уже собрался было уходить, как вдруг заметил парус. Бледно-жёлтый, странной формы. Он насквозь просвечивался солнцем, но в порывах ветра почти не колыхался. Кораблик, над которым его подняли, напоминал один из наших местных куррахов, только крупнее и неповоротливее. Здесь куррахи деревян-

ные. Их обшивают одной-двумя шкурами. А этот, так мне привиделось, смастерили, используя не только коровьи, бычьи, но и тюленьи шкуры. Всё дело в окраске обшивки. Если судно ходило по морю год или два, тогда его борта темнели до тёмно-синего, а если дольше, то цвет становился почти угольный. Кому здесь соорудить простую лодку, ещё найдётся, но на такой большой куррах умельцев искать днём с огнём. Долго я разглядывал судёнышко и не мог сдвинуться с места. Сапоги словно вросли в землю. Хочу крикнуть, но голос шершавым клубком свернулся в горле. Руки дрожат. Голова кружится, а в груди чувствую одновременно робость и восторг. Кто, думаю, может странствовать на такой лодке, кроме «освобождённых морем»? Больше никому. Они скитальцы. Те самые, которым вручали одно весло, ставили котелок каши, кувшин пресной воды, давали отрез полотна, кремь, огниво, хлеб, палку, чтобы отгонять морских птиц, и отпускали в океан. Их ждали воля Божия, суд ветра и приговор штормовой волны.

Виновных преступников следует наказать. Оклеветанных праведников оправдать. Людское правосудие замолкало, последнее решение принимала стихия.

– Странная практика, – сказал Иван, – зачем столько мороки? Не хотите судить, так отпустите людей на все четыре стороны. А то каша, огниво, весло. Я тоже себя иногда чувствую скитальцем, приговорённым к свободе. Среди ирландских сказок твоя самая печальная. Даже про русалку веселее было.

– Говоришь – «сказки»... – Кроган задумчиво смотрел в окно на закручивающуюся, как в рисунках Фибоначчи, петлю сельской дороги. – Не представляю, кем бы я был без этих историй. Морской пейзаж, если ничего, кроме колыхания волн, за ним не разберёшь, может свести с ума. А наши легенды – словно преломляющий привычную картинку кусок горного хрусталя. Через них видишь не только прошлое, но различаешь будущее.

Вот ещё одна история. Неподалёку отсюда есть местечко Мауманориг⁸⁶, с ирландского «холм жёлтого камня», на современный манер Килколман. В древности там собирались друиды. Жгли костры, варили эликсир мудрости, пели гимны. Уже после эпохи святого Патрика пешие процессии из Килколмана отправлялись на гору Брендана; лодки паломников уходили на Скеллиг-Майкл и к Аранским островам. Там, в самом сердце peregrinations, то есть «странствий ради Христа», лежат три буллауна⁸⁷ и Камень кающегося Колмана. Буллауны небольшие, но даже жаркими летними днями в их базальтовых чашах собирается целебная вода. При жаре, лихорадке и родовых схватках, если поблизости нет доктора, – это лучшее лекарство. На Камне вы-

бит огромный крест и старым огамом* нанесена надпись: «Молитесь за Колмана». В клане короля Диармайта Мак-Кербайлла был человек с таким именем, и к концу VI столетия о нём знал весь полуостров. Потом осталось только имя да легенды. Ещё неподалёку от Мауманорига можно найти руины крохотного монастыря и заброшенное, в несколько могил, кладбище. Оно зовётся Киллелтон⁸⁸. Там лежит «Камень сумасшедшего» – термин, обозначающий углубление в камне, которое часто заполняется водой. В буллауне могут находиться округлые валуны или галька. Ирландский и шотландский фольклор часто придает им религиозное или магическое значение, например, поверье в то, что дождевая вода, собирающаяся в углублении, обладает целебными свойствами.

* Огам – письменность древних кельтов и пиктов.

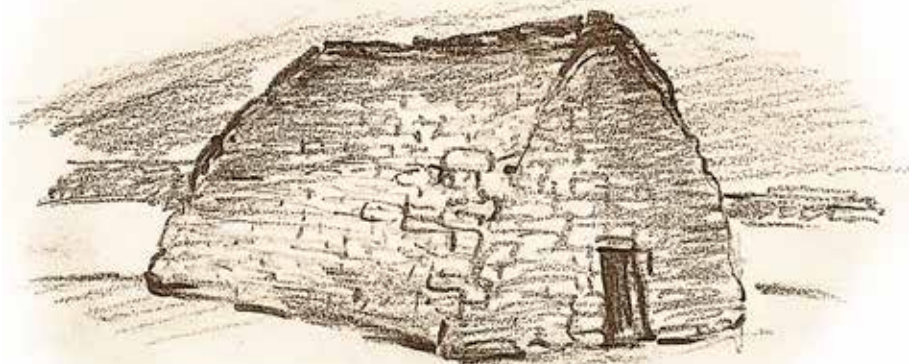

Так вот, выемка на камне Колмана напоминает отпечаток ладони одного из местных выпивох. Идёт даже молва, будто фейри наполняли этот буллаун волшебным молоком, а люди, пригублявшие колдовской напиток, теряли разум.

– И вы видели таких? – спросил Остроглазов. – Из камня пили люди, фейри или все по очереди?

– Я знал одного фейри, – уклончиво ответил Кроган. – Он был около четырёх футов роста. Носил фиолетовые штаны, красный колпак, любил гэльский футбол, виски, молоко, табак, золотые слитки и деревенские танцы. В полное бешенство этого чудака приводили поваренная соль, горящие факелы и наш приходской священник отец Финдбар. Когда дело касалось разных шалостей и безобидных розыгрышей, мы с фейри дружили. По крайней мере, становились компаньонами.

Но самое удивительное на Дингле, конечно, часовня Галларус. Издалека, особенно если спускаешься с восточных холмов, она похожа на гигантскую перевёрнутую лодку, а вблизи напоминает домик треугольной формы. Такие обычно лепят дети. В VII веке часовню из камней, причем без всякого раствора, сложили пришлые монахи. Вероятно, вокруг неё стояли плетёные из прутьев и обмазанные глиной кельи безымянных анахоретов. В самой часовне инок соорудили престол, служили мессу. Паломники молились снаружи. Не знаю для чего, но Господь уберёт Галларус от викингов, норманнов, англичан и, словно убежище Судного дня, хранит до сих пор. Если океан затопит Дингл, то только на вершине горы Брендана и под коньком крыши часовни останется место спасения верных. Наши рыбаки говорят, что восемнадцатого мая, в день памяти Мореплавателя, на восходе солнца,

когда через крошечное оконце первый свет проникает внутрь церкви, можно различить голоса монахов, поющих *Pater noster*. Сам не слышал, но молва ходит. Ещё говорят, будто смельчак, протиснувшийся наружу сквозь то маленькое окошечко, получит прощение всех своих грехов и сможет обойтись без Чистилища святого Патрика на Лох-Дерге.

– Может быть, в следующий раз доберёмся и до камня с крестом, и на ваш Галларус посмотрим, – бодро заверил Остроглазов. – Но у меня вопрос: если какой-нибудь баламут на таком куррахе решит повторить путешествие вашего святого Брендана, вы поможете ему с постройкой флагмана?

– Лодки? – старик глубоко затянулся, и облако сизого дыма легло на каминную полку.

– Называйте, как нравится, – ответил Иван.

– Сумею. Руки помнят, – Кроган внимательно разглядывал свои широкие, в сплошной паутине морщин, ладони. – Только настоящих умельцев почти не осталось, и если что застопорится, то и спросить не у кого. Бог знает, кому сейчас понадобится добрый куррах.

Ладно, довольно про мою персону, – хозяин дома сделал глоток чая. – Вы, как я понял, собрались добраться до самого Скеллиг-Майкла. Затея смелая и, судя по вашей решимости, вполне осуществимая. Мне там только однажды удалось побывать. До сих пор всё явственно помню. В Портмэджи сел в старый баркас с одним из рабочих, мастеровым что-то там на маяке. Он нанял меня к себе в помощники за небольшую плату. Так мотало по волнам, что еле доплыли, думал, вывернет наизнанку. Трое суток мы потом с этим парнем ковырялись в пристройке смотрителя. Ночевали в монашеских кельях. Супруга хозяйина принесла одеяла и ужин. С собой припасли пинту виски. Холодно ночью. И поначалу страшновато казалось. На второй вечер я вышел из этой каменной пчелиной кельи, спустился на нижнюю террасу, расстелил поверх плит куртку и лёг. Буду умирать, не забуду эту картину. Мне казалось, звёзды впечатаны в чёрный бархат неба. Лежу и смотрю, как Млечный Путь разбегается над Южным пиком, а огни Медведицы мигают позади Малого Скеллига. Потом, замерзнув, поднялся и прошёл к оратории, которая находилась на самом краю плато. Присел, прислонился спиной к стене и слышу, как под сводами играет ветерок. Тихонько, печально. Настоящая музыка. Забрался внутрь, подсветил себе спичками. Разглядел стены, потолок и, не поверите, в дальнем углу нашёл серебряную ложечку. Совсем крошечную. Там на Скале в прошлом веке смотрители маяков жили с семьями. Папы, мамы, детки маленькие, месяцами без врачей и нянек. В такой суровости умерли два младенчика. Родители сами их похоронили. На большую землю,

если дело осенью или зимой, не переправишь. Штормит по неделе. Может, кто из взрослых обронил ложку или примета какая-нибудь, не знаю. Тела монахов тоже там, на острове, с VII по XI век зарывали в скалах. Когда на 800 лет обитель опустела, то заглохло и монастырское кладбище. А вот в XIX веке пришлось детишек хоронить. Нет людей, и смерть уходит. Вернулись, она тут как тут. Ложку из кельи я привёз домой. Хотел подарить своим парням, но к чему она им? Так что в этот раз напрямик отправился к антиквару. Получил за находку хорошую цену. Купил мальчишкам конфет, а супруге палантин с кружевами. Здесь на побережье женщины обычно носят тяжёлые шерстяные шали, а мой подарок в самую пору пришёлся.

– Так вы – человек семейный? – обмахиваясь дорожным блокнотом, словно веером, монахиня пыталась разогнать клубы табачного дыма. – Всё же нашли свою зеленоглазую леди?

– Нет, не особо я грамотный, – Кроган погасил самокрутку и задумчиво прихлёбывал чай из большой кружки, – ходил в начальную школу, но с трудом осилил три неполных класса. Потом нужно было помогать отцу на ферме. Женился рано. Много работал. Это последние 30 лет я живу в мире и одиночестве, что для угрюмого старика вполне подходящее дело. Мои сыновья давно перебрались в Америку. Есть такое местечко на восточном побережье Флориды, недалеко от Орlando, называется Новая Смирна. Клайв, старший, он механик по лодочному делу, а младший, Джилрой, служит священником в Сент-Августине, что севернее Смирны. Раз в год, на Рождество, ребята присылают мне открытки, а ко Дню Патрика трубочный вирджинский табак. Мать их давно умерла. Светлая была женщина. Одинокая. Даже в семье. С такими встречаешься редко. Знаете, живёт рядом с тобой, воспитывает детей, варит овсянку с ягодами, одним словом, держит дом и хозяйство. А внутренне сама по себе. Сложный душевный мир, из которого Лиан, так её звали, иногда к нам выныривала, но потом опять обратно – на свою глубину. Настоящая русалка, фейри мерроу. Только добрая.

– У нас здесь сидит специалист по ирландским русалкам, – Остроглазов энергично кивнул в сторону Келсмана. – Если что, можете получить консультацию.

Реплику Ивана старик не расслышал или не предал ей значения. Он мечтательно смотрел вверх, разглядывая тёмно-зелёные балки, перекрывавшие свежесвеженный потолок.

– Сыновья, когда подросли, уехали к её родне в Штаты. Каждый год зовут перебраться к ним. Говорят: «Прилетай, купим тебе лодку, будешь тунца с макрелью или рыбу-меч на кальмара ловить».

Но я не могу. Слишком много солнца для моей седины и жара круглый год. Единственное, чего хотелось, окажись я у ребят, так это забраться на Устричную гору Тейлора. Там, где мыс Канаверал, есть такое сооружение индейцев сурукуи.

Северной границей племенной территории считалась местность, названная историками «Черепаший курган». Джилрой мне про него подробно написал. Сажу и представляю, как сотни лет индейцы за-втракали, обедали и ужинали мидиями. Створки моллюсков тщательно собирали, складывали, покуда целая гора не выросла... Трудисься, ешь и строишь одновременно. Фантастика.

– Это им сильно повезло, – протянул Остроглазов, – у нас на Сахалине любой индеец в три счёта загнулся бы. Ни мидий, ни креветок. А из крабов горы не сложишь.

– У вас, русских, своё счастье – свобода, – старик внимательно смотрел на Ивана, – широкая свобода, как у викингов. Только они ей цену знали, а вы нет. Разбрасываетесь пригоршнями, а потом тоскуете. Готовы спасти весь мир, а своих детей на потом оставили. Свободе учить надо. Вот мы, ирландцы, с юности попадали на уроки житейской мудрости и здравого смысла. У пристани, в церкви, на деревенских ярмарках и в городских пабах нас наставляли самому важному. Из множества услышанных истин мне навсегда запомнились три. Первая: Бог подарил ирландцу песни и танцы, чтобы Падди не затосковал и не погиб с унылым сердцем. Вторая: Божьи святые показали простолюдинам, что значит быть благородными и воспитанными. Поэтому мы их безмерно почитаем и не пропускаем их праздники. Но самое главное – третье: если душа человека здесь, на Земле, умеет хранить верность, то она достойна Небес, где верность – печать настоящей любви. Ещё жизнь меня надоумила уважительно относиться к соседям, обитателям холмов – сидам, банши и прочим духам. Они преданы нам, а мы им. Иногда из вредности и плутовства капризные фейри пытаются досадить. Так разумный крестьянин не позволит себе мстительности и коварства. Столетия научили нас быть терпимыми друг к другу. Никто на других островах никого не ждёт. Уплывёт дублинец в Нью-Йорк и станет там полицейским. Гоняется с утра до вечера за сицилийской мафией, пока не проглотит пулю. Невеликая радость. А простецу из Трали ехать бывает некуда.

Пока Кроган рассказывал про семью, Сергей Наркисович внимательно изучал камень с Иллаунлоугана. Ничего похожего в рисунках новозеландской тетради не было. Те пять кристаллов, что изображены на её страницах, имели совершенно другую форму. А вот находка старика подле гробницы святого Айдана описанию вполне соответствовала.

«Самое главное, – осенило Кайрина, – что предание о перенесении из Англии в Ирландию останков преподобного почти совпадает с началом движения кулдеев. В 664 году монахи из Линдисфарна забирают мощи святого аббата и следом за непримиримым епископом Колманом отправляются на Иону. Чуть позднее они уплывут в Ирландию, где похоронят своего патрона. Сам Колман не захотел оставаться под властью англосаксов в Нортумбрии и, мало того – счёл бы предательством бросить кельтские реликвии в Линдисфарне». Журналист вдруг почти явственно увидел, как в длинных серых балахонах иноки из собора выносят раку с нетленными мощами Айдана. По узкой, намытой белым песком, единственной дороге бредут от острова к большой земле. С двух сторон к печальной процессии подступает океан, вода уже поднимается выше колен изгнанников, но они успевают добраться до твёрдого берега. И на противоположной стороне пролива Колман с грустью оборачивается, бросает прощальный взгляд на святой Линдисфарн. Так почти столетие до этого смотрел на удаляющийся в закатных лучах солнца берег Ольстера святой Колумба. Ему тоже было горько. «Мне больше никогда не видеть любимой земли, её мужей и чистых жён», – прошептал преподобный.

– Отец, помогите, – обратился к старику Сергей Наркисович, словно Кроган имел священный сан. – Мы приехали за советом. Никто, кроме вас, не может расшифровать смысл Завещания кулдеев. Эти схемы и рисунки, о чём они? В Европе наши поиски зашли в тупик. Здесь, на острове, все дороги ведут на Скеллиг. Должна же быть некая, пусть скрытая, но общая связь между именами людей, деталями ритуалов, священными предметами и географическими координатами? Не бывает случайных совпадений и нагромождений произвольных фактов. Кто в Старом Свете сейчас различает смысл забытых историй и может подсказать правильный путь?

– Не знаю, – теперь старик задумчиво листал тетрадку, – разумных людей всё меньше и меньше. Был в Италии, на Монте-Горгано, один священник. Бог открывал ему много. Только он, кажется, недавно умер. Я бы сам к нему не поехал, потому что это прихоть – за чудесами бегать. Нужно будет, оно само тебя отыщет. Но народ толпами шёл к затворнику. Значит, лазейка пришлась ко времени.

– Речь о падре Пио? – вмешалась Брига. – Но он не ирландец. Откуда ему знать про кулдеев?

– Пио ничего и не знал, он, как и я, едва обучен грамоте, – Кроган внимательно смотрел на монахиню. – Понимаете, штука в том, что тебе показывают и не спрашивают, хочешь ты этого или нет. Ты – словно маяк, и живёшь, пока в твоей лампе горит масло. Перестанут подли-

вать, погаснет огонёк и всё – дело сделано. Бог своим слугам иногда что-то открывает. А те делятся с другими.

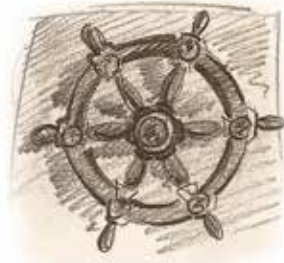
– Если падре скончался, может быть, его ученики нам помогут? – предположил Келсмен.

– У подвижников со стигматами, каким был Пио, не бывает учеников. Святости не обучишь, – Кроган захлопнул тетрадку, протянул Кайрину, – вам во всём придётся разбираться самим. Могу угостить холостяцким обедом. Сегодня устричный суп, печёная морковь и песочное печенье из Лимерика. И ещё: чтобы к ночи не заплутали, покажу короткую дорогу в Портмэджи. Дальше разберётесь. Теперь ваши спутники Брендан с Патриком.

В два часа дня друзья простились со стариком. Кроган открыл ворота, пожал руки мужчинам, поклонился Бриге и скороговоркой на гэльском наречии пробормотал благословение в путь.

Глава 20 Портмэджи

От Кольца Керри в деревушке, чьё наименование на дорожном указателе было начертано только по-ирландски – An Chois, друзья повернули в сторону полуострова Валентии. По подсчётам сидевшего за рулём Келсмена, оставалось ещё миль двадцать. Дорога петляла, лобовое стекло напряжённо стрекочущего на виражах автомобиля заливал ливень, щётки еле справлялись с потоками воды, а свет фар юркого шевроле едва пробивал густые сумерки.

– Подскажите, – Брига, расположившаяся на переднем сиденье, обернулась к Кайрину и Остроглазову, – я забыла, как называется город, куда мы сейчас мчимся? Там хотя бы есть где переночевать и поужинать?

– Найдём, – уверенно ответил Сергей Наркисович. – Портмэджи – настоящий маленький порт, последняя гавань юго-западного побережья. В некотором смысле край света, но кров и хорошие закуски там имеются.

– Можно не торопиться, – заметил Келсмен, – лодки на Скеллиг-Майкл отходят только оттуда, и обычно в первой половине суток.

– Да, Шон, запас времени остаётся, – согласился журналист, – но в сентябре океан очень капризен, и с каждым днём шанс благополучно доплыть до Скалы уменьшается. Ещё только начало вечера, и если быстро доберёмся, разместимся в отеле, то успеем на живую музыку в портовый паб.

– Отлично! – окончательно проснулся дремавший от самого Дингла Остроглазов. – В баре, вероятно, не только играют и наливают, должны

устроить танцы. Хвалёную ирландскую джигу, степ, рейлы и всякое такое весёлое. А кстати, кто скажет, в честь какой рыжеволосой Мэги или Маги рыбаки называли это захоlustье?

– Острый, – Брига рассмеялась, – кто бы говорил про захоlustье? Твой Невельск, скорее всего, такая же провинция, и романтика там соответствующая.

– Совершенно несправедливое замечание! – возмутился Иван, – наш Невельск очень милое местечко, со своими салонами и танцами под луной. К нему нужно только привыкнуть. Настроиться на экзотику. Так кто мне расскажет о Мэги? Келсмен, что за таинственная особа?

– Понятия не имею, – Шон решительно вводил автомобиль в очередной поворот, – приедем в город, найдём словоохотливого балабола и спросим. В Ирландии с конца XVII века, особенно здесь, на западе, проживало много французов, так что с местными названиями случаются странные казусы. Я, кстати, много читал о Скале. Помню одну историю. Правда к твоей Мэги она отношения не имеет.

– Давай рассказывай, только не отвлекайся от дороги, – Остроглазов опёрся на подлокотник, – а то у нас, не ровен час, своя незабываемая история приключится. Хотя после откровений Крөгана меня ничем не проймёшь.

– Тогда слушайте, – начал ирландец. – Пишут, что Скеллиг – сердитое место. На его скалы взбиралось много паломников, но не всем смельчакам удалось выжить. А те, кого сохранил покровитель острова – Архангел Михаил, словно переродились.

– Можно попроще, без патетики? – недовольно буркнул Иван.

– Пожалуйста, – продолжил Келсмен. – В 1936 году на острове нёс вахту смотритель маяка по имени Джон Дорр. Однажды в главной лампе что-то сломалось. Из Портмэджи на помощь Джону приплыли двое мастеровых. Вместе они принялись исправлять поломку, но внезапно Дорра скрутила странная хворь. У бедняги поднялась температура, его залихорадило и тошнило. Ребята перевернули весь запас местных лекарств. Чего только ему не давали. Но жар не спадал и трясло всё сильнее. На маяке, конечно, были сигнальные ракетницы. Мастеровые нашли заветную упаковку и принялись пускать тревожные огни в небо. Толку никакого. Один день – сплошной туман, другой – ливень и ветер. Джон уже, считай, помирает. Даже пить не может. Тогда парни решили сложить большой костёр. Целый день из подвала и сарая таскали различный хлам: деревянные ящики, дырявые корзины, старую мебель, ветхие книги, журналы. Свалили всю эту рухлядь на склоне за стеной монастыря, со склада приволокли две канистры масла и поджгли. Пламя тем вечером полыхало будь здоров! В Баллинскеллигсе

огонь приметил рыбак Фергал Конноли. Он ковырялся со своей лодкой на берегу. Сообщил по телефону в Портмэджи, а там уже снарядили экспедицию. Короче, едва успели спасти Джона Дорра. Говорят: «Кто раз от смерти убежал, за тем она вприпрыжку не поскачет».

– Точно, – заключил Острый, – не поскачет. Будет ждать в засаде. В самый козырный момент возьмёт и прыгнет тебе на шею.

– Поучительная история, – заметила Брига, – интересно, сколько в том костре спалили важных бумаг?

– Достаточно, но что поделаешь? – вздохнул Келсмен. – Рация на маяке не работала, а почтовые голуби на скалы не летают. Соседний Малый Скеллиг вообще заселён тупиками да бакланами, обычному почтарю тёплого местечка там не найти.

– Птиц в Ирландии почитают с древних времён, – к разговору присоединился Кайрин. – Лебедь, например, символизировал солнце,

в утке видели посредника подземного мира, а ворон считался хранителем мудрости и тайных пророчеств.

– Вот почему на шкафу профессора Маркуса сидел такой персонаж, – энергично кивнул Иван. – Хорошо помню стеклянный глаз чучела, хотя пророчествами больше промышлял его достопочтенный хозяин.

– Ирландцам известны имена двух святых, в чьих ладонях птицы устраивали гнёзда, – наставительно произнесла монахиня. – Самый почитаемый – это всё тот же Кевин из Глендалоха. Предание говорит: когда преподобный, воздев к небу руки, горячо молился, то чёрный дрозд в его открытой ладони свил гнездо. И покуда у птицы не вывелись птенцы, Кевин даже не шелохнулся. Имя второго – святой Коналл с Инишкилла⁸⁹, островка, спрятанного в донегольском заливе. Коналл Килл, так его называют донегольцы, очутился на этом куске суши, когда бежал от собственного проклятья. Или ужаса. Точно не скажу, но родной отец погиб по его вине. Душа Коналла так истерзалась содеянным, что гнала несчастного через всю Ирландию, пока он не упросил Господа дать ему искупления греха в добровольном изгнаничестве. Бог открыл страдальцу дорогу на Инишкилл, и, добравшись до острова, беглец в полном изнеможении рухнул. Он лежал на берегу, раскинув руки крестом так долго, что птица в его ладони устроила гнездо. Птенцы благополучно вылупились. Коналл посчитал это знаком прощения, остался на островке и основал там небольшой монастырь. Спустя годы в его обитель со всей страны приходило множество паломников. А погиб человек Божий от пиратских ножей. Говорят, на Инишкилле есть могила, в которой лежат святые останки аббата Коналла и его друга, главного Оллама Ирландии – Даллана Форгейла. Даллану приписывают авторство поэмы «Чудо святого Колумбы». Представляете, преподобному Колумбе, которого называют «Голубем Церкви», ещё не написали жития, а ирландцы уже знали о силе молитв своего покровителя из поэтического произведения.

– Представляем! – энергично кивнул Остроглазов. – Я просто поражён птичьей сообразительностью. Надо же было для постройки гнёзд выбрать именно такие места.

– Ты не понимаешь, – вздохнула монахиня. – Ладонь святого – это убежище, сооружённое самим Богом.

– По твоей логике, горы тоже придуманы им. Но чем в качестве птичьих квартир плохи обычные скалы или деревья?

– В руке Коналла теплее, чем в шершавой гранитной нише, – вмешался Келсмен. – И птицы доверяют истинным слугам Божьим.

– А ещё, друзья мои, – многозначительно произнёс Кайрин, – монастырь Коналла был известен большим ручным колоколом. В нашей

тетрадке есть почти точная копия этого артефакта. Его отлили в VI веке. После смерти Коналла колокол хранился в монастырской ризнице. Паломники, посещавшие Инишкил, верили, что если из него выпить глоток воды, то многие болезни навсегда отступят. После норманнского нашествия колокол спрятали в Ардаре⁹⁰. Там артефакт пролежал до середины XIX века, пока за шесть фунтов его не приобрёл майор Несбит из Вудхилла. Потом колокол попал в Англию, и теперь его выставляют в Британском музее.

– Ты сам видел? – строго спросил Острый. – Кто теперь пьёт из него? Может английский экспонат только ловкая подделка?

– Видел. Но тогда не придавал значения, – Сергей Наркисович достал заветную тетрадку. Перелистал. Нашёл нужный рисунок. – Смотри. Вот почти точная копия святыни Коналла. Вероятно, после разрушения монастыря его тщательно оберегали кулдеи. И это, Ваня, точно не поздняя реплика. После колокола Патрика он самый почитаемый.

– Я так понимаю, – глубокомысленно заключил Келсмен, – в XII веке его спрятали Друзья Божьи, а в середине XIX, вместе с десятками других артефактов, колокол вернулся.

– Кто-то о святыне Коналла точно позаботился, – сказал Кайрин. – Скорее всего, наследники Друзей. К ирландскому Возрождению многие старые тайники начали открываться.

Так за разговорами путешественники не заметили, как въехали в Портмэджи. Дорога привела их к отелю, укрывшемуся в подкове уютной гавани.

У забелённого солью пирса, на тёмно-зелёных волнах покачивалось несколько рыбацких лодок, три катера и старая, приспособленная для ловли крабов шхуна.

Гостиница выглядела нарядно: ярко-фиолетовую стену украшал огромный чёрный якорь, наличники окошек, дверь под высоким козырьком, скамейка и две мусорные урны около входа – всё было густо выкрашено свежей фиолетовой краской. Друзья вошли в холл. На первом этаже отеля находился столовый зал, лакированная, с редутами початых бутылок, барная стойка и конторка регистратора, на которой терпеливо ожидал удара посетителя бронзовый

колокольчик. Маленький овальный столик, два из старинного гарнитура глубоких кресла, зеркало-трюмо и обтянутый выцветшим велюром диван заполняли небольшое пространство холла. Над заваленной цветными журналами этажеркой висела корабельная рында. Множество чёрно-белых фотоснимков в одинаковых рамках располагались по стенам зала. С них на гостей смотрели женщины в чепцах и длинных шляхах, усатые мужчины в шляпах и кепках, строгие морские офицеры, юноши в спортивной форме местной команды регби и дети, обступившие приходского священника.

Тёмно-серое шерстяное покрытие затягивало полы и ведущую на второй этаж крутую лестницу. От проникающей с улицы сырости ковровин не успевал просохнуть, и казалось, будто в гостинице пахнет прелыми осенними листьями. Из углов тянуло кисловатым сигаретным и уксусным запахами. Половицы под шерстяным покрывалом скрипели. Где-то неподалёку хлопала форточка, играло радио.

Остроглазов собрался было дёрнуть язык рынды, но монахиня, дважды ударив по медному колокольчику на конторке, опередила Ивана. Радиоприёмник замолк, и через минуту из неприметной двери появился высокий, крепко сложенный мужчина. Его вытянутое лицо окаймляла седая шкиперская борода, редкие волосы были тщательно зачёсаны на затылок. Он был одет в кремовую со стоячим воротником рубашку, тёмные велюровые брюки и коричневый джемпер. Это был хозяин отеля, ирландец лет шестидесяти Нолан Фоули. На безымянном пальце левой руки Нолана блестело золотое колечко, а запястье правой стягивал медный браслет. За плечами здоровяка висела фотография, где он, ещё молодой и франтоватый, обнимает юную леди с распущенными волосами. Кайрин успел прочитать: «С Кларой в Корке, 1950».

«Какой чудак придумал идею, что люди хотят жить здесь и сейчас? – подумал Сергей Наркисович. – Глупости. Где только не встретишь десятки аккуратно развешенных по стенам снимков, вереницы выставленных на каминные полки и письменные столы семейных фотокарточек. Мы сотканы из воспоминаний и планов на будущее. Только ребёнок, посаженный крутиться на карусели, живёт здесь и сейчас».

– Добрый вечер! – приветствовал хозяина журналист. – Моя фамилия Кайрин. Я звонил насчёт размещения четверых туристов. Разговаривал с милой дамой. Она любезно обещала нас поселить.

– Да, мы всё уже устроили, – неспешно ответил тот. – Клара предупредила о вашем приезде. Сейчас её нет. Клара – модница, уехала за новыми туфлями в город неподалеку. Четыре комнаты готовы. Две окнами на пристань, одна во внутренний дворик, и совсем маленькая комнатка смотрит аккуратно в стену соседнего дома. Кто помоложе, – Фоули внимательно оглядел Остроглазова, – тому всё равно, где спать. Рад знакомству. Давно в наших краях не было такой пёстрой компании.

– Обожаю пялиться в стену, – хмыкнул поймавший пронизательный взгляд хозяина Иван, – меня круассанами не корми, дай только помечтать, сидя перед белой стеной.

– Она красная, – не уловив иронии, заметил Нолан.

– Спасибо, значения это не имеет, – Брига легко толкнула Остро-го, – на улице стемнело, и нам не до медитаций. Так ведь, Ваня?

– Вот именно, – поддакнул Келсмен, – давайте оставим вещи и пойдём ужинать.

Острый, пристально разглядывая фотографии на стенах, промолчал.

– Господин Фоули, – Сергей Наркисович подхватил свой рюкзак и дорожную сумку Бриги, – подскажите, где здесь бар с музыкой и хорошей закуской? И ещё: мы хотим нанять надёжную лодку до Скеллиг-Майкла. Как это проще сделать?

– Собираетесь на Скалу? – Нолан ещё более пристально разглядывал гостей. – Тогда вам нужен капитан Тэд со своей командой. Сейчас капризное море, но может статься, к Скеллигу они ещё ходят. Разместайтесь, а потом ступайте напрямиком в бар Херши. Это здесь, через дорогу.

Спустя сорок минут путешественники уже стояли около входа в паб.

Там набилось с десятка полтора завсегдатаев. Широкоплечие, раскрасневшиеся, в тёплых однотонных рубашках, длинных свитерах грубоватого вида весельчаки заняли столики вдоль стен, подсади к барной стойке, курили в единственное открытое окно, подпевали и прихлопывали в такт звучавшей мелодии. Дух крепкого табака смешивался с выплывавшими из кухни запахами лука и жареного картофеля. На маленькой сцене играли местные музыканты: высокий жилистый скрипач, коренастый в фисташковом пиджаке гитарист и седовласый, разухабисто стучащий в бойран* детина неопределённого возраста.

* Бойран – ирландский ударный музыкальный инструмент.

Песню «Ирландская река» выводил юноша в белом свитере грубой аранской вязки. Публика подпевала.

Друзья подошли к барной стойке.

– Послушай, любезный, – Кайрин обратился к бармену, ловко наполнявшему пивом сразу два высоких бокала, – ты, судя по всему, Херши?

Бармен кивнул.

– Мы ищем капитана Тэда и его парней. Завтра утром нам нужно выйти на Скеллиг-Майкл. Ребята сегодня здесь?

– Сейчас любой за хорошую плату готов прокатить вас до Скалы и обратно, – Херши, не прекращая своего занятия, цепко оглядел укутанных клубами табачного дыма посетителей, – но если около острова нужно будет ждать или придётся возвращаться в другой порт, то лучше старика Тэда и его парней точно не найти.

– Матёрый профессионал? – уточнил Остроглазов.

– Он с Валентии, а на этом острове всегда вырастали отчаянные смельчаки, – Херши поставил на влажную стойку запотевшие бокалы. – У них в рыбацких семьях даже женщины знали морское дело. Если нужно, сядут в лодку рядом с мужьями, и пока те гребут или управляют со снастями, они на подхвате: рыбу из сетки достать, узел распутать или просто так компанию составить. Макрель – тварь капризная. Уйдёт к Донеголу – улова не дождёшься. А если начнёт штормить, то и за крабами не двинешь. Мой папаша, Царство ему Небесное, тоже рыбачил. Но при случае всегда был не прочь на европейцах подзаработать.

– Каким же образом? – присоединился к разговору Келсмен.

– На Скеллиг всегда собиралось много любопытных, – бармен разливал очередную порцию. – Однажды вместе с дружками старик переправлял туда английского писателя Шоу. Не знаю, что великого сочинил этот англичанин, но шум в Портмэджи стоял невообразимый. Эй, Майки, или кто там просил «Килкенни»? Принимайте заказ.

Невысокий рыжеволосый паренёк на лету подхватил пивные бокалы и, ходко лавируя меж столиками, умчался на другой конец бара.

– Бернард Шоу – урождённый ирландец, только писал по-английски, – журналист удивлённо смотрел на Херши, – пьесы Шоу ставят по всему миру. С какой бы стати этот великий скептик и пересмешник отправился на Скалу?

– Понятия не имею, – бармен насыпал картофельные чипсы в большую керамическую миску. – Падди, забери свою закуску. Мне к вам не пробраться.

Последние слова были брошены в полумрак прокуренного, затянутого сизой поволокой зала. Оттуда послышался весёлый гомон, кото-

рый быстро перешёл в речитатив новой песни. Невидимые падди горланили что-то про равнодушную красотку и её локоны, вплетённые в золотое колечко.

– У меня дилемма, – Остроглазов, перехватив миску с чипсами и отправив закуску певцам, настойчиво обратился к Херши, – расскажите, что в вашем суровом ирландском краю приключилось с девушкой Мэги? Её прославил любовь или подвиги кельтской воительницы в духе королевы Медб⁹¹?

– Острый! – с нескрываемым удивлением монахиня смотрела на Ивана. – Откуда ты знаешь про королеву?

– Читал. В невельской библиотеке стояло много умных книжек, – проворчал Иван. – Подожди, сейчас наступит миг истины. Итак, любовь или битвы?

Херши вздохнул. Было заметно, что в тысячный раз он отвечает на этот вопрос:

– Ни то, ни другое. Многие приезжают к нам, и после второго стаканчика начинают выпрашивать: «Что за Мэги здесь жила? Какая такая беда приключилась с несчастной, раз целый порт носит её имя?» Настолько дотошные попадают люди – диву даёшься. Могут в лоб заявить: «Про несчастную девушку слышаны, только покажите её могилу». Но не было никакой Мэги, никто не топилился и никого не убивали.

– В чём же подвох? – не унимался Остроглазов.

– Всё проще простого, – бармен усмехнулся. – В XVIII веке южное побережье Керри трепетало только от одного имени свирепого контрабандиста и весельчака Теобальда Мэги. Парень он был нрава крутого, с тяжёлой рукой и упрямыми мозгами. В юности служил у короля Джеймса, общался с аристократами, а когда вояку отправили в отставку, занялся подпольной торговлей. Возил сюда ткани, кофе, чай, пряности и табак. Бриджит, его супруга, и сыновья помогали папаше Мэги. Говорят, однажды уплыл он за товаром и не вернулся. Сгинул на континенте. Человека нет, а память о нём в самых несурзных историях осталась. Мне, конечно, вариант с девушкой больше нравится, мы – ирландцы, хотя и сочиняем, но не завираемся.

– Здорово! Бандит – везде бандит, особенно обладатель изящных манер, – Иван вздохнул. – Я готов остаться, внести свой вклад в местную летопись. Пускай в мою честь назовут какой-нибудь заливчик или вершину. «Остроглазов пик» – звучит решительно и мужественно.

– Разве только что «звучит», – Кайрин остановил друга, явно собиравшегося подыскать другие варианты увековечивания собственного имени на побережье. – Ваня, ни один ирландец не сможет внятно про-

изнести твою фамилию. Урежут, переименуют. Будешь прославлен как сказочный герой. Гном из Корнуолла.

– Как гном не хочу! – возмутился Острый. – Готов стать принцем из-за моря, победителем злых сил и успешным бизнесменом.

– Придётся выбрать что-то одно, – задумчиво сказала Брига, – власть, деньги, борьба со злом – в одной чашке не перемешать. Может быть, тебе жениться?

– Тогда уж лучше в космос, – надулся Иван, – или соорудить хижину на вашей скале. Наркисович, мы как собираемся туда завтра добираться?

– Чрезвычайно поучительная история, – вежливо заметил Келсмен, – так где нам отыскать капитана?

– В дальнем углу, – Херши кивнул к чёрному выходу, – Тэд Киннерсли обычно дремлет там. Он из тех, кто под весёлую музыку засыпает быстрее, чем в тишине. Жители побережья привыкли к голосам океана, и джиг для них звучит как колыбельная. Ступайте потихоньку, не смахните со столиков тарелки со стаканами. Иногда я жалею, что алюминиевые кружки вышли из моды.

– Мы постараемся вальсировать, – заверил бармена Остроглазов, – хотя вальсы тоже давно устарели.

С большой осторожностью, обходя весело размахивающих руками завсегдааев, маневрируя между столами и высокими табуретами, друзья пробрались к дальнему закутку заведения, где за широкой приставной лавкой сидел капитан Тэд. Путешественникам стало сразу понятно, что этот поджарый, ясноглазый, в бурой потрёпанной куртке, совершенно седой мужчина настоящий морской волк.

«Типаж из “Тайфуна” Конрада, вылитый Мак Вир, – подумал Сергей Наркисович, – кому, как не ему, править кораблём в этих широтах? Даже загар особый – алый. Можно представить, что моряк попал под яркое солнце и на ветру не почувствовал, как прихватило кожу. С таким капитаном не страшно».

– Разрешите потревожить ваше одиночество, – вежливо обратился Кайрин к Тэду. – Мы с друзьями, – он указал на подошедших с ним спутников, – завтра хотим отправиться на Скеллиг-Майкл, и нам известно, что лучше вашей команды никто с этой задачей не справится.

– Скала нынче не принимает, – капитан сделал глоток какого-то напитка из глиняной кружки, глухо поставил её на лавку, – время пилигримов закончилось. Маяк еле коптит. Нам нужен новый светильник.

«Ого! – Кайрин опешил. – Похоже, наш кэп немного подгулял. Для вечера субботы ситуация обычная, но встанет ли он завтра за штурвал лодки?»

– Нам необходимо добраться до Скеллига, – в поисках поддержки Сергей Наркисович обернулся к друзьям, – так ведь?

– Мы приехали из Европы, – подхватила разговор монахиня, – на вашей замечательной Скале скрывается отгадка многих важных вопросов. Помогите нам.

– Там истинная ирландская слава, – сурово пробасил Келсмен. – Мы не покинем Кольцо Керри⁹², покуда не доплывём до Скеллига! За деньгами дело не станет.

– Ты войдёшь в историю своего графства! – бодро заявил Острый. – О твоих матросах сложат легенды или, как минимум, сказки.

Тэд застыл. Медленно, очень медленно он переводил взгляд с одного гостя на другого. В голове капитана от дешёвого виски действительно гулял хмель. Но количество выпитого было невелико, а час был ещё сравнительно ранний, так что он быстро сообразил: субботняя выручка сама нашла его в баре.

– Вы не боитесь шторма? – деловито, стараясь не обнаружить радости от предстоящего заработка, поинтересовался он. – Сейчас можно попасть в суровую передрагу. Океан неспокоен.

– Мы боимся всю дорогу, так много и часто, что уже перестали обращать на это дело внимание, – ответил за всех Остроглазов, – но у нас есть пирог бесстрашия. Вот, кстати, ваш кусок. Для смелости нужно поест. Помогает.

К совершенному изумлению Кайрина, Бриги и Шона откуда-то из-за спины Иван извлёк тарелку, на которой лежал солидный ломоть рыбного пирога. То ли он успел прихватить его с соседнего стола, то ли принёс от самой барной стойки – друзья не поняли, но капитан с радостью перехватил угощение и немедля отправил в рот половину куска. На недоуменный взгляд Кайрина к Ивану – «откуда взял?», Острый застенчиво пожал плечами, прошептал: «Потом скажу».

– Что вы потеряли на Скале? – капитан запил съеденные остатки виски. – Как только начинается майский сезон, туда тянется много праздного народа, но вы не похожи на пустых зевак.

– Собираемся проверить несколько древних теорий, – уклончиво ответил журналист, – О Скеллиге в Европе бродит множество историй. Но пока не увидишь своими глазами, ни в чём нет уверенности. Вам наверняка известны всякие странные случаи, происходившие там в последнее время.

– Бывало разное, – уклончиво ответил моряк. – Что-то правда, а кое-что народ привирает.

– Нас интересуют только реальные события, – монахиня присела рядом с Киннерсли. – Хорошо, когда всё по-честному.

– Кому как, – капитан задумчиво посмотрел в потолок, – по мне так лучше, пускай все будут довольны тем, что есть, а не какой-то там честностью ради всеобщей справедливости. Я вот что знаю: из-за штормов, туманов и камнепадов люди на Скале калечились, жили впроголодь, детишки смотрителя маяка болели и, не дождавшись врача с большой земли, помирали. Но бывали загадочные происшествия. О чём-то доподлинно известно, а некоторые легенды вам охотно сообщат местные рыбаки.

– Про мистические истории с побережья Керри мы уже слышали, – Кайрин ждал, когда Тэд доберётся до нужной информации. – Если знаете что-то действительно необычное, без волшебства и призраков, бродящих по волнам, то расскажите. Важны детали.

– Хорошо. Вот правдивая история. Дело было в 1936 году. Летние школьные каникулы заканчивались. Ясно помню, потому как моих сестёр только что привезли из Корка, где они гостили у деда. Август стоял тёплый, маловетренный, и мы с отцом часто отправлялись из залива на большую волну в сторону Скеллига. Он учил меня ставить парус при сильном ветре и лавировать при боковой волне. Вообще-то многие уже приделали на лодки моторы, но мой родитель считал, что навык хождения под парусом забывать преступно. «Вдруг, – говорил, – англичане перекроют поставки бензина на Эйре, и придётся в море

выходить по старинке на вёслах». Мудрый был человек. Никому не доверял.

– Дальновидный родитель, – Сергей Наркисович понял, что рассказ будет долгим.

– Совершенно справедливо. Отец научил меня ставить краболóвки, определять направление ветра, места появления косяков трески, пикши и много ещё чему. Кстати, тем днём мы с ним ловушки в заливе и проверяли. И только после вышли погулять в открытый океан.

– Долго прогуливались? – Келсмен пытался торопить рассказчика.

– Не очень. Может быть, с час, – невозмутимый Киннерсли принялся за остатки пирога, сосредоточенно сжевал последние кусочки и продолжил:

– Идём из Баллинскеллигса строго в Портмэджи. Отец стоит у штурвала; я сушу на палубе пустые снасти. Движемся неспешно. Как вдруг видим: уже около самой горловины залива навстречу нам мчатся сразу пять лодок. На первой наш сосед Кевин Дрискол. В зубах погасшая трубка, на голове дурацкий синий валлийский берет. Дрискол машет руками, кричит: «Вы от Скеллига? Видели кого-нибудь?» Отец ему: «Эй, Кевин, вы куда целый флот на ночь глядя отрядили? Ветер крепнет. Скоро с запада шторм придёт. У меня спина разболелась». – «Чихать мне на твои кости! – орёт со своей посуды Дрискол. – У нас беда. Смотритель маяка Роху Маллан на Скале сгинул. От Валентии на поиски ушли рыбаки и даже, говорят, большой корабль “Валония” отчалил. Давай с нами!» Отец выслушал приятеля и сказал, что, пока меня на берег не высадит, никуда не двинется. А когда пришли в Портмэджи, ворчал: «Тоже дело придумали. День-два мальчишка на связь не появляется, и сразу – “сгинул”. Может быть, перепил лишнего, спит беспробудно. Вдруг рация сломалась или того хлеще: сначала перебрал виски, а потом передатчик в море обронил. Хотя там, на маяке, с ним должна была быть жена. Могла и она не усмотреть. Ладно, пошли домой к матери. Утром разберёмся».

– Разобрались? – из всех сумбурных деталей происшествия Кайрин пытался составить чёткую картину.

– Да, собственно, ничего особенного не случилось... – Тэд задумался, помолчал. – На Скеллиг высадилось человек двадцать. Рыбаки, офицеры береговой службы, полиция. Из Килкенни доставили священника. Ещё привезли врача и пять натасканных на лисиц смышлённых собачек. Искали неделю. Жену бедолаги отправили на большую землю. Из Баллинскеллигса прибыл старик. Совсем ветхий, но при ясной памяти. Он знал, где должен быть вход в тоннель, который засыпали ещё в прошлом веке. Пытались найти; совсем отчаянные смельчаки

забирались на Южный пик. Обшарили каменные террасы, их там три. И развалины часовни, что на самой вершине. Корабли несколько раз обошли Скалу, курсировали вдоль Малого Скеллига. Один из парней, говорят, даже умудрился высадиться на этом птичьем острове, обнаружил развалины домика охотника, но следов Роху не нашёл. Если смотритель погиб, то отдавать его тело море не собиралось.

– Думаешь, он мог выжить? – осторожно спросил Келсмен.

– Не знаю, но люди долго говорили: «Скеллиг забрал юного Маллана в свои лабиринты до второго пришествия Христа».

– Вот именно таких историй нам и не хватало! Правильно я понимаю? – Остроглазов в упор смотрел на Кайрина. – Всё, как вы с Бригой и нашим новозеландским кельтом любите: конец света, поиски в мрачных тоннелях и никакой ответственности. Капитан, отвезите туда всю весёлую компанию. Пошли, Шон, спляшем напоследок добрую джигу.

Иван потянул за собой Келсмена, и они отправились к веселящейся публике, где уже начинались танцы.

– Простите моего друга, – Сергей Наркисович присел рядом с Киннерсли. – Он хороший парень, но отчаянный скептик. Я верю вашим словам, и нам действительно очень нужно добраться в монастырь Скалы и подняться на Южный пик.

– К Скеллигу доставлю, – согласился капитан, – но по утесам вы там карабкайтесь сами. Если не начнёт штормить, то мы с парнями вас дождёмся, а налетит ураган, придётся вернуться в порт. Тогда спешите обратно в лодку или ждите, когда вернёмся. Но это уже за другую цену.

Кайрин согласился. Договорились встретиться утром на причале. Журналист пожал седовласому Тэду его широкую загрубелую ладонь. Затем они с Бригой пошли на поиски друзей. Танцы в пабе разворачивались полным ходом.

– Послушай, Серж, – монахиня жмурилась от табачного дыма, – здесь довольно забавно, но слишком громко. Когда ирландцы разыграются, за музыкой слов не слышно, или наоборот: лужёными глотками гуляки перекричат любую мелодию. А наши ребята, кстати, здорово танцуют. Смотри, Острый отбивает, как заправский чечёточник. Ему бы только руками не размахивать и не тарачить глаза по сторонам. Вот Келсмен правильно держит осанку, и лицо у него вполне под стать танцу.

– Руки, как у игрушечного солдатика, специально вытянуты по бокам? – поинтересовался Кайрин.

– Да, такая традиция: не отвлекаться на постороннюю ерунду. Джигу делают ноги, а всё остальное – только рисование на публику, – в такт музыке монахиня даже постукивала ребром ладони по барной стойке. – Для успеха необходима сосредоточенная бесшабашность. Прихо-

дится держать ритм, правильно опускать носок, пятку и вовремя разворачиваться. В прошлом столетии артист должен был танцевать в пабе, на маленьком подиуме, не задевая руками посетителей и официантов, разносивших гостям пиво. Целое искусство! В деревнях обычно плясали кейли* или джигу, а в пабах кто как придумает.

– Ты в юности какой стиль предпочитала?

– У нас в Фените любили шан-нос, – такая, почти французская штука. – Танцорам шан-нос не предписано держать спину прямо, голову высоко, а руки по швам. Проще показать, чем объяснять, но я, пожалуй, воздержусь.

– В другой раз научишь?

– И в ином месте, – рассмеялась Брига. – Посмотри, сколько свободы, сил и энергии в этом празднике. Почти ритуал. Но мне кое-что не даёт покоя. Давай выйдем на улицу. Здесь довольно шумно.

Они покинули паб. Небо над Портмэджи было высоким. Звёзды высыпали на чёрный бархат Кольца Керри. С океана веяло свежестью, пахло водорослями.

Брига медлила с продолжением разговора. Она сомневалась в справедливости своих предчувствий, отгоняла страхи и неясные подозрения. Борьба врождённой прямооты с воспитанной деликатностью ввергали монахиню в небольшое смятение.

– Только не обижайся, Серж, – начала она. – Я лучше скажу сейчас, чем дальше, как чётки, буду перебирать свои мысли. Меня не отпускает чувство смутной тревоги после твоей встречи в Дублине. Ты нам почти ничего не рассказывал о разговоре с той леди из порта. Мы, конечно, не любопытны на этот счет и полностью доверяем своему командору, но мне никак не удаётся отделаться от ощущения, что за твоей новой знакомой стоят странные люди. Точнее, с её появлением как-то связаны недобрые силы. Это как в шахматах: ты видишь расставленные на доске фигуры, перед тобой ловко их передвигающий противник, но смысл всех хитросплетений игры от тебя катастрофически ускользает. Дебют подобной партии противоречит всем возможным вариантам.

– Брига, ради всего святого, – Сергей Наркисович удивлённо смотрел на монахиню. – Какие шахматы? Мюрджен – талантливый исследователь. Ученица Толкина и Чедвик. Историк, филолог, специалист в религиях. Она разбирается в средневековых орденах, кабалистике, розенкрейцерах и тайных школах. Её рекомендовал Маркус, а немцы – народ дотошный, ни за кого впустую ручаться не станут.

* Кейли – общий термин для обозначения традиционных групповых танцев в Ирландии и Шотландии.

– Ты бываешь слишком легкомыслен, – монахиня строго смотрела на друга. – Дело в том, что изучение оккультных наук, чтение секретных трактатов и прочая эзотерика не проходит для человека бесследно. Душа способна трансформироваться, причём далеко не в лучшую сторону. Если не веришь в силу обрядов и магических текстов – это ещё не означает, что они не действуют на тебя.

– Думаю, дело обстоит ровно наоборот, – Кайрин стал серьёзным. – Мне кажется, что вся перечисленная тобою мистическая чепуха влияет на меня в прямой пропорции от степени моего к ней доверия. Я не верю, и она как сквозняк: летит мимо. Да и что за особая сила может стоять за Мюрджен? Католики из ирландской освободительной армии? Тайный орден? Масоны?

– Серж, на дворе 72-й год, и мы даже не знаем, какая большая игра развернулась по всему миру, – сестра печально вздохнула. – Представь на минуту, что некто захотел появления на свет Божий тетради О’Хини только теперь. И именно мы оправились на поиски наследия кулдеев. Кто-то хочет воспользоваться результатами экспедиции, предполагая, что только нашей четвёрке удастся найти сокровище от других. За нами следят. В этом нет никаких сомнений. От самого Дублина я чувствую пристальные взгляды пронырливых людей. И здесь на океане мы, поверь, не одни.

Кайрин растерянно оглянулся. Небо над дальними горами уже не казалось ему бархатистым и уютным. Звёзды мерцали стальным светом, а в запахе с побережья почувствовался терпкий йодистый привкус.

– В России говорят – утро умнее вечера, – Сергей Наркисович почти физически чувствовал, как комок беспокойства сжимается под солнечным сплетением. – Не будем торопиться с выводами. Если Анри де Борнье* считал, что у каждого человека две родины: сначала своя, а потом Франция, то у меня – Россия, а потом Ирландия. Но первую толком не помню. Остаётся вторая, в которой почти все мы лишь гости. Нужно забрать наших парней и отправляться в отель. День завтра решающий.

* Виконт Анри де Борнье (1825–1901) – французский поэт, драматург.

Глава 21 Скеллиг-Майкл

На следующее утро первым в отеле проснулся Остроглазов. Календарь на стене его комнатки сообщал о наступлении 24 сентября 1972 года. По давней, усвоенной с юности привычке, если Иван готовился к совершению важного дела, то поднимался в самые ранние часы. Перед дальней дорогой, из-за знакомой многим путешественникам смутной тревоги, мелькающих мыслей и образов выспаться и во все не удавалось. Сон подолгу не приходил или оказывался кратким, беспокойным. Иван вывел аксиому, согласно которой приключение начинается в подсознании и во времени, предшествующем реальному развороту событий. «Это уже после, – рассуждал он, – действительность наполняется нюансами перемен, многоголосием звуков и новых запахов». Казусы случавшихся дежавю Острый объяснял так: «Очевидно, я в этом уголке бывал и прежде, но в памяти остался не чёткий след, а лишь эскиз давнишних событий».

В Портмэджи произошло нечто подобное. Иван вышел из гостиницы, спустился к причалу и застыл перед аккуратно сложенными штабелями тёмно-зеленых краболовок. «Ага... – пробормотал Остроглазов. – Именно такие приспособления на похожем месте мне уже встречались. Пойду дальше, вдруг припомню что-то ещё».

По наезженной грунтовой дороге он решительно зашагал вдоль берега залива. Нарядные двухэтажные домики тесно лепились друг к другу, и узкие улочки едва протискивались между их белёными стенами. Свежий ветерок дул с океана. Магазин и почта, которые обогнула дорога, были уже открыты. Солнце поднималось над дальними го-

рами Кольца Керри. Острый шёл, разглядывая чистенькие окна и ярко выкрашенные двери домов, обитатели которых отправились по своим делам или ещё крепко спали. Рыбацкий посёлок внезапно закончился. Иван оказался перед развилкой. Дорога, по той, что вчера вечером они въехали в Портмэджи, забирала вправо, к холмам, а другая вела на Валентию – остров, упоминавшийся Кроганом. Постояв несколько секунд в раздумье, Остроглазов собрался подняться на мост, связывающий большую землю с Валентией. Ему захотелось обойти залив и посмотреть на Портмэджи с противоположной стороны бухты.

Он шёл по мосту и чувствовал приятную ломоту в ногах. Припомнив вчерашний вечер, джигу в прокуренном пабе, Острый улыбался. «Всё-таки люди становились людьми, совершенствуя свои танцевальные навыки, – размышлял Иван. – Животные не умеют настолько красиво двигаться, им почти не известен язык жестов и тайнопись многозначительных взглядов. Не они научили танцу наших предков. Только гостям из далёкого космоса была под силу такая задача. Грациозно выплывая из звездолётов на поляну к ошалевшим кроманьонцам, меланхоличные гуманоиды преподавали своим корявым зрителям первые уроки головокружительных пируэтов и принципы гармонии тягучих хороводов. Невесомость долгих странствий придала телам пришельцев особую гибкость и подвижность. Вообще, инопланетные ребята давали нам только хорошие уроки. По крайней мере, пытались научить вещам достойным. Всё отвратительное: войны, пытки, атомную бомбу люди придумали сами. И теперь ничего другого не остаётся, как только разыскать древних гостей и выяснить: где, когда и почему оглобли нашей телеги повернули к тёмному лесу?»

Ровно посередине моста Иван остановился. Достал карманную подзорную трубу и направил её окуляр на юг. Солнечный свет ровным потоком струился в акваторию порта, прокладывая путь в тёмно-синюю горловину залива и ярко освещая вырастающие скалы дальнего побережья. Острый знал, в каком направлении им предстоит сегодня отправиться, но без настоящего морского бинокля увидеть размытые очертания Скеллига никак не удавалось. Зато хорошо были различимы рыбацьи лодочки. Одни покачивались у пирса, другие, словно цветные пёрышки, колыхались на лазоревом рейде.

Ещё подозрная труба помогла разглядеть крошечные точки пасущихся овец, ползущий по пыльной дороге автомобиль и велосипедиста, лихо спускающегося с зелёного пригорка.

«Надо же, – рассуждал Иван, – не лень было ирландцам забираться в такую глушь. Земля, сразу видно, не слишком плодородна. Злой зимы, как в России, здесь нет, но и тепла не дождёшься. Ливни, ветер с океана. Хотя картошка и овёс растут, всегда можно наловить рыбы, крабов, креветок, всяких лобстеров. А зверья никакого. Только домашняя живность. Пабы, футбол, регби – вот и все развлечения. В чём смысл такой жизни? Разве что в проживании её самой. В порядке существования день за днём. Если поразмыслить, то можно придумать полезные дела. К примеру: помощь голодным, антивоенные марши, исполнение какого-нибудь священного долга. Помечтать о наградах. Но и так понятно, что нельзя обижать подобных себе. Зло возвращается, окрепнув опытом другого зла. Это только в библейских сказках Левиафан пожирает Бегемота, а люди из кусков чужой добычи готовят сытный ужин».

Остроглазов облокотился на перила, подпёр подбородок сжатыми кулаками, продолжил наблюдения за неспешно текущей жизнью. Спустя три минуты он вновь прильнул к своему походному окуляру и, лениво перемещая по всё более наполняющемуся солнцем заливу пра-

чок подозрной трубы, увидел, как два рыболовецких баркаса отчалили от мола и пошли вдоль скалистого берега в сторону океана. «Не иначе, местные артельщики, – подумал Иван, – вечером вернутся с уловом. Что в это время года здесь ловят? Макрель или треску? А может быть, они, как шотландские монахи в тетрадке у Кайрина, расставят ловушки на лобстеров. За эту живность должны платить больше, чем за обычную рыбу. Остаться бы здесь навсегда. Жить и горя не знать. Никуда не срываться. Встретить рыжую Мелани или кареглазую Джессику. Жениться, детишек завести. Купить автомобиль и гонять на нём в большой город на праздник, просто за покупками. Но ведь ничего из этого не выйдет, потому что только у дураков мечты сбываются. А такие умники, как я, всю дорогу носятся за чужими идеями. Вот с какой стати из тёплой Австралии мне приспичило лететь сюда, на край Европы? Из уважения к Кайрину? Ради компании? Надо, в конце концов, остепениться, сделать что-то существенное и важное. Хочется жить радостно, без оглядки на чужое прошлое, а не выслушивать истории про неизвестных везунчиков. Монахиня говорит, мол, мы только и делаем, что объясняем различные события, мало что понимая в них. Легко рассуждать. Для неё самое важное событие – Рождество Христа. А Келсмен искренне уверен в чудесном прибытии на ирландский остров святого Патрика. Приплыл умный человек, и всё чудесно устроилось. Кайрин ищет нити, связывающие судьбы Европы и России. Друзья плывут на Скалу, потому что хотят разобраться с чужим и далёким прошлым. А мне хочется найти нечто, способное придать смысл хотя бы оставшимся месяцам этого года. Быть может, именно там он и зарыт. В любом случае, попробовать стоит».

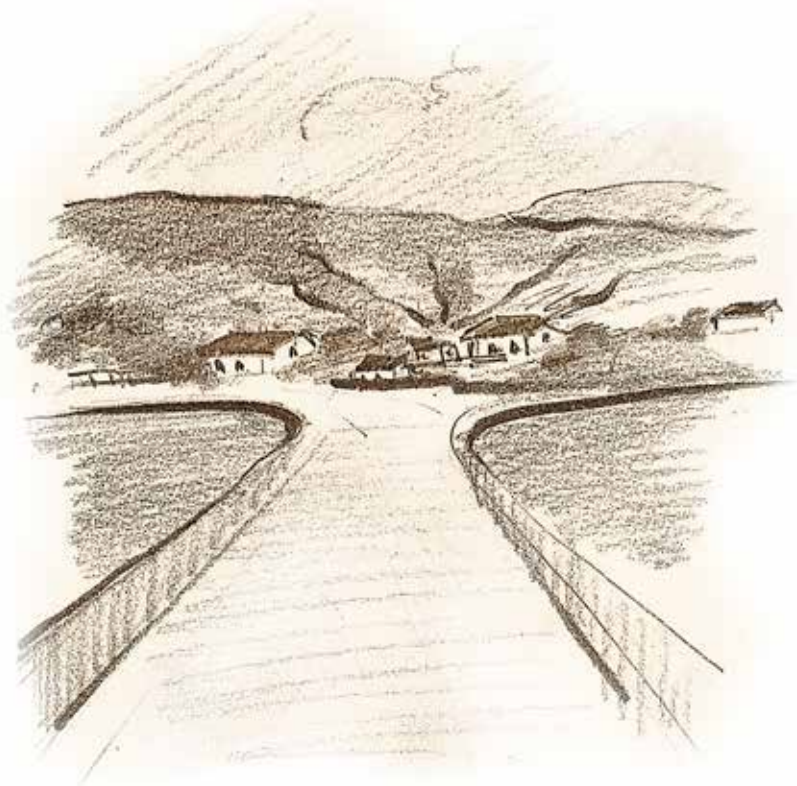
Сергей Наркисович проснулся, услышав, как хлопнула соседняя дверь. Он сел на кровати, внимательно посмотрел в выходящее на голубую бухту окно и почувствовал тревогу грядущих перемен. Она отличалась от беспокойства, что сопутствует наступлению событий, про которые известно заранее. В такие минуты журналисту казалось, будто его поместили в комнату, посадили на единственный стул перед унылой серой дверью и сказали: «Жди, скоро сюда войдут». Кто, с какой целью переступит порог и, главное, когда произойдёт эта встреча – не выяснялось. Ты сидишь, а время растягивает нервы, пока борьба с этой невидимой силой не завершается его победой. Но вдруг створка чуть приоткрывается, на пол ложится блик слабого света. «Пора бы уже, – говоришь сам себе, – но, кажется, рано». Продолжаешь ждать, ведь больше ничего и не остаётся.

Подобное состояние Сергей Наркисович называл «промедлением в жизни». Не остановкой, задержкой, с которыми можно примириться,

а именно «промедлением». В такие дни Кайрин ждал телефонных звонков, писем, внезапных встреч, намёков в случайно раскрытой газетной статье или на странице наобум извлечённой из шкафа книги. Пытался расслышать особый сигнал, различить знак и запомнить момент, когда вся комната наполнится новым светом. Но сейчас ничего похожего не происходило, и он решил сосредоточиться.

«Подведём промежуточный итог, – сам себе сказал журналист, – тоннель, подземный ход, лаз или, как говорят в России, схрон – что может быть на Скале? Зачем его там тщательно выдалбливали? Слишком много совпадений. Предположим, монахи Скеллига решили вгрызаться в скальные породы, которые сейчас и гранатой не взять, значит, сложились чрезвычайные обстоятельства или произошла история, о которой доподлинно ничего не известно. Возможно, дважды или трижды разорявшие монастырь викинги искали не только золото, серебро, но особого человека. Если верить легенде, сам Олаф Трюггвасон* принял святое крещение от здешнего отшельника и некоторое время даже жил на Скале. Искали его? Хотели вернуть в Норвегию? Драгоценности у отчаянных анахоретов в этой морской пустыне вряд ли вообще

* Олаф Трюггвасон – король Норвегии с 995 по 1000 год.

хранились. Ко всяческим святыням, особенно книгам и свиткам, викинги всегда оставались безразличны. Тогда что?»

Журналист оделся, достал из рюкзака тетрадку, сел за придвинутый к окну стол и в который раз принялся изучать новозеландский манускрипт. Добравшись до нужной страницы, аккуратно выписал на отдельный листок все имена, даты и названия. Ему не терпелось составить канву истории с тоннелем. Получилось следующее. Версия первая: во времена скандинавских набегов монахи решили устроить секретный тайник и продолбили, выкопали какими-то инструментами секретный подземный лаз. Вход в него находился между источником и малой орасторией. Так надёжнее и неприметнее чужому глазу. Маловероятно, что он куда-то вёл, скорее всего, потаённое место должно было служить укрытием. «Да и какой настоящий монастырь, – улыбнулся внезапной мысли Кайрин, – обойдётся без тёмных переходов и таинственных галерей? Тем более в Ирландии».

Второе предположение оказалось ещё более рискованным, но не менее захватывающим. Сергей Наркисович рассуждал: «Допустим, регенбургская легенда подлинна, и со времён друидов Скеллиг уже был плацдармом, собиравшим на мистерии сотни людей. Однажды бритоголовые кельтские жрецы-поэты и вожди племён добрались до Скалы, имевшей на северо-западе Европы славу особого острова. Они слышали про своих ещё более древних предшественников, возводивших дома-храмы на лугах долины Бойна, в Ньюгрейндже и Науте. У друидов могло сложиться стойкое впечатление о необъяснимой силе и умении их мифических предков складывать десятитонные блоки в монументальные кромлехи⁹³, воздвигать внушительной величины мегалиты. Друиды приплыли на остров, обнаружили начинавшийся с вершины Северного пика к морю подземный ход, но ничего из древностей трогать не стали. На Южном пике возвели свой алтарь и, пока в Ирландию не пришёл Патрик, раз в год собирались на Скале. Если так, – Кайрин чувствовал, как напрашивается неожиданный вывод, – то монахи, поселившиеся там в VI столетии, построили кельи, формой напоминающие ирландские неолитические поселения того самого Наута, расчистили старинный тоннель, приспособили к своим хозяйственным нуждам или сделали из него убежище».

Последний вывод показался ему самому слишком смелым. Не рискуя развивать его далее, он перешёл к третьей версии. Она представлялась ему унылой и ограниченной. Хотя у подобных решений находится больше всего приверженцев.

«Согласимся, – так начинались рассуждения Сергея Наркисовича, – что древнее предание о тоннеле вполне могли принести монахи Скалы,

переселившиеся с острова в августинианский Баллинскеллиг где-то в XII веке. Несколько столетий легенда, обрастая деталями и пояснениями, благополучно кочевала вдоль побережья, пока не оказалась в распоряжении смотрителей маяков, проживавших в XIX столетии на острове вместе с семьями. От скуки, желая скоротать долгие недели между визитами почтовых лодок с большой земли, или из чрезмерного любопытства к таинственным историям один смотритель рассказывал другому про то, как особым голосом завывают ветра в малой оратории, появляется и исчезает вода в бьющем на ста восьмидесяти футах выше уровня моря источнике. Сообщал, непременно, и о загадочном подземелье. История бы так и тянулась. Паломники на Скеллиг, если и приплывают, то изредка, на один-два дня. Жить там негде, а в поиски пускаться некогда. Только сами обитатели Скалы имеют на это время. Одного из смотрителей звали Томас Маккенн – о нём я как-то читал. События произошли в 1870 году. Тогда на Скеллиг с проверкой из Дублина прибыла комиссия. Пришли инспекторы на маяк, а Томаса нет. Принялись искать по всему острову, на котором всего четыре дорожки. Добрались до монастыря и нашли Маккена за малой ораторией

в какой-то расщелине. Он, недотёпа, полез в земляной распадок, а выбраться самому никак. Инспекторы помогли. Томас путано рассказывал о подземном коридоре в скале. Ему не поверили. И пахло от искателя древностей дешёвым виски. Но на всякий случай яму, из которой смотрителя вынули, распорядились завалить камнями».

Затем Кайрин припомнил место в Завещании, где говорится о высоком форпосте острова. Он представил, как специально назначенный монах каждый день забирался на Южный пик, располагался в построенной там крошечной часовне, совершал молитвенное правило. Вычитывал весь Псалтырь, Розарий, Последование часов. На каждой «славе» осенял себя крестом и выглядывал в узкое окошко. Сначала инок смотрел на запад, откуда с войском демонов может появиться Левиафан. Затем внимательно вглядывался в сторону побережья. С той северо-восточной стороны приходят жестокие язычники, кормящие свои мечи христианской кровью. Монаху дано распоряжение: лишь только заметит тугой парус норвежского драккара, то должен немедленно выставить белое полотнище на шесте. Кричать, бить в колокол, разжигать огонь нет смысла. С такой высоты голос и звон не услышат, а пламя задует ветер. Но в монастыре не спит его собрат, которому поручено поглядывать на вершину горы. Случись нечто тревожное, он созывал братию, все вместе они начинали готовиться к отражению разбойничьего набега.

Фантазия Сергея Наркисовича разыгралась. Он почти увидел, как с Южного пика подаётся условленный сигнал. Это поднятое знамя «белых мучеников» тщетно пытается порвать атлантический ветер; в обители заканчивают мессу; монахи сопровождают Олафа Трюггвасона к потайному входу. Маскируют ведущую в тоннель дверь, возвращаются обратно и готовятся к обороне. Далее ему представилась картина высадки на скалу морских пиратов.

«К тому часу, – рисовал себе Кайрин, – Господь по просьбе святого Патрика непременно найдет на остров небывалой силы ветер, который сменится шквальным дождём со снегом. Шесть сотен каменных ступеней покроет ледяная корка. Викинги станут рваться наверх, но никто из этой ватаги даже не поднимется к Седлу Христа. Одни сорвутся в океан, другие разобьются, упав на острые скалы... Но пора отправляться в путь, – журналист убрал тетрадку в рюкзак и открыл окно: океан повеял ему в лицо солью и свежестью. – О чём я вообще беспокоюсь, какой смысл в этих переживаниях? Быть может, нынешнее приключение не более чем очередная попытка убежать из мира необходимости в страну грёз, которая откроет границы, начни мы рискованное путешествие. Поиски в самом разгаре,

и хотя нет гарантий относительно их благополучного разрешения, будем двигаться дальше».

Келсмена разбудил топот чьих-то ног в тяжёлых башмаках на лестнице. Три грузных человека, громко перебрасываясь отрывистыми фразами, спустились из комнаты, которая находилась под самым чердаком дома; с минуту потоптались перед дверью напротив и направились вниз. Даже шерстяная ковровая дорожка не смогла приглушить их дробной поступи. Шону хотелось пить. Вчерашняя дорога, танцы и две пинты «Гиннеса» утомили О'Хини. Он спал крепко, без сновидений, но утренний шум вытолкнул его наружу.

«Кому только не спится в такую рань? – подумал Келсмен. – Воскресенье для местных, конечно, день не столь значимый, как суббота, но куда ни свет ни заря можно бежать, кроме церкви?»

Он подошёл к окошку. Его комната располагалась над чёрным входом, и ранние беглецы не могли бы миновать новозеландца. Не прошло и трёх секунд, как дверь распахнулась и в узкий коридор, соединяющий внутренний дворик отеля с улицей, быстрым шагом направилась троица высоких мужчин в длинных чёрных плащах. Разглядеть их лица никакой возможности не представлялось. Шон только успел отметить, что один из странных незнакомцев хромал, а двое других согнулись под тяжестью предмета, напоминающего чехол от виолончели.

«Странные господа, – пробормотал О'Хини, – не похожи ни на туристов, ни на местных работяг. Так держат себя переодетые военные, но какое армейское дело в такой-то глуши? Очень хочется воды».

Потряс пустую бутылку из-под сельтерской, несколько капель упало ему на ладонь; печально вздохнув, он умылся в раковине с двумя латунными кранами, оделся, побросал в рюкзак вещи и отправился вниз. С первого этажа уже доносился запах тостов и жареного бекона.

Брига открыла глаза, когда настойчивый утренний луч пробил створки ставень и осветил зеркало, висящее на стене около кровати.

«Если бы у солнца имелся двойник, – подумала монахиня, – ему в самую пору оказаться ярко-алого цвета. Радуга при новом светиле вполне заменит собой линию горизонта. В раю должно быть много оттенков удивительных, но не броских красок. Над головой воздушные своды, под ногами изумрудная трава, и при этом никакой музыки. Полная тишина. Только шум ветра, шелест тростника и камышей. Ирландский уголок в Небесном Царстве непременно будет иметь такие милые детали, как заводы, поросшая высоким камышом, дубовая рощица, заросли боярышника и серебристый подземный ключ с холодной водой. Впрочем, пора подниматься. Чай в номер не принесут,

а в баре вчера говорили, что сентябрьская погода в океане очень переменчива. Пока солнечно, Кайрин будет спешить к Скеллигу».

Спустя сорок минут монахиня присоединилась к друзьям, уже рассевшимся вокруг большого стола в ресторанчике отеля. Завтрак прошёл быстро. Члены команды предчувствовали, что приключения в самом разгаре, поэтому все были молчаливы, сосредоточены и деловиты. Поблагодарив официанта и расплатившись с управляющим, путешественники отправились на причал.

Их лодка называлась «Глория». «Хорошее имя для судна, – подумал Кайрин, – всем путешественникам не помешает. Глория – буквально «Слава»».

Друзья поднялись на палубу. Капитан Тэд уже раскурил глиняную трубку и, окутанный клубами белёсого дыма, снисходительно осматривал своих пассажиров.

– Благословенного утра, господа! – он протянул руку Бриге, помог монахине перешагнуть через высокую ступеньку. – Сейчас в бухте тихая вода, но стоит поторопиться. Давление растёт, и к вечеру океан разгуляется.

– Мы и так уже третью неделю мчимся по городам и континентам, – пробурчал Келсмен, – ни поесть толком, ни выспаться. Один нескончаемый ребус.

– Вчера вечером твой ребус нырял в очередной пинте «Гиннеса» и ничего, кроме танцевальных мелодий, слышать не мог, – добродушно хохотнул Остроглазов.

– Кто же считает такие обертоны судьбы? – ирландец покорно вздохнул. – «Гиннес» нарочно варят чёрного цвета, чтобы дно стакана можно было различить только перед последним глотком.

– А в чём таинственный смысл последнего глотка? – Острый принял на палубу от Кайрина рюкзак. – Или дело в количестве выпитого?

– Ты ничего не понимаешь в вечерних танцах и нашем кельтском празднике.

– Ладно, забудем, – Иван примирительно хлопнул по плечу друга, – у нас сейчас начнётся своё веселье. Посмотрим, сколько копоти выживает эта посудина.

Кораблик вынырнул из горлышка пролива, скрывавшего Портмэджи от океана. На мгновение пассажирам показалось, будто этот никогда не дремлющий великан делает огромный глоток из бутылки и жадно затягивает их судно в свою бескрайнюю глотку. Теперь, на открытом пространстве, его волны наполнялись свежей силой. Тяжёлые, не позволяющие солнечным лучам пробивать в глубину плотные слои, они обрадовались сухопутным гостям и немедленно принялись перебра-

сывать «Глорию» с верхних пенистых гребней к тёмным впадинам колыхающегося чрева стихии. Капитан покровительственно поглядывал на вцепившихся в поручни путешественников. Кайрин, мечтавший как можно скорее увидеть Скалу, занял место у корабельного носа. На взлетающей вверх волне он чувствовал, как сердце стучит громче, лёгкие дышат с удвоенной силой, но когда «Глория» отчаянно ныряла вниз, комок тревоги предательски скатывался к его желудку. Так продолжалось около часа, а когда кораблик оставил по левому борту Малый Скеллиг и, набрав обороты, решительно начал прорываться к зеленой громаде Большого Скеллига, в ритме волн, бьющихся о борт, журналисту послышалась мелодия. Сергей Наркисович тихонько зашел. Если бы сквозь рокот океана путешественники могли различить голос друга, то удивились бы лёгкой и совершенно не свойственной ему картавости. А он, припомнив нервный, надтреснутый тембр Вертинского, мурлыкал: «К мысу радости, к скалам печали ли, к островам ли сиреневых птиц, всё равно, где бы мы ни причалили, не поднять нам усталых ресниц».

С великим трудом «Глория» вошла под козырёк нависшей скалы в еле приметную бухту, и сам капитан длинным багром подтянул нос судёнышка к ступеням каменистой пристани. Затем бросил деревянный трап и помог путешественникам выбраться на берег.

От места высадки к началу подъёма в монастырь вела узкая дорога. Она вплотную прижималась к стенам отвесных скал. Из едва приметных расселин черноголовые птички тупики высывали ярко-красные клювы и разглядывали гостей бусинками крохотных глаз. Громко крича, мшистые укрытия покидали тёмно-синие бакланы. Над головами людей, забирающихся всё дальше и выше, кружили белые чайки.

«Страшно представить, – думал Кайрин, – что происходило с теми несчастными, кто срывался с этих откосов. Раз – и ты летишь вниз, туда, где нет даже намёка на твёрдый берег. Два – и холодные тёмные волны проглатывают тебя целиком. Три – в подводном сумраке океана глаза успевают разглядеть только линии подводной части Скалы. Хотя вершина Скеллига, особенно издали, кажется огромным, поднимающимся с невероятных глубин готическим собором».

Дорога петляла вдоль обветренных склонов, но неожиданно кончилась. Друзья остановились перед широкими высеченными в скале ступенями. Каменная лестница резко поднималась вверх к Седлу Христа, откуда начинался последний отрезок пути. Не было ни перил, ни самых простых поручней. Истёртые за тысячу лет штормами и ливнями серые плиты, казалось, сами выросли из-под земли.

Первым начал подъем Сергей Наркисович. Осторожно, словно пытаясь на ощупь убедиться в надёжности ступеней, он прошёл первый пролёт, остановился и, оглянувшись, крикнул:

– Двигайтесь за мной! Здесь сухо, но держите между собой дистанцию в три-четыре шага. И не отвлекайтесь на здешние красоты. Наверху осмотримся.

– Тоже мне красоты, – буркнул недовольный Остроглазов, – голый камень вокрут. Ни полянки, ни деревца. Чем тут вообще можно любоваться?

– Да ты только глянь на горы восточного побережья! Как тебе вид Малого Скеллига?! – вдохновлённый Келсмен ловко обошёл Ивана и попытался догнать легко перепрыгивающего со ступени на ступень Кайрина.

– Так, может быть, это и есть Птичий остров святого Брендана? – расслышав последнюю фразу ирландца, спросила монахиня.

– Исключено, – Остроглазов на секунду оглянулся в сторону белой скалы, – ни один корабль не пристанет к таким берегам. Да и как там прогуливаться вашим пилигримам? Все ноги себе переломают.

До впадины, которую в средневековье назвали Седлом Христа, путешественники добрались за пятнадцать минут.

– Друзья, мы на месте, – журналист внимательно пригляделся. – Именно отсюда в обитель святого Архангела Михаила начинали крестный ход паломники. В определённых точках маршрута шествие останавливалось, и священники совершали литании, пели гимны, псалмы, читали отрывки из Евангелия. Как я понимаю, там, чуть повыше, – Кайрин указал в сторону круто поднимающихся ступеней, – должен стоять Камень плача, около которого вспоминают евангельское прощание святых жён с Иисусом.

После двухчасовой качки и карабка по скалам можно было наконец-то присесть и неспешно осмотреться. Перед ними открывались две дороги. Одна была сужавшимся продолжением каменных ступеней и уходила вверх к скалистому перевалу, за которым укрывался монастырь. Вторая истончалась в тропинку, взбирающуюся к тому самому Южному пику, о котором говорили Маркус в Регенсбурге, Мюрджен в дублинском порту и старик Кроган с Дингла. Сергей Наркисович поймал себя на мысли: «Вот что, наверное, значит: направо пойдёшь – клад найдёшь, налево пойдёшь – себя потеряешь. Выражение, конечно, не точное, но своевременное. Даже если предположить, что вся история о наследии кулдеев – не более чем миф, а сопровождающие её детали: книги, посохи, мощи святых в серебряных скаринках, колокольчики, письменные и устные предания – только изысканный

антураж, то и тогда необходимо признать, что людям с сожжённой совестью создать такую героическую традицию невозможно. Добрые и благие идеи не придумаешь, милосердие и стойкость не подделать. За каждым древним рассказом, поэмой, житием святого скрывается жгучее желание автора или пускай – переписчика сообщить нечто сокровенное и важное. Была древняя кельтская церковь северо-западной Европы. Её христиане жили в ожидании перемен, как и все прочие, верящие в возвращение Спасителя. Кулдеи – только часть общин ирландцев, объединившихся перед войсками завоевателей, но имен-

но в хитросплетениях их судеб различимы все отблески войн и сумрак скитаний. Здесь, буквально на краю обитаемого мира, само время, его движение ощущается совершенно иначе, чем на большой земле. Нужно решать, куда отправиться дальше и где хранятся осколки всех стародавних преданий и легенд».

– Мне, Серж, совершенно непонятно, – Иван разместился на поросшем мелким мхом каменном обломке, – не могу взять в толк, как люди могут вспоминать то, чего сами не видели? Вздыхать и переживать о происшествиях, про которые им рассказали другие единоверцы, в свою очередь лично тоже ни при чём особом не присутствовавшие? Сплошной нонсенс. Вот если я решу рассказать тебе о днях своего младенчества, которое реально было, но в памяти основательно стёрто, ты сразу согласишься?

– Сердце твоё, Ваня, большое и смелое, – рядом с ним присела Брига. – Оно способно подсказать, где действительно подлинный свидетель.

– Моё сердце качает кровь, – посерьёзней Остроглазов. – Оно занято своим основным делом. Мозг при этом анализирует все происходящие вокруг события. Ему неинтересно воссоздавать подвижные картинки, не имеющие никакого отношения к реальному миру. Я, конечно, понимаю, что людей необходимо учить добру, справедливости и состраданию. Но почему это делают на примерах истории древнего ближневосточного народа? Не понимаю.

– Ты своих инопланетян тоже не видел, – монахиня невозмутимо протирает линзы больших очков, – но веришь. Готов скакать по всему Донеголу в поисках места их предполагаемой высадки.

– Мои современники были контактёрами, – Остроглазов пожал плечами. – Наука подтвердила факты присутствия на Земле гостей из космоса. Есть неопровержимые свидетельства. А вы с Кайриным и Шоном предлагаете мне поверить, что обитатели Палестины, считавшие планету плоским диском, сохранили правдивые истории? И сюда на остров приплывали смельчаки для религиозного припоминания всех этих трагических событий. Они забирались в эти голые скалы, бродили, пели гимны, а потом возвращались по домам на большую землю.

– Осталось совсем немного, – поторопил Кайрин, – сразу за каменной грядой обитель. Идёмте.

Без машины времени и волшебных порталов друзья оказались словно в другом тысячелетии. Они поднялись на скалистую вершину и смело шагнули в самое сердце острова. Двенадцать столетий назад здесь проходила граница христианской Европы. Дальше был только безбрежный океан, необитаемая пустыня и невидимые дороги: одна вела к земле блаженных, вторая – к входу в преисподнюю. Путешественники потеряли дар речи. Перед ними, будто наполовину вырос-

шие из гранитного панциря скалы, поднимались шарообразные своды монашеских келий.

Могло показаться, что это улы, построенные гигантскими пчёлами, собиравшими мёд младенцу-Зевсу.

Руины церкви Архангела Михаила, с единственной сохранившейся алтарной стеной; высокий, между причудливыми сооружениями, каменный крест; ближе к крутому обрыву, над самым океаном, трапециевидная оратория – всё было обнесено широкой стеной. Сквозь узкий проход друзья вошли в древнюю обитель.

– Неужели здесь жили нормальные люди? – Остроглазов недоверчиво осматривал монашеское поселение. – Я много повидал и отлично понимаю, что человек умеет приспособиться в местах, где даже птицы не станут вить гнезда, а черепаха не отложит яйца. Но чтобы по свободной воле заточить себя в такой отчаянной глуши – это, простите, надо или иметь безумную идею, или придумать специальные зарюки.

– Ирландские аскеты – одни из самых строгих подвижников мира, – с гордостью в голосе заметил Келсмен.

– Суров их Бог, – Иван начал ловко забираться на покатую стену большой кельи, – зачем от такого нужно прятаться незнамо куда? Что здесь? Холод, дожди, вечный сквозняк с океана. В этих каменных шатрах, судя по всему, даже печек не ставили. Топили по-чёрному, как наши якуты. Вот откуда дрова или торф привозили, непонятно. На острове ни деревца, ни болотца. С большой земли, разве только, на лодках? Но морока приличная. А как с водой для супа, чая и умывальника? Серж, расскажи, если знаешь.

– Всё было продумано, – Кайрин стоял около первой кельи, разглядывая узкий проём и поперечную верхнюю балку входа. – Здесь, наверху, есть один источник. Из самых недр скалы в его чашу поднимался столб пресной воды. Второй ключ внизу, ближе к южной бухте. Там воды должно быть больше, но она не такая чистая.

– Да-да, её монахи и пили, в ней варили овсянку и овощи, если вообще здесь готовили, – Брига уже достала блокнот и быстрыми штрихами зарисовывала каменные дома-улы, – а мылись прямо в океанских волнах.

– Именно так и обстояло дело, – присоединился Келсмен. – Ещё известно про обычай наших монахов погружаться по самое горло в проточные воды или море. Стояли и пели псалмы.

– Иноки боролись с искушениями и страстями, – сестра перевернула лист и начала новый набросок. Теперь её интересовал высокий крест.

– Сражались и принимали солёные ванны, понятное дело, – Остроглазов спрыгнул с полусферической кельи на землю, – внутри человека и снаружи должна быть стерильность. На египетских просторах монашествовать куда приятнее: тепло, и река Нил, если не нарываться на крокодилов, сойдёт в качестве бесплатного душа.

– В X веке здесь тоже было солнечно, – Сергей Наркисович уже вошёл во вторую келью, и его несколько приглушённый голос доносился из сумрака каменной постройки. – Пока Гольфстрим не изменил направление, на всём юго-западном побережье держался довольно тёплый климат. На Дингле вызревал виноград и резвились дельфины. Но потом резко похолодало. Фрукты и винные ягоды вымерзли, а дельфинов теперь можно лишь изредка увидеть на самом западе полуострова, около бухты святого Брендана. Правда, когда мы ночевали у Крөгана, я их не приметил.

– Они спрятались. Зачем им австралийский репортёр с русскими корнями? – Остроглазов уже залезал на платформу к высокому распятию. – Эти монахи тоже решили сбежать от морозов?

– Не бежать, а переселяться, – Брига продолжала рисовать, – монастырь основал дальний форпост. Милях в двадцати, если плыть на юг. Его называют Баллинскеллигс. Здесь оставались самые смелые. Такие суровые условия не снились даже аскетам в швейцарских Альпах. С октября по апрель ни одна лодка не приставала к Скале. Что у них было к ужину? Понятия не имею.

– Да тут полно всякой провизии, – Иван с восхищением трогал крест. – Вырубить из камня такую штуку слабаку не под силу. Чтобы работать, пришлось твоим коллегам наловчиться добывать насущный хлеб или глупую птицу. Если чаек, бакланов и тупиков прикормить, то рано или поздно вся доверчивая живность острова станет пунктуально собираться на монашеские завтраки. Тогда хорошим веслом уйму пташек за один присест уложить проще простого. Вот свежее мясо на обед. Пух и перья в продажу. Можно на виски и шоколад менять.

– Острый, как тебе не совестно? – сердито затараторил Келсмен. – Ни виски, ни тем более шоколада в X веке знать никто не знал. И вообще, отойди от распятия! Оно здесь вторую тысячу лет стоит. Не дай Бог заденешь и свернёшь.

– Не бойся, Шон О’Хини, этот крест продолжит свою молчаливую миссию, – Иван слез с платформы, начал обходить большую ораторию. – Смотрите, здесь тоже кресты. Правда, поменьше. Кажется, старое кладбище.

– Здесь всё старинное и малоисследованное, – Кайрин вышел из кельи, – кстати, друзья мои, любопытно, как спали местные анахореты? Такое впечатление, что над землёй внутри улья был второй ярус, а пол келий застилал выделанными кожами или выкладывали мхом. На окрестных скалах его немного, но собирать можно. Место для печи в этом помещении я не обнаружил. На самом верху проделано прямоугольное отверстие. Возможно, для освещения или такая вентиляция, вытяжка дыма от костра. Непонятно. Кстати, на нашем острове быстро темнеет. Солнце уходит за край океана, набегают тучи, и белый сумрак опускается на острие Южного пика. А где, кстати, сестра Брига?

В это время монахиня заглянула в третью келью. Прошла под массивной плитой входа, сделала несколько шагов и оказалась посередине зябкого, пропитанного солоноватым и травянистым привкусом жилища «средневековых мучеников веры». Именно так Брига называла суровых мужчин, оставивших зелёный мир равнин и гор Ирландии ради, как ей казалось, «мрачного уединения». Сестра смотрела в единственное окошечко под самым потолком кельи, и ей становилось тревожно от ощущения присутствия рядом какой-то тайны.

«Я бы так не смогла, – прошептала монахиня. – И спрятаться в доме от Бога, и Бога в доме прятать – совсем не по мне. Может быть, эти люди знали нечто, навсегда утраченное и недоступное? Спросить теперь не у кого, значит, и незачем».

Брига прислушивалась к печальному завыванию ветра, в котором ей слышались знакомые голоса. Или это кричали чайки?..

– Совсем небольшой был храм, – Келсмен внимательно осматривал руины церкви, – больше тридцати человек сразу и не уместится. А где находился вход с нишами для белых кварцев и чашей, в которой вода к святой мессе превращалась в вино? Как жалко, что ничего не сохранилось.

– Странно, как эти постройки вообще дожили до наших дней, – Остроглазов заглянул в стрельчатое окно, присвистнул: – Красота! Перед нами птичий остров, а позади скала. Мы в церкви, где ветру даже пыль не погонять. Всё давно выдуло: людей, книги, прошлое, настоящее.

– Разве? Острый, ты сегодня сам живой свидетель, – Кайрин тщательно фотографировал Малый Скеллиг, – монахи ушли, но осталось суровое очарование, если хочешь, мистика этого места. Их молитвы, страхи и надежды. Всё перед тобой.

– Камни вижу, лестницу, колодец, постройки, кресты. Вот там, – Иван махнул рукой в сторону малой оратории, – стена, за которой обрыв и скалы. А здесь ничего не осталось. Если бы твои аскеты пасли коз, выращивали овощи, мололи зерно, резали по кости или ткали сукно, то жизнь на острове до сих пор продолжалась бы, несмотря на гольфстримы и холода. А когда только песни поют или под лучину глаза над книжкой портят, толку мало.

– Они молились, – негромко произнесла Брига. Она уже покинула келью и теперь тоже любовалась видом Малого Скеллига. – Говорить с Богом, поверь, Иван, трудное дело. Лечить, обучать и молиться не просто. Ты всегда как на границе трёх миров: своего, Божьего и чужого. Лечишь тело, чтобы жил дух, молишься духом о здоровье тела, учишь упрямого человека думать и понимать, а в молитве хочешь скрепить все свои надежды, найти опору. Когда получается – радуешься, если нет – унываешь. Я даже могу затосковать. Но не стану.

– Так что с едой? – Остроглазов вернулся к прежней теме. – На голодный желудок никто не тоскует. Трудности следует преодолевать.

– В смысле? – монахиня недоумевающе смотрела на Ивана. – Какие могут возникнуть трудности?

– Самые обычные, предсказуемые, – Острый спугнул любопытную чайку и теперь поднялся на стену, отгораживающую церковные руины от нижнего сада, – без хорошего обеда ничего не вылечишь и ничему не научишь. Так я и не понял, чем промышлял здесь странный народ. Хотя это неважно. В конце концов, мы забрались сюда по другому вопросу. Серж, ты говорил про тайный подземный ход, тоннель в сокровищницу кельтских вождей. Или нечто похожее. Нужно искать не что, а из чего эти ребята ели и пили: золотые кубки, серебряные приборы и прочие предметы благочестивых излишеств. Например, перстни с драгоценными камнями.

– Полегче, приятель, – Келсмен неодобрительно смотрел на Ивана, – о чём ты говоришь? В таких бедных обителях вся посуда была глиняная или деревянная. Только котлы и кастрюли делали из железа, реже меди. Ели руками, а пили из простых кружек.

– Тогда разыскиваем украшения, – не унимался Иван, – должны сохраниться старинные кресты, шкатулки для священных останков с инкрустацией на крышках. Не зря же мы сюда с другого конца планеты добирались?

– Если тайник вообще сохранился, то нужно рыть около малой ора­тории, – Сергей Наркисович решительно повернулся в сторону самой удалённой монастырской постройки, – давайте, пока ещё светло и океан не нагнал штормовых туч, попробуем найти некое подобие входа в сокровищницу.

Друзья поднялись к верхней, последней келье, перелезли через полуразрушенную ограду и, разойдясь в разные стороны, начали поиски засыпанной щебнем, каменной крошкой двери или люка.

– Серж, – через три минуты раздался голос Келсмена, – здесь всё так плотно утопано, что на подземные помещения не вижу даже намёка.

– Совершенно точно, – за фасадом ора­тории загудел голос Остро­глозова, – такое чувство, словно скала росла из океана, а её вершину взяли и срезали, чтобы построить эту церковь. Можно попробовать копать, но ни кирки, ни заступа мы не припасли. Руками много не на­ворочаешь.

– Неужели здесь никто и ничего после переселения монахов на боль­шую землю не искал? – Брига стояла возле ора­тории и задумчиво раз­глядывала каменные плиты. – А вдруг вход, который мы ищем, там, внутри? Помнишь, Серж, старик Кроган рассказывал про серебряную лужку, которую он здесь нашёл?

– Конечно, – Кайрин осматривал тропинки, огибавшие построй­ку. Они смыкались около западной стены. – Ещё известно, что вплоть до XVII века сюда приплывали лодки с паломниками. Потом реже, но на день Архангела в сентябре и на Пасху весной всегда кто-то бы­вал. А когда в прошлом столетии поставили маяки, так и того чаще. Не уверен, велись ли здесь подробные раскопки или от случая к случаю под камни заглядывали любопытные туристы.

– А «чёрные археологи» высаживались? – Иван подошёл к журнали­сту. – Могли они найти монашеский клад?

– Наверяд ли, – опередив Кайрина, ответил Келсмен.

Отчаявшись свернуть торчавший валун и разобрать нагроможде­ние базальтовых осколков, Шон присоединился к друзьям:

– Здесь ничего нет, а если и было, то уже надёжно замуровано.

– Возможно, само ушло под землю, сгнуло, – заметила Брига, – так случается. Наследие, в этом мире уже никому не нужное, однажды поглощают недра, и оно или безвозвратно исчезает, или лежит до опре­делённого срока.

– Может быть, время уже пришло? – Иван примостился около входа в ора­торию. – Пора нам уже что-нибудь найти. Не возвращаться же с пустыми руками? Серж, давай свой запасной план.

Глава 22 Южный пик

Иван, испытывающий какую-то детскую весёлость, даже азарт, предложил развести в одной из келий костёр: «Давайте разберёмся и поймём: как и куда выходил дым, когда монахи варили суп из мидий?» Потом ему пришла идея зажечь в малой ора­тории свечку: «По пламени можно понять, откуда тянет сквозняком. Там вполне может оказаться лаз в подземелье или потайная комната».

Ни свечи, ни дров для костра поблизости не нашлось. Сумерки мед­ленно затворяли густой сентябрьский вечер. Холодало.

Кайрин достал из рюкзака тетрадку, присел на камень около входа в малую ора­торию и вновь начал перечитывать Завещание. Ему каза­лось, что за суровыми поэтическими строками скрыт особый смысл. Журналист предполагал наличие таинственной связи между докумен­том и местом, которое имело отношение к его составлению.

«Не зря же, – рассуждал Сергей Наркисович, – христиане верят в то, что душа умершего первые девять дней после смерти находится в мире живых, прощаясь не только с близкими, но и со страной, зем­лями, где жил человек? Для новопреставленного человека всё важно и памятно. И кулдеи нарисовали карту скитаний своих общин, топо­графию святых, словно навсегда покидали этот мир, а перед этим про­щались с ним. Карта, даже в таком виде, сама по себе уже и есть ключ к истории наследия. От нас всё время ускользает нечто совершенно простое, но очень важное».

Журналист прочитал вполголоса:

– Святой Брендан рассказал Колумбе о Скале на южной око­нечности нашего острова, где со времён Патрика силы зла свя-

заны святым Архангелом Михаилом. Он поведал: когда Патрик изгонял змей и языческих демонов, почти всё проклятое и ничтожное покинуло Ирландию, приняв Христу как своего Спасителя. Оно ушло на запад в сторону Островов блаженства святых. «Так устроен мир Божий, – говорил Мореплаватель, – именно в западных областях океана находятся и земля, уготованная праведникам, и вход в преисподнюю. А эта Скала – последний форпост, сдерживающий возвращение врагов на изумрудный берег Ирландии».

– Друзья, – обратившись к спутникам, решительно произнёс Кайрин, – мы с вами на самой крайней точке обитаемого мира. По крайней мере, полторы тысячи лет назад дело обстояло именно так. Здесь заканчивается цивилизация и начинается хаос.

– Боюсь, Серж, ты сильно ошибаешься. Вы только полюбуйтесь! – воскликнул Келсмен, указывая в сторону Малого Скеллига. – Похоже, к нам идёт большая лодка. В бухте Портмэджи такого судна точно не было.

– Да, там только рыбацкие шхуны и стояли, а это... – Остроглазов навёл на приближающуюся посудину свой походный окуляр. – Целый корабль! И труба повыше, и дым погуще. Может быть, военные или береговая охрана?

– Откуда здесь взяться армейским? Дай, посмотрю, – монахиня протянула руку за подзорной трубой.

– В Ирландии, сколько помню, только сухопутные части, – Кайрин тоже напряжённо вглядывался в приближающуюся лодку, – даже военная полиция не обзавелась своим флотом. Видит ли кто флаг или опознавательные знаки на корме?

– Нам отсюда не разглядеть, – Брига передала Кайрину трубу, – убедись сам. Можно подумать, что владельцы лодки намеренно скрывают свою административную принадлежность. Конспираторы, одним словом. Похоже, больше здесь делать нечего. Пора возвращаться обратно. Или ты собрался подняться на Южный пик?

– Пик – наша последняя надежда на этом острове, – ответил тот, – если и там пусто, то придётся следовать совету Мюрджен и тому параграфу в Завещании, который указывает на русский северо-запад. Но сейчас отправляться в Россию – совершенное безумие.

– Опять твоя новая подруга, – монахиня недовольно покачала головой, – нельзя доверять первым встречным, тем более историкам, которые уверены, будто наука о прошлом способна объяснить настоящее.

– Симпатичный историк иногда вполне убедителен, – Остроглазов хитро улыбался, – а что, Серж, твоя дублинская приятельница, с которой мы так и не познакомились, леди приятной наружности?

– Вполне симпатичная, – Кайрин прокашлялся, – но я, Ваня, обсуждал серьёзные вопросы. И времени, кстати, как и сейчас, было в обрез. Предлагаю не мешкать и подняться на пик. Невелика вероятность, что там найдётся хоть нечто существенное, хотя шанс есть. Помните, в тетрадке запись: «Остров, о котором Я говорю, древняя Скала. Она была от сотворения мира. К её утёсам приставал ковчег Ноя в первый год Потопа, издревле в облики гнездящихся морских птиц на ней обитают безгрешные души умерших младенцев. Там устройте башню наблюдения за границами вашего предела. Пускай это будет келья на одного монаха, часовня для молитв и ночных бдений».

– Тогда полезли. Чего топтаться на месте? – Келсмен решительно развернулся в сторону каменной лестницы, по которой два часа назад они спустились в монастырь, и зашагал.

Путешественники быстро оказались в Седле Христа, но здесь их ждала неожиданная встреча. На груди огромных валунов сидел Крошка Цахес из Падерборна.

– Ищете здесь Господа? – карлик снисходительно ухмылялся. – Всем нужен Бог. Так ведь? Как без божества сочинять кантаты, путешествовать, строить дома и рожать детей? Про вулканологов и дегустаторов вин я даже вспоминать не стану. Куда нам направиться, испарись Он?

– Мне не нужен, – Иван буравил Цахеса взглядом, – я всё пробую на зуб, то есть исследую, и пока аргументов в пользу того, что существует некий сверхразум, мне не встречалось. Печально осознавать, что человек – это конечная точка, последний рубеж развития интеллекта и воображения. Если мы придумаем искусственный разум, который обыграет чемпиона мира по шахматам и напишет ноктюрн изящнее Листа, даже тогда он останется продуктом наших мозгов. Религия, которой профессионально занята моя спутница, – Острый с тревогой посмотрел на монахиню, – про другое. Она о чувствах и нехватке отцовства. Мне довольно того, что есть. Искать родителя на небе не собираюсь. Осматриваюсь вокруг. Исследую мир. Да и тебе не все равно. Стал бы ты срываться из Падерборна и тащиться на край света ради четвёрки странных путешественников?

– Многие изучают мир, – карлик скептически усмехнулся, – мало кому это занятие приносит счастье. Иногда мелькнёт призрак свободы, да исчезнет. Кому-то нравится добро, представляющее иным наоборот. Но разные полюса притягиваются друг к другу. И зло всегда льнёт к тому, что по недоразумению считают благом. Хотя, на самом деле, враг человека не конкретное лицо, а скорее принцип действия, если угодно – поведения. Наши коллеги, исследователи Книги Зогар, считают, что в основе природы зла лежит гнев Божий.

Само по себе зло – не что иное, как отсутствие бытия. Ложное бытие. Точнее, вообще небытие. Дырка в сыре. Без ломтя сыра она не существует. Ничего не значит. Уберите из Евангелия сатану, и что останется от Христа и Его миссии! Всё поплывёт. Но я здесь из-за вашего манускрипта. Точнее рисунка в нём. Ты думаешь, напоил привратника ромом, и тот весь день беспечно прохрапел в церковном притворе? Вот уж дудки! Мне удалось подсмотреть, как этот высокий джентльмен, – он кивнул на Кайрина, – разглядывает станицы тетради. Среди множества набросков я увидел там колокол Куалана⁹⁴! Всё встало на свои места. Если вам известно истинное место хранения колокола, то мне необходимо дышать в ваши спины и топтать за вами по пятам. Только в подземелье тащиться пришлось. Крыс терпеть не могу.

– И что это значит?! – Келсмен подтянул лямки рюкзака – нам некогда болтать. Как вообще ты здесь оказался? В море, кроме нашей «Глории», ни единого судёнышка.

– О, не беспокойся, любезный Шон, – Цахес уже раскуривал короткую пенковую трубку, – я на этих скалах давно вас поджидаю. Думал, доберётесь быстрее. Но, видимо, Ирландия отвлекла смелых путешественников. Мне, как Роберту Брюсу⁹⁵, спешить не пристало.

– При чём здесь Брюс? – тихо спросила Кайрина монахиня.

– Не знаю, но, вероятно, наш гость имеет в виду остров Ратлин у побережья графства Антрим, – ответил Сергей Наркисович. – Там есть пещера святого Брекена*, в которой одно время прятался Брюс.

– Именно! – Крошка Цахес даже вскочил с валуна. – Только это не пещера Брекена, а каменный грот, в котором Брекен вырыл колодец. Шотландский король именно в ней разгадал тайну паука, плетущего свою сеть. Вы тоже пытаетесь разобраться в хитросплетениях древнего наследия, не понимая того, что в мире все должно оставаться как прежде сложилось. Или становиться хуже, потому как «хуже» – это значит правильнее и логичней. Какого Анубиса вы притащились на Скалу? Немедленно отдавайте тетрадку! Нам нужен подлинник колокола Куалана!

– Серж! – нарочито сурово воскликнул Иван. – Что ты стибрил у этого малыша в Падерборне? Кто такой Куалан?

– Полная ерунда, – пробормотал журналист. – Не понимаю его. Колокол святого Куалана отлили еще в VII столетии. Он имел славу «колокола правды». Обличённые при его звоне лжецы и клятвопреступники теряли дар речи и могли умереть. Но самое поразительное в том, что колокол был напрямую связан с Синодом кулдеев 1111-го года в аббатстве Гленкин Каоин. Это местечко называется теперь Борисолле, что в графстве Типперэри. Друзья Бо-

* Святой Брекен – ирландский святой, VI век.

жьи собрались там для обсуждения вопросов церковного устройства после английской оккупации Ирландии. К несчастью, колокол пропал. Его спрятали в стволе большого дуба и случайно обнаружили только в XVIII веке. Сейчас он в Лондоне. Боррисольская община имеет только копию с него. Да и кому он вообще нужен?

– Похоже, ребятам из Германии, – Келсмен внимательно следил за Цахесом, – посмотрите, как разволновался наш гость.

– Ты нас проглотитишь? – уточнил у коротышки Иван, – или скормишь местному Левиафану?

– С вами сегодня же разберутся, – карлик зло сжал кулаки, – святыня Куалана – это вам не глупая магия! Колокол должен работать, избличать проходимцев и лжецов. Особенно из нынешних политиканов. Он нужен Новой Европе. А в Лондоне выставлена подделка. Подлинник колокола, скорее всего, здесь, на Скале. Он пропал ровно после провала кулдейских реформ. Рим медленно пережёвывал ирландскую церковь, но истинные патриоты успели его спасти. Для вашего брата всё это – весёлая прогулка за антиквариатом, а мы ищем подлинные артефакты и доказательства.

– Позволь, дружище, – Иван недоумённо вперился в карлика, – если я ничего не путаю, ты вообще-то немец. Какие такие патриоты?

– Я кельт! Самый натуральный! – маленький человек взобрался на обломок скалы и сверху вниз гордо смотрел на удивлённых друзей. Глаза его сверкали. – Мои дальние предки из рода племён Богини Дану. А родители, к несчастью погибшие вместе с великим Майклом Коллинзом⁶, – рыцари ИРА*. Наша борьба в самом начале, а для неё нужны не только автоматические винтовки, но и древние святыни нации.

– Ну хорошо, – примирительно начала Брига, – чего ты хочешь от нас? Монастырь мы весь осмотрели. Пробовали копать, переворачивали плиты, заглядывали в самые немислимые лазейки. Нет здесь никаких тайников и подземных лазов. Остаётся только Южный пик. Но скоро стемнеет, и лодка уйдёт в Портмэджи.

– Ерунда! – Цахес упрямо тряхнул своей большой головой, – вы молодцы. У вас быстрые ноги и много сил. Эти двое, – он указал на Острога с Келсменом, – так отплясывали вчера, что даже рыбаки диву давались. Успеете. А вот это вас вдохновит!

В следующую секунду карлик расхохотался и из внутренних карманов кургузого пальто молниеносным движением вытащил два стареньких револьвера Уэбли.

* ИРА (англ. Irish Republican Army) – Ирландское революционное движение.

– Тихо, тихо, дружище, – загоразивая спутников, вышел вперёд Кайрин, – убери оружие. Мы и так собирались подняться на пик. Не усложняй ситуацию. Можешь пойти с нами. Перевернёшь там камень за камушком. Найдёшь колокола, посохи, скарини, мощевики. Все сокровища в твоём распоряжении.

– Не заговаривай мне зубы! – карлик насторожено переводил взгляд с одного путешественника на другого. – В гору полезете сами. Все находки – мои. В обмен на жизнь вашего дружка Тэда и его команды. За свободу надо платить. Не двигаться! Разряжу барабан!

Последнее взвизгивание было обращено к Остроглазову: Иван решил обойти Цахеса сбоку.

– Ладно, не ори как резаный, – остановился Острый, – поднимемся мы на твою гору. Но учти, если я найду там волшебный жезл или похожую штуковину, то испепелю тебя до самых ботинок.

Крошка Цахес внимательно осмотрел свои остроносые туфли. Хмыкнул, и револьверами, которые на четверть удлиняли его коротенькие ручки, указал в сторону холодной громады пика.

Едва различимая тропинка почти отвесно взбиралась вверх. Ни плотно подогнанных плит, ни крошечных протоптанных участков, на которых можно было остановиться, передохнуть, поправить снаряжение, или площадки для фотографирования – не было ничего. Друг за другом, стараясь попасть взглядом в запечатлённый отпечаток шага идущего впереди товарища, опираясь на острые, торчащие по краям тропки каменные глыбы, не рискуя даже оборачиваться назад, друзья добрались до Игольного ушка. Две огромные, вертикально стоящие

плиты состыковались так плотно, что в образовавшуюся между ними щель едва мог протиснуться человек среднего роста и невеликой комплекции. Первым через Ушко полез Кайрин. Рюкзак с фотокамерой он оставил снаружи, а когда оказался по другую сторону этого базальтового портала, то втащил и его. За Сергеем Наркисовичем последовали Брига, Келсмен и в завершении протиснулся сердитый Остроглазов.

– Уф! Безобразие, – потирая оцарапанное плечо, бурчал Иван, – насилие выбрался. Неужели за сотни лет, по крайней мере, когда ещё не приспичило бежать на материк, нельзя было прорубить нормальный проход? Всё равно делать особо тут нечего. Взяли бы монахи кирку и по очереди долбили породу. Как они на вершину через эту расщелину переносили строительные материалы? Или добавлять себе приключения – часть духовного плана? Кто мне объяснит причину такого странного названия – Игольное ушко? Почему не шаманский бубенчик или утиный свисток? Вот карлик бы здесь прошёл, не двинув плечами. Только револьверы бы его брякали.

– Острый, каким ворчливым и нудным ты иногда бываешь, – Брига нетерпеливо слушала друга. – Ирландские монахи называли эту теснину Игольным ушком по аналогии с евангельскими Игольными ушами – воротами в Иерусалиме, через которые верблюд проходил легче, чем богатый купец мог попасть в Небесное Царство. Аллегория такая. А Крошка Цахес просто трус.

– Честное слово, сестра, лучше бы ты ничего этого не говорила, – Иван отряхивал куртку и брюки, – про щёлку для нитки в иглке мне ясно, но зачем к простому сравнению приплетать богатых верблюдов? Несчастные создания.

– Ты ничего не понял, – монахиня решила объяснить Остроглазову суть библейского образа. – Уши – это чрезвычайно узкие ворота. С верблюда, чтобы он мог через них протиснуться, погонщики снимали поклажу. Только так животное попадало в город. А богатый человек, по этой логике, соберись он в Небесное Царство, должен сбросить груз своего богатства, тогда он беспрепятственно и входит. Понятно?

– Не совсем, – Иван развязал свой рюкзак, достал дорожную фляжку, – вещички оставляем здесь, а этот запас я на всякий случай прихватчу. Мне, сестра, не ясна судьба мешков, которые сняли с вьючных животных. Имущество богачей, ясное дело, не пропадёт, а что погонщики с верблюжьим грузом делать станут? Нищим раздадут или в своей артели оставят?

– Да это не важно, – Келсмен поставил рядом свои вещи, – аллегория тем и хороша, что намекает простыми образами на сложные истины. Хотя под дулами пистолетов протиснешься куда угодно.

– Всё бы вам, ирландцам, намекать да туманно выражаться, – спорить Остроглазов не стал. – Серж, сгружай сюда свою котомку. Оставим, как ваши верблюды, весь скарб здесь, и вперёд, к небесам.

– Дайте минуту, – Кайрин примостил рюкзак рядом с вещами друзей, – прихватчу фотокамеру и тетрадь. Налегке забираться проще. И необходимо накрыть наши пожитки плащом, а по краям придавить камнями. Ветер налетит, не ровен час, ливень хлынет или снег пойдёт.

– Здесь даже птиц нет. Странное место, – Брига испытующе осматривалась.

– Все пернатые превратились в невидимых существ. – Иван укрывал вещи друзей, – чайки перекинулись в светлых ангелов, тупики – в мрачных демонов.

– А бакланы? – поинтересовался Келсмен, раскладывающий булыжники по периметру самодельного покрова.

– Понятия не имею, – равнодушно ответил Острый. – Может, превратились в бесцветных духов.

– Полнейший бред, – заключила монахиня, – пора двигаться.

– Вперёд, ваше здравомыслие! – Остроглазов пропустил Бригу вслед за Кайриным и Шоном. – Наши смельчаки проторят тропинку, а если ты оступишься, я с радостью тебя подхватчу.

Поднявшись выше Игольного ушка шагов на двадцать, монахиня вдруг почувствовала сильное головокружение. Ноги словно налились расплавленным свинцом, во рту пересохло. На мгновение Бриге показалось, что тяжёлое небо, набухшее ледяным дождём в нижних и колючим снегом в верхних слоях, рухнет прямо на неё. «Вот и картинка к истории встречи Александра Македонского с кельтскими жрецами, – мелькнуло в голове сестры. – Теперь понятно, чего боялись галлы и не понял Александр⁹⁷: небо – единственное творение, которым Бог наказывает человека. Оно может внезапно упасть. А здесь, между грозвыми облаками вверху и мрачным океаном внизу, довольно жутко. Скала не корабль, но укачивает меня, словно стою на палубе».

В этот момент она потеряла сознание, и если бы не подоспевший Иван, монахиня могла разбиться об острые камни. Он подхватил Бригу, положил на отшлифованную ливнями и ветрами гранитную плиту.

Кайрин с Келсменом, забравшиеся шагов на пятнадцать выше, обернулись и бросились обратно к друзьям. Шон взволнованно положил куртку под голову спутницы, а Сергей Наркисович осторожно расстегнул воротник накидки сестры и стал растирать ей ладони.

– Спокойно, добрые рыцари, держите себя в руках, – Острый мгновенно извлёк из кармана фляжку с ромом и отвинтил крышку-станчик. – В деле воскрешения немощных монахинь вся римская инк-

визия не придумала ничего лучше, чем смогли это сделать жители свободной Ямайки. Ну-ка, ваше святейшество, совершим дружно один большой глоток.

Он поднёс наполненный колпачок к губам Бриги:

– Давай, Бригочка! Бетти! Пей за римскую маму, за независимость республики, в честь победы разума над суеверием всяческих Цахесов!

Сестра разомкнула губы, и добрый глоток терпкого напитка был сделан. Щёки ее в секунду порозовели, она открыла глаза и слегка закашлялась.

– Вот и чудесно! – довольный Иван приподнял голову монахини. – Рок шепчет страннику, что надвигается шторм, а странник бормочет в ответ: я и есть шторм, только дайте мне немножечко выпить. Всё в полном порядке. Кайрин с Шоном уже готовы поднять тебя на вершину. Как я сам не догадался хлопнуться в обморок? Поили бы сейчас и носили на руках.

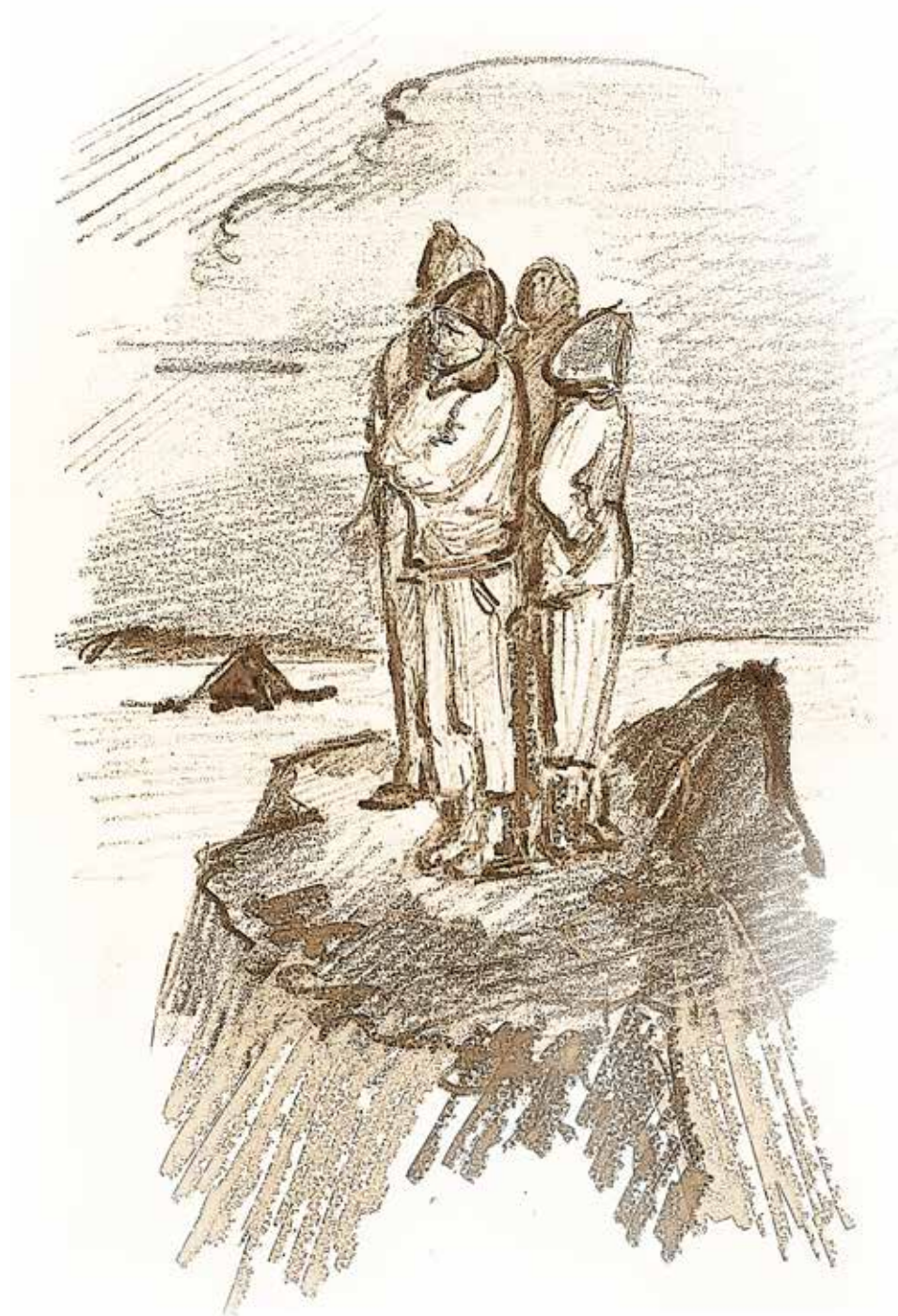
– Сестра, как ты себя чувствуешь? – Кайрин бережно держал маленькую бледную руку Бриги. – Давай мы с Шоном быстро заберёмся наверх, решим, что там к чему, и вернёмся. Острый пока посидит с тобой. Нам ещё спускаться обратно. Побереги силы.

– Ну уж нет! – монахиня освободила ладонь, решительно встала и, словно стряхивая с плеч невидимый груз, выпрямилась. – Остались сушистые пустыки. Никогда не чувствовала себя так неуклюже на ногах и ясно в голове. Пустите меня вперёд. Ирландки имеют полное право увидеть вход в бездну или дорогу к островам блаженных. Им обычно везёт со вторым. Кстати, Иван, откуда ты знаешь моё детское имя? Не припомню, чтобы говорила его тебе.

– Фантастика! – Остроглазов даже присвистнул. – Если религия и вправду опиум для народа, то мы только что стали свидетелями её безжалостного наркотического действия. Серж, вы с Келсменом забирайтесь первыми, а мы с кельтской принцессой следом. Имя Бетти откуда-то пришло на ум. Может быть, надул ветер этой Скалы. Чудеса растут, как папоротник в огороде. Двигаем дальше.

Чем выше они поднимались, тем холоднее и резче становились порывы ветра. Кайрин помнил о трёх террасах Южного пика. Он осторожно наступал на каждую следующую узкую плиту, проверяя надёжность опоры. Поднимая глаза выше, прикидывал, за какой уступ можно будет, потеряй он равновесие, ухватиться, старался дышать глубоко и ровно.

С большим трудом друзья забрались на первую площадку. Метров десять-двенадцать в длину, ровная, иссечённая дождями, без единой былинки травы или кустика мха, она казалась рукотворной. Журна-

лист нашёл едва различимые остатки каменной стены. Он сделал два фотоснимка. Келсмен сунул в карман камешек древней кладки, а Брига, бережно поддерживаемая Острым, перевела дыхание.

На следующей остановке между обломками скалы друзья смогли увидеть руины крошечной оратории. Терраса оказалась совсем небольшой, и, миновав её, они начали восхождение на самый последний рубеж Скалы Архангела Михаила. Им казалось, что тёмными тучами и слабеющим светом небо уже не нависает, а, наоборот, его чертоги начинают приоткрываться, разбавляя морозящие сумерки нежным фиолетовым сиянием.

Неожиданно ветер утих. Чудилось, будто слышны удары атлантических волн о подножие Скеллига. Где-то там, далеко внизу, негодовал океан, здесь же воцарился почти полный штиль. Семь долгих секунд Южный пик был погружён в молчание, как вдруг резкий и протяжный звук корабельной сирены разорвал тишину, прятаящиеся птицы подняли испуганный крик, а ветер подбросил обрывки пронзительного механического стога к тёмному небу.

На крошечном пятачке, где ещё тысячу лет назад в молитвенном дозоре мог расположиться один из иноков, спиной друг к другу стояло четверо усталых путешественников. Они напряжённо всматривались в морось взбаламученного мира. Фиолетовые цвета исчезли. Сумрак густел. Дождь усиливался.

– Серж! – почти кричал Келсмен. – Куда нам теперь?

– В Англию, Шон! Дорога на северо-запад откроется в Уэльсе и Шотландии, – Кайрин протянул ирландцу руку. – Держись, нам придётся со всем этим разбираться на соседних островах. Нужно только избавиться от непрошенных гостей.

– Отличная идея, Серж, держись за мой локоть, – Остроглазов вплотную придвинулся к другу, – надо выстоять, пока всех не сдуло, а то некому будет гулять по Эдинбургу и Вестминстеру. Жалко, что мы тут ничего не нашли.

– Здесь открывается новый путь, – сестра Брига сжимала кисть руки Кайрина с одной стороны; с другой её крепко держал Острый, – я пока не пойму, куда нам двигаться, но он точно существует.

– Начнём с самого простого, – Сергей Наркисович с тревогой смотрел вниз, на уже сильно размокшую тропинку, – вернёмся на «Глорию», а там видно будет...

Продолжение следует.

Примечания

2 ГЛАВА

¹ Пасхальное восстание – вооружённое восстание, организованное в Дублине во время Пасхальной недели в 1916 году. Ирландские республиканцы планировали воспользоваться участием Великобритании в Первой мировой войне и провозгласить независимую Ирландскую Республику, покончив с британским правлением на острове. Восстание было самым значительным антибританским выступлением в Ирландии.

3 ГЛАВА

² Дингл – полуостров на юго-западе Ирландии, на территории графства Керри.

³ Ардферт (ирл. Ard Fhearta, в пер. «Холм чудес») – городок в графстве Керри. Место рождения св. Брендана. Был известен своим аббатством и францисканским монастырем XII века.

⁴ Камоги – спортивная игра, в которой участвуют исключительно женщины, имеет тесную связь с ирландским хоккеем на траве: играют клюшкой и мячом.

⁵ Луи ле Броки (1916–2012) – популярный ирландский художник.

⁶ Чистилище Святого Патрика – пещера на острове Стейшн посреди озера Лох-Дерг в графстве Донегол, по легенде представляющая собой вход в Иной мир, которую святому Патрику показал Христос.

⁷ Святилище Наут – курган, гробница эпохи неолита, древний археологический памятник, в комплексе Бру-на-Бойн в долине реки Бойн, Ирландия.

⁸ Ватопед – Ватопедский монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы на Святой Горе Афон.

⁹ Иверский монастырь – монастырь на Афоне в честь иконы Иверской Божией Матери.

¹⁰ Святой Силуан – святой Силуан Афонский (1866–1938). В миру Семён Иванович Антонов; известный подвижник Константинопольского патриархата русского происхождения.

4 ГЛАВА

¹¹ Река Казачка – река на острове Сахалин, впадает в Татарский пролив.

¹² Город Варанаси – является одним из известных священных мест паломничества в Индии.

¹³ Утёс Персе – каменистое горное образование, расположенное в заливе Святого Лаврентия, у оконечности полуострова Гаспе (Квебек, Канада).

¹⁴ Капитан Дюваль, или Клод Дю Валь (1643–1670) – французский разбойник. В историю пиратства его имя вошло благодаря незаурядной выдумке, которую он проявил, припрятывая награбленные богатства.

¹⁵ Городок Мурчисон (англ. Murchison) – расположен в 167 км от Мельбурна, Австралия.

5 ГЛАВА

¹⁶ Книга из Келлса (ирл. Leabhar Cheanannais, англ. Book of Kells) – богато иллюстрированная рукописная книга, созданная ирландскими монахами примерно в 800 году на острове Иона (Шотландия). Благодаря великолепной технике исполнения и красоте узоров многие исследователи рассматривают её как наиболее значительное произведение средневекового ирландского искусства. Книга содержит четыре Евангелия на латинском языке. Хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине, Ирландия.

6 ГЛАВА

¹⁷ Святой Колумбан (лат. Columbanus), (ок. 540–615) – ирландский монах, просветитель, церковный поэт, проповедник-миссионер в странах Западной Европы.

¹⁸ Адомнан (Адамнан Ионы), (ок. 624–704). Девятый настоятель монастыря на острове Иона. Автор Жития св. Колумбы. Его перу также

принадлежит трактат De Locis Sanctis («О святых местах»), рассказ о великих христианских святых местах и центрах паломничества.

¹⁹ Ричард Стробель – немецкий археолог, искусствовед XX века.

²⁰ Бестиарии – средневековый сборник зоологических статей с иллюстрациями.

7 ГЛАВА

²¹ Обанкротившееся Общество Иисуса – Общество Иисуса (лат. Societas Jesu) (официальное название), также Орден св. Игнатия (по имени основателя) – духовный орден Римско-Католической церкви, созданный в 1534 году Игнатием Лойолой.

²² Мезинская стоянка – археологический памятник позднего палеолита, ок. 18 тыс. лет до н. э. Территория совр. с. Мезин Коропского р-на Черниговской обл. (Украина). Расположена в приустьевой части Мезинской балки, выходящей в правобережную долину р. Десна.

²³ Мельница Сампо – в финно-угорской мифологии представления о Сампо соотносятся с образом мировой оси, магической силой, являющейся источником счастья и благополучия. В поэме Элиаса Лённрота «Калевала» Сампо представлено в виде волшебной мельницы.

²⁴ Маэлдуйн (Маэлдуйн Мак-Коналл) – король гэльского королевства Дал Риادا, правил с 673 по 689 год. Легенда «Плавание Майль-Дуйна» – древнеирландский текст в жанре «Плаваний», рассказ о путешествии в страну Иного мира. Иногда называется «ирландской «Одиссеей».

²⁵ Фíлид (ирл. Fíli; от welet – «видеть», то есть «провидец») – в ирландской традиции придворный музыкант, помимо исполнения песен, разбиравшийся в законах, традициях (истории) и осуществлявший предсказания.

²⁶ Аларих – вождь и первый король вестготов в 382–410 годах. На заре «Темных веков» разорил большую часть Греции и Италии. Обычно характеризуемый как вождь варваров-грабителей, Аларих был фактически одним из первых христианских монархов.

²⁷ Баварский Лес – средневысотный складчато-глыбовый кристаллический горный хребет на юго-востоке Германии, в системе Чешского массива.

²⁸ Немецкая марка – с VI века так назывался округ, расположенный в определенных границах и заключавший в себе разного рода владения, состоящие как в общинной, так и в частной собственности.

²⁹ Озеро Блатно – нынешний Балатон, озеро на западе Венгрии, крупнейшее в Центральной Европе.

³⁰ Констанцкое озеро – нынешнее Боденское озеро, находится в Предалпах на границе Германии, Швейцарии и Австрии.

³¹ Бриан Бóру (941–1014) – король Мунстера и Верховный король Ирландии (1002–1014), родоначальник династии О’Брианов. Объединил ирландские королевства под своей властью.

³² Остров Скэтерри (Inis Cathaigh; англ. Scattery Island) – остров в устье реки Шеннон, Ирландия, у побережья Килраш, графство Клэр.

³³ Холм Темры (Тара) – длинная возвышенность в Ирландии возле реки Бойн, в 32 км к северу от Дублина, сложенная из известняков. На холме находится множество древних памятников. Тара считается древней столицей Ирландии, резиденцией и местом коронации Верховных королей.

8 ГЛАВА

³⁴ «Лжеисидоровы декреталии» (лат. Decretales Pseudo-Isidorianae) – канонический памятник, созданный в IX веке, который ложно приписывался Исидору Севильскому. В псевдо-Исидоровых декреталиях находятся постановления различных церковных соборов, а также около ста папских посланий, многие из которых подложные.

³⁵ «Константинов дар» (лат. Donatio Constantini) – поддельный документ в форме императорской конституции, созданный, вероятно, в Римской курии между сер. VIII и сер. IX века.

³⁶ Фении – ирландские революционеры-республиканцы второй половины XIX – начала XX века, члены тайных организаций «Ирландского республиканского братства», основанного в 1858 г. Также название обширной ирландской ассоциации, сформировавшейся в 1861–62 гг. и быстро распространившейся как в Ирландии, так и в Америке.

³⁷ Галларус – орастория, христианская церковь, расположенная на западной оконечности полуострова Дингл (VII век).

³⁸ Маргарет Макнейр Стоукс (1832–1900) – известная ирландская писательница, иллюстратор и антиквар. Была первой ирландкой, избранной почетным членом Королевской ирландской академии и Королевского общества антикваров Ирландии.

³⁹ Финниан Мовильский (Finnian of Movilla), (495–589) – ирландский святой, монах, проповедник христианства в Ирландии, учитель Колумбы Ионского.

⁴⁰ Каролингская империя – европейское государство, существовавшее в IX веке. В его состав входили территории Франции, Германии и Италии, а также ряда других современных государств Европы.

⁴¹ Карл Великий – Карл I (742–814) – король франков с 768 года, король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года. Основатель империи Каролингов, впервые после падения Римской империи объединивший большую часть Западной и Центральной Европы.

9 ГЛАВА

⁴² «Мабиногион» – самые ранние британские прозаические рассказы, созданные, в основном, в средневаллийский период (XIII в.), относящиеся к истории Британии.

⁴³ Бен-Балбен (англ. Ben Bulbin; ирл. Binn Ghulbain) – столовая гора в Ирландии. Находится в графстве Слайго, на северо-западе Ирландии. Высота составляет 527 метров.

10 ГЛАВА

⁴⁴ Розенкрейцеры – теологическое и тайное мистическое общество, по легенде основанное в период позднего Средневековья в Германии неким Христианом Розенкрейцем; иллюминаты – название различных объединений оккультно-философского толка и мистического характера.

⁴⁵ Херефордшир – церемониальное графство на западе Англии.

11 ГЛАВА

⁴⁶ Клонмакнойз (ирл. Cluain Mhíic Nóis – «Лука сыновей Носа», англ. Clonmacnoise) – кельтский монастырь, основан в 545 году святым Кираном. Расположен в графстве Оффали, Ирландия, на реке Шэннон. Является кандидатом на включение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

12 ГЛАВА

⁴⁷ Декан Свифт – известный большинству как автор «Путешествий Гулливера», Джонатан Свифт был деканом (настоятелем) собора Святого Патрика с 1713 года до своей смерти в 1745 году.

⁴⁸ Третий Лорд Эдвин Ричард Уиндем-Куин, 3-й граф Данрейвен и Маунт – Эрл (1812–1871) – был британским пэром, членом парламента и археологом. Лорду Данрейвену приписывают «закладку основ надежной школы археологии» в Ирландии.

⁴⁹ Таллахт (Талла), (англ. Tallaght; ирл. Tamhlacht) – крупнейшее монастырское поселение VIII века на юге Дублина.

13 ГЛАВА

⁵⁰ Замок Рашен – средневековый замок (X век). Расположен в Ирландском море, в исторической столице острова Мэн – Каслтауне. Является одним из лучших образцов средневековых замков в Европе и до сих пор используется в качестве музея и образовательного центра.

⁵¹ Сердечник броневой снаряд – броневой снаряд состоит из сердечника для ствольного оружия, материалом для которого служат металлокерамические сплавы, обладающие высокой прочностью.

⁵² Брессайский камень – найден в 1852 году. Является пиктским камнем-символом с острова Брессай в Шотландии. Датируется IX веком.

⁵³ Оллам – в древней Ирландии Ollam (др.-ирл. – Ollave) – человек, который достиг мастерства в определенном виде ремесла или искусства. Так называли Филлид (ирл. filí – «провидец»), поэтов в средневековой ирландской культуре, хранителей сакральной и исторической традиции.

⁵⁴ Анналы Инишфаллена – исторический источник, повествующий о событиях средневековой Ирландии и описывающий период от 433 до 1450 года. Одним из мест, где работали авторы анналов, было аббатство Инишфаллен (Innisfallen Abbey), находившееся на одноимённом острове на озере Лох-Лин.

⁵⁵ Грануаль из Рокфлита (1530–1603) – ирландская «королева пиратов» знатного происхождения, «ведьма из Рокфлита».

14 ГЛАВА

⁵⁶ Арма (англ. Armagh; ирл. Ard Mhacha) – начиная с кельтских времён – церковная столица Ирландии. Резиденция архиепископов Армы.

⁵⁷ Падре Пио (1887–1968) – священник и монах итальянского происхождения из ордена капуцинов, почитаемый как католический святой. Известен стигматами и совершением чудес.

⁵⁸ Ши (ирл. Sí) – в ирландской и шотландской мифологии – потусторонний мир, населённый туатами, (др.-ирл. «племя, нация»), которых в народе, за место своего обитания, также именовали сидами (sidhe). Это также название холмов, поскольку считалось, что именно в них находится мир сидов. Позже слово стало обозначать некоторый народ, который воспринимали неоднозначно, некоторые видели в них предков, другие – духов природы или богов и богинь.

⁵⁹ Кривикил (Creevykeel Court Tomb) – один из лучших примеров придворной гробницы, сохранившейся в Ирландии. Датируется примерно 3500 г. до н.э. Гробница была обнаружена и раскопана в 1935 году. Памятник расположен на дороге N15 Донегол – Слайго, недалеко от деревни Клиффони.

15 ГЛАВА

⁶⁰ Рорайма (исп. Monte Roraima) – столовая гора в Южной Америке. Расположена на Гвианском нагорье в юго-восточной точке Национального парка Канаима на стыке Бразилии, Венесуэлы и Гайаны. Достигает в высоту 2810 метров.

⁶¹ Распятие Моона (англ. Moone; ирл. Maoin) – деревня в Ирландии, находится в графстве Килдэр. Самая знаменитая местная достопримечательность – высокий кельтский крест с множеством резных изображений.

16 ГЛАВА

⁶² Австралийский фиолетовый шалашник – атласный шалашник, или беседочница – птица отряда воробьинообразных, распространённая в тропических лесах восточной Австралии от южного Квинсленда до Виктории.

⁶³ Уильям Тёрнер (1775–1851) – британский художник XIX века, признанный мастер пейзажного и батального жанров, маринист, выдающийся представитель романтизма в мировой живописи.

⁶⁴ Инис Катэй (Инис Катах), (англ. Scattery Island) – остров в устье реки Шеннон, Ирландия, у берегов Килраш, графство Клэр. На острове находится маяк, разрушенный монастырь, связанный со святым Сенаном.

⁶⁵ Мовилль – аббатство Мовилля (ирл. Mainistir Mhaigh Bhile – «Монастырь равнины древнего дерева»; англ. Movilla Abbey) в Ньютаунарде, графство Даун, Северная Ирландия, было одним из самых важных монастырей Ольстера и Ирландии. Основано в 540 году святым Финнианом.

17 ГЛАВА

⁶⁶ Траппист – католический монашеский орден цистерцианцев строгого соблюдения (лат. Ordo Cisterciensis Strictioris Observantiae), основанный в 1636 году А.-Ж. ле Бутилье де Рансе, аббатом цистерцианского монастыря Ла-Траппе во Франции, получившего название La Trappe от узкого входа в местную долину (Траппа на местном диа-

лекте означает «ступень» или «холм»). Основан как реакция на упадок нравственности и благочестия в бенедиктинском монашестве.

⁶⁷ Великая Шартрёз, Гранд-Шартрёз – католический монастырь во Франции, старейшая и главная обитель монахов-отшельников картезианского ордена.

⁶⁸ Хóстия – евхаристический хлеб. Происходит от латинского *hostia* («жертва»). Используется во время литургии для таинства Евхаристии. В католических храмах уже освящённые хостии, ставшие Святыми Дарами, помещаются в дарохранильницу, располагаемую либо за алтарём, либо в боковом приделе храма.

18 ГЛАВА

⁶⁹ Экзорцист – в католической церкви это епархиальный епископ или назначенный им священник, который получает специальное разрешение для осуществления экзорцизмов – изгнания демонов.

⁷⁰ Мерроу (ирл. *Murúch*) – морское мифическое существо в ирландской мифологии, схожее с морской девой или водяным.

⁷¹ Клоненах (Клоннах), (англ. *Clonenagh*; ирл. *Cluain Eidhneach*) – деревня в Ирландии, находится в графстве Лиишь. Клоненахский монастырь основан преподобным Финтаном во второй половине VI века.

⁷² Комгалл (*st. Comgall*), (516–601) – святой Комгалл из Бангора, почитаемый как один из величайших отцов-основателей ирландского монашества. Бангор в Северной Ирландии был основан Комгаллом в 558 или 559 г. В средние века аббатство было известно как важный центр подготовки миссионеров.

⁷³ Александр Карлмихаель (1832–1912) – знаменитый шотландский фольклорист, антиквар и писатель. Собрал огромное количество фольклорного материала, наблюдений за бытом, исторических данных по всему Шотландскому нагорью. Составитель знаменитого сборника кельтских преданий «Кармина Гаделика».

⁷⁴ Леди Эджуорт - Мария Эджуорт (1767–1849) – английская (ирландская) писательница, эссеист, публицист.

⁷⁵ Патрисия Линч (1894–1972) – ирландская детская писательница и журналистка. Автор около 48 романов и 200 рассказов. Наиболее известна сочетанием ирландской сельской жизни и фэнтези.

19 ГЛАВА

⁷⁶ Терригласс (англ. *Terryglass*; ирл. *Tír Dhá Ghlas*) – деревня в Ирландии, находится в графстве Северный Типперэри (провинция Манстер).

⁷⁷ Остров Стюарт (англ. *Stewart Island*) - третий по величине остров Новой Зеландии. Лежит в 30 км к югу от Южного острова и отделён от него проливом Фово.

⁷⁸ Брэндон Крик (ирл. *Cuas an Bhodaigh*) – село, расположенное на Полуострове Дингл в самой западной точке острова Ирландия.

⁷⁹ Иллаунлоуган (ирл. *Ilalunloughan*) – остров площадью 0,1 га в проливе Портмаги, разделяющем канал острова Валентия от полуострова Ивераг.

⁸⁰ Мартиролог Таллахта – манускрипт, созданный под г. Дублин, в монастыре Талла (ок. 800 г.).

⁸¹ Бру-на-Бойне (ирл. *Brú na Bóinne*) – комплекс из сорока могильных курганов, расположенный в долине реки Бойн, в 40 км от Дублина. Возраст этих мегалитов составляет около 5 тыс. лет, они на тысячу лет старше знаменитого Стоунхенджа и на пятьсот лет - египетских пирамид в Гизе.

⁸² Кроах Патрик (ирл. *Croagh Patrick*) – знаменитая святая гора в графстве Майо. Здесь, по преданию, святой Патрик сорок дней и ночей молился об ирландском народе.

⁸³ Айдан Линдисфарнский (англ. *Aidan of Lindisfarne*; др.-ирл. *Aedán*), (ок. 600–651) – христианский святой, миссионер, основатель и первый епископ монастыря на острове Линдисфарн (восточное побережье Великобритании). Почитается католической, англиканской и православной церквями.

⁸⁴ Колман Линдисфарнский (*st. Colmán*), (605–676) – епископ, святитель. Память 18 февраля. Родился в Ирландии. Был монахом монастыря Иона. После святого Финана в 661 году принял настоятельство и епископство в Линдисфарнском монастыре. Здесь он стал третьим и последним игуменом-епископом из кельтов – его святительство пришлось на поворотный этап в истории церкви Англии.

⁸⁵ Баллиндавид Хэд – мыс на западном побережье полуострова Дингл, графство Керри.

⁸⁶ Мауманориг (*Maumanorig*), или Килколман – место, где находятся остатки средневекового христианского монастыря и Национального памятника, расположенного на полуострове Дингл.

⁸⁷ Буллаун (англ. *Bullaun Stones*; ирл. *bullán*) – термин, используемый для обозначения чашеобразного углубления в камне, которое заполняется дождевой водой. И сам камень принято называть «буллауном».

⁸⁸ Киллелтон – средневековая церковь, национальный памятник в графстве Керри, IX в.

20 ГЛАВА

⁸⁹ Инишкил (ирл. Inis Caoil) – небольшой приливной остров у побережья графства Донегол, Ирландия.

⁹⁰ Ардара (ирл. Ard an Rátha, что означает «высокий форт») – небольшой городок в Графстве Донегол.

⁹¹ Медб (ирл. Meabh; англ. Maeve, что означает «опьяняющая», «употительная») – воинственная королева Коннахта, одна из центральных фигур ирландской мифологии.

⁹² Кольцо Керри (англ. Ring of Kerry) – один из самых известных туристических маршрутов в Ирландии, проходящий по полуострову Айверах на территории графства Керри.

21 ГЛАВА

⁹³ Кромлех – древнее неолитическое сооружение, представляющее собой несколько поставленных вертикально в землю продолговатых камней. Ансамбль образует одну или несколько концентрических окружностей.

22 ГЛАВА

⁹⁴ Колокол Куалана - известен как Bearnan Culan или Glankeen Bell, сейчас находится в Британском музее в Лондоне. Копия в приходской церкви Borrisoleigh (Borrisoleigh), город в графстве Типперэри, Ирландия.

⁹⁵ Роберт I Брюс (1274–1329) – знаменитый король Шотландии и национальный лидер, возглавлявший войну за независимость против Англии. Основатель королевской династии Брюсов. Был вынужден долгое время скрываться в пещере от английских солдат.

⁹⁶ Майкл Коллинз (англ. Michael Collins), (1890–1922) – ирландский революционер, политический и военный деятель.

⁹⁷ «Чего боялись галлы и не понял Александр Македонский» – Брига вспомнила приведённый у античных историков Арриана и Страбона диалог Александра Македонского с кельтскими друидами: «Александр спросил у кельтов, чего они боятся больше всего на свете; он был убеждён, что раз его имя известно в их землях и даже дальше, то именно он и является наибольшей для них опасностью. Его предположение не оправдалось. Кельты ответили, что больше всего они боятся, чтобы небо не упало на землю!»

Содержание

Глава 1. Земля Длинного Облака	3
Глава 2. Завещание Друзей Божьих	21
Глава 3. Сестра Брига.....	42
Глава 4. Острый	52
Глава 5. Сидней.....	64
Глава 6. Регенсбург	83
Глава 7. Вопросы профессора Дерридера	99
Глава 8. Ответы Маркуса	127
Глава 9. Падерборн	149
Глава 10. Подземелье	167
Глава 11. Глаубург	183
Глава 12. Дублин. Мюрджен	201
Глава 13. Разговор в автомобиле	221
Глава 14. Донегол	235
Глава 15. В окрестностях Слайго	253
Глава 16. Клонферт	266
Глава 17. Месса Наследников	291
Глава 18. Дорога на юг	309
Глава 19. Дингл	323
Глава 20. Портмэджи	342
Глава 21. Скеллиг-Майкл	358
Глава 22. Южный пик	377
Примечания	389

Литературно-художественное издание

Александр Юрьевич Шабанов

**Наследники.
Скала в океане**
Роман

Художник – Т.Е. Косач
Корректор – Н.Е. Озерова
Дизайн, вёрстка – И.Ю. Бодалёва

ООО «Издательство «Триада». ИД №06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 514,
тел./факс: (4822) 42-90-22, 35-41-30
E-mail: triadatver@yandex.ru www.triada.tver.ru

Подписано в печать: 00.08.2022. Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. _____. Тираж 217 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»
(г. Тверь, Беляковский пер., 46)